

A-65

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ

Ф. А. Арсеньева.

15278

Второе исправленное и дополненное восемью новыми рассказами издание

Н. Макшеева.

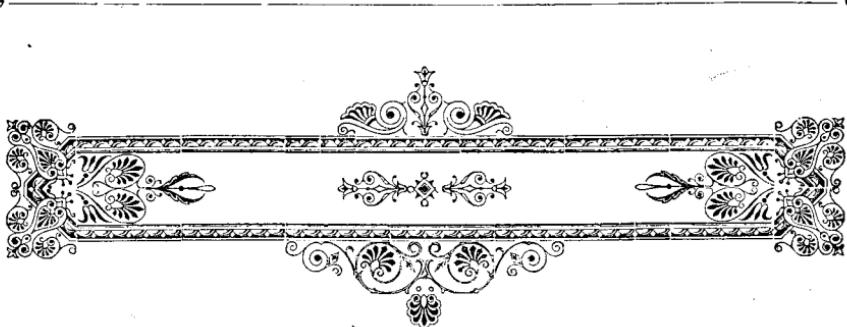
МОСКА.

1885.

МОСКВА.

„Русская“ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, Тверская, д. Малкіеля.

О ТЪ А В Т О Р А.

М

ои охотничьи разсказы не есть руководство для молодыхъ начинающихъ охотниковъ. Я въ нихъ не говорю о технической части охоты, не даю совѣтовъ выбирать ружья, натаскивать собаку, отыскивать дичь и т. п. Я излагаю въ нихъ мои личныя впечатлѣнія какъ охотника, какъ любителя природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я описываю въ нихъ съ полною искренностю разные случаи на охотѣ и со мною, и съ моими товарищами по профессіи, стараясь передавать ихъ именно такъ, какъ они происходили, ничего не при сочиняя и не прикрашивая. Абрамъ, выведенный въ рассказахъ моихъ, есть личность дѣйствительно существующая и дѣйствующая на охотничьемъ поприщѣ до сихъ поръ неутомимо.

Выпуская въ свѣтъ мои охотничьи разсказы, я разсчитываю на читателей преимущественно изъ кружка охотниковъ. Отъ нихъ однихъ дорого для меня порицаніе или одобреніе. Въ долгіе зимніе вечера, когда завываютъ снѣжныя вьюги или трещать морозы, когда охота невозможна и душа охотника томится въ ожиданіи весны или лѣта, возьмите мою книгу, дорогой товарищъ, и побесѣдуйте съ нею: она, быть можетъ, развлечетъ Васъ, перенося Ваши мысли то въ темные лѣса нашего дальняго сѣвера, то на широкія воды шекспинскихъ разливовъ, на эти излюбленныя для дичи мѣста, гдѣ приволье и просторъ для охотника господствуютъ еще и донынѣ во всей своей силѣ.

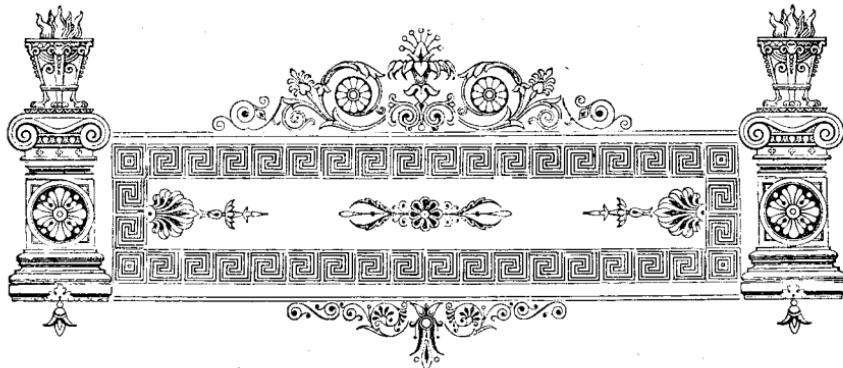
АСОРЕАЛО

I.

H A M E K C H S.

I.

Охота пуще неволи.

Что было вскорѣ послѣ успенія днія. Я заказалъ Абраму разбудить меня до солнечнаго восхода, съ первыми брызгами свѣта. Къ охотѣ все приготовлено было съ вечера: ружье вычищено, патроны начинены, по-путники: яйца въ густую, сочни, пирожки съ свѣжимъ капустою, соль въ бумажкѣ, фляжка водочки—все это завернуто въ салфетку и положено въ ягдташъ; охотничье платье подъ руками, около постели, собака накормлена и уложена подъ кровать; даже двери, въ избѣжаніе скрипучаго завыванія, смазаны свѣчнымъ саломъ; словомъ все на чеку, для того, чтобъ на утренней зарѣ, въ самый сладкій снѣнъ, безъ шуму и хлопотъ, не тревожа домашнихъ, встать, одѣться и поскорѣе отправиться на облюбованныя мѣста, о которыхъ обсуждено было тоже съ вечера. Предположено начать поле съ Бершинскихъ росчистей и обойдти около полосъ, засѣянныхъ овсомъ: не попадутся ли тетеревинки: они обыкновенно сдаются въ эту пору въ яровые хлѣба. Потомъ пройдти болотной дорогой и нивами на ручей Вязовикъ, гдѣ предполагалась охота на утокъ. Оттуда на рѣку

Шуйгу, на Барскую заводь, на Кривоскія озера и на другія мѣста. Всего предстояло выходить верстъ двадцать. Впрочемъ, какъ усчитать версты охотнику: тутъ захочется обойдти болото, тамъ озеро, индѣ придется вернуться назадъ версты полторы, а индѣ, кружась на одномъ мѣстѣ, не замѣтно выходить версты двѣ, три, отыскивая разбившійся по одиночкѣ тетеревинный или курапатичій выводокъ.

Въ три часа утра растолкалъ меня Абрамъ отъ глубокаго (что въ ожиданіи охоты, надо оговориться, рѣдкость) и, помнится, очень пріятнаго сна. Миѣ снилось, что я богатъ, что у меня много денегъ и красавица жена.

— А что погода? спросилъ я Абрама.

— Да такъ себѣ, отвѣчалъ онъ; дождикъ накрапываетъ, вѣтерокъ.

Я началъ одѣваться. Армида вылезла изъ подъ кровати, отряхнулась и зѣвнула заунывнымъ зѣвкомъ; потомъ потянулась, пристально посмотрѣла на меня и, догадавшись къ чему я готовлюсь, начала выражать свою радость виляніемъ хвоста, прыжками и тихимъ визгомъ. Черезъ десять минутъ мы вышли.

Погода была прескверная, небо заволокло тучами, въ воздухѣ сырь и холодно, вѣтеръ какой-то непостоянны, то подуетъ съ одной стороны, то съ другой. Дождикъ брызгалъ вяло, съ промежутками и вовсе не походилъ на дождикъ, а на что-то такое, въ родѣ вспрыскиванія нѣсколькими каплями, какъ-бы нечаянно оторванными отъ облаковъ и заносимыми вѣтромъ... Изъ-за лѣсу поднималось черное облако и толстымъ слоемъ расползалось по небу. Его клочковатая форма и темносиній цвѣтъ страшали серые зѣмы дождемъ.

— Дрянь—погода! Оттуда будетъ большой дождикъ, сказалъ я Абраму. Не воротиться-ли домой, да не залечь-ли спать? А? Какъ ты думаешь?

— Что дождикъ: не сахарные, не растаемъ. Какова пора—

ружья въ чехлы уберемъ, а сами подъ стогъ. А не то, по-
жалуй, и домой. Какъ сами знаете...

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, не сахарные, не растаемъ.
Отчего же не идти, коли есть еще возможность.

Каждому истинному охотнику понятно чувство, начи-
нающее по своему беспокоить его съ той поры, какъ онъ
задумалъ идти на охоту; въ особенности же съ того часа,
когда уже онъ собрался на нее и вынужденъ еще пережи-
дать цѣлую ночь до ея начала. Это какое-то особенное,
строптивое чувство: его мудрено объяснить. Я, по крайней
мѣрѣ, не берусь подводить его подъ психической начала,
хорошо зная, впрочемъ, что оно имѣеть свой особенный ха-
рактеръ, что оно тревожно, докучливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ
пріятно и доступно только душѣ охотника. Охотничья страсть
начинаетъ разбирать еще съ вечера; тутъ разсчитаешь удачу,
даже всѣ мѣткіе выстрѣлы, весь ходъ охоты со всѣми ея
удовольствіями такъ и рисуется въ воображеніи. Ляжешь
пораньше спать, чтобы запастись силами: не тутъ-то было,—
сонъ наступаетъ трудный, безсвязный; его нельзя даже на-
звать сномъ; это какой-то полу-сонъ: то и дѣло откры-
ваешь глаза. Иногда и никакого сна нѣтъ: тревожно воро-
чаешься съ боку на бокъ, да прислушиваешься, въ ожиданіи
желанного времени, къ бою стѣнныхъ часовъ, и считаешь
качаніе маятника. Вотъ, наконецъ, дождался, вышелъ изъ
дому и что же?—холодно, вѣтеръ, дождикъ; погода сквер-
ная, вовсе неудобная для охоты. Планы разрушаются, а не
хочется, чтобъ они разрушились. Что дѣлать въ такомъ
случаѣ? Чтобъ не ворочаться, начинаешь природу объяснять
по своему: находить что холодно потому именно, что еще
утро; что солнце еще низко, поднимется повыше—обогрѣть;
что изъ этихъ облаковъ дождика не будетъ—ихъ проне-
сетъ вонь туда, вѣтеръ затихнетъ, день долженъ разгу-
ляться. Словомъ, какая-бы погода ни была, непремѣнно най-

дется возможность отправиться въ поле, если ужъ собрался. Такъ ужъ это бываетъ съ охотниками всегда, такъ было и съ нами въ ту пору. Объяснивъ настоящее состояніе погоды въ свою пользу и найдя ее въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ даже весьма благопріятно для отысканія дичи, мы нахлобучили фуражки, подхватили ружья замками подъ мышку, чтобы не замокли, и рѣшительно отправились на мѣста.

Армида бѣжала впереди шагахъ въ сорока. Она искала довольно усердно, но ничего не могла причуять. Обойдя яровой хлѣбъ и два небольшихъ болотца, мы повернули въ не-кошенные нивы. Погода дѣлалась хуже, вѣтеръ дулъ сильнѣе, черное облако росло и быстро подвигалось къ намъ; дождикъ крупнѣлъ.

Намъ пришлось идти высокимъ пыреемъ. Пожелтѣвшіе листья его и обсоломѣвшіеся стебли смотрѣли осенью. Собака занесла. Слѣдъ былъ горячій. Она быстро бросалась то на ту, то на другую сторону, круто поворачивалась и дѣлала прыжки. Подобный беспокойный искъ бываетъ по увѣртливой, бѣгучей дичи: по коростелю, или по болотной курочкѣ. Эта дичь чрезвычайно утомляетъ собаку и портить ся стойку.

— Видно сову по полету: по дергачу ищетъ проклятая. Армида, назадъ! назадъ, Армида! свирѣпо закричалъ Абрамъ.

— Не трогай ее, братецъ! «На безрыбыи и ракъ рыба,» — убьемъ хоть дергача, сказала я Абраму, излаживаясь стрѣлять.

— Стоитъ терять зарядъ на этакую дрянь, еслибъ...

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ коростель, вспугнутый собакою, взлетѣлъ изъ высокой травы и отвѣсивъ неуклюжія ноги, торопливо потянулся къ лѣсу. Я выстрѣлилъ, коростель упалъ, Армида подала его.

— Ну вотъ хорошо — начинъ полю есть, сказала Абрамъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, бережно укладывая коростеля въ ягдташъ.

— А не самъ-ли говорилъ: дичь дрянная, выстрѣла не стоить?

— Штука-то не въ томъ, а что пуделя по первой не дало — вотъ это хорошо! На все, батюшка, своя примѣта есть, вотъ что!

Межу тѣмъ дождикъ становился все сильнѣй и сильнѣе. По чрезвычайному шуму съ той стороны, гдѣ растянулось большое, темное облако, можно было догадываться о скоромъ прибытіи ливня.

— Каковъ дождикъ лупить. Насъ вымочить до послѣдней нитки, надобно бѣжать вонъ подъ тотъ стогъ, сказаль я Абраму, вбивъ послѣдній пыжъ въ ружье, и накладывая пистонъ.

— Управляйтесь скорѣе, да и побѣжимъ: а то и вирамъ вымочить.

Стогъ былъ саженяхъ въ пятидесяти. Мы скоро до него добѣжали и усѣлись со стороны, противоположной дождю, натеребивъ сперва подъ сидѣнье побольше сѣна. Армида помѣстилась между нами, крѣпко свернувшись въ клубокъ и прижавшись къ стогу. Чрезъ минуту спустился ливень.

— Экъ жарить; точно изъ ведра! замѣтилъ Абрамъ, глядя на дождикъ.

— Да, большой дождикъ. Хорошо, что мы во время убрались.

— А вѣдь этакой дождикъ лучше: скорѣй очистить. Не то, что жмычка сѣть себѣ какъ въ сито. Ужъ тогда не жди, чтобы прояснило: ненастье на весь день; а здѣсь духомъ все пронесетъ.

— Да, это правда.

— Бывало маленькие, заговорилъ Абрамъ голосомъ воспоминанія, въ такой дождикъ бѣгаемъ босикомъ по лужамъ, да поемъ:

Дождикъ, дождикъ—пуще,
На улицѣ—гуще...
Дождикъ, дождикъ перестань,
На улицѣ—горностай...

— Перегрязнися—горя мало. Изъ лужъ вонъ нейдемъ, пока матка прутомъ не пугнетъ.

— Да, мало ли чего не бывало!

Я задумался. Простое воспоминаніе Абрама навело на меня воспоминанія довольно запутанныя и сложныя о прошломъ. Какъ хороши беззаботныe, дѣтскіе годы! недаромъ ихъ называютъ золотымъ временемъ: тогда каждая затѣя заманчива, каждая игра—радость. Послѣ же, когда вступишь въ жизнь, сколько чувствъ и мыслей истратишь по напрасну, сколько обидъ и оскорблений перенесешь ни-за-что, какой длинный итогъ неудачъ и ошибокъ накопится изъ разныхъ отношений съ людьми!

И почему это такъ неловко живется на свѣтѣ? Немного намъ дано времени для жизни, а мы и это-то немногое не умѣемъ прожить удобно и покойно...

Дождикъ шелъ. Тучки быстро переносились по небу. Съ востока прояснялось. Вдали, надъ лѣсомъ зачернѣла какая-то движущаяся точка. Я сталъ ее наблюдать. Точка все болѣе росла и приближалась; вскорѣ не трудно было разсмотреть стадо журавлей, клиномъ тянувшихъ на югозападъ. Они летѣли на высотѣ виѣ ружейнаго выстрѣла, тяжело размахивая крыльями.

— Вотъ и журавли въ отлеть держать; что-то рано нынѣшній годъ: видно раннюю зиму чувствуютъ.

— А куда высоко летятъ. Что, если бы такое ружье, чтобъ оттоль спустить? сказала Абрамъ, разматривая стадо журавлей, летѣвшихъ въ это время прямо надъ нами.

— Пулей можно, кто хорошо стрѣляетъ.

— На лету-то?.. пулей-то? да не ужто есть такие стрѣлки?

Ярославль на пятакъ купилъ и кажинный разъ съ собой бралъ, пока вся не вышла. Говорятъ, отъ приору то она болѣно полезительна.

— Окурился, да и за рябчиками?

— Нѣть, ужъ было поздно; да къ тому же и прогодился сильно, не до рябчиковъ!.. Сѣли съ братомъ за кашницу—медовымъ кушаньемъ показалась: такъ на пузырились, что на поди...

— Гдѣ же журавль?

— Вы погодите! Вотъ, думаю, завтра будетъ утро важное; на сушу слетятся токовать тетеревъ, робѣть нечего—сдѣлать шалашъ въ пригодномъ мѣстѣ, да и забраться въ него на ночевку. Въ Сосновицахъ широко, да и лѣсно; дай поѣду на Оленьевскіе сугривки! Петря остался въ Сосновицахъ, а я нарубилъ ельнику для шалаша, да и маршъ—прямо на тотъ островокъ, что на которомъ нива-то, да еще по срединѣ три большія осины. Промежъ ихъ сдѣлалъ я себѣ важнѣющій шалашъ и завалился спать. Долго-ли, коротко-ли я спалъ, ужъ не знаю; только ранехонько еще, лишь занялась заря, разбудилъ меня тетеревъ: какъ чузыкнетъ, проклятый, надѣ самыи ухомъ—я такъ и вскочилъ. Осмотрѣль: вижу,—сидитъ на дорожкѣ (отъ шалаша вдоль гривы шла прямая дорожка) и началъ керкать... Керкалъ, керкалъ и затоковалъ, близехонько отъ меня, сажени съ три. Я не биль: зачѣмъ, моль, его бить: токовику, можетъ—назовѣть много. Опять прилегъ; не сплю, слушаю—не прилетѣть ли къ токовику. Вдругъ захлопотало; тетеря... да и угораздилъ ее прахъ сѣсть на мой шалашъ. Что тутъ дѣлать? Боюсь пошевелиться,—шалашъ низехонный—услышитъ, улетитъ... И случись же грѣхъ такой: захотѣлось мнѣ на ту пору чихнуть. Я крѣпнѣлся... Нѣть, присничило, не въ терпежъ. Я мизинцы въ поздри заткнулъ на плотно. Не тутъ-то было: свербитъ въ носу, да и конецъ

дълу. Бился, бился,— что жъ бы вы могли думать? — въдь не могъ утерпѣть: чихнуль-таки-чихнуль, проклятая сила!.. Улетѣла тетеря. А токовикъ жаромъ жарить. Прилетѣль тетеревъ, сѣль на осину—этого срѣзаль, мой! Потомъ еще тетеря, на осину же; тоже моя. Вдругъ, откуда ни возьмись, два журавля — бухъ къ самому шалашу: одинъ за осину—не видать; другой на дорожку—весь на-чистъ! Въ ту пору со мной были два ружья: мое, да ваше персидское, съ боченкомъ, что казна въ серебрѣ. Ружье харчистое, бѣть славно. Дай, думаю, цапну изъ этого смертодава. Приложился вѣрно; да и что тутъ не вѣрно: цѣлая мостина сажень въ двѣнадцать: чему тутъ быть, разражу, думаю. Бацъ! паль жаравъ. Другой полетѣль. Потомъ воротился назадъ и началъ летать вокругъ; а самъ кричитъ въ одну душу! Самецъ должно быть. Разъ пять облетѣль во-кругъ гривы и потянуль къ Сосновицамъ. Токовикъ мой не слетѣль: знай себѣ наяриваетъ, только отдался отъ шалаша-то подальше. Я высматриваю, какъ бы мнѣ и его убить. Нельзя, за кустомъ пришелся; чуть видно—чернѣеть... Жаравъ трепещется. Началь вставать, а силы-то нѣть: встанетъ, да падетъ, встанетъ, да падетъ... Бился, бился—поднялся кое-какъ на одну ногу, стоитъ, опицывается своимъ долгимъ-то носомъ. Тѣмъ временемъ тетеревъ выбрался на дорожку. Я изъ Персидского-же, поминовавъ жаравля, бацъ въ тетерева, — перевернулся! А того, проклятаго, вдругъ какъ будто кто сзади-то кнутомъ дернуль: замахалъ, замахалъ крыльями, да и поднялся, да и полетѣль и полетѣль... только я его и видаль. Я такъ и осталбенѣль: ну, моль, оказія!.. не даровое это! нечисто!

- Ужъ не лѣшій-ли, по твоему, былъ журавль?
- Грѣшникъ, что таить: этакъ и подумалъ...
- Такъ и улетѣль?
- И улетѣль!

— Досадно было?

— Какъ же не досадно? Дѣло-то вышло диковинное, небывалое. Сами посудите — сколько времени лежалъ чутъ живъ и улетѣлъ! Ну, хоть бы я стрѣлялъ его далеко, ранилъ; а то близехонько и изъ какого ружья!.. Вѣдь тетерева-то я убилъ шаговъ въ семдесятъ — не совсмѣренулся!

— Что же зѣвалъ? ну, другой бы разъ въ него.

— Не чаялъ я въ проклятомъ такой совѣсти; а то гдѣ-бы не хватить? Не въ-домекъ дураку, что крылья цѣлы: гдѣ, молъ, улетѣть: мой, да и все тутъ! а убѣжать некуда. Ужъ такая оплошка.

— Дрянь дѣло, Абрамъ; часто случаются съ тобой такихъ оплошки.

— Ну, случись въ другой разъ — не дамъ маха. Съ недѣлю или съ полторы послѣ этова, сидѣлъ я въ шалашѣ на току у озера. Передъ солнечнымъ восходомъ густой туманъ сдѣлался: такъ и стелется по озеру. Вотъ въ туманѣ и вижу, что-то шагаетъ большое такое. Знатно, думаю, жаравъ... Попался же проклятый! я изъ одного ствola — бацъ! Палъ, потомъ справился и ну бѣжать. Я изъ другова — свалился. Подхожу братъ: что за чудо? Такой диковинный птицы отродясь не видывалъ: жаравъ не жаравъ, цапля не цапля; вся искрасна, словно ржавчиной покрыта; носина большущій и долгоногая, а на грудинѣ борода. Принесъ домой — говорятъ — зыпъ какая-то.

— Какая зыпъ! Выпь развѣ?

— Выпь, что-ли; кто ее знаетъ. Такая чудная птица. Степанъ Иванычъ говоритъ: зажарьте — Ѣсть стану, самое скусное мясо. Стали потрошить; а въ ней ящерицы, лягушки и всякая гадина. Нашу Федору съ души смущило. Такъ и бросили.

— Такъ не задача тебѣ на журавлей.

— Да, не задается. Но чтобы нарочно за ними ходить —

я вѣдь не хаживалъ. Сами знаете,—у насъ ихъ малость; да и охота-то трудна больно за ними: сторожки, проклятые, никакимъ манеромъ подобраться нельзя. Вотъ, въ романовскомъ уѣздѣ, подъ Никольскомъ, въ осенне время ихъ тма — тмущая; примѣни — овецъ. Мѣсто эдакое широкое, плоское; они и стануютъ тутъ. Романовскіе охотники давно точатъ на нихъ зубы; да тоже ничего не могутъ подѣлать. Разъ какъ-то человѣкъ десять ѿздило, и Федоръ Павлычъ тутъ же, и ружья у кого картечами, у кого цулей заряжены были; да плохо—ни одного не убили.

— Что же? Не допускали что-ли?

— Говорятъ, не допускали. А и то сказать, кто ихъ знаетъ, можетъ плохо стрѣляли. Федоръ Павлычъ передъ тѣмъ, какъ ѿхать въ поле, для пробы стрѣлялъ пулей въ мѣту. Мѣта-то сдѣлана была на овинѣ; онъ не то чтобы въ мѣту, и въ овинѣ-то не попалъ. Ему и говорятъ: гдѣ тебѣ убить журавля—въ овинѣ не могъ попасть! Хоть и баринѣ, а пришло же на него такое затмѣніе, что онъ на это отвѣчалъ...

— Что отвѣчалъ?

— Вотъ, говорить, что сказали: овинѣ-то одинѣ, а журавлей-то много! Всѣ такъ и покатились! Что смѣху было!

— Вотъ какъ. Неужели по твоему нѣть возможности стрѣлять журавлей?

— Можно, да осторожно! а ловко придется, такъ гдѣ же не убить. Вотъ Васька кузнецъ дробью за одинъ разъ пару убилъ. А бушицкій доѣзжачій какую штуку мнѣ сказывалъ: былъ, говоритъ, я на охотѣ. Вотъ, и вижу, говоритъ, пара журавлей ходитъ въ кустахъ, въ ракитникѣ. Я и началъ, говоритъ, около ихъ кружить, да всѣ съ какими разомъ къ нимъ ближе, да ближе. Знаете, винтомъ эдакимъ ѿздишь. А они ничего, говоритъ; сидятъ себѣ, да посматриваютъ. А лошадь-то, говоритъ, удалая. Вотъ, какъ

больно-то близко подъехаль къ нимъ, да какъ толкну, говорить, лошадь изо всѣхъ силъ прямо на нихъ... Они леть; а, виши, съ разу-то подняться не могутъ, съ разбѣгу все; я говорить, одного лѣвой рукой подхватиль за крыло, а другаго захлестнуль арапинкомъ.

— Ну, братъ, это ис любо не слушай, лгать не мѣшай.

— Божится; правда, говорить.

— Не всему вѣрь. Наскажуть тебѣ турусы на колесахъ. Однако-жъ, пойдемъ-ка; дождикъ пересталь: нечего тратить золотое время. Армида, вставай! Заспалась.

Погода разгулялась. Облака съ дождемъ протащило къ западу. Стихло. Лишь изрѣдка слышенъ быль легкій трепетъ листьевъ березы и всегда живой осины. Поднялось солнце и на умывшуюся дождемъ природу бросило яркіе лучи изъ-за лѣсу; а на противоположной ему сторонѣ загорѣлась радуга самыми отчетливыми и рѣзкими цвѣтами. Длинныя тѣни отъ высокихъ деревъ полосами легли по сѣнью-основому пространству, и на листочкахъ растеній, какъ алмазныя блестки, засияли дождевыя капли. Весело смотрѣть на природу послѣ ненастя; на душѣ дѣлается свободнѣе, легче; чувствуешь себя крѣпче и здоровѣе: какая-то особенная благодать распространяется въ воздухѣ и чѣмъ-то дѣбрымъ, неизъяснимо прекраснымъ дѣйствуетъ эта благодать на чловѣка.

— Вотъ какъ погодка-то разгулялась! сегодня день славный будетъ, солнценѣнь, мѣшкать нечего, пойдемте-ка пошибче, на хорошія мѣста придемъ скорѣй.

— Пойдемъ, пойдемъ поскорѣй, прибавляй шагу, отвѣчаль я на слова Абрама, который и безъ того съ необыкновеннымъ рвениемъ торопился на завѣтныя мѣста.

Мы перешли Раминскую чащиницу, потомъ болотной дорогой перебрались черезъ ольшину и углубились въ нивы. Онѣ почти всѣ были скосены; некошенихъ оставалось очень

мало, да и тѣ съ рѣденькой, посохшѣй и пожелтѣвшею отъ жаровъ травой. Негдѣ тутъ прятаться ни молодому тетереву, ни даже коростелю. Такъ прошли мы нивъ десять. Абрамъ, который вообще молчать не любилъ, началъ разговоръ.

— Походили мои ноженьки осенесь по этимъ нивамъ. Вдоль и поперегъ ихъ извѣдалъ, и все-то по ночамъ.

— Чего же ты искалъ по ночамъ?

— А за земляными все ходилъ. Отужинаемъ, мужики спать, а я свисну Злобному, да Проворку и маршъ за земляными. Цѣлые ночи прохаживалъ, такъ вѣ-плоть отъ зари до-зари, устатку не зпавалъ. Вотъ оно что охота-то значитъ.

— Ну, тутъ не одна охота и прибыль есть.

— Есть и прибыль: рублевъ десятка на два наохотничаль, на нуждишку.

— Не весела эта охота, сказалъ я.

— Кому какъ, а миѣ весело и за земляными ходить. Вотъ, видите эту большую душистую иву, что промежъ двухъ березъ-то; подъ этой ивой, по разъ, нашелъ я хоря: помучилъ же онъ меня проклятый.

— Какъ помучилъ?

— Да такъ, задалъ надзолу: всю ноченьку за нимъ промаялся; на силу взяль. Въ тотъ день за работой что-ли долго провозился, задержало-ли что, теперь не помню, только болѣно поздно вышелъ я на охоту. Ружье съ собой взято было. Не успѣлъ я свернуть въ эти нивы, Злобный залаялъ по земляному, слышу, и Проворко подоспѣлъ, себѣ стономъ—стонуть. Я къ нимъ на голосъ, да все въ пробѣгъ. Теметь такая; только и свѣту, что отъ звѣздъ, да отъ мѣсяца, и то не постоянный былъ свѣтъ: облака ташились; застилало; беспречь спотыкаюсь за кочки, да падаю. Подѣгаю. Собаки вонъ у той ивы, что давя показывалъ; корень такой раскидистый у ней, растетъ на большомъ коблюху. Вижу—

мои собаки горячатся, такъ и рвутъ коренья. Хорь звѣрь вонючій: жарко чують. Вотъ разрубилъ я въ коблюхѣ большую дыру. Злобный въ нее весь залѣзъ, визгомъ—визжитъ тамъ, — видно близко заслышалъ. Проворко обострожился; смотритъ, не выскочитъ ли гдѣ земляной. Славная была собака этотъ Проворко, съ соображеніемъ. Такъ, ни за что довели ее у меня. Ужъ какъ жалко было. Хорошая собака для меня пуще Богъ знаетъ чего. Ну, вотъ, хорошо. Началь я въ коблюхѣ палкой тыкать то съ той, то съ другой стороны; иѣть, затаился проклятый; даже не отзовется. Иной разъ сейчасъ-же застrekочеть; точно скажется, что вотъ, молъ, я здѣсь. Тутъ же возился, возился — ничего иѣть. Давай опять рубить коблюхѣ; вездѣ понадѣлалъ дыръ—хоть человѣкъ полѣзай, не то-что собака: иѣть нути, ничего не слышно. А собаки не отстаютъ: возятся около коблюха, лаютъ, визжать, грызутъ коренья, да и конецъ дѣлу. Что за чудо! Вотъ началъ я опять рубить; цѣлаго мѣста не оставилъ, весь коблюхѣ разворотилъ; не только хорьку, мышь бы негдѣ усидѣть. Нѣть ничего. Ума не приложу, гдѣ затаился. Часа три такъ дармя промучился. Неужто собаки облажались? Плюнуль, заткнуль топоръ за поясъ, взялъ ружье и хотѣлъ ужъ прочь идти. Вдругъ Злобный какъ завизжитъ благимъ матомъ и, слышу, хорь застrekоталъ. А! умаю, вотъ поймалъ. Подбѣгаю. Покинь, покинь! кричу. Нѣть, обмишурился, не тутъ-то было. Собаки царапаютъ лапами, да грызутъ самый корень-то у ивы. Ужъ тутъ веселѣе стало водиться: узналъ, что не даромъ—хорь есть. Подсунула палку подъ корень, а въ ивѣ-то, въ стволѣ, было дупло большое. Онь, проклятый, дуй его горой, со страсти и забился туды на-туго. Никакимъ манеромъ ни взадъ, ни впередъ: сидѣть—себѣ какъ въ печуркѣ. Еще одна минуточка, такъ-бы и просидѣлъ; спасся бы окаянный. Совсѣмъ прочь хотѣлъ идти, ужъ было и собакъ сталъ откликать;

да Злобный потянулъ видно его за задъ, онъ и отозвался. Какъ теперь быть, какъ его достать оттоль. Думалъ, думалъ: дай, вытащу рукой за хвостъ, брошу собакамъ и дѣло съ концомъ. А голой-то рукой взять боюсь: онъ зубомъ такой Ѳдовой, больно можетъ укусить. Со мной ужъ было по разъ: извился какъ змѣя, да такъ вцепился въ рукавъ,—на силу могъ оторвать. Вотъ, надѣль я рукавицу, ощущалъ дупло, такъ руку-то не могу просунуть, и собаки-то никакъ не могутъ забить морду подальше, чтобы къ нему-то подобраться; по той причинѣ, что все толстые корни, ну, и не допускаютъ. Прибились они сердечныя,—въ гроши: все грызли да рыли. Проворко до того уморился, что ужъ легъ оподя каблюха. Разрубилъ я еще корни—рука пролезла, я схватилъ хоря за задъ,—тащу; а онъ упирается, цыкаетъ; собаки вслушались, бросились опять къ каблюху, обострожились. Выбросилъ я его: Проворко, Злобный! вото! возьми, возьми! Собаки засовались, стали хватать... прахъ вѣдаетъ,—какъ прометались, ускользнуль! такая напасть! чего ужъ, въ рукахъ былъ, да и тутъ... Ну, да и то сказать, темно было, хоть глазъ выколи: время близилось къ полуночи, мѣсяцъ закатился, а отъ лѣсу-то мракъ такой!.. Вотъ начали собаки розыскивать. Долго таково нюхрили: то въ каблюхъ сунутся то опять назадъ, то въ кочку. Такая кочка тутъ была; видно, и тутъ надушилъ. Нюхрили, нюхрили,—попали на слѣдъ и бросились съ лаемъ, съ визгомъ: знамо дѣло, по горячему слѣду гонять и по хорю, какъ по зайцу. Повели собаки, да все болотомъ-то, ольшиной-то. Я вслѣдъ за собаками, чтобы безъ меня не задавили. Задавять—покинуть,—что толку, въ прокъ не пойдетъ. А тутъ такое мѣсто гадкое: кочки, кубрииникъ, хламъ; бѣжать неспособно; да и ночь-то глухая: спотыкаюсь, падаю; наказанье да и только; а все охота!.. слышу, мои собаки повели на берегъ. Славно, думаю, хоть изъ болота-то выберусь. Нива случилась; съ

нивы на берегъ дорога; я по ней. Вотъ, выбѣжалъ къ рѣкѣ. Что за чудо! ужъ собаки на той сторонѣ, такъ стономъ и стонутъ на одномъ мѣстѣ: либо хорь опять забрался въ коблюхъ, либо въ берегъ, въ трещину. Это часто бываетъ. Что дѣлать? Шексна вчера только что встала, ледъ не надежный. Да и ночь-то—зги не видно. Ну, какъ въ полынью юркнешь? А охота такъ и подмываетъ, такъ и подталкиваетъ... Охъ, охота, охота! взяло меня раздумье. А собаки-то тамъ рвутъ и мечутъ, рвутъ и мечутъ! Ну, думаю, была, не была: гдѣ суждено умереть, того мѣста не обойдешь, не объѣдешь. Сотвориъ молитву, перекрестился—угодникъ божій, Никола Чудотворецъ, спаси!.. Спустился ко льду, попробовалъ топоромъ у берега—крѣпокъ. Я и разсудилъ: собаки, моль, бѣжали вмѣстѣ; двѣ-то будутъ противъ одного меня: ихъ подняло, такъ авось и я не провалюсь. Опять перекрестился, простился съ батюшкой, съ матушкой, со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ и побѣжалъ на ту сторону. Ледъ трещать, я бѣжать; ледъ трещать, я бѣжать! Такъ и гнется, такъ и визжитъ подъ ногами; а не проламывается: осенний ледъ не то, что весній—прочнѣе. Перебѣжалъ благополучно. Чья-то молитва до Бога дошла? Вотъ оно что значитъ вдаться человѣку въ охоту: всякое разсужденіе потеряетъ, совсѣмъ безъ ума. Ну, чортъ ли соваль въ такую пропасть изъ-за хорька? Сгибъ-бы ни за что и искаѣть было бы негдѣ. Выбѣжалъ я въ гору. Не слышно моихъ собакъ, смолкли. Опять досадно: видно задавили; пропадетъ хорь. Вотъ, слышу, что-то въ кусточкѣ, близехонько, шевелится. Я туда. Ко мнѣ на встрѣчу Проворко. Смотрю, гдѣ Злобный? Нѣтъ его. Я смѣтиль дѣломъ-то, да въ кусточкѣ. Вглядываюсь, а Злобный стоитъ у пня, да что-то лижетъ. А это онъ хоря. Онъ безъ меня его обработали. Вижу, лежитъ задавленный около пня окочурился. Ну, вотъ, и ладно, безъ хлопотъ; шкурка, кажись, цѣла, не попорчена. Онъ у меня такія собаки вѣж-

ливая: не истреплють, не изорвать. Ужъ назадъ побоялся
ночью черезъ рѣку; проходилъ до утра по той сторонѣ; еще
взялъ одного хоря; а на зарѣ убилъ тетерева полиника.
Славная была заря: тишина, туманъ такой, морозъ. Вылетѣлъ
тетеревъ большой, можно бы поохотиться еще, да
ужъ мнѣ не до того было; всю ноченьку проходилъ, усталъ;
ко сну такъ и клонитъ. Нашелъ большой шесть — оно съ
шестомъ-то по льду безопаснѣе — и насупротивъ дома хорошо-
хонько перебрался на свою сторону.

— Хороши хорьки были?

— Одинъ, первый-то, знатный, чистый хорь былъ; до
послѣдней шерстинки весь выкунѣлъ. Ну, а другой-то не
такъ чтобы.

— Что, изъ окружныхъ-то деревень ходятъ сюда за
хорьками?

— Гдѣ же не ходить, ходятъ. Только на нашей-то сто-
ронѣ чужимъ не позволяемъ: народецъ, вѣдь, бархатный, —
обчистить все, хоть шаромъ покати. Собаки же у нихъ доб-
рыя, время праздное.

— Смотри, Абрамъ — вѣдь, глухарка?

— Глухарка и то! съ молодыми, должно быть. Выво-
докъ. Гдѣ Армида-то?.. вонъ она гдѣ. Смотрите, смотрите —
причудила, заискала.

Пока Абрамъ разсказывалъ о своихъ подвигахъ за хорь-
ками, мы шли мѣстами самыми пустыми, гдѣ рѣшительно
нельзя и подумать отыскать какую-либо дичь. Въ скопен-
ныхъ нивахъ не могло мѣститься ничего; въ лѣсу, въ ко-
торомъ начищены эти нивы, хоть и держались черныши и
вальдшнепы, но ходить въ немъ не было возможности: съ
левой стороны ужаснѣйшая крѣпь изъ перепутавшейся между
собой молодой подросли липняка, дуба, вяза, черемхи, ши-
повника и другихъ деревьевъ лиственной породы; съ правой
же глухое болото съ кочками, съ трясинами, полное воды

и хламу, гдѣ чортъ ногу переломить и куда, по этой причинѣ, собака не смѣла даже и сунуться. Ружья были за плечами, Армida рыскала свободно и мы шли тѣмъ скорымъ шагомъ, тою нетерпѣливою походкою, какая обыкновенно бываютъ у охотниковъ, напрямикъ идущихъ на мѣста, на которыхъ думалось добычливо поохотиться. Поэтому нась обоихъ поразило, когда нежданно, негаданно, сама по себѣ, вдругъ поднялась глухарка съ мѣста, вовсе несоответствен-наго этой породѣ дичи, и пересѣла на другую сторону нивы, въ кустѣ мелкаго осинника.

— Вы пойдете за собакой; а я тетерю-то ударю: подберусь краемъ, лѣсомъ-то. Я примѣтилъ, она сѣла въ поддерева, вонъ, на ту сухую осину, проговорилъ торопливо Абрамъ. Не перерядить-ли ружье? мелкой дробью заряжено.

— Когда тутъ переряжать; близко подберешься убьешь и этой.

Мы подошли къ тому мѣсту, съ котораго поднялась глухарка. Тутъ нива какъ-то уцѣлѣла отъ покоса, и высокая осока, быльникъ и красивый папоротникъ густо разрослись въ мелкомъ кустарникѣ. Отъ влажности почвы солнце на этомъ мѣстѣ не высушило травы,—сочная и зеленая, она достигла здѣсь очень большаго роста, такъ что почти совсѣмъ скрывала собаку. Абрамъ отправился къ тетеркѣ, а я остался съ Армидой. Она заискала. По всѣмъ ея движеніямъ, по внимательному иску, крутымъ поворотамъ, наконецъ по измятой и перепутанной травѣ, можно было безошибочно заключить, что тутъ бродилъ выводокъ. Вотъ собака подняла морду, сильно потянула въ себя воздухъ, и медленно, шагъ-за-шагомъ, начала подвигаться впередъ; уши немножко приподнялись, хвостъ выирямился, въ глазахъ напряженное вниманіе—дичь близка. Вотъ переступила она еще три, четыре раза, выровнялась и остановилась. Блаженная минута для охотника! Люблю я видѣть собаку на глубокой,

твёрдой стойкѣ, когда она, вся вытянувшись, приподнявъ немнога правую переднюю ногу, стоитъ какъ вкопанная, замреть, какъ говорится, надъ дичью. Ни за что не про-дамъ я этой минуты! Съ готовымъ ружьемъ, изловчившись, какъ слѣдуетъ, въ полномъ настроеніи страстнаго охотника—нетерпѣливо стоишь за собакою; а сердце между тѣмъ бѣть тревогу, и ждешь—не дождешься, что-то взлетѣть. Ду-маешь—дунель, думаешь—бекасъ. Да какъ-то онъ потянетъ? Да не сдѣлать-бы промаха? на этотъ разъ я думалъ: какъ-то велики молодые тетерева. Глухари въ августѣ должны быть ужъ очень большіе. Много-ли ихъ? Не поднялись бы всѣ вмѣстѣ.

— Пиль, Армида!

Собака сдѣлала движеніе, переступила и снова погрузи-лась въ стойку.

— Пиль!

— Вдругъ, въ эту самую минуту раздался выстрѣль Абрама. Собака моя порвалась, и изъ высокой осоки мед-ленно поднялся глухаренокъ. Я выстрѣлилъ изъ праваго ствола и повалилъ его; съ выстрѣла поднялся другой и по-ложенъ былъ изъ лѣваго.

— Вотъ такъ славно! одобрительно вскрикнулъ Абрамъ, выходя изъ лѣсу съ другой стороны нивы.

— А ты что?

— Да что,—помѣшала толстопятая ворона, чертова ба-бушка, пугало окаймленное, дери ее горой-то, проклятую! я, знаете, подбираюсь къ тетеркѣ-то — гдѣ ни-возьмись эта дура, начала виться надъ головой, да орать во все горло, глотку-то распустила: благо голосъ дурацкій есть; ну, и переполошила тетерю: не допустила, снялась съ дерева. Я ударилъ со злости въ-летѣ, да ужъ поздно и сквозь сучья: цѣлехонька полетѣла!..

— Такъ и есть! я ожидалъ этого... Кунь, Армида,

кушь!.. Я напереди зналъ, что съ тобой случится какой нибудь грѣхъ. Съ тобой всегда ужъ такъ бываетъ.

— Какъ бы не ворона — не говоря убиль бы. Какие большие, сказалъ Абрамъ, приподнимая глухаренковъ, больше матки будутъ.

— Не знаю, сравнить не съ чѣмъ, матка-то не убита. Второго я отлично срѣзаль, не пошевелился.

— Славно, что тутъ и говорить. Первой - то было на меня... я и приготовился: —въ случаѣ вашъ промахъ, такъ съ моего ляжетъ. Да нѣть, уложили обоихъ. А тетерю жалко. Эка напасть вѣдь какая. Еще бы сажени двѣ податься и кануть! Со сковороды улетѣла: не въ счастливый часъ вышелъ. А вы, хорошо! Да смотрите, тутъ еще ихъ есть, не только что два были; по кочкамъ должно быть всѣ разсоловались; мѣсто, видите, неровное какое. Заряжайте скорѣй. А собака-то! Армида-то! эка умница какая. Лежитъ, голубушка, пока не нарядятъ на работу. Золото, а не собака! Поди съ другой, сиравься! Зарѣжь, такъ не оторвешь, если дичь на носу. Вотъ у Александра Михалыча Султанъ: иной разъ кричить, кричить — Султанъ! Султанъ! Султашка! Надсадится кричами, ида горло у сердечнаго перехватить; а Султанъ и ухомъ не ведеть, какъ будто не до него и дѣло. Занесется къ чорту на кулички да и гоняеть дичь что есть мочи. Тутъ тѣ и стойка, тутъ тѣ и вѣжливость. Да, хорошая собака дорого стоитъ. Все бы отдалъ за хорошую собаку — жену бы отдалъ. Нашей Армидѣ чутѣ-бы подлиннѣе, да въ лѣсу бы не отрысывала, —тысячная была бы... Готовы? Пущайте собаку!

Все это проговорено было Абрамомъ, пока я заряжалъ ружье. Армида лежала. Вообще она была собака хорошая; но за ней водились грѣшки, чрезвычайно возмущающія охотника. Найдетъ выводокъ тетеревей, разсѣявшійся по-одиночкѣ, —тутъ-то бы и потѣха охотнику: тетеревята подни-

маются по одному, следовательно, стрелять можно по каждому; но съ моей собакой не всегда это удавалось. По первому она стоитъ хорошо, покойне; надъ вторымъ стойка уже короче, тревожище; а по третьему чуть подхватить и бросилась. Выстрѣлилъ два раза и пока заряжаешь, она подняла три, четыре штуки. Во избѣжаніе этой, очень непріятной и излишней услугливости моей Армиды, я пріучилъ ее лежать, пока заряжаю ружье. Труда было не мало, но изъ умной и робкой собаки, употребивши побольше терпѣнія, чего нельзя сдѣлать. Повиновеніе Армиды по слову «кушь», всегда удивляло Абрама и вызывало съ его стороны большія ей похвалы.

— Ну, теперь шершь, Армida! Шершь! Тсс... Тише! смотри, Абрамъ, береги! Тубо! Стрѣляй-ка! теперь твой чередъ. А какова стойка-то у собаки! Картина!..

Армida сдѣлала стойку надъ маленькимъ ивовымъ кустикомъ, куда очень удобно было спрятаться тетеревенку. Абрамъ торопливо подошелъ къ собакѣ, сдернулъ фуражку на затылокъ, чтобы не застиль козырекъ, и взвелъ курки. Армida стояла твердо.

— Посылай ее! шепнуль я Абраму.

— Пиль! Армida!

Армida ни съ мѣста.

— Говорятъ—пиль! Толстое мясо! и Абрамъ слегка пощихнуль собаку колѣнкомъ. Но она не бросилась, а быстро обѣжала на другую сторону кустика и сдѣлала стойку насупротивъ Абрама.

— На, вотъ, кузовелька проклятая, еще какія штуки выкидываетъ! Да я и самъ выживу! Армida, однако же, предупредила Абрама—тетеревенокъ поднялся столбомъ, круто поворотилъ на правую сторону къ лѣсу, и только хотѣлъ скрыться за осинкой, какъ повалился съ выстрѣла.

Абрамъ притопнулъ ногою, махнулъ ружьемъ и радостно

закричалъ: вотъ какъ наши! Каково срѣзаль! Какъ тряпка повалился!

— Хорошо, очень хорошо!

— Да, вотъ оно что значитъ въ летъ стрѣлять: не попробовалъ бы тетеревка во все лѣто, если бъ не умѣлъ! Ну, гдѣ его, у праховъ, въ эту пору увидишь сидячаго; а то, вотъ, и въ ягтажѣ. Говоря это, Абрамъ съ предовольнымъ лицомъ укладывалъ въ ягдташъ убитаго тетеревенка.

— Разсуждай тамъ; а Армида-то опять на стойкѣ.

— Такъ стрѣляйте!

— Стрѣляй ты; еще все твоя очередь; у меня ужъ есть три штуки.

— А коли такъ, такъ ладно; мнѣ же лучше. Тибо! для всякаго случая зарядить, проговорилъ Абрамъ, торопливо заряжая правый стволъ, изъ котораго только что убилъ тетеревенка. Можеть изъ одного промахъ, такъ другимъ подхвачу. Тибо! не сгони же ты у меня!

На этотъ разъ Армида дождалась: Абрамъ успѣлъ зарядить, надѣть пистонъ, подойдти къ собакѣ и похвалить ее за благоразуміе. Вспущнутый тетеревенокъ полетѣлъ ровно. Абрамъ, поторопившись выстрѣлилъ изъ праваго ствола на короткѣ и сдѣлалъ промахъ; изъ лѣваго свалилъ.

— Ладно, что не понадѣялся, сдогадался зарядить; а то бы поминай, какъ звали! Въ двѣ сажени промахъ сдѣлалъ— какая оказія!

— Что же? твой промахъ, такъ у меня на готовѣ еще два ствола.

— Да я-то бы не убилъ!

— Да что—и безъ того осрамился: тетеревенокъ потянулся прымымъ полетомъ, ты стрѣлялъ въ упоръ, бекасиниакомъ, изъ широкаго ружья, и ухитрился сдѣлать промахъ. Удивляюсь!

— Ладно, смѣйтесь! первымъ — промахъ; а вторымъ

убилъ. Какъ бы ни было, да въ ягтажъ. Теперь сравнялся съ вами.

— Гдѣ же, сравнялся? у меня три штуки.

— Какя три?

— А коростель-то?

— Дергачъ-то? вотъ, нашли дичь! чорта-ли въ ней есть.

Мнѣ и даромъ-то ее не надо. Найдя большая—меньше воробья! Вотъ дичь, такъ дичь! При этомъ Абрамъ поднялъ глухаренка за крыло къ верху и, значительно прикрикнувъ, потрясъ его.

— Хорошая дичь. Не найдемъ-ли еще. Шершь! Армида! Ищи, ищи, ищи!

Армида усердно дѣйствовала.

Мы обошли не одинъ разъ всю ниву, очень подробно обшарили всѣ мелкіе кусточки, примяли всю траву, но тетеревятъ болѣе не отыскалось.

— Только, видно, ихъ и было, заключилъ Абрамъ.

— Должно быть, что только. Ну да и того довольно; вѣдь, не думано, находка. Теперь, маршъ на Вязовикъ! Недалеко, кажется, отсюда?

— До Вязовика-то?

— Да, до Вязовика-то?

— Не далеко. Гоны съ двои, не больше. Тутъ черезъ лѣсъ троичка—прямо и выйдемъ на вершину Вязовика.

— Какъ это тетерька глухая зашла сюда, Абрамъ?

— А кто ее знаетъ? Чай изъ Коромольника *) перебралась, отколя же ей взяться: здѣсь больше моховыхъ болотъ нѣть.

— Да, вѣдь, Коромольникъ отсюда далеко?

— Чтѣ что далеко. Онѣ, вѣдь, проклятыя, даромъ что глухія, а документоваты: взяла, да и вывелаась. Вотъ вамъ и вся недолга!

*) Большой хвойный лѣсъ со множествомъ моховыхъ болотъ.

На такое доказательство Абрама опровергній не требовалось. Въ самомъ дѣлѣ, вздумалось вывестись тетерькѣ, ну и вывеласть. О чёмъ тутъ еще толковать.

Ободренные первымъ успѣхомъ, мы весело шли къ Вязовику. Что-то тамъ будетъ? Чѣмъ-то тамъ насть порадуетъ? Узенькою тропочкою, чуть-чуть замѣтною въ чащѣ, мы вступили въ лѣсъ. По этой тропочкѣ должно быть мало было ходоковъ, и потому густо заросла она молодыми побѣгами липы и шиповника, и во многихъ мѣстахъ завалилась отжившими деревьями. Мы пробирались съ трудомъ. Справа и слѣва въ изобиліи росла черемха, сѣпившись своими кудрявыми вѣтвями то съ березой, то съ рябиной, то съ ольхой. Черемха — это сѣверная вишня. Мы, обладатели этого растенія, любимъ ея ягоды болѣе всякихъ другихъ ягодъ. Совершенно зрѣлая, сочная черемха, когда ее хватить двумя, тремя морозами, въ самомъ дѣлѣ, очень вкусна. Такой она бываетъ около половины Сентября, а не въ половинѣ Августа, въ которомъ она еще горлодеръ, засадиха. Но хоть черемха въ эту пору и горлодеръ и засадиха, а пройдти мимо, не соблазняясь ея кистями, съ крупными свѣжими ягодами, было не въ нашей натурѣ. Ну, и соблазнились — нагнули одну, которая показалась намъ болѣе зреюю, и стали ее ощипывать.

Насъ окружала непроходимая, но картичная, разнообразная чаща лиственаго лѣса. Тутъ ростетъ шиповникъ съ вызрѣвающимъ плодомъ, дружно обнявшись своими вѣтвями съ сучковатою молоденькой липой; а между ними сплошною зеленью засѣдаетъ малинникъ. Все это обвиваетъ и перепутываетъ дикий хмѣль. Здѣсь дубъ и вязъ связались неразрывными узами; а сквозь ихъ вѣтви выглядываютъ и краснеются кисти рябины. Тамъ высится осина, покрытая, какъ зонтикомъ, вѣчно-трепещущую листвою. Даѣе видна и бѣлая береза, и ольха, и плакучая ива. Легкій утренній туманъ площадью остановился на вершинахъ деревьевъ,

сквозь которая какъ бы тайкомъ прокрадывались луки утренняго солнца.

— Кажись, какъ бы не вестись дичи въ такой трущобѣ, промолвилъ Абрамъ, достаточно понабравшись черемхи.

— Какъ не вестись, ведется; да взять-то ее нельзя...

Въ эту минуту раздался неподалеку шумъ отъ взлета тетерева.

— Слышишь, Абрамъ, тетеревъ!

— Да, тетеревъ. Армида, должно быть, подняла.

— Выкликай ее. Здѣсь искать дичь совершенно бесполезно: только собака напрасно разгорячится.

Абрамъ началъ выкликаль Армиду. Голосъ его былъ не чистъ: черемха сдѣлала свое дѣло—засадила горло.

— Экъ, какъ она, проклятая, того... Точно горло-то тряпкой закупорено. Армида! Армида! Веней си!

Армида не являлась.

— Куда это она запропастилась? Ужъ не выводокъ ли нашла?

— Нѣть, это чернышъ поднялся. Матка закокотала-бы.

— Да все, для всякаго случая, охожу—посмотрю. Можетъ надъ ваншлепомъ стонть.

— Помилуй! Развѣ есть возможность убить вальдинепа въ такой чащѣ?

— А, вѣдь, на грѣхъ мастера нѣть: можетъ и убью.

— Давай Богъ нашему теленку волка сѣсть! Ступай, да поскорѣй-же; а я подожду тебя.

Абрамъ началъ пробираться мелкой зарослью, осторожно отводя рукой вѣточки и направляясь въ ту сторону, въ которой слышенъ былъ взлетъ тетерева. Я, въ ожиданіи его возвращенія, усѣлся на пенекъ. Минутъ пять слышно было по треску валежника и по шуму вѣтвей путешествіе Абрама; потомъ нѣсколько разъ донеслось до меня повторенное тибо!—значить собака надъ чѣмъ-нибудь стоитъ; далѣе слышу тоже

повтореніе раза два—три пиль! наконецъ взлетъ птицы, выстрѣль и радостный возгласъ, неистово вырвавшійся изъ груди Абрама во все его горло.

— Что заполевалъ? Крикнулъ я.

— Долгоносика!

— Какъ! Вальдшнепа?

— Ваншлепа. Ура,—наша взяла!

— Ори больше. Да ты лжешь?

— Да вотъ посмотрите! Ну, и ловко же я его поддѣль: хоть бы и Александру Михайлычу — такъ въ пору.

— Вылѣзай, посмотримъ, ужъ не убиль-ли ты сыча вмѣсто вальдшнепа?

— Сыча! какъ же — сыча! Посмотри-ка, какой еще ваншлепина-то!

Въ самомъ дѣлѣ вальдшнепъ былъ матерый и очень жирный.

— Какъ это ты ухитрился убить его въ такой чащѣ?

— Да, вотъ подивитесь-ка! Какъ отъ васъ отошелъ, да опять хотѣль звать Армиду,—вижу, она стоитъ. Я дай ломиться что есть мочи. Тибо, тибо! кричу; а она какъ вкопанная. Подончель — большой смородинный кустъ. Пиль! кричу... Вырвался вальдшнепъ и за дерево. Я заметался туда, сюда — никакъ нельзя: чаща, не видать. На счастье между вѣтвями большая прогалея; только онъ хотѣль протянуть черезъ нее, я его тутъ и поддѣшилъ, голубчикка. Такъ клубкомъ и свалился. Подхожу — ни однимъ перомъ не шевелить.

— Ловко пришлось.

— Что, батюшка? Скажете, и теперь не сравнялся съ вами? Ваншлепъ-то не дергачу чета: я васъ обстрѣлялъ.

— Не радуйся прежде времени: цыплять по осени считаются.

— Вотъ его и въ торока долгоносую животину; винь

зенки-то выпучилъ!.. Ну, теперь на Вязовикъ пойдемте, утокъ шерстить; да потихоньку: вѣдь первыя-то озеринь близехонько, проговорилъ Абрамъ скороговоркой и шепотомъ.

Абрамъ имѣлъ прежде необыкновенное пристрастіе къ утиной охотѣ. Не было для него потѣхи болѣе веселой и пріятной, какъ въ глухомъ, заплывшемъ тиною, травянистомъ озеркѣ травить русскою собакою линяковъ. Тутъ онъ исполнялся весь охотничьей страстью. По поясъ въ водѣ или, правильнѣе, въ грязи, съ острогою *) въ рукѣ, не обращая вниманія ни на томящій лѣтній зной, ни на комаровъ, тучами опускающихся на его смуглую кожу, зальзающихся въ уши за уши, въ ноздри и глаза, ни на слѣпнѣй, кусающихся въ кровь, онъ дѣйствуетъ бывало и на право и на лѣво съ необыкновенною ловкостью и смѣтливостью смертоноснымъ для утокъ оружіемъ. Неизмѣннымъ товарищемъ его въ этихъ подвигахъ былъ Злобный — любимая его собака. Она выгнала ему линяковъ и утокъ изъ густой осоки, съ кочковатыхъ береговъ на средину озерка, гдѣ Абрамъ уже и расправлялся съ ними по своему. Около половины Іюля, въ пору линьки селезней и оперенія молодыхъ, число несчастныхъ жертвъ Абрама, безчестно имъ побѣнныхъ, восходило до весьма значительной цифры. Цѣлую ношу иногда тащить онъ домой и только что успѣеть сложить ее, какъ уже и пустится въ похвальбу свой доблестной удали. Въ послѣдствіи онъ познакомился съ болѣе интересною охотою:—началь стрѣлять въ лѣтъ, сошелся съ охотниками любителями, рискнулъ было похвастать предъ ними успѣхами въ охотѣ на утокъ, но тѣ на первыхъ же порахъ осмѣяли эту страсть и прозвали его утятникомъ, уткодавомъ. Это заставило его мало по малу отстать отъ охоты на утокъ

*) Въ пришекснинскихъ мѣстахъ молодыхъ утокъ и молодыхъ утятъ бываютъ острогою, нѣсколько похожею на острогу, употребляемую при лу-ченіи рыбы.

съ острогой и дворняшкой; но въ души онъ все-таки таилъ къ ней теплое чувство и хотя уже стыдился высказываться, однако же уточка кряковая и шилохвость были для него знатною добычею, изъ которой можно изготовить прекрасную кашицу съ овсяными крупами, что было любимымъ кушаньемъ Абрама.

Узенькой, полузаросшой тропочкой, пролегавшей лѣсною чащею, тихонько подошли мы къ вершинѣ Вязовика. Вязовикъ—крутоберегій, омутистый ручей, затянутый болотными растеніями,—аиромъ, рѣзцомъ, частухой и широколиственными лопухами. По берегамъ его густо разрослись чевремушки, малинникъ, ежевичникъ, смородинникъ и ветла, свѣсясь къ водѣ непроницаемымъ шатромъ. Утки любятъ Вязовики. Имъ привольно жировать подъ густою нависелью, щелучить мутную воду и укрываться въ длинной, косматой осокѣ, растущей подъ берегами. Тутъ и стрѣлять ихъ ловко: изъ подъ берега, изъ подъ самыхъ ногъ, свѣчей поднимается тяжелый кряковень, и какъ, бывало, шарахнешь его изъ коротенькаго ружьца, то не одинъ разъ перевернется онъ въ воздухѣ, и, заломивъ крылья, шлепнется въ воду и ужъ не шевельнется, а только покачивается слегка волненіемъ, произшедшіемъ отъ его паденія. Я пошелъ по правой, Абрамъ по лѣвой сторонѣ. Армиду пустили въ кусты... Легкимъ посвистываньемъ и иногда шепотомъ произносимыми словами: ищи, ищи! шаршь, шаршь! понукаль Абрамъ собаку и зорко слѣдилъ за ея искомъ.

Первый омутъ намъ не далъ ничего. На протокѣ во второй омутъ собака остановилась.

— Тибо! закричалъ Абрамъ протяжнымъ голосомъ. Готовы? спросилъ онъ обращаясь ко мнѣ.

— Готовъ!

— Пиль!

Арміда бросилась. Изъ осоки поднялся кряковень, про-

бился сквозь смородинный кустъ, на секунду запутался въ вершинахъ смородинника и потомъ вытянулся въ линію. Я приложился и выстрѣлилъ: кряковень палъ.

— Скатиль! закричалъ Абрамъ съ другой стороны.

— Разумѣется! А то какъ же?

— Вотъ какъ я его изъ лѣваго-то хватилъ!

— Нѣть, не ты; я стрѣлялъ изъ праваго.

— Какъ вы стрѣляли? Да вѣдь я убилъ кряковня.

— Съ чего ты взялъ? я убилъ.

— Какъ вы убили? Да вѣдь я стрѣлялъ-то.

— Да вѣдь и я стрѣлялъ. На, смотри! Я опустилъ шомполъ въ правый стволъ, и Абрамъ убѣдился, что изъ него было выстрѣлено.

— Вотъ и у меня! и онъ въ свою очередь опустилъ шомполъ въ лѣвый стволъ и тоже убѣдилъ меня, что стрѣлялъ по кряковню.

— Въ одинъ разъ ахнули. Кто же убилъ-то? Вотъ какая еще исторія вышла!..

— Ну кто бы ни былъ, а дичь наша. Возьми да вѣсь въ торока, или пріячъ въ ягдтажъ; Армида же кстати и вынесла его на твою сторону.

— А коли мнѣ въ ягдтажъ, такъ и дичь моя. Поразъ съ Александромъ Михайловичемъ мы этакъ ахнули по одному; я немножко попрежде, съ моего выстрѣла и повалился. Да, нѣть, тотъ оттягалъ у меня; закричалъ: я убилъ, мой, мой! Спорить не приходилось—уступилъ. А какой селезинна важнѣющій былъ.

Во всѣхъ важныхъ и не важныхъ охотничихъ случаяхъ Абрамъ любилъ ссылаться на Александра Михайловича. Это былъ его любимый охотничій авторитетъ. Онъ уважалъ его за мѣткую летовую стрѣльбу, за сметку и неутомимость въ полѣ. Что бы познакомить съ нимъ читателей, привожу здѣсь письмо одного моего знакомаго, написанное по поводу прі-

ѣзда Александра Михайловича въ наши края на охотниче
поприще. Письмо интересно—прочтите!

«Здравствуй! Въ вашу сторону отправляется завтра на
«пароходъ одинъ мой пріятель, страстный ружейный охотникъ
«Александръ Михайловичъ Кондачевъ. Рекомендую его тебѣ,
«какъ отличного стрѣлка, и какъ человѣка, обладающаго
«особымъ оригинальнымъ тактомъ въ дѣлѣ охоты. Во первъ
«выхъ онъ прежадный на дичь, что и стать истинному охот-
«нику. Ужъ если случится сдѣлать съ нимъ выстрѣль въ
«одно время по одной птицѣ и убить, онъ непремѣнно ее
«оттягаетъ: моя, говорить, да и все тутъ, хоть тресни. Я,
«конечно, объясняю это тѣмъ, что не дорога дичь, а до-
«рого убить ее, пріятно чувствовать ее въ своемъ ягдташѣ
«и вывѣсить въ торока, чтобы видно было другимъ, что,
«вотъ, молъ, это я убилъ! Да и самому весело имѣть вну-
«реннее убѣжденіе, что это, дескать, убито мною. Ваша со-
«бака сдѣлала стойку, а ужъ онъ тутъ и подлетѣлъ. Спро-
«сите: зачѣмъ вы? вѣдь, моя собака стоитъ, что жъ вамъ
«нужно?—Да я, говоритъ, такъ, ничего! можетъ, вы про-
«махъ сдѣлаете. И станетъ тутъ на руки, точно чортъ на
«плечи сядетъ; да хоть бы молчалъ, а то такъ и зудить:
«не давайте порываться собакѣ, выдерживайте, смотрите—
«кажется, придается противъ солнца. Тутъ, смотришь—фр—
«бацъ!—и промахъ; а онъ и подѣлить. Чортъ васъ тутъ
«суетъ, Александръ Михайловичъ. Подите вы прочь! — Да
«кто же вамъ велитъ дѣлать промахи; я не виноватъ, а
«послѣ вашаго промаха я имѣю право стрѣлять. Потомъ
«опять та же исторія. Наказаніе. Да что еще дѣлывалъ:
«просто возьметъ, да и убьетъ изъ подъ вашей собаки, не
«дожидаясь вашего выстрѣла. Браните его, пожалуй; ему
«что за дѣло: дичь-то вѣдь въ его ягдташѣ. А ужъ поро-
«чить другихъ охотниковъ страсть его: и поршковъ-то мы
«стрѣляемъ (онъ ужасно любить техническія охотничьи вы-

«раженія) и собаки-то наши плохо ванзируютъ; и онъ-то и «выстрѣла ни почему не даетъ, кромѣ красной дичи; и бѣть-«то онъ все старыхъ, матерыхъ, и собака-то его аппелистая «и ногастая и чортъ знаетъ какая, и чутье-то у нея на де-«сять верстъ... А чего: разъ какъ-то ввелъ я его Султана «въ самую середину тетеревинаго выводка, такъ даже и не «прихватилъ, носомъ не повелъ. — Дичь отыскивать онъ «мастеръ превеликій. Живеть онъ въ городѣ Р. и р...скомъ «уѣздѣ, со дня его поселенія, дичи, по этой причинѣ, все «меньше и меньше. Если онъ тутъ проживетъ лѣтъ десять «еще, то можно надѣяться, что дичь подъ-конецъ совсѣмъ «переведется. Онъ знаетъ, напримѣръ, сколько выводковъ «тетеревиныхъ въ такихъ-то кустахъ, сколько холостыхъ «матокъ, сколько чернышѣй; а кусты, надо замѣтить, верстъ «на пять въ квадратѣ. Начинаетъ ихъ отыскивать. Оты-«щетъ семь штукъ.—Пойдемте, Александръ Михайловичъ,— «говориши ему: ужъ больше нѣть. Нѣть, есть еще восьмой, «и восьмаго отыщетъ и пойдетъ домой или въ другое мѣсто; «а безъ того, пока не отыщетъ, не пойдетъ. Если же слу-«чится поднять девятаго—это, говорить, изъ такихъ-то кус-«товъ перелѣтѣль; тамъ было ихъ пять, теперь осталось «четыре. Дѣйствительно тамъ окажется только четыре. Разъ «какъ-то утащилъ онъ меня въ р...скомъ уѣздѣ за утками. «Подходимъ къ болотинкѣ,—болотинка маленькая, дрянная, «тамъ сямъ кочка, кое гдѣ травники; а онъ такъ и ищетъ, «такъ и понукаетъ Султана. — Полноте, «Александръ Ми- «хайловичъ, да тутъ нѣть ничего! — Нѣть, «есть выво-«докъ. — Какой тутъ выводокъ, Александръ Михайло- «вичъ; гдѣ ему здѣсь вестись. Ну, вотъ, вы еще за- «вѣряете; тутъ выводокъ кряковыхъ, восемь штукъ, и между «ними еще одинъ хромой! Мы искали, искали, но выводка «не оказалось. Александръ Михайловичъ пустился ругать «Рудневыхъ, говоря, что это они, мошенники, его мѣчен-

«ную дичь подобрали. Действительно оказалось послѣ, что «Рудневы взяли на этомъ мѣстѣ восемь штукъ кряковыхъ «утокъ и между ними одного хромаго. Вотъ каковъ Александъръ Михайловичъ! Онъ въ р...скомъ уѣздѣ—козель въ «огородѣ: берегите ваши мѣста»...

Конечно въ этомъ письмѣ оказалось нѣсколько краснѣющихъ словцовъ относительно Александра Михайловича; но не менѣе того вѣрно, что онъ въ стрѣльбѣ дока и въ отысканіи дичи действительно первостатейный мастеръ. Какихъ уловокъ и хитростей не употребляетъ онъ, чтобы развѣдать, гдѣ хорошая тяга вальдшнеповъ, гдѣ показались бекасы и дупеля, гдѣ видѣли выводокъ тетеревей или куропатокъ. Еще весною, какъ только начнетъ спариваться дичь и садиться на гнѣзда, шныряетъ онъ верстъ на пятнадцать въ окружности по всѣмъ трущобамъ и крѣпамъ, подмѣчая куропаточи, вальдшнепинъ и тетеревинъ гнѣзда, и если гдѣ удастся ихъ отыскать, то онъ безсопно за ними наблюдаетъ, разсчитывая время вывода молодыхъ, даетъ имъ достаточно подности, и ужъ непремѣнно всѣхъ переколотить. Отправляясь на охоту верстъ за двадцать пять, онъ полный ягдташъ набиваетъ пряниками суслениками, явится въ деревню и цѣлую ватагу соберетъ около себя мальчишекъ. Мальчишки лѣтомъ и коровъ въ поле гоняютъ, и по грибы и по ягоды ходятъ въ лѣсъ, по болотнымъ низямъ собираютъ дитли, по лугамъ—щавель, слѣдовательно чаще всѣхъ наталкиваются на куропаточи и тетеревинные выводки. Пряники заставляютъ разговориться мальчиковъ. Разлакомленные суслениками, начнутъ они ему рассказывать, что и тутъ-то видѣли тетеречку, и тамъ-то тетеречку съ цыплятками. Александръ Михайловичъ отлично съумѣеть воспользоваться свѣдѣніями, вытекающими изъ этого живаго источника, и возвращается съ поля съ ягдташемъ, плотно набитымъ дичью.

Отъ природы сухощавый, слабосильный, маленький ростомъ—Александъръ Михайловичъ переносить неимовѣрные труды и тя-

жести на охотѣ. Отправляясь на поле куда-нибудь подальше дни на два, на три, тащить онъ въ лѣтній зной не поморщившись слѣдующій запасъ: жестянку съ сахаромъ, жестянку съ чаемъ, вмѣстительный стаканъ, порохъ и дробь запасные, сухарики и попутники — все уложенное въ просторный,увѣсистый ягдтасъ. На кушакѣ у него виситъ мѣдный чайникъ, за кушакомъ заткнутъ топорикъ, а за плечами на ремняхъ закинута скатанная офицерская парусинная палатка. Это онъ отправляется на легкѣ въ отхожее поле. Пришедши на мѣсто, онъ разбиваетъ на избранномъ пунктѣ палатку, спить въ ней по ночамъ и нѣжится въ полдневный зной.

Да извиняйтъ меня за отступленіе, сдѣланное по поводу почтеннаго моего друга, Александра Михайловича. Охотничьи способности его были такъ замѣчательны, что я не утерпѣлъ, чтобы не познакомить съ ними при теперешнемъ случаѣ собратовъ по искусству и по страсти. За тѣмъ продолжаю начатый разсказъ. Безъ замѣчательныхъ особенностей докончили мы обходъ Вязовика, убивъ еще по парѣ утокъ, и сдѣлавъ нѣсколько пуделей по чиркамъ. Солнце своротило съ полудня. Потребность отдыха и пищи становилась ощущительною.

На маленькомъ пригоркѣ, подъ тѣнью стога и вѣтвистой ивы, расположились мы для подкѣплѣнія своихъ силъ. Открыто растялся предъ нами широкій лугъ со множествомъ стоговъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ и тамъ и сямъ. Это Шуйскія Чисти. Посрединѣ ихъ извивалась травянистая рѣчка Шуйга; а за нею темнѣлъ вдали сплошной грядою хвойный лѣсъ. Небо было чисто; только съ сѣверной стороны на горизонтѣ столпилось нѣсколько кучевыхъ облаковъ, фантически выдвинувшихся на подобіе отдаленныхъ горъ, увѣнчанныхъ снѣговыми вершинами. Какъ горы же стояли они неподвижно и неизмѣнчиво. Въ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка: грудь дышала легко и свободно. Неуто-

мимые путешественники — пауки плыли на своихъ воздушныхъ гондолахъ куда-то, въ невѣдомыя страны. Скоро-ли они найдутъ конецъ своему путешествію, и гдѣ онъ, этотъ конецъ?! Господи! какой широкій просторъ, какая безграницность міра!..

— Что, усталъ? спросилъ я Абрама, съ завиднымъ аппетитомъ упивающаго пирогъ сметанникъ и яйца въ густую.

— Устать-то не усталъ, а проголодался таки порядочно.

— Это я вижу.

— Оно червячка-то заморишь, такъ лучше — на животъ не бурлить.

— Конечно лучше. Вонъ какой-то охотникъ бредеть.

Отъ Шуйги приближался къ намъ высокаго роста человѣкъ съ ружьемъ и русскою собакою.

— Кто бы это былъ? спросилъ Абрамъ самаго себя и, сдѣлавъ рукою зонтикъ надъ глазами, началъ внимательно разматривать приближавшагося.

— Кто нибудь изъ сельскихъ.

— Нѣть, не изъ сельскихъ. А, это Голубевъ.

— Кто такой Голубевъ?

— А помните солдата въ М., въ инвалидѣ служить?

— Знаю; да какъ же онъ сюда попалъ?

— Въ гости пришелъ; вѣдь онъ родомъ-то изъ нашего села.

Голубевъ подошелъ къ намъ. Это былъ видный, статный солдатъ, неутомимый охотникъ, говорунъ и хороший услуга.

— Здравствуй, Голубевъ! Давно-ли здѣсь? привѣтствовалъ я подошедшаго солдата.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе! Здорово, Абрахѣ!

Съ недѣлю гошу у своихъ-съ.

— Что забилъ?

— Убиль парочку кряковешковъ, ваше благородіе; а мѣста выходилъ много-сь: дичи нѣтъ.

— Гдѣ тебѣ найти дичь, на посидѣлкахъ твоя дичь-то.

— Э, Абраха, не ты-бы говорилъ, не я бы слушалъ, не свои ли грѣхи рассказываешь.

— Свои грѣхи, свои грѣхи! Не свои, а твои...

— Ну да не въ томъ дѣло, — перебилъ я Абрама, — садись-ка, Голубевъ, да прикуси вмѣстѣ съ нами.

Голубевъ починился не много, однако-же сѣлъ, принялъ отъ меня пару яицъ и два пирожка и попросилъ хлѣбца для Буфетки.

— Что, твой Буфетка, еще служить?

— Еще хорошо служить, ваше благородіе.

— Служитъ его Буфетко, — давитъ утокъ, — иронически замѣтилъ Абрамъ.

— А твой-то Злобный развѣ не давить ужъ утокъ? Помнишь, вмѣстѣ хаживали по озерамъ-то...

— Это было, да сплыло; я нонче за линяками не хожу.

— Вотъ какъ! Давно-ли на тебя такая спѣсь нашла, Абрамъ Абросимовичъ? подсмѣялъ Голубевъ.

— Давно ужъ не хожу, — отвѣчалъ коротко Абрамъ. — Разговоръ на минуту прекратился. Изъ рѣчей Абрама я додогдался, что ему неизрѣтно присоединеніе къ намъ Голубева. Каждое постороннее вмѣшательство на охотѣ всегда его досадовало; но не надолго: по добродушному характеру своему онъ скоро смягчался.

— Что изволили убить, ваше благородіе? отнесся ко мнѣ Голубевъ.

— Да начинъ полю хорошъ: около одиннадцати штукъ убили.

— Не чета твоимъ кряковнямъ; наша дичь-то вотъ какая!

И Абрамъ началъ показывать Голубеву убитую дичь, рассказывая по порядку и подробно весь ходъ нашей утренней охоты.

— Хорошо-ли поохотились въ городъ? спросилъ я Голубева, когда Абрамъ переказалъ уже всю дичь и кончилъ свои рассказы.

— Ходили съ барами-съ. Да что, какая охота. Послѣднее дѣло ихняя охота!

— А что?

— Стрѣлки плохіе-съ, а туда же суются. Каждыи день слышишь: Голубевъ, пойдемъ! сведи на хорошія мѣста. Дѣлать нечего, пойдешь: паше дѣло подначальное.

— Съ кѣмъ же это ты ходилъ!

— Да съ братцами нашего капитана, ваше благородіе.

— Кажется ты страшный охотникъ-то, для тебя бы все равно, съ кѣмъ-бы не идти въ поле?

— Это-то правда-съ! да, вѣдь, вчуже сердце надрываетя, смотря на ихнюю охоту; два осталопа эдакихъ выросли, а ума не вынесли: никакой смѣтки нѣть.

— Чѣмъ же они тебѣ такъ насодили? спросилъ Абрамъ.

— Да всѣмъ: безтолковы очень и меня чуть въ исторію не ввели.

— Въ какую исторію?

— А вотъ выслушайте какая грѣховодная оказія случилась: пошли это мы къ Стѣнову на болота. Въ тѣхъ мѣстахъ вы, вѣдь, не бывали-съ, не знаете приволья-то тамошняго... Мѣста всѣ этакія обширныя: мочевины съ болотнымъ хвощемъ, да приболоти съ густой осокой и дудышникомъ, утки, какъ мякины,—есть гдѣ душѣ развернуться. Ружье со мной долгачъ было-съ, а дробь рубленая. Къ настоящей-то теперь, вѣдь, приступу нѣть: дорога-съ *), не по карману нашему брату солдату, а тутъ возьмешь некупленыхъ пуль, выколотишь на обухѣ, нарубишь верешечками, и такъ-то-ли знатно отжариваешь, что на поди. Изъ собакъ Буфетко со мной былъ, а

*) Въ 1854 году свинецъ былъ 25 коп. фунтъ по слухамъ войны.

съ барами Розка, такъ самая непутящая собаченка, изъ полекъ. Приходимъ на мѣста-съ. Мои господа съ кипяточку-то тотчасъ же разбѣжались по болоту. Заломили фуражки, замки у ружей на взводахъ, одинъ передъ другимъ на перерывъ лунять впередъ безъ всякаго толку,uderжу нѣть! Утки изъ хвошинъ то-и дѣло начали стадами подниматься, и пошла потѣха: бацъ, да бацъ на воздухъ, бацъ, да бацъ безъ выдержки, безъ пріцѣлу; собаченка гоняетъ, они орутъ, дичь летить, въ болотъ только стонъ стоитъ отъ крякотни. Ну, думаю, соколы,—много набѣешь съ вами дичи. Взялъ, да и пошелъ отъ нихъ въ другую сторону-съ. Только этакъ отвернулся,—стадо шилохвостовъ изъ-подъ ногъ. Я какъ хлестопу изъ своей фузеи—тройка и покатилась. Оглянулся я на ихъ благородій-то: куда тебѣ, и не замѣтили моего выстрѣла, дуютъ себѣ и въ хвостъ и въ грину, да и все тутъ. Разошлись мы. Въ тотъ день мнѣ посчастливило сильно; набилъ я дичи столько, что едва въ моготу тащить. Солнце ужъ сѣло за лѣсъ, какъ кончили я охоту, вышелъ на дорогу и побрелъ по легоньку къ городу. Вотъ, вижу и мои охотники тянутъ изъ болота. Смотрю на торока: у одного болтается чиркушка, у другаго утенокъ нырковой. Увидали меня и давай дивоваться, какъ вороны каркать: ай, ай, Голубевъ! Дichi-то у тебя что, дichi-то! Подари, пожалуста, голубчикъ, по парочкѣ!—Дѣлать было нечего, далъ я имъ по парочкѣ кряковневъ,—ионили вмѣстѣ. Идемъ-съ этакъ, да та-раторимъ; я легонько подсмѣиваюсь надъ ними, вдругъ старший-то и говоритъ: Голубевъ! начнемъ у попа въ Кулигѣ; до городу-то идти еще далеко, пріусталъ, говоритъ, я больно; а попъ знакомый, радъ будетъ и чаемъ напоить. Какъ, моль, вашему благородію угодно будетъ; пожалуй, говорю, и у попа начнемъ; мнѣ все равно. Приходимъ черезъ полчасика къ попу. Попъ старикъ важеватый, разговорчивый; попадья бабица такая, тремя охапками не охватишь, на рѣчахъ гудокъ, а дѣло такъ въ рукахъ и кипить. Попила у нихъ хлопотия, чаемъ

угощать начали, и мнѣ стаканъ вынесли-сь. Разумѣется, вмѣсто стакана-то чаю, лучше бы гораздо хорошую столбуху водки, ну, да и на томъ спасибо: все же теплоту по сердцу пустилъ. Послѣ чаю дали еще поужинать и даже собакъ накормили. Барамъ моимъ отвели покой въ комнатахъ; а я одинъ однехонекъ улегся на кухнѣ. Кухня такая большая, чистая, вездѣ прибрано, вымыто: видно, что хорошая въ домѣ хозяйка-сь. Завалился я это на печь таково знатно, и только что началь засыпалъ, вдругъ Розка, собаченка-то, прыгъ ко мнѣ, забралась за спину и давай чесаться: то за ухомъ смурыжеть лашой, то за загривкомъ; фыркательную подняла, возится, отряхивается, скучить—не даетъ, проклятая, покою... глазъ не могу сомкнуть... Раздосадовалъ я на нее, да направилъ ее съ печи-то долой! Бултыхъ моя Розка, и прямо попала въ квашню. Квашня—это поставлена была у попадьи на шесткѣ въ пребольшущей квашенкѣ, такъ и врѣзилась въ нее собаченка по самыя уши. Насилу - насилиу она вылѣзла оттуда, вся перемазанная, точно штукатуркой покрыта, и начала отряхиваться; весь полъ и стѣны забрызгала тѣстомъ. Вижу дѣло плохо-сь,—попадья сгонитъ меня со свѣту; я поскорѣй съ печи-то долой, давай одѣваться, да обуваться, схватилъ дичь, ружье, —смотрю, гдѣ Буфетка? иѣть его нигдѣ, каналы! Вдругъ, что же вижу-сь? Забрался онъ, шельмецъ, на залавкѣ въ желобъ съ мукой, что гдѣ хлѣбы катаются, перепатрялся весь въ мукѣ какъ кипень бѣлый, вздернуль ноги къ верху и спитъ себѣ на спинѣ преспокойно. Тутъ ужъ меня изъ ума выкинуло! Схватилъ я Буфетку и безъ памяти бросился въ городъ. Ихъ благородія такъ тамъ и остались... Такъ вотъ она-сь какая грѣховодная оказія-то случилась.

— Что же попадь-то, попадья-то? спросилъ Арамъ, покатываясь со смѣху отъ разсказа Голубева, переданного съ комическою важностию.

— Что попадья-то? прахъ ее вѣдаетъ что, я у нея не

бывалъ послѣ, не смѣяъ глазъ показать; а стороной слышалъ, что озоруемъ меня зоветъ.

— Чѣмъ же тутъ ихъ благородія-то виноваты? спросилъ я Голубева.

— А какъ же не виноваты-сь: первое, носились по болоту, какъ бѣшеные, примучили только себя попусту, потомъ паршивую эту собаченку таскали съ собой; а тутъ по ихъ же милости къ пону ночевать... оно дѣло-то и выходитъ, что они виноваты-сь.

— Ну, если разсуждать такъ, такъ, пожалуй, что они и виноваты.

— То-то, я думаю тебя попадья-то золотила, какъ увидала твои проказы? спросилъ снова Абрамъ.

— Конечно золотила; гдѣ же не золотить — хоть до кого доведись!

Позаравившись порядочно попутниками, всѣ мы почувствовали расположение соснуть. Натеребили изъ стога сѣна, разбили его въ мягкой постельникѣ и преснокойно улеглись на этотъ здоровый и ароматный пуховикъ.

Первый возсталъ отъ сна Абрамъ, за нимъ поднялись и мы. Солнце склонялось къ западу, жаръ спалъ и подуло легонькій вѣтерокъ. Забороздило поверхность рѣчки Шуйги, закачались на ней широколистственные липухи, зашевелилась по краямъ ростущая осока и зашептали трепещущія листья на деревьяхъ. Черные стрижи визжали падъ нашими головами, со свистомъ разрѣзывая воздухъ своимъ полетомъ, громкій крикъ чаекъ раздавался съ озера; а надъ склоненными пожнями тамъ и сямъ повисли маленькие ястребки, высматривающіе добычу.

Всѣ втроемъ спустились мы къ Шуйгѣ. Низкіе берега ея усыпаны были мелкимъ кочкарникомъ, между которымъ сочилась ржавая пльсень, къ самой же водѣ шла иловатая грязь. По грязи любили жировать чирята и кулички разныхъ

мелкихъ породъ, а въ кочкахъ мѣстились бекасы. Дупель уже слетѣлъ съ нашей пришекснинской мѣстности. Онъ долго въ ней никогда не заживается: низкая болотистая лѣснина, съ тучами комаровъ и мошекъ, не дозволяетъ этой благородной птицѣ заправляться здѣсь тѣломъ, и потому она сейчасъ же послѣ вскормленія дѣтей переселяется въ нагорные края на жиры. Скоро Голубевъ, не хотѣвшій охотиться за мелкою дичью, отвернулъ отъ насы съ неизмѣннымъ своимъ Буфеткомъ въ сторону для подбиранія утченокъ съ маленькихъ озеринокъ, раскиданныхъ по всѣмъ направленіямъ обширнаго низменнаго луга «чистей»; а мы съ Абрамомъ занялись стрѣльбою бекасовъ. Армида то и дѣло останавливалась, то и дѣло выскачивали изъ кочкарника вертovатые долгоносики и, сопровождаемые выстрѣлами, или падали, или уносились далеко, перемѣщаясь по всѣмъ направленіямъ широкаго луга.

— Эки проклятые стрекулятники! Шесть разъ выстрѣлилъ, убилъ только пару — прытки больно! съ негодованіемъ вскричала Абрамъ.

— Тебѣ бы все утокъ стрѣлять: поднимется изъ осоки какъ ворона — бацъ! и валится. Нѣть, поддѣнь ты здѣсь мѣткимъ выстрѣломъ вотъ этого ферта, молоцъ будешь.

— Да что толку въ этомъ фертѣ-то, отвѣчалъ на мои слова Абрамъ, съ презрѣніемъ разсматривая убитаго бекаса, лежавшаго у него на ладони; только въ носъ, да въ ноги и выросъ: одинова укусить, да и того мало. Вотъ утка, особо крякуша, доподлинно есть дичь: изъ одной кашница знатная выйдетъ.

— Что и говорить! Ты ужъ извѣстный утятникъ, въ этомъ тебя не переспоришь.

— Нѣть, оно не то, что утятникъ, спохватившись возврашивъ Абрамъ, очень нелюбившій прозвище утятника. Я вотъ про молодыхъ тетеревей или про ваншлена ничего не говорю;

то дичь видная, почетная; а этот—стремулистишка голенастый, больше ничего. Но въ эту самую секунду изъ-подъ ногъ сорвался бекасъ, и Абрамъ не утерпѣлъ, чтобъ по стремулистишку голенастому не сдѣлать сряду двухъ выстрѣловъ на воздухъ.

— Штьфу! срамное дѣло! Не стану ихъ стрѣлять окаянныхъ.

— Полно, не плюйся, заряжай ружье, да ступай. Вѣдь надо же когда-нибудь учиться бить въ летъ, не все же только ио сидячимъ, подстrekнуль я Абрама, который и безъ того уже торопливо излаживалъ свою фузею, готовясь шаркнуть еще разъ пуделеваннаго бекаса, какъ бы на зло перемѣстившагося не подалеку.

Такъ продолжали мы охотиться до солнечнаго заката. Ружейной провизіи истрачено было много; по за то преизрядное количество досталось и въ добычу. Голубевъ, натѣшившись по уткамъ сколько душѣ было угодно, нарѣзавши ихъ цѣлую торбу *), присообщился къ намъ и, наконецъ, направили мы свои усталыя, тяжелыя стопы къ дому. Багряная заря, какъ огненное море, облила горизонтъ и чудными, разноцвѣтными тѣнями заиграла на ступеняхъ рѣденъкихъ облачковъ, расположившихся надъ нею лѣстницею. Съ другой стороны величаво встала луна и еще величавѣе попыла она по небу. Густые голоса кряковыхъ утокъ, перекликавшихся по зарѣ, раздавались по всѣмъ сторонамъ; чирки рѣзвымъ полетомъ сновали туда и сюда и, садясь по лугамъ и озеринкамъ, бороздили гладкую поверхность воды, отъ волненія которой медленными движеніями раскачивались серебряные лучи, глядѣвшагося въ нее мѣсяца. На сѣверо-западѣ змѣилась зарница.

— Ты какъ, Абраха, съ своими глухарями справлялся ионече по веснѣ? спросилъ Голубевъ, раскуривши корешки въ

*) Мѣшокъ для дичи, замѣняющій ягдташъ, въ нашей сторонѣ называется торбою.

маленькой изъ корельской березы трубочкъ, насаженной на чубучекъ—коротышекъ.

— Ничего, нынче поохотился хорошо, около двухъ десятковъ взялъ,—отвѣчалъ Абрамъ, убирая ватрушку за обѣщеки и тяжело передвигая ноги отъ усталости.

— Все больше по насту, чай, охотился; али когда снѣгъ сошелъ?

— По насту все; послѣ снѣгу-то штуки двѣ убилъ, не больше...

— На старомъ же мѣстѣ токъ-то былъ?

— Начался-то на старомъ, а потомъ сдался въ глушь, въ гризу.

— Какъ же отыскаль его? спросилъ съ любопытствомъ Голубевъ.

— А ужъ такая линія подошла—отыскаль и натѣшился такъ, что вѣки по вѣки этакъ не приведется.

— Какъ же это?

— А вотъ расскажу все по порядку. Въ самый день это Маріи Египетской случилось. Утро было знатное, тихое, утренникъ крѣпкій,—такъ засковородѣло, что по насту хоть поѣзжай. Прибѣжалъ я на токъ рано, только что начало брезжиться—свѣтъ этакимъ бѣлымъ пятномъ на восходѣ расходиться сталъ. Сѣль къ соснѣ и слушаю: нигдѣ ничего не шелохнеть. Долго я этакъ сидѣль; разсвѣло на бѣло, заря показалась на небѣ, курошатки за горланили, польники перечувыкиваться стали, а глухарей слухомъ не слыхать. Тутъ ужъ ждать было нечего—сдались, значитъ, куда нибудь: надо было отыскивать. Взялъ я этакъ направо, пробѣжалъ съ версту; прислушиваюсь, ничего. Взялъ налѣво версты полторы — ничего. Что за оказія! Куда бы могли дѣваться? Вдругъ вижу тетеря глухая летить къ болоту и такъ ли кокочѣть, что только отзывъ раздается; за ней другая, третья, четвертая и много откуда-то ихъ под-

нялось и всѣ летять въ одну сторону. Постой, думаю, это они на токъ летятъ; дай, побѣгу по полету, авось отыщу. Пустился я что было силъ, лобъ залисили, подобралъ полы у тулупа, удираю во всѣ лопатки, не переводя духу. По насту-то, вѣдь, ходовито: такъ нога ногу и погоняетъ. Съ полчаса бѣжалъ я времени не отыхаючи, потомъ остановился и началъ слушать: нигдѣ ничего не зыкнетъ, пташка не прощебечетъ, какъ будто все вымерло. Туманъ такой густой спустился, что макушекъ у сосенъ было не видать и свѣтъ отъ зари совсѣмъ заволокло. Опять подралъ я во всю мочь и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока духъ не захватило. Вдругъ слышу, толсто таково прококотала тетеря... Я такъ и приросъ къ одному мѣсту, шапку сорвалъ съ головы и на вострилъ уши. Слышу—войну страшную, такая идетъ хлопотня крыльями, что примѣни — въ мостину гуменную дуютъ цѣпами. А, голубчики, вотъ они гдѣ бражничаютъ; постойте же, думаю, я къ вамъ подберусь лихо. Пошелъ я потихоньку, поднялся на борь. Ельникъ на бору такой густой, я началъ пробираться ельникомъ на цыпочкахъ, такъ осторожно, что самъ своихъ шаговъ не слышу. Промежъ двумя борами проходитъ тутъ такая мишерина, низкое мѣсто съ знатнымъ соснякомъ. Эту паточину я давно зналъ, и по всѣмъ примѣтамъ еще прежде полагалъ, что тутъ долженъ бывать глухаринный токъ. Теперь они на этомъ самомъ мѣстѣ и воевали; слышно въ нѣсколько голосовъ ярятъ, а больше дерутся: такъ-ли хлещутъ другъ друга, что уму невообразимо. Подошелъ я какъ только возможно было близко къ току и сталъ за ель. Штукъ десять глухарей токовали и дрались по насту; да не одинъ десятокъ сидѣло ихъ по деревьямъ и по всѣмъ сторонамъ кокотали и ростились тетеръки. Я совсѣмъ ошалѣлъ, не знаю что мнѣ и дѣлать: подходить къ одному—остальные увидятъ, разлетятся; податься впередъ — нельзя, дальше

рѣдочь начинается. Къ моему же горю туманъ подобрался и солнце стало всходить. Надумалъ я оставить глухарей непугавши, чтобы на утро прійти какъ можно раньше, и за- сѣсть на самый токъ. Послѣ такого рѣшенья идти бы на- задъ слѣдовало; а я отъ мѣста оторваться не могу, глазъ не хочется отвести отъ бойцовъ: такъ они козыремъ и хо- дятъ, такъ и скребутъ крыльями насть. Вотъ одинъ спустил- ся и сѣлъ отъ меня близехонько, шагахъ въ сорока, осмот- рѣлся, защелкалъ и давай наяривать, вчастухи такъ и то- куетъ, такъ и токуетъ; хвостъ вздернулъ, шею раздуль, крылья распустилъ и все ко мнѣ ближе, да ближе. Вдругъ, вижу, другой за нимъ бѣжитъ, отдѣлился отъ драчуновъ-то... тутъ ужъ я ждать не сталъ, приложился по первому-то и выстрѣлилъ. Вздернулъ ноги мой глухарь; трепещется. Тотъ съ выстрѣлу-то немного пріостановился, да какъ увидалъ, что товарищъ его хлопаетъ по снѣгу крыльями, налетѣлъ на него и давай тенетить: бѣть его и крыльями, и носомъ, и ногами—только перья летятъ по воздуху! Я скорѣй за ель— тороплюсь, заряжаю ружье,—одностволка была—засунулъ кое-какъ порохъ, пыжи, дробь, только что наложилъ пистонъ, вдругъ—щелкъ передъ самымъ моимъ носомъ,—гляжу, еще глухарь откуда-то выкатилъ. Растопырилъ крылья, задралъ голову, и сажени въ три отъ меня такъ павой и плыветъ. Я не знаю по которому и бить: по тому-ли, что треплеть убитаго-то, или по этому молодцу? Приложился, хватиль по этому, да такъ заторопился, что всѣмъ зарядомъ по хвосту шлепнулъ, поднялся глухарь и полетѣлъ цѣлехонекъ, только хвостъ остался на снѣгу. Эко, думаю, срамиое дѣло, въ три сажени въ такую большую мостину не могъ попасть. Давай снова заряжать ружье, чтобы хватить по тому, что убитаго-то терзаетъ, приложился вѣрнѣй, свалилъ! Ну, слава Богу, есть пара, хоть надо бы, по настоящему-то тройкѣ быть; жалко, да что же дѣлать: и на Машку бываетъ про-

машка. Покамъстъ я это съ ними тутъ возился, всѣ смотрѣлъ прямо на то мѣсто, гдѣ у нихъ драка была, а не въ умѣ оглянуться въ лѣвую руку. Сталъ я ружье заряжать, и нечаянно оглянулся въ лѣво-то, такъ и обмеръ! Просѣка въ эту сторону шла вдоль всего бора... Глухари черезъ нее такъ и снуютъ, какъ членоки, взадъ и впередъ, и какая же пропасть: точно дѣдушка лѣсной сигналъ ихъ въ одно мѣсто со всего лѣса. Эдакой ужасти мнѣ и во снѣ-то никогда не снилось. Ну, налюбовался же я на нихъ тутъ вдоволь! И какихъ, какихъ штукъ они не выдѣльвали: и припархиваются-то, и припрыгиваются-то, и индѣйскимъ-то пѣтухомъ кружатся; а тетеръки такъ и шмыгаются между ними, такъ и ластятся къ самцамъ: головку прижмутъ къ плечикамъ, скохляются, присядутъ. Послѣ этакаго случая никому въ свѣтѣ не повѣрю, что будто тетери кладутся отъ слоней самцовъ; вздоръ это все одинъ разсказываютъ! Долго я стоялъ, все смотрѣлъ на нихъ, съ мѣста не могу двинуться, какъ будто меня приморозило тутъ. Вдругъ надъ моей головой захлопотало: глухарь усѣлся на ту самую ель, подъ которой я стоялъ—и заскиркаль таково звонко. Я поднялъ къ верху ружье и выстрѣлилъ: какъ снопъ съ ели-то рѣзнулся онъ обѣ настѣ и хоть бы шевельнулся, какъ будто никогда и живъ не былъ. Три штуки есть, дѣло хорошее, это цѣлая ноша, только въ мотогу до дому дотащить, пора бы охоту пошабашить, думаю я; а самъ заряжаю ружье, да смотрю туды, вдаль по просѣкѣ-то. Вижу, пребольшой глухарина; должно быть старикъ, бѣгаетъ за молодымъ, да такъ и норовитъ его теребнуть; а тотъ отъ него уленетываетъ и все въ крючки, въ крючки, и потомъ вдругъ снялись оба и полетѣли прямо на меня. Я далъ сравняться, да въ-поперечь какъ царапну по переднему, такъ черезъ голову кубаремъ и покатился. Четыре есть, будетъ; пожалуй и не стащить. Двинулся я собирать свою охоту, да только сдѣлалъ шагъ

впередъ, и ушелъ въ снѣгъ по поясъ, на силу выкарабкался; переступилъ—опять по поясъ! Тутъ-то я очуствовался—до какой поры пробылъ въ лѣсу. Взглянуль на солнышко: ужъ гдѣ-то деретъ по небу и такъ ли знатно припекаетъ, что весь настѣ распустило. Кое какъ собралъ я свою добычу, связалъ ремнемъ, полы у тулупа подоткнулъ, ружье закинулъ за спину, и остановился въ раздумьи—по какой дорогѣ мнѣ идти. Напрямикъ къ дому ближе-бы, да не доберешься, настѣ развелъ, не выкидываетъ; на большую дорогу выйти, много крюку; но все же лучше, меныше снѣгомъ идти приведется. Пошелъ на большую дорогу, и умно сдѣлалъ; даже и теперь за это себѣ спасибо говорю. Если бы идти прямо, то не быть бы мнѣ живому, потому тогда верстъ шесть по снѣгу хрѣмать привелось бы, а тутъ только двѣ версты до дороги, да и то натерпѣлся я такой муки, что злому ворогу того не пожелаю. Ступлю шага два-три—ухъ! по самую грудь; а ноша-то глухарина сверху еще надавитъ. Бѣешься, бѣешься, выползешь кое какъ, шагнешь нѣсколько разъ, опять ухъ! подъ снѣгомъ-то все вода, на мнѣ валенцы; налились и смокли они какъ тряпица, и отяжелѣли такъ, что точно пудовики на ногахъ-то. Промаялся я эдакъ съ четверть версты, моченьки нѣть, со всѣмъ выбился изъ силъ, самаго въ жаръ бросило; а ноги зазябли до того, что сперва ныли, а потомъ и чувствіе въ нихъ потерялъ: совсѣмъ одервенѣли и замерли. Вижу, такъ мнѣ недойти, на хитрости надо подняться. Сломилъ я то-ненѣкую елку, привязалъ къ ней на вершину глухарей и тулупъ, все же облегченье, самъ остался въ легонькомъ полушбученкѣ и поползъ на четверенькахъ по снѣгу; а ношу поволокъ за елку за собою. Этакимъ манеромъ двѣ то версты я ползъ часовъ шесть, и такую страду принялъ, что вспомнить страшно: голодъ началъ мучить, на желудкѣ мутить, а въ головѣ отъ чего-то шумъ поднялся. Домой я прибрелъ ужъ ночью, поѣль, добрался до постели и заснулъ, какъ въ воду погрузъ.

— Ну, братъ Абраха, похожденье же. Что-бы тебѣ глухарей-то бросить: прахъ ихъ возьми, своя жисть дороже, сказалъ Голубевъ, выслушавшій съ большимъ вниманьемъ разсказъ Абрама.

— И въ умъ этого не приходило, отвѣчалъ Абрамъ. Какъ можно дичь бросать! До послѣдняго истощенія не покинулы-бы. Что и за охотникъ есть, который набить дичи—набьетъ, а принести домой не съумѣеть?

— Болѣнъ, чаю, сдѣлался ты послѣ такой передряги? спросилъ Голубевъ.

— Нѣть, на счетъ болѣзни Богъ помиловалъ; черезъ день же опять побѣжалъ на токъ.

— Ну, что же?

— Ужъ такого слету не было, по насту токовали мало, больше все по деревьямъ и въ розницу, подходить приводилось въ тахту *). Однако и въ другорядъ-то три штуки убилъ.

— И долго эдакъ охотился?

— Да, пока настъ держался; не помню, кажется съ недѣлю ходилъ и каждое утро то по штука, то по парѣ таскалъ.

— А въ водополицу-то неужто не ъздилъ на токъ?

— Какъ не ъздить, ъздили; но току ужъ совсѣмъ не было, ни одного глухаря и не видалъ даже; двухъ тетерь только убилъ и то силами—неправдами.

— Налетѣли что-ли? полюбопытствовалъ Голубевъ.

— Нѣть не налетѣли. Пріѣхалъ я, видишь ты, на борь-

*) «Къ токующему глухарю ранней весною можно подходить изъ-за дерева, и даже по чистому мѣсту, соблюдая ту осторожность, чтобы идти только въ то время, когда онъ токуетъ и вдругъ останавливаешься, когда онъ замолчитъ; весь промежутокъ времени, пока глухарь не токуетъ, охотникъ долженъ стоять неподвижно, какъ статуя». *Аксаковъ.* (З. Р. о О. губ.).

то въ легонькой лодочкѣ, одинъ въ иочевку. Съ вечера забрался на токъ и просидѣлъ до самаго утра — все ждалъ слету: ни одинъ глухарь даже крыльями не прохлопоталъ. Солнышко ужъ высоконочко поднялось, какъ пошелъ я рыбчиковъ искать. Только эдакъ иду около заливы-то, да на-свистываю въ дудку; вижу пара глухихъ тетерь сидѣть на осинѣ. Подходить никакимъ манеромъ нельзя — осину поняло водой; я взялъ, разболокся до-нага и побрелъ. Вода такая холодѣющая, въ иныхъ мѣстахъ даже со снѣгомъ и все глубже да глубже; а я, знай себѣ, бреду да бреду; побрелъ я къ нимъ эдакъ сажень на пятнадцать, приложился, ударили по нижней, свалилась; а другая и пересѣла еще туда дальше, на ель. Зарядилъ я ружье изъ запаснаго патрона и побрелъ къ ней подбираться. Тутъ привелось брести очень глубоко, до подмышекъ доходило, за то и подошелъ же я подъ самую ель, на которой сидѣла тетеря, прямо стрѣлять привелось; какъ упала съ ели, такъ меня брызгами и окатило. Возвратился на боръ, сейчасъ развелъ *пажокъ* (пожогъ), и давай отогрѣваться.

— Ну, братъ, Абраха, истощникъ-же ты! одобрительно воскликнулъ Голубевъ.

— Будешь, братъ, истощникомъ, какъ охота-то словно ржа желѣзо Ѣсть: ни днемъ ни ночью покою не даетъ.

За этимъ послѣдовало разсужденіе, что такое охота значитъ и какъ она иной разъ бываетъ пуще неволи.

Вскорѣ мы вышли на Шексну, именно на ту ея часть, гдѣ она называется Простью. Простъ — это проказы природы, прихотливое образованіе новаго русла. Лѣтъ около ста тому назадъ, какъ разсказывается преданіе, тутъ не было рѣки; но пролегалъ очень неглубокій логъ, по которому въ весен-ніе разливы было сильное проносное теченіе. Рѣка же шла лѣвѣ, огибала мысъ верстъ на тридцать и, возвратившись очень близко къ своему повороту, продолжала течь далѣе

уже прямыми плесами. Время отъ времени дѣйствiемъ весеннихъ водъ логъ все болѣе и болѣе углублялся, все болѣе и болѣе готовился сдѣлаться ложемъ рѣки и, наконецъ, принявъ совершенно воды Шексны, понесъ ихъ съ неимовѣрною быстриною между своими крутыми, обрывистыми берегами. И вотъ этотъ новый каналъ, прорытый самою природою, почему-то началъ называться Простью. Старое же русло заполоскало пескомъ и иломъ, съузило до степени маленькой рѣчки, заглушило ракитникомъ и оно получило название Глухой рѣки Шексны. Простъ мысаста, извилиста и узка. Подъ быстриною, въ заводяхъ, любятъ становатъ въ ней крупныя окуни и рѣзвые паланы. Въ былое время я проводилъ здѣсь цѣлые дни, тѣшась уженьемъ рыбы.

Долго шли мы молча по берегу рѣки. Густой мракъ, спустившійся на землю, непроницаемъ покровомъ одѣлъ окрестности—и воцарилась глубокая тишина. Вдругъ Абрамъ откашлянулъ и затянулся свою любимую.

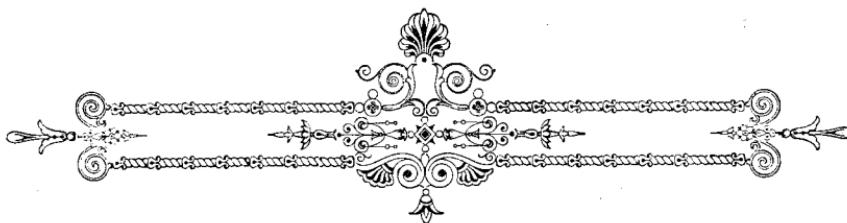
Не ясенъ-то ли соколь по горамъ леталъ,
По горамъ леталъ, лебедей искалъ...

Побѣжали грустные звуки свободно и легко, и, дрожа и замирая, разлились въ безмолвіи ночи.

Чудные ихъ переливы нескончаемо дались и просились въ душу, плыли все вдали, все вдали—и повторялись тамъ, въ этой дали, отголосками такихъ же унылыхъ замирающихъ звуковъ.

Вотъ въ Кершинѣ мелькали огоньки и въ нѣсколько голосовъ залаяли собаки. Здѣсь ждалъ усталыхъ охотниковъ теплый пріютъ и искренность родной семьи.

II.

Уженье рыбы на Шекснѣ.

Взвѣстно, что Шексна, составляющая главный нервъ Маринской системы, вытекаетъ изъ Бѣла-Озера и впадаетъ въ Волгу, противъ города Рыбинска; извѣстно также, что рѣка эта необыкновенно рыбиста, что ея золотистыя стерляди отличаются особенно пріятнымъ вкусомъ и что шекснинская бѣлая-рыбица и осетръ составляютъ роскошь гастрономическихъ обѣдовъ. Теченіе Шексны очень характерно: въ верховьяхъ она пробирается по возвышеннымъ мѣстностямъ, пересѣкаетъ нѣсколько каменныхъ грядъ, отъ чего произошли пороги и сильныя быстрины; въ среднемъ и нижнемъ теченіи она улеглась, какъ въ ящикъ, въ ровные, не высокіе и крутые берега, густо обтянутые ракитникомъ. Линія рѣки излучиста, она образуетъ множество изломовъ; на крутыхъ поворотахъ Шексны образовались мысы, а подъ ними водовороты и заводи,—любимые притоны окуней, головлей и палановъ *). Рѣка имѣеть очень быстрое теченіе, особенно около мысовъ, съ которыхъ струя воды, завертываясь въ воронкообразныя кольца, бьетъ вплоть до противоположнаго берега. Вода въ Шекснѣ мутна, имѣеть цвѣтъ буро-желтый: обилие иловъ, глинистое дно рѣки, ско-

*.) Жерехъ. Aspius гарах.

рое ея паденіе, размывающее пески и иль, служать причинами такого цвѣта и мутности воды.

Шексна въ нижнемъ и среднемъ своемъ теченіи имѣеть широкіе разливы, затопляющіе окрестности мѣстами на нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину. Весело бросается рыба на свѣжую весеннюю воду и разбродится всюду по широкому ея приволью. Она трется возлѣ кустовъ, въ чащѣ лѣса, въ густыхъ бичевникахъ и около грудъ плавающаго хвороста, выбивая изъ себя икру. Въ это время множество ловятъ рыбы въ заплеты кужами, или мордами; а до уженія еще далеко. Уженіе начинается тогда, когда весенняя вода убѣрется въ берега, зазеленѣются свѣжей травкой луга, покроются полнымъ листомъ деревья и зацвѣтѣтъ черемуха. На черемуховомъ цвѣту наступаетъ первый ловъ рыбы удочкой.

Воды еще много въ рѣкѣ: до меженнаго ея состоянія, которое обыкновенно наступаетъ съ половины Іюня, еще цѣлый мѣсяцъ. Теченіе быстро; мысы и косы еще не вполнѣ вырѣзались; но около крутыхъ шексинскихъ береговъ, въ западинахъ и отползняхъ, образовались прекрасныя заводи. Въ этихъ-то заводяхъ станами держится всякая рыба; сюда-то и спѣшить охотникъ до уженія насладиться, послѣ долгой зимы, первой и самой ранней ловлей рыбы на удочку. Лучшей наживкой на крючекъ въ это время служать раки. Достать ихъ въ такую пору, когда горизонтъ воды еще высокъ, весьма трудно, потому что они гнѣздятся очень глубоко въ норахъ, которые высверливаютъ своими клешнями въ илистыхъ берегахъ Шексны. Только и можно добыть тогда раковъ посредствомъ ракунницы, устраиваемой очень просто: на обручъ, имѣющій въ діаметрѣ не болѣе аршина, натягивается мережка; къ срединѣ ея, съ низу, привязывается камень, на верхъ кладется говядина или хлѣбъ и на веревкѣ обручъ опускается съ плота, лодки или садка въ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ держатся раки. Черезъ полчаса обручъ по-

дымаютъ изъ воды и на немъ оказывается штуки двѣ—три раковъ. Но иногда этотъ способъ ловли бываетъ до того неудачнымъ, что нѣть возможности поймать на десять ракушницъ ни одного рака въ цѣлый день; въ случаѣ такой неудачи можно добыть раковъ отъ неводчиковъ и отъ рыбаковъ, которые ловятъ стерлядей мордами, навязанными на вѣтвяные канаты. Въ такія морды зачастую забродятъ раки.

Удочки устраиваются для уженья на раковъ *донные*, т. е. безъ поплавка, съ тяжелымъ грузиломъ, чтобы удить со дна. Удилище должно быть длинное, аршинъ семи и даже восьми, и непремѣнно гибкое, съ тонкою вершинкою; леса толстая, волосковъ въ тридцать, потому что рыба попадеть крупная, большою частію головль, язъ и паланъ, которые ходятъ на лесъ очень бойко, дѣлаютъ прыжки и бются съ такою силою, что тонкая леса у самаго искуснаго рыбака не въ состояніи выдержать, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уженье производится съ крутаго обрыва, такъ что рыбу приходится поднимать лесою на воздухъ иногда аршина на два и на три. Крючки употребляются при такомъ уженьи крупнаго калибра и непремѣнно англійскіе. Грузило въсомъ должно быть около десяти золотниковъ; оно дѣлается всегда изъ кусочка свинца или изъ пульки, которая выбивается въ кубикъ. Круглое грузило не годится: его можетъ катить водою по твердому глинистому дну рѣки, что препятствуетъ правильному уженью, потому что заставляетъ часто перекидывать удочку и производить этимъ шумъ и бульканье, котораго рыба боится. Грузило насаживается на донную удочку къ самому концу лесы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у обыкновенной удочки бываетъ крючекъ; а крючекъ привязывается къ лесъ на особомъ поводкѣ выше грузила вершковъ на десять.

При такомъ устройствѣ удочки, малѣйшее прикосновеніе рыбы къ насадкѣ сейчасъ замѣтно для рыбака по содранію тонкаго конца удилища; и самая насадка на крючкѣ,

привязанномъ на особый поводокъ, не лежить на днѣ рѣки, а относится течениемъ воды въ сторону, по выражению рыбаковъ—играеть въ глубинѣ, такъ что рыба издалека ее видить и хватаетъ смылѣе.

Заручившись раками, рыбакъ отправляется на глубокія заводи, о которыхъ мы уже упоминали. Онъ беретъ съ собою нѣсколько большихъ удочекъ собственно для уженія на рака, а одну или двѣ поменьше на навознаго червя, на котораго хорошо идетъ съ весны подлещикъ, тарабарка и чеша. Двѣ послѣднія породы рыбъ весьма оригинальны; онѣ встрѣчаются преимущественно въ Шекспирѣ. Тарабарка складомъ своимъ совершенно похожа на леща; но только шире его, глаза имѣть бѣловатые, плавательныя перья черныя съ синимъ отливомъ, и вѣсомъ недостигаетъ болѣе двухъ съ половиною фунтовъ. Чеша чрезвычайно напоминаетъ сельдь; длинная и тонкая, она имѣть нѣсколько вогнутый хребетъ и совершенно острое брюшко; рыбаки въ щутку называютъ ее косаремъ; спинка у нея синеватая, а остальная часть синѣно-блѣлаго цвѣта съ серебристымъ отливомъ. Чеша вѣсомъ достигаетъ до полутора фунта; въ такой вѣсъ она бываетъ длиною до 12 вершковъ.

Тихо подходитъ къ заводи рыбакъ, скромно, безъ малѣйшаго шума, усаживается на мѣсто, выбирая такое положеніе, чтобы отъ рѣки прикрывалъ его кустикъ и чтобы ни въ какомъ случаѣ тѣнь отъ его особы не ложилась на воду. Размотавъ удочки, наживляетъ онъ ихъ раками; на это идутъ преимущественно хвостики, которые слѣдуетъ старательно очистить отъ шелухи. На каждую насадку употребляется отъ большихъ раковъ два раковые хвостики, а отъ среднихъ — три и болѣе, чтобы насадка вышла большая. Если раки велики, то могутъ идти въ дѣло и кleşни ихъ. При маломъ запасѣ раковъ рыбакъ дорожить малѣйшимъ ихъ кусочкомъ, годнымъ на насадку; и хотя мясо изъ кле-

шень выщелушивать и очень трудно, однако же, пуская въ ходъ ногти и зубы, приходится добывать его оттуда. Рачье мясо изъ кleşенъ держится на крючкѣ слабо; чтобы оно не свалилось, чтобы не сдернула его мелкая рыбешка, привязываютъ его иногда къ крючку тоненьkimъ волоскомъ. Нажививши крючки, рыбакъ забрасываетъ удочки такъ, чтобы лесы легли ибсколько по водѣ, затѣмъ крѣпко втыкаетъ удилища въ берегъ. Клевъ начинается не сейчасъ: случится просидѣть полчаса и болѣе, пока тронетъ крупная рыба. Водою вытянетъ лесу, удилище ибсколько изогнется по течению; рыбакъ не спускаетъ глазъ съ тонкой его вершинки. Вотъ пошевелилась леса, потомъ удилище дрогнуло разъ, потомъ еще разъ, наконецъ ибсколько разъ вдругъ, быстро одинъ за однимъ и за тѣмъ дугою наклонилось къ водѣ: рыба потянула. Привычно, смѣло рукою схватываетъ рыбакъ удилище и быстро, рѣшительно дѣлаетъ подсѣчку. Тяжело, добыча велика; она уже на крючкѣ; теперь слѣдуетъ дѣйствовать осторожнѣе, т. е. не тянуть рыбу, а водить ее на кругахъ, поднимая гнующееся въ дугу удилище кверху. За лесу не браться ни подъ какимъ видомъ, а отступая назадъ, подводить постепенно рыбу къ берегу; послѣ ибсколькихъ круговъ, послѣ прыжковъ и порывистыхъ дерганій, она пойдетъ легко на то мѣсто, куда хочетъ подвести ее рыбакъ и гдѣ долженъ быть на готовѣ сачекъ, которымъ уже не трудно бываетъ подхватить добычу: рыба въ сачкѣ, все равно что въ мѣшкѣ: она уже поймана, а до тѣхъ поръ нельзя поручиться за то, чтобы она не скочила съ крючка, чтобы не порвала лесы при малѣйшей оплошности рыбака. Впрочемъ я говорю только про крупную рыбу: язя и головля въ два — три фунта можно тащить смѣло, даже выкинуть просто на берегъ, не водивши на кругахъ; послѣ подсѣчки сейчасъ слышно, велика ли рыба сѣла на крючокъ.

При хорошемъ клевѣ можно выудить на одномъ мѣстѣ нѣсколько штукъ крупной рыбы; но слѣдуетъ замѣтить, что только раннее утро можетъ потѣшить рыбака: еще до восхода солнца нужно быть на мѣстѣ, заранѣе уже осмотрѣнномъ и приспособленномъ. Ведряная погода, тихое ясное утро, нѣсколько прохладное, съ маленькимъ туманомъ надъ рѣкою, служать хорошими признаками добычливаго уженья, особенно если вода на большой убыли. Когда время подойдетъ къ десяти часамъ, клевъ прекращается совершенно: долѣе и сидѣть нечего: сматывай удочки и отправляйся домой. Вечеромъ, часовъ съ семи, можно опять удить; но вечерній клевъ бываетъ не хорошъ, такъ что за частую случается возвращаться рыбаку не зарыбивши.

Бываетъ, что на хорошую рачью насадку берется щука. Опытный рыбакъ сейчасъ замѣтить ея клѣвъ: удилище дрогнетъ слегка, за тѣмъ вытянется леса въ одну сторону, потомъ перейдетъ на другую, наконецъ вдругъ, мгновенно поднимется изъ глубины кверху: это щука. Ее слѣдуетъ тащить самымъ быстрымъ пріемомъ, кидкомъ, прямо на берегъ; если щука велика, леса, конечно, порвется, если она средней величины—въ пять, шесть фунтовъ, то леса волосовъ въ 20-ть выдержать можетъ; во всякомъ случаѣ щуку водить не допускается: какъ только она почувствуетъ въ себѣ крючекъ, то какъ бы она мала ни была—въ одну секунду перекусываетъ лесу, если только крючекъ не находится на проволочномъ поводкѣ или струнѣ, чего никогда не дѣлается при уженьи на рака.

Когда вода спадеть до меженного состоянія, съ заводей рыбакъ переселяется на мысы, на быструю струю, подъ которой любять жировать окуни и паланы. Уженье на рака дѣлается тогда еще интереснѣе, потому что добыча попадаетъ разнообразнѣе. Въ Шекспирѣ не рѣдко вылавливаются окуни въ четыре, въ пять фунтовъ вѣсомъ. Тащить со дна

такого окуня, который вообще принадлежит къ числу очень сильныхъ рыбъ и идетъ необыкновенно упористо, составляетъ для рыбака великое наслажденіе. Долго ходить онъ на кругахъ въ глубинѣ, долго томить горячаго рыбака не терпѣніемъ узнать какая рыба на крючкѣ; наконецъ-то пошелъ кверху, взвернулся на поверхности воды, ярко блеснули его пунцовыя перья, и только по нимъ узнаетъ рыбакъ окуня. Паланъ ходить на удочкѣ необыкновенно бойко: бьется, дѣлаетъ прыжки, бросается въ стороны. Рыбаку нужно много терпѣнія и искусства, чтобы овладѣть крупнымъ паланомъ. Одинъ разъ со мною былъ такой случай: удилъ я рыбу въ той части Шексны, которая называется Простью. Это на сто первой верстѣ отъ Рыбинска. Въ Прости Шексна узка и особенно мысаста, потому что дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ. Здѣсь на протяженіи шести верстъ встрѣчается довольно много прекраснѣйшихъ мѣстъ для уженья. Я сидѣлъ на мысу, подъ кручей. Удочки мои наживлены были большими насадками рачьяго мяса. Утро было превосходное: теплое, тихое и туманное. Я, выудивъ нѣсколько штукъ не крупныхъ окуней, провозился довольно долго съ большимъ яземъ, который набулькавши и нахлеставши вдоволь по водѣ, сорвался съ крючка у самаго берега. Клевъ прекратился. Съ полчаса крючки лежали спокойно, и я уже хотѣлъ идти на другое мѣсто, какъ вдругъ на самой большой удочкѣ дрогнула вершинка, вслѣдъ за тѣмъ согнулось удилище, съ такою силою, что конецъ его ударился объ воду и погрузъ въ нее, я подсѣкъ и сразу же почувствовалъ что-то необыкновенно тяжелое. Взявъ нѣсколько на сторону, по теченію воды, я началъ водить рыбу и хотѣлъ поднять ее на верхъ, но сильная порывистая дерганья, туго натянувшаяся леса, совсѣмъ согнувшееся удилище давали знать объ очень крупной добычѣ: пришлось дѣствовать осторожнѣе, я началъ только держать удилище кверху, не ослабляя

лесы; рыба стала сама ходить на кругахъ. Такъ продолжалось минутъ десять. Наконецъ рыба вышла на верхъ, и я увидалъ огромнѣйшаго палана ^{*)}). Сдѣлавъ скачокъ въ сторону, онъ сильно сталъ биться, прыгалъ, хлестался объ воду, брызги фонтаномъ летѣли кверху; леса была въ тридцать волосовъ, гнувшееся удилище давало такую упругость, при которой трудно было оборвать ее. Черезъ нѣсколько времени паланъ утомился и легко пошелъ къ берегу; но въ ту секунду, какъ я хотѣлъ подхватить его сачкомъ, онъ сдѣлалъ такой отчаянной прыжекъ, что удилище переломилось на сучкѣ, бывшемъ отъ вершинки аршина на два. По счастію моему, въ водѣ, около самаго того мѣста, гдѣ я воился съ паланомъ, была отползъ съ кустомъ ракитника, съѣхавшимъ въ рѣку съ глыбой берега во время весеннаго подмоя. Конецъ сломившагося удилища попалъ въ самую средину ракитника и запутался. Достать оттуда лесу было довольно трудно: кустъ находился не близко отъ берега и въ промежуткѣ между нимъ и берегомъ было такъ глубоко, что потребовалось бы плыть; да и леса такъ ловко завиась около прутьевъ куста, что на плаву распутать ее и не оборвать было бы невозможно. Я бросился въ усадьбу за лодкой. Бѣжать нужно было версты полторы. Въ молодую пору, когда ноги очень рѣзвы, это ничего не значило. Сѣвши въ лодку, я скоро доплылъ по водѣ до мѣста моего уженья; вижу—обломокъ удилища на кустѣ и прутья слегка покачиваются ходившимъ около нихъ паланомъ. Осторожно подъѣхалъ я къ берегу, прикрѣпилъ къ нему носъ лодки, а корму заворотилъ къ кусту и привязалъ ее прутьями. Установивъ такимъ образомъ лодку, я досталъ лесу и началъ поднимать рыбу кверху; паланъ, видимо утомленный, пошелъ свободно; едва показался онъ изъ воды, какъ я подхватилъ его сачкомъ; добыча была истинно необыкновенная: въ ней было

^{*)} Жерехъ.

двадцать два фунта въсю. Такой большой рыбы я уже болѣе никогда не выуживалъ.

Въ концѣ Июня уженье на рака прекращается, а наступаетъ другое, болѣе веселое и добычливое — *на метлицу*. Что такое метлица и какъ она образуется, я нахожу нужнымъ сказть объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Выше я уже упоминалъ, что берега Шексны, особенно тѣ части ихъ, которая въ межень ополаскиваются водою, состоять преимущественно изъ глины и ила. Они плотно осѣли слоями и окрасились то въ черный, то въ темно-синій, то въ блѣдно-зеленый, то въ красноватый цвѣтъ, съ тончайшими прислойками желѣзняка.

Въ этихъ-то илистыхъ массахъ шексинскихъ береговъ зарождаются тучи поденокъ, которая живутъ сначала въ прорываемыхъ ими круглыхъ ходахъ, идущихъ горизонтально по направленію къ водѣ, а потомъ въ известное время онѣ вылетаютъ изъ своего мрачнаго и душнаго жилища въ видѣ двухкрылой мухи, похожей наружнымъ образованіемъ и величиною на коромысла (*libellula grandis*). Шексинскіе жители дали этому насѣкомому, въ несмѣтномъ количествѣ бороздящему воздухъ надъ водою, название метлицы, по сходству самаго явленія съ зимнею метелью. Вотъ что такое метлица.

Послѣ выхода метлицы, разрывая осторожно оставленныя ею подземныя галлерей и слѣдя за направленіемъ канальцевъ, легко замѣтить, что каждая норка, или каналецъ имѣеть сообщеніе съ сосѣдней и даже нѣсколькими норками.

Объ этомъ дѣлали много различныхъ предположеній; полагали, что этими подземными ходами поденки могутъ видѣться другъ съ другомъ, ведутъ общественную жизнь, совершаютъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго тамъ же кладутъ яички; но кажется, что соединительные канальцы есть дѣло совершенно случайное, происходящее отъ чрезвычай-

наго множества поденокъ, которая еще въ состояніи личинки, или по-просту червяка, зарываясь внутрь ила, перекрециваютъ свои лазы, а потомъ, чрезъ извѣстное время стремясь къ выходу, опять протачиваютъ по направлению къ свѣту столько ходовъ, что берегъ дѣлается совершенно губчатымъ или, вѣрнѣе, ноздреватымъ. Мудрено ли, что подземная галлереи поденокъ имѣютъ между собою столько сообщеній?

Личинка Шекспинской метлицы живетъ до двухъ лѣтъ во влажной почвѣ ила. Въ первомъ періодѣ своего образованія она не больше, какъ простой, тонкій и длинный бѣлый червякъ, безъ всякихъ придаточныхъ наружныхъ орудій. По мѣрѣ того, какъ насѣкомое приближается къ совершеному возрасту, ему требуются новые органы и оно лишается старыхъ, непригодныхъ для его новой жизни. Такимъ образомъ слѣдуетъ рядъ превращеній: на головѣ личинки усматривается пара очень большихъ сложныхъ глазъ, пара крѣпкихъ жеваль, служащихъ имъ для разбиванія ила, изъ котораго добываютъ онѣ пищу. Ясно очерченная грудь снабжается шестью ножками съ суставами; тѣло, оканчивающееся тремя длинными колючими нитями, покрывается широкими мохристыми пластинками, которыми насѣкомое движеть съ удивительною быстротою. Эти пластиинки настоящія жабры, т. е. органы водяного дыханія; толстые каналы воздухоносныхъ трубочекъ входятъ въ самую ихъ середину и развѣтвляются тамъ, чтобы изъ окружающей ихъ жидкости всасывать необходимый для жизни насѣкомаго воздухъ и разносить его по всему тѣлу. Въ состояніи такихъ превращеній, личинка поденки живетъ до двухъ лѣтъ и достигаетъ должностной величины, послѣ чего переходитъ въ куколку, которая живетъ въ той же галлереѣ и отличается только появленіемъ на спинкѣ коротенькихъ чехолковъ, въ которыхъ скрываются сложенные вдоль крылышки. Это второе превращеніе поденки.

Когда настанетъ время трётьяго превращенія поденки, изъ куколки въ крылатое насѣкомое, тогда она направляется къ поверхности воды черезъ отверстія, прорываемыя помо-щію зубчатыхъ, твердо-кожихъ орудій, находящихся у ней на головѣ. По моему замѣчанію, чѣмъ болѣе поденка приближается ко времени превращенія въ полное насѣкомое, тѣмъ ближе она подвигается къ выходу. Это подтверждается тѣмъ, что если передъ появленіемъ метлицы мить ногою илистый берегъ, то изъ него начинаютъ показываться куколки поденокъ, стремительно бросающіяся прочь отъ берега и упłyвающія въ глубину, при помощи движенія своихъ дыхательныхъ снарядовъ, которыми они умѣютъ дѣйствовать, какъ рыбы плавательными перьями. Если же сдѣлать этотъ опытъ недѣли за три до выхода поденокъ, то ни одна изъ нихъ не вымнется изъ берега, потому что въ это время они лежатъ въ немъ еще довольно глубоко. Ясно бываетъ видно, какъ готовая къ превращенію куколка, выйдя изъ земли совершенно паружу, разрываетъ свою оболочку, которая лопается у нея на спинѣ, какъ выходятъ спачала головка поденки и грудь, какъ она движеть крыльями, стараясь выбраться изъ тѣсныхъ членокъ. Вотъ она уже вышла, выправила сложенные крыльшки, помѣщавшіяся въ узкихъ надкрыльныхъ сумочкахъ, и приступаетъ къ послѣднему своему превращенію: сбрасываетъ со всего тѣла еще одинъ паутинный покровъ, чего не дѣлаетъ ни одно изъ другихъ насѣкомыхъ. Послѣ этого она, явившись уже совершеннаю, съ прекрасными нѣжными формами, красивыми, свѣтлыми, большими черными и блестящими глазами, взмахиваетъ крыльшками и спѣшить соединиться съ другими своими подругами, въ миллионномъ количествѣ норхающими надъ водою.

Въ описываемомъ видѣ Шекспинскихъ поденокъ ясно различаются два пола: самка нѣсколько крупнѣе самца, имѣть бѣлые крылья, очень пухлое, слабое тѣло, тоже

бъловатое; небольшие и не столь свѣтлые глаза и два хвостика; самецъ меньше ростомъ, но формами несравненно красивѣе и тѣломъ тверже; крылья у него черныя, туловище блѣдно-палевое, глаза большие и ясные, а на концѣ тѣла, кромѣ двухъ хвостиковъ, длиннѣйшихъ нежели у самки, онъ имѣеть еще четыре коротенькихъ приатка. Пришексинскіе жители самку называютъ — *бѣлокрылкою*, а самца — *чернокрылкою*.

Какъ продолжительна жизнь поденки въ состояніи личинки, такъ кратковременна она въ состояніи развитаго животнаго: только пѣсколько часовъ суждено наслаждаться поденкѣ своею новою воздушною жизнью, да и то въ борьбѣ съ стихіями. Разорвавъ свою связь съ подземною жизнью, положивъ для сохраненія своего вида яички, она летить искать смерти — и тутъ же находитъ ее, падая на воду; или заносимая вѣтромъ, опускается она на траву, кусты, лѣсъ, гдѣ и достается въ добычу малымъ пташкамъ и «всякой прожорливой птицѣ».

Одинъ разъ въ годъ, постоянно въ концѣ Июня или въ началѣ Июля, оставляетъ Шекспинская поденка илистые берега, мѣсто своего возрожденія и воспитанія, и служить для мѣстныхъ рыбаковъ знакомъ обильнѣйшаго периода въ ловлѣ рыбы. Никогда не случается, чтобы во всей Шекспинѣ выходъ ея былъ въ одинъ день: въ среднихъ частяхъ теченія рѣки она является позже, нежели въ верховьяхъ, а внизу, около устья, позже, нежели въ среднихъ частяхъ. Трудно объяснить такое разновременное ея появленіе: зависитъ ли это отъ свойства грунта, не одинакового на протяженіи Шекспинь, отъ паденія и возвышенія воды, или другія есть какія-нибудь скрытныя причины, — решить не берусь. Шекспинскіе рыбаки раздѣляютъ метлицу по плесамъ и дѣлять ея появление на два выхода: на малый и большой, *чертежъ* и *валку*.

Чертежъ, или малый выходъ метлицы, служать какъ бы предувѣдомленіемъ о наступившемъ времени появленія поденокъ. При ясномъ свѣтѣ утренней зари скромно вылетать изъ береговъ нѣсколько особей, направляющихся къ срединѣ рѣки; неразвязно, вяло порхаютъ онъ надъ нею и, опускаясь на воду, бороздятъ, чертятъ живою чертою ея гладкую поверхность. Отсюда чертежъ. Замѣчательно, что въ первый чертежъ нельзя увидѣть ни одной чернокрылки; онъ весь состоить изъ женскихъ бѣлокрылыхъ особей, и то изъ самаго небольшаго числа. Рыбаки не пользуются первымъ чертежемъ, потому что появившіяся поденки сейчасъ же бываютъ подхвачены голодною рыбою и чайками и не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, такъ что, прозѣвавши чертежъ, трудно послѣ и узнать, что онъ былъ. Въ года обильные метлицею, на другой день послѣ первого чертежа, бываетъ второй, въ которомъ изрѣдка провортывается и чернокрылка. Дня чрезъ два, много черезъ три, послѣ втораго чертежа, надо ожидать валки, т. е. большаго выхода метлицы. Еще съ вечера, какъ только солнце опустится за лѣсъ и заря блѣднымъ свѣтомъ разольется по краю неба, надъ дымящимся паромъ рѣкою занорхаютъ нѣсколько поденокъ, вѣрныхъ вѣстниковъ предстоящей на утро валки. Вся коротенькая юльская ночь пройдетъ у рыбаковъ въ приготовленіи къ завтрашнему дню: припасаются *заплави*, поправляются *язки*, осматриваются лодки, перебираются *переметы*. Едва зыкнеть коростель, вѣстникъ утра, и полетять на заплескъ Шексы съ громкимъ крикомъ вороны съ сухихъ высокихъ осинъ, мѣсть своего почлага, метлица начнетъ выходить изъ иловъ въ несмѣтномъ количествѣ. Чѣмъ ближе время къ солнечному восходу, тѣмъ въ большемъ числѣ летаетъ она надъ водою, тѣмъ гуще и гуще становится ея въ воздухѣ и, наконецъ, на солнечномъ восходѣ тучами валится она въ рѣку и совершенно покрываетъ собою поверхность воды. Отъ двухъ

часовъ до четырехъ продолжается время появленія поденокъ на свѣтъ Божій; потомъ толпы ихъ начинаютъ рѣдѣть, а къ шести часамъ уже не видишь порхающей метлицы. Только густыми массами съ верхнихъ плесовъ тащить ее теченіемъ рѣки внизъ и разбивается по заплескамъ и ракитникамъ, наваливается на мысы и кружитъ въ заводяхъ, завертывая въ кольца струекъ.

Во время выхода метлицы любопытно бываетъ слѣдить, какъ поденка, выбравшись изъ своего темнаго гнѣзда, торопится къ своимъ подругамъ, какъ скоро она изнемогаетъ, устало машетъ своими крылышками, падаетъ въ воду, трепещется, бѣтъся на ней, но собравшись съ силами, вдругъ снова поднимается, взовьется высоко, высоко, и потомъ опять падаетъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока крылья поденки не обмокнутъ и она не лишится способности летать. Часто случается видѣть, какъ иѣкоторыя поденки, неуспѣвшія освободиться отъ послѣдней своей паутинной оболочки, очень линкой и иѣжной, порхая, таскаютъ ее за собою на длинныхъ хвостовыхъ усикахъ и падая на рѣку, уже не поднимаются, потому что мѣшечекъ, образуемый оболочкой, въ одну секунду наполняется водою и лишаетъ ихъ силъ взлетѣть вторично.

Изъ окружныхъ болотъ и озеръ, разбросанныхъ во множествѣ по обѣимъ сторонамъ Шекспы, огромнѣйшими стаями слетаются на лакомую пищу чайки и єомки — разбойники. Громкимъ крикомъ привѣтствуютъ они появленіе метлицы и съ жадностю бросаются на добычу, камнемъ падая на воду; или усѣвшиесь гдѣ нибудь на берегу, на прибоѣ, спокойно пожираютъ ее, выбирай живыхъ, бывающихъ крылышками. По заплеску суетливо бѣгаютъ съ этою же цѣллю пискуны — песочники, важно и сановито расхаживаютъ красноносые сорочаны и, переваливаясь съ боку на бокъ, выступаютъ вороны, прожорливо объѣдающія и часто взмахивающія отъ

пресыщенного удовольствія своими пепельными крыльями. Надъ водою разстилаются ласточки и береговые стрижи, бойко подхватывая трепещущее насѣкомое; порхаютъ трясохвостики, осторожно доставая съ воды метличку, и вьются чернощекіе рыболовы. Изъ густой нависшіи тальника вдругъ выплываетъ на струйку цѣлый выводокъ утокъ, растягивается по ней веревочкой и, установившись противъ воды, ловко начинаетъ глотать метлицу и справа и слѣва; а въ воздухѣ широко распластавъ крылья и описывая правильные круги, начинаетъ виться Шекспирій орелъ бѣлоголовикъ, подстерегающій удобный случай въ минуту общаго торжества попользоваться своего рода добычею. Радостные крики чаекъ, карканье воронъ, посвистываніе куликовъ, заунывный, пронзительный голосъ орла, свободная, голосистая пѣсня рыбаковъ, разъѣзжающихъ въ легкихъ членокахъ по рѣкѣ, придаютъ необыкновенное оживленіе утру, въ которое бываетъ валка метлицы.

Послѣ выхода метлицы, илистые берега Шекспиріи дѣлаются ноздреватыми; въ нихъ очень явственно видно безчисленное множество маленькихъ норочекъ, не много шире отверстія гусинаго пера: это лазы метлицы изъ своихъ гнѣздъ. Около каждого отверстія лежитъ паутинный покровъ насѣкомаго, его послѣднія пеленки.

Метлица есть самая лакомая пища для рыбы, которая еще недѣли за двѣ до ея появленія даетъ знать рыбакамъ, измѣнившимся ходомъ ловли, что она ожидаетъ своей маны. За нѣсколько дней передъ выходомъ поденокъ, рыба перестаетъ удиться на рака и ловится во всѣ рыболовныя снасти, сдается съ мелкихъ на глубокія мѣста и совершенно пропадаетъ до радостнаго утра. Ни всплеска ея, ни даже игры маленькихъ рыбокъ въ это время не слышно и не видно. Но лишь только появится на рѣкѣ метлица, откуда что возвьмется! Всѣ жители водяного царства: язь, лещь, плотва,

чеша, сорога, головль, паланъ и цѣлые стада мелкихъ рыбъ поднимаются изъ глубины и жадно начинаютъ глотать падающее насѣкомое. Невольно изумишься такому необыкновенному скоплению рыбы. Всплески и бульканье раздаются во всѣхъ мѣстахъ Шексны, а около заплеска, по мелямъ, и въ густой нависѣли ракитника, гдѣ всегда набиваетъ много метлицы, показываются многочисленныя общества рыбешекъ, которые игриво продовольствуются поденками, разрывая каждую на нѣсколько частей, и разсыпаясь какъ дождь при всякой опасности со стороны прожорливыхъ щукъ, жадно охотящихся за ними.

Весело любоваться въ это время на огромныхъ лещей, меланхолически ловящихъ метлицу: медленно поднимается онъ съ глубины, до половины выставится изъ воды горбатая, какъ краюшка, спина его и широкій гребень пера; неповоротливо возьметъ онъ поденку, широко развернетъ хвостомъ и скроется, пустивши пузырь попавшаго при глотаніи воздуха. Черезъ минуту появляется онъ опять на томъ же мѣстѣ и такъ же хладнокровно и солидно ловить и исчезаетъ. Часто вывертывается стерлядь, привлеченная лакомою пищею; но такъ скромно, трусливо покажется она на поверхности воды, такъ робко и торопливо схватить метлицу, какъ будто это для нея дѣло рѣшительно непозволительное. Язь и головль напротивъ: тѣ бѣшено рвутся за добычею, въ припрыжку, съ брызгами, наперерывъ, хватаютъ метлицу и такъ много ею наѣдаются, что не рѣдко случается видѣть ихъ на заплескахъ уснувшихъ отъ обжорства.

Рыбаки, охотники до уженья, сейчасъ же послѣ чертежа забиваютъ на Шекснѣ язки. Язокъ — важная статья въ уженыи на метлицу: отъ него зависитъ хороший успѣхъ въ ловлѣ рыбы удочкою, и потому мы остановимся нѣсколько времени на описаніи его устройства.

Для язка выбирается мѣсто въ высокое стояніе воды на

пескахъ, въ низкое на глуби, но въ томъ и въ другомъ случаѣ съ чистымъ хрящеватымъ дномъ, которое предварительно расчищается отъ корягъ и задѣвъ, чтобы при уженьи не зацарапить крючковъ удочки. Потомъ, съ помощью лодки, вбиваются для самаго длиннаго язка, въ восемь аршинъ, восемь паръ кольевъ. Къ послѣднимъ тремъ парамъ дѣлаются подстрѣлины, или косвенные подпорки, чтобы быстрымъ шексинскимъ теченіемъ воды не сломило ихъ на сторону. Между кольями грузится ракитникъ, связанный сношами для того, чтобы плотнѣе ложился на дно. Самый язокъ направляется нѣсколько противъ теченія. Когда ракитникъ наполнитъ все пространство между кольями отъ самаго дна до поверхности воды, теченіе ниже язка прекращается, дѣлается заводъ, и поплавокъ удочки не несетъ *): для этой цѣли болѣе и устроивается язокъ. Но и здѣсь не слѣдуетъ впадать въ крайность: дурно, если поплавокъ совершенно неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; необходимо, чтобы крошечная струйка воды отводила его внизъ, потомъ заворачивала назадъ, снова подгоняла къ язку и такимъ образомъ способствовала бы ему ходить. Рыба, при такомъ устройствѣ язка, беретъ лучше и смѣлѣе. Возлѣ язка для прикормки рыбы загружается на длинныхъ кольшахъ метлица. Для этого берется лоскутокъ старой мережки, высыпается на него четверика полтора метлицы и завязывается въ кухтырь, который прикрѣпляется къ кольшку на разстояніи полутора аршина отъ заостреннаго конца и погружается въ воду. Такихъ загрузокъ дѣлается у язка штуки три и четыре. Онъ часто прополаскиваются для очищенія отъ наносимаго ила и песку, и каждый день подновляются свѣжимъ метлицею.

Около каждого язка рыбаки дѣлаютъ большиe запасы мет-

*) Уженье на метлицу производится не на донную удочку, а съ поплавкомъ.

лицы. Для этого въ вершину язка упирается однимъ концомъ бревно, а другой конецъ его отводится въ рѣку, забирая немного противъ ея теченія. Въ такомъ положеніи бревно удерживается веревкою и называется *заплавью*. Во время валки набьетъ метлицы теченіемъ такое страшное множество, что когда подтащать и приплотять ее къ язку, то она наполняетъ до самаго дна всѣ пространство между язкомъ, берегомъ и заплавью. Для загрузки на прикормку ее вычерпываютъ изъ этого пространства сачкомъ и складываютъ въ мережи пригоршнями. Скоро метлица въ заплави отъ вліянія большихъ жаровъ начинаетъ разлагаться и приходить въ броженіе, пузырясь кверху и распространяя не противный, но сильный и острый запахъ. Рыба привлекается силою этого запаха къ язкамъ и, находя прикормку, держится на мѣстахъ уженья до тѣхъ поръ, пока не отойдетъ ловъ.

Съ большимъ удовольствіемъ воспоминаю веселое уженье на устроенныхъ такимъ образомъ язкахъ. Ранехонько утромъ, лишь только румяная зорька зардѣеть на небѣ, торопишишься, бывало, на язокъ, съ длинными удилищами на плечѣ и съ вмѣстительнымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Свѣжесть воздуха и утренній холодокъ прохватываютъ легкое платье, маленькая дрожь пробѣгаєтъ по тѣлу; но скорая ходьба сейчасъ прогоняетъ это ощущеніе: становится какъ-то пріятно, весь согрѣваешься и свободно, во всю грудь, дышешь чистымъ воздухомъ. Густой паръ бродитъ надъ рѣкою, дымится такимъ же паромъ разбросанныя тамъ и сямъ озера; задернулись ими же лѣса, а прибрежные, ровные и душистые луга, какъ серебромъ, залиты росою. Давно уже проснулись чайки и кричатъ дружнымъ хоромъ по заплескамъ Шексы, гдѣ онѣ заправляются завтракомъ; во всѣхъ концахъ раздаются хриплые голоса коростелей, криканье утокъ, и мѣрно, точно тактъ выдѣлываетъ, бьетъ въ хлѣбъ перепель.

Вотъ и язокъ. Потихоньку спускаешься къ нему подъ

гору, осторожно разматываешь удочки, усаживаешься, какъ можно ловчѣе и спокойнѣе на лавочку и наживляешь крючки, вздѣвая на каждый по двѣ метлички съ хвостика. Для этого употребляется всегда метлица чернокрылка: она гораздо лучше держится на крючкѣ, и рыба какъ-то охотнѣе ее береть. Рыбаки выбираютъ и хранятъ чернокрылку собственно для наживки въ погребахъ на льду, въ нарочно приготовленныхъ для того луночкахъ. Нажививши крючки, забрасываешь двѣ удочки: одну поближе къ язку, около загрузокъ, другую — пониже, къ нависѣли ракитника. Ловко опустятся крючки, скромно лягутъ поплавки на воду и начнутъ бродить взадъ и впередъ. Долго они плаваютъ безъ малѣйшихъ признаковъ клёва. Растишевалась уже по всему небу красавица заря, выглянуло солнце изъ-за лѣса, потянулись длинныя, прелестныя тѣни отъ деревьевъ, косыми полосами ложась на берегъ и опускаясь на воду, подобрався туманъ, пересталъ кричать перепелъ, смолкъ и дергачъ, а рыбѣ все нѣть хода. Но вотъ у одной удочки пошевелился поплавокъ разъ, потомъ въ другой и тихо началь тонуть и, наконецъ, скрылся подъ водою. Быстро подсѣкаешь добычу, чувствуешь по изогнувшемуся въ дугу удилищу, по натянувшейся въ струну лесѣ, какъ велика она; но, не давая свободы, не позволяя ей завернуть голову въ рѣку, осторожно начинаешь подводить къ берегу. Если не слышно частыхъ, усиленныхъ подергиваний, значитъ это — лещъ: онъ идетъ всегда безъ малѣйшаго сопротивленія, плашмя, какъ доска. У самаго берега подхватишь рыбу сачкомъ и едва успѣешь уложить ее въ мѣшокъ, привязанный на берегу къ ивовой корягѣ, да усѣсться на лавочкѣ, смотришь, и у другой удочки изчезъ поплавокъ подъ водою. Начался клёвъ: тутъ успѣвай только закидывать, да таскать.

Лучшій ловъ рыбы начинается съ самаго дня валки и продолжается съ недѣлю. Потомъ крупная рыба берется уже

лѣниво, осторожно и, наконецъ, скоро совсѣмъ перестаетъ, зато охотнѣе начинаютъ клевать плотва и чеша. Послѣдняя такими огромными стаями подступаетъ къ язку, что случалось выуживать съ утра и до полудня по пяти сотѣ штукъ. Но эта рыба не пользуется у шекспинскихъ рыбаковъ особыннмъ уваженіемъ: костлявая и тощая, нѣсколько горьковатая на вкусъ, въ самомъ дѣлѣ она не стоитъ ловли и хлопотъ. Лещей случалось выуживать на метлицу громаднѣйшей величины: отъ 12 до $13\frac{1}{2}$ фунтовъ, а язей — отъ 7 до 10 фунтовъ. Бывали годы, въ которые рыба на метлицу бралась такъ охотно, что науживали по шести пудовъ въ день и даже болѣе, на одну удочку. Конечно, такихъ дней въ продолженіе всего улова, т. е. полуторы недѣли, выдавалось немного.

Пойманная во время метлицы, бѣлевая рыба въ садкахъ жить не можетъ: скоро обивается въ красныя пятна и снетъ. Это, вѣроятно, отъ чрезвычайнаго наполненія желудка лакомою пищею, для освобожденія отъ которой ей нужны просторъ и свободное движение. Лещей и язей шекспинскіе рыбаки отъ метличнаго улова очень хорошо вилять, распластывая ихъ надвое и немного присаливая. Коптить, намъ кажется, было бы лучше, но наши рыбаки этого дѣлать еще не умѣютъ.

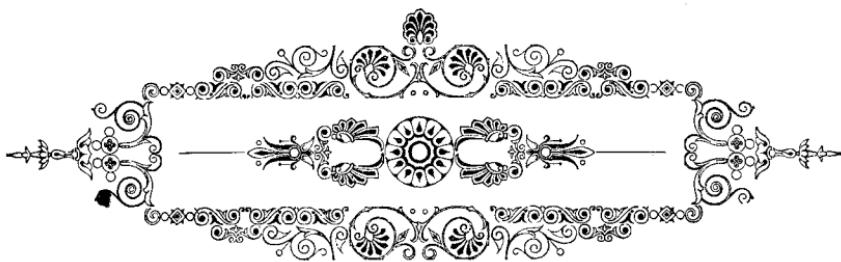
Кромѣ уженья, метлица употребляется истыми, записными рыбаками для ловли на переметы *красной рыбы*, т. е. стерлядей, хотя годами хорошо идетъ на нее и бѣлевая. Переметъ состоить изъ длинной, не толстой бечевки, на которую навязаны, на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга, двѣнадцати-вершковые поводки, съ большими остро наточенными крючками. Чрезъ каждые десять крючковъ привязывается къ бечевкѣ маленькой камешекъ, опутанный липовыми лыками или хорошей мочалой. Полный переметъ состоить изъ 175 крючковъ. На крючки насаживается мет-

лица съ хвостика, и переметъ бросается вдоль рѣки въ извѣстномъ разстояніи отъ берега. Въ прежніе годы, когда стерлядей въ рѣкѣ было по-больше, еще до прорытія Бѣлозерскаго канала, по которому много ушло ея въ другія рѣки, на переметы лавливались аршинныя стерляди, а нынѣ и тринацати-вершковыя — рѣдкость.

Подъ конецъ Августа шекспинскіе илы производятъ еще другой видъ поденокъ, однолѣтнихъ, очень маленькихъ, формою схожихъ съ бабочками и до того липкихъ, что нерѣдко видишь ихъ летающихъ связанными по парѣ и по тройкѣ. Эти поденки выходятъ изъ береговъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль постоянно каждый день и всегда вечеромъ; въ тихія, ясныя зори ихъ бываетъ очень много. Шекспинскіе жители называютъ осеннюю метлицу уклейкою, по имени маленькой миловидной рыбки, уклейки, которая любить сю лакомиться. Рыбаки не употребляютъ этого вида поденокъ для рыбной ловли, но подинаявшуюся въ это время на промыселъ съ глубины уклейку — рыбку и ельцовъ ловятъ въ вечернія зори тонкими плавательными мережами, называемыми уклечными.

Спустя недѣли двѣ послѣ уженья на метлицу, около Ильина дни, вновь возстанавливается клевъ на рака, который въ это время дѣлается линевымъ, т. е. мѣняетъ свою старую твердую скорлупу на новую, на первыхъ порахъ — нѣжную и мягкую. Линючаго рака, оборвавши клешни, можно всего надѣвать на удочку; для этого всаживаются крючекъ въ лѣвый глазъ рака и выдергиваются его около второй пары ногъ, потомъ спускаются рака нѣсколько на лесу и уже окончательно заправляются крючекъ въ хвостикъ. Насадка, такимъ образомъ изложенная, выходить большая и принимаетъ совершенно видъ натурального рака. На линючаго рака особенно хорошо идеть головль и язъ. Уженье производится въ тѣхъ же мѣстахъ, т. е. съ мысовъ, или подъ мысами въ заводяхъ, на глубинѣ.

Къ концу Августа клевъ рыбы на рака окончательно прекращается, и начинается уженье налимовъ на мелкую лягушку. Для этого употребляются тѣ же донные удочки, только съ крючкомъ мелкаго калибра. Лягушку насаживать очень легко: просто прокалываютъ крючкомъ обѣ ея губы съ низу на верхъ. Носикъ крючка здѣсь скрывать не требуется, потому что насадка живая, рыба хватаетъ ее въ водѣ не разматривая. Уженье на лягушку производится по ночамъ въ тихую погоду, при огнѣ, для чего около сидѣнья рыбака разводится костеръ. Этимъ способомъ вылавливаются иногда очень крупные налимы: въ шесть — семь фунтовъ вѣсу, но, не смотря на это немногіе изъ рыбаковъ занимаются имъ, потому что ночное бѣніе, возня съ лягушками, рѣдкій клевъ, однообразіе рыбы, лишаютъ уженье той привлекательности, которая такъ заманчива въ уженьи на рака и на метлицу. Шекспинскіе рыбаки по ремеслу занимаются осенью ловлею налимовъ на переметы, наживляемые лягушками. Бросаніе производится съ вечера, выбираніе рано утромъ. Годами налимъ идетъ на переметы такъ бойко, что ловля ихъ становится очень выгоднымъ промысломъ.

III.

ШУЙГА.

Шексна отъ границы Пошехонскаго уѣзда съ Череповскимъ спускается въ глубокую котловину и затмъ, вилоть до своего паденія въ Волгу, уже течь по низменной мѣстности. Весною въ этой части Шексинскаго бассейна бывають почти каждый годъ необыкновенно широкіе разливы. Лиственые лѣса, луга и поля, даже деревни — все покрываются водою и, куда ни посмотришь, всюду видишь водную поверхность, въ вѣтеръ волнующуюся бѣлыми баранами, въ тихую погоду — покойную, лоснящуюся, какъ пролитое масло. На человѣка, не знакомаго съ вешними разливами, такая водополь производить обаятельное дѣйствіе. Говорь, всякий рѣзкій шумъ, выстрѣль, всякая закатистая, разудалая пѣсня слышны здѣсь на громадное пространство: звуки такъ и стелются по водѣ, такъ и бѣгутъ по ней нескончаемо по всѣмъ направленіямъ. Въ водополье ни на одну секунду не бываетъ на Шекснѣ совершенного безмолвія: то гогочутъ пролетные гуси, громадными стаями переселяющіеся на сѣверъ, то пронзительно курлычатъ журавли, кочующіе по маленькимъ островкамъ кое-гдѣ оставшейся суши, кричать утки по залитому мелкими лѣсью, пыхтѣть пароходъ, свободно идущій по глубокому разливу: ему теперь нечего держаться шексинскаго русла, — теперь ему вѣздѣ путь. Звонко, пронзительно раздается его

свистокъ, вспугивающій многочисленныя стада чернетей и всякихъ норей, любящихъ держаться на открытыхъ мѣстахъ. Вдругъ поражаетъ васъ какой-то странный грохотъ; издалека доносятся до васъ рѣзкіе металлическіе звуки, бряцаніе тяжелыхъ цѣпей: это идетъ туеръ. Заря. Огненною рѣкою разлилась она на западѣ; спустились сумерки прозрачныя, свѣтлые, безупречныя сумерки, полныя оживляющей свѣжести. На водѣ не колыхнеть, въ лѣсу не шевельнется вѣтка; но голоса не умолкаютъ: по всѣмъ направленіямъ слышно бормотаніе тетеревей, перекличка чаекъ, свистъ кроншнепа, крики куликовъ, урканье лягушекъ. Живымъ, клокочущимъ родникомъ бьетъ здѣсь жизнь природы, и въ тихую, теплую, ясную зорю еще отчетливѣе, понятнѣе становится для васъ ея живой говоръ, сливающійся въ одинъ общій, непрерывный гулъ. Полночь. Глухая, покойная полночь. Люди, съ своими мѣрскими заботами, съ своими житейскими хлопотами уже давно улеглись. Смолкли и воздушные жители, торжествующіе зорю; и они теперь на покой. Но шекспинская природа не молчитъ и въ полночь: дико ухаетъ филинъ въ лѣсу, гагайкаетъ сова, трещитъ козодой, свистятъ крылья въ воздухѣ переселяющихся на сѣверъ громадными стадами разныхъ водоплавающихъ птицъ.

На сто второй верстѣ отъ устья Шексны, на правомъ ея берегу лежитъ огромное сѣнокосное пространство, извѣстное подъ именемъ «Шуйскихъ Чистей», которая состоять изъ глубокой ледины, густо покрывающейся во время лѣта сочною, высокорослою осокою. По Шуйскимъ Чистямъ извилисто пробѣгаєтъ рѣчка Шуйга и впадаетъ въ Шексну въ томъ мѣстѣ, где она носить название «Прости». Въ чистяхъ, какъ въ мѣстности, относительно весьма низменной, обработанной изъ подъ торфяного болота, прежде всего появляется разливъ весенней воды. Шексна, прибывая, подпираетъ теченіе Шуйги, обращаетъ его назадъ и вода, выкатившись изъ низкихъ бе-

реговъ рѣчки, быстро разливается по ровному пространству Чистей. Вмѣстѣ съ первымъ разливомъ воды бросается на кочковатые луга крупная шексинская щука, для метанія икры. Она показывается тогда по заплеску залива на самыхъ мелкихъ его мѣстахъ и трется о неровности дна и высокія кочи, выжимая изъ себя икру. Въ это время щука скромна необыкновенно: куда дѣвается ея хищничество, рѣзвость и бойкость; она является здѣсь какою-то робкою, вялою, болѣзненною. *Икраница*, самка, идетъ въ серединѣ между двумя молошниками, самцами, и такимъ образомъ тройками, держась на правильной параллели и одной глубинѣ, разгуливаютъ они по заливу: то приближаются къ берегу, выйдутъ на самую мель, такъ что выставится иногда спина ихъ и верхній плавникъ поверхъ воды, то отойдутъ на болѣе глубокое мѣсто, останавливаются, тѣсно прижмутся другъ къ другу, медленно поворотятся около какой-нибудь кочи и щитомъ, какъ-будто связанные между собою, опять всплынутъ на мель. Шексинские рыбаки бдительно стерегутъ щучій нерестъ. Они въ извѣстныхъ мѣстахъ устанавливаются въ это время по Шуйскимъ Чистямъ съ острогами и среди бѣлаго дна колоть ими щукъ безъ всякихъ приспособленій, прямо съ берега. Въ свѣтлой водѣ разлива видно приближающихся хищницъ, и взмахъ остроги, движение удара какъ то не пугаютъ ихъ: онъ тихо, медленно двигаются, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на что ихъ окружающее, и острога разить щукъ въ этомъ ихъ состояніи неизбѣжно, безъ промаха. Бой острогою щукъ во время ихъ нереста былъ-бы изъ самыхъ добычливыхъ способовъ рыбной ловли, если-бы не браткость на то времени. Онъ возможенъ здѣсь только до тѣхъ поръ, пока прибывающая вода катится по чистому мѣсту, что бываетъ иногда только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Но едва водополица коснулась лѣса, стала топить кусты и ракитникъ, торфяныя заболоти, коблюшиникъ и глухую урему, — со щуками уже ничего не подѣлать.

лаешь острогою. Онъ уходять тогда въ лѣса и, въ широкомъ привольѣ разлива, въ вершинахъ ольхъ и рябинъ, свободно и безопасно выбрасываютъ изъ себя икру. Весьма часто случается, что Чисти зальетъ водополицей быстро и при томъ ночью. Въ такие годы совсѣмъ небываетъ боя щукъ.

Въ полный разливъ Чисти представляютъ громадную ширь, на которой при малѣйшемъ вѣтеркѣ свободно разгуливаютъ волны. Для рыбы тогда простора и глубины является въ волю. Въ это время се не добудешь на Чистяхъ никакими снастями. Но вотъ вода тронулась на убыль. Узенькой ленточкой пока зались изъ-подъ воды шекснинскіе берега и вырѣзались устье рѣки Шуйги. Пора устраивать затонѣ, т. е. запирать всю рыбу, оставшуюся въ разливѣ Шуйскихъ Чистей, вода съ которыхъ скатывается въ Шексну единственно черезъ посредство рѣчки Шуйги. Устройствомъ шуйского затона занимаются рыбаки деревни Воятицъ, на берегу рѣки Шексны, расположенной въ пяти верстахъ ниже устья рѣки Шуйги. Право, присвоенное Воятицкими рыбаками на запираніе рыбы въ Шуйгѣ, весьма сбивчиво: пошлины они за него не платятъ, съ торговъ эта статья не отдается, а производится какой-то незначительный взносъ въ церковь и дѣлается изѣбильное водочное угощеніе тѣмъ крестьянамъ, владѣнія которыхъ примыкаютъ къ берегамъ рѣчки Шуйги. На основаніи таковыхъ миролюбивыхъ соглашеній Воятицкіе рыбаки изстари, каждый годъ, строять затонъ на Шуйгѣ, каждый годъ посредствомъ его вылавливаютъ тысячи пудовъ рыбы, не встрѣчая ни съ чьей стороны ни протesta, ни соперничества болѣе потому, миѣ кажется, что только у нихъ однихъ находится и предпримчивость на это дѣло, и всѣ снасти и приспособленія для затона и вообще для вылавливанія занертої рыбы. Помѣщики, имѣющіе въ Чистяхъ свои владѣнія, могли бы, конечно, дать иное, болѣе производительное значеніе этимъ рыбнымъ ловлямъ, но къ счастію Воятицкихъ рыбаковъ большинство изъ нихъ богачи, и

живутъ они гдѣ-то вдали, куда съ Шуйскихъ Чистей ничего не видно и не слышно; живущіе же по близости, по свойственной помѣщичьей натурѣ неподвижности, не вникаютъ въ интересъ этого дѣла, и идетъ оно такъ споконъ вѣку по старому порядку. Затонъ устраивается слѣдующимъ образомъ.

Выбирается на рѣкѣ такое мѣсто, на которомъ оба берега круты. На Шуйгѣ съ давняго времени дѣлается затонъ на одномъ мѣстѣ, въ одной верстѣ отъ ея устья, гдѣ берега весьма удобны для его укрѣпленія. Поперекъ рѣчки вбивается, на разстояніи одного аршина другъ отъ друга, рядъ свай изъ сосновыхъ или осиновыхъ слегъ. Къ сваямъ, наискось по течению, ставятся упоры для того, чтобы не свалило затона быстротою воды. Затѣмъ на сваяхъ распяливается рѣдкая сѣть съ тяжелыми грузилами на нижней тетивѣ, ложащимися на самое дно. Въ такомъ же родѣ затоны строятся въ Костромской губерніи при запираніи рыбы въ разливахъ Ипатьевскаго монастыря. Такіе затоны несравненно практичеъ зырянскихъ рыболовныхъ запоровъ, состоящихъ изъ еловыхъ драногъ, связанныхъ въ ширмы. Сѣть съ круглыми ячейми позволяетъ свободно стекать водѣ, и сваи, при значительной быстринѣ, легко выдерживаютъ ея стремленіе, тогда какъ сплошная ширма, съ узкими, съ самыми незначительными просвѣтами, имѣя болѣе точекъ со-прикосновенія съ текущею водою, рѣдко выдерживаетъ ея напоръ, отъ чего часто разрываются драницы запоры и много уходитъ рыбы.

Со дня постановки затона, до окончанія ловли, неусыпно стерегутъ запертую рыбу рыбаки, устраивающіе для времененаго своего помѣщенія шалаши или землянки гдѣ-нибудь около затона. Отъ обыкновенія постоянно сидѣть въ шалашѣ и наблюдать за ходомъ рыбы, и за цѣлостною запруды, иногда и повреждающейся, произошло затону еще одно, весьма характерное название — *слѣжа*. Не одно, впрочемъ, она-

сение за повреждение затона и наблюдение за рыбою вынуждаетъ хозяевъ *сплжи* безотлучно находиться при ней, но и необходимость берегать запертую рыбу отъ дерзновенныхъ набѣговъ сосѣдей, заставляетъ ихъ стеречь на сѣжѣ денно и ночно. При малѣйшемъ ослабленіи наблюденія, сейчасъ явятся непрошенные гости съ бредничками и мигомъ черпнутъ изрядное количество рыбки изъ какого-нибудь омутка или заливчика.

Ловъ рыбы на сѣжѣ начинается почти со дня устройства затона. Сначала рыба идетъ въ мережи и крылены, потомъ, по мѣрѣ убыли воды, — въ кужи. Подъ конецъ ее начисто вылавливаются изъ большихъ бочаговъ и омутовъ неводами, а изъ маленькихъ — бредниками. Сбыть производится большою частію рыбинскимъ кулакамъ, разѣзжающимъ въ прорѣзныхъ лодкахъ по Шекснѣ для скучки рыбы; незначительное количество идетъ въ Ярославль. Цѣна на свѣжаго изъ садковъ язя, окуня, леща и судака отъ 2 руб. 50 коп. до 3-хъ руб., на щуку и мелкую рыбу — отъ 2 руб. до 2 р. 50 коп., на щуку выше десяти фунтовъ — до 3 руб. и болѣе за пудъ.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я еще постоянно жилъ на Шекснѣ, не разъ случалось мнѣ бывать на Шуйской сѣжѣ и любоваться громаднымъ скопленіемъ запертой рыбы. Когда вода совсѣмъ сольется съ Чистей и ляжетъ въ узкіе берега запруженной рѣчки, большиіе язи, лещи, головли и щуки сплошною массою, въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ, стоять на глубокихъ омутахъ, большихъ бочагахъ и около мережи затона, такъ что вода тутъ въ полномъ смыслѣ бываетъ переполнена рыбою. При видѣ этого необычнаго количества большихъ рыбъ, часто являлось у меня горячее желаніе потѣшиться здѣсь уженемъ, но какъ-то не удавалось: или удочекъ съ собою не было, или не получалъ разрѣшенія на уженіе отъ хозяевъ затона.

Въ 1869 году, въ Іюнѣ, мнѣ вновь привелось быть на

Шекснѣ и давнишнее памѣреніе поудить рыбу въ омутахъ Шуйги пало мнѣ на память. Приготовивъ удочки, ранехонько на зарѣ, отправился я на сѣжу. Утро изладилось превосходное, тихое. Надъ Шексною клубился туманъ, луга залиты были росою; на лѣсныхъ озерахъ, во множествѣ разбросанныхъ по торфянымъ болотамъ пришекснинскихъ окрестностей, неистово галдѣли рыбаки и чайки; съ лѣсу отчетливо доносились пѣніе соловья. Вдали, изъ-за крутаго изгиба Прости, вилась тонкая струйка дыма, отъ бѣгущаго вверхъ по Шекснѣ пассажирскаго парохода. Откуда-то слышался людской говоръ и возгласы лоцмана, командующаго надъ коноводами. На меня пахнуло прошлыми годами проведенного здѣсь дѣтства; что-то жуткое пошевелилось въ сердцѣ; колыхнулось какое-то скорбное чувство, вызвало глубокій вздохъ и замолчало, облитое обильнымъ пріемомъ свѣжаго утренняго воздуха.

До сѣжи мнѣ нужно было пройти версты четыре. Солнце уже взошло, когда я сталъ подходить къ затону. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это торчащія изъ рѣчки Шуйги высокія сваи, перевязанныя вѣтвями, на берегу — длинный шестъ съ репеемъ и крыша сторожевой землянки, въ видѣ конусообразнаго кургана. Вдругъ откуда-то бросилась ко мнѣ подъ ноги съ визгомъ собака. Нападеніе ея на меня было такъ нечаянно, что я невольно вздрогнулъ и остановился. Вскорѣ изъ землянки показался съ рыженькою бородкою, худенький, весновѣтый, закорузлый мужиченко, въ накинутомъ на одно плечо зинуинѣ.

— Катышко! я тебѣ, каналья, закричалъ онъ на собаку, вотъ я тебя ужо! Куда ты, баринъ! что тебѣ здѣсятко надѣ?

— Да вотъ, голубчикъ, рыбки пришелъ поудить. Нельзяли тутъ у васъ около затона?

— Ниже удь, сколько хопь, а выше, братъ, шутишь: сами деньги платимъ.

Не привѣтливо; на первыхъ-же порахъ озадачилъ; не уговорить, думаю; надо поплатиться. На этотъ случай взята была съ собою мелочишка.

— Позволь, голубчикъ, сдѣлай милость: я вѣдь не долго поужу; пожалуй, половину рыбы тебѣ отдамъ.

— Эко диво — половину, коли вся наша! сказано — нельзя. Проваливай, откуда пришелъ!

— На водку тебѣ дамъ полтинничекъ, вотъ и деньги.

Я вынулъ изъ кармана два пятнадцатиныхъ и двугривенный и показалъ ихъ несговорчивому аргусу.

— Что намъ деньги! одно слово — нельзя, не позволимъ и кончено!.. мы сами тоже убытчились... А ты, баринъ, вотъ что: носками, значитъ, впередъ, пятками назадъ, да и удирай во своимъ по добру по здорову; честью тебѣ говорять...

— Ты, рыжикъ! Что тамъ забурчалъ?.. Этакая заноза проглятая!.. Какъ ты можешь съ ними такъ разговаривать, пеучь?

Я стоялъ бокомъ къ землянкѣ и потому не замѣтилъ, откуда вдругъ явилось къ намъ еще одно лицо. Голосъ говорившаго былъ строгій и повелительный, привыкшій распоряжаться. Оглянувшись, я увидѣлъ передъ собою высокаго роста старика, нѣсколько сутуловатаго, тучнаго, но еще весьма бодраго. Лицо его было въ высшей степени типично: оно имѣло большое сходство съ изображеніемъ Сократа на картинкахъ или Симеона Богопріимца на образахъ; большая, длинная борода, съ изряднымъ количествомъ прѣди, открытый лобъ, сливающійся съ широкой лысиной, строгія, правильныя черты лица, брови густыя, нахмуренныя; добродушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезность во взглядѣ, въ осанкѣ — солидность и достоинство. Старикъ произвелъ на меня сразу пріятное впечатлѣніе. Мужиченко струсилъ.

— Я, Савель Прокопьевичъ, ничего. Я говорю барину, нельзя, моль, удить передъ сѣжей... тратились, моль, тоже...

— Говорю, говорю! передразнилъ стариикъ — не въ томъ дѣло, что говоришь, а какъ ты говоришь, піявка безмозглай, разъ этакъ можно говорить. Вамъ, сударь, поудить, ласково обратился ко мнѣ стариикъ; вы, должно полагать, изъ Кершина: знаю, какъ-же-съ, съ батюшкомъ вашимъ знакомъ съ малыхъ лѣтъ, довольно знакомъ... Ступайте себѣ съ Богомъ на любой омуть, поудьте рыбки. Этой снастью вы насъ не обидите; а на него, на мразь, не сердитесь: босамыга онъ, невѣжа, больше ничего.

Я поблагодарилъ за дозволеніе и отправился вверхъ по Шуйгѣ искать удобнаго мѣста для уженья.

Савель Прокопьевичъ; такъ вотъ онъ знаменитость околотка, мужикъ богачъ, крѣпышъ, дѣятельный старшина Г—ной волости, милостивецъ и благодѣтель для дѣйствительно бѣдныхъ, неумолимая гроза и кара для тунеядцевъ и плутовъ! Савель Прокопьевичъ былъ крестьянинъ княгини Шах—ской, и въ свое время исполнялъ весьма важную должность при тысячной вотчинѣ ея сіятельства, должность бурмистра. Строгость, распорядительность, правдивость и безукоризненная честность Савела Прокопича извѣстны были лично княгинѣ, и она какъ за каменною стѣною покойно жила въ Питерѣ за этими доблестями умнаго мужика. Когда «порвалася цѣнь великая», княгиня, обладавшая огромными землями и лѣсами на Шекснѣ, имѣя хорошо устроенную усадьбу и значительный капиталъ, которымъ много обязаны тому-же Савель Прокопьевичу, не пожалѣла о своей тысячѣ душъ, получившихъ освобожденіе, а искренно, глубоко, со слезами пожалѣла о Савель. — «Теперь Савель ужъ не слуга мой; — въ Савель я теряю мою власть и мое барство», — были слова старухи при разставаніи съ крѣпостнымъ пра-

вомъ. Затѣмъ Савель Прокопьевичъ выбранъ былъ старшиной. Почетъ и уваженіе, приобрѣтенные имъ отъ мужиковъ, кое изъ страха, кое по достоинству, перешли къ нему въ прежней своей силѣ и при новой его должности. Мужики слушались его лучше всякаго помѣщика, боялись больше всякой власти, потому потачки Савель не давалъ, но и нужду понималъ и исправлялъ ее по мѣрѣ силъ своею москоною: за бѣдняковъ оброки платилъ, своими деньгами повинности ихъ исправлялъ, на посѣвы хлѣбомъ снабжалъ. Подрядъ-ли какой случится по коноводскимъ работамъ на Шекснѣ, по силаву лѣса и рубкѣ дровъ, Савель зналъ кого взять въ товарищи, поставить въ задѣльчину, словомъ — дать человѣку работу, чтобы вытянуть изъ нужды. Савель былъ рыбакъ-неводчикъ и передовой лоцманъ. Его знали широко и почетно: исправникъ не проѣзжалъ мимо, не остановившись у Савела Прокопьевича, а за обѣдней поспѣхъ съ почетомъ высыпалъ ему просфору. У Савела Прокопьевича было два сына: одинъ пошелъ по отцу, дѣлецъ парень, хотя и зашибаль изрѣдка, но на это Савель Прокопьевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы, другой — не задался. Долго старикъ былъ съ младшимъ сыномъ, долго наставлялъ его на путь истины и, наконецъ, выshedъ изъ теремнія, крутенько поступивъ съ нимъ: забриль парня за общество въ солдаты и бровью не повелъ. Все это я слышалъ раньше о Савель Прокопьевичѣ и потому понятно, какъ интересно мнѣ было съ нимъ встрѣтиться.

Долго шелъ я по берегу Шуйги, выбирая удобное мѣстечко для уженья. Вода въ рѣкѣ заткана была вездѣ болотными травами: лягушечникъ, аиръ, частуха и широколистственные лопухи нагусто покрывали поверхность омутовъ. Солнце поднялось высоконько и благотворно обогрѣвало природу своими ласкающими лучами. Кое-гдѣ кучками толпились комары, въ травѣ звонко трещали кузнечики, изрѣдка

поднимались съ рѣки чирковые селезеньки, срывались съ берега бекасы и съ крикомъ перемѣщались далѣе. По всѣмъ направлѣніямъ раздавался рѣзкій крикъ коростелей и свистъ болотныхъ курочекъ. Потянулся вѣтерокъ, и загуляли серебристыя волны по шелковистой осокѣ Чистей.

Вотъ чистенький омутокъ. Я осторожно спустился къ нему и сѣлъ подъ ольховый кустъ около самой воды, размоталъ удочки, наживилъ крючки червемъ, — забросилъ. Теченія въ омутѣ не было, поплавки удочекъ спокойно улеглись на чистовинку; я терпѣливо началъ ожидать клѣва. Въ тинѣ, около самаго берега, возились лягушки. По водѣ то и дѣло бѣгали научки, и быстро описывали круги водяныя кружалки, ярко сверкая па солицѣ своею изумрудною бронею. Въ воздухѣ чувствовался запахъ болота.

Прошло болѣе получаса. Ничто не изобличало въ омутѣ присутствія рыбы. Поплавки лежали неподвижно. Ни круговъ, ни всплеска. Вода просвѣчивалась на глубину не болѣе двухъ аршинъ; иловатое грязное дно Шуйги придавало ей темный, мрачный видъ. Я не могъ въ ней разсмотрѣть ни одной рыбешки. То и дѣло всплывали на поверхность водолюбы, кормысла вѣяли надъ водою, садились на острые кончики осоки или на чашечки лопунинка и неутомимо махали своими кисейными крылышками. Рыбы вѣтъ. Я уже хотѣлъ идти на другое мѣсто, какъ вдругъ замѣтилъ около самаго берега медленно плывущаго язя, фунта въ четыре или въ пять. Онъ плывалъ, съ достоинствомъ высунувъ свой толстый лобъ на поверхность воды, не торопясь схватилъ сухой листикъ, который парусило легенькимъ вѣтеркомъ и скрылся, широко развернувъ хвостомъ. Черезъ нѣсколько секундъ листикъ всплылъ почти на томъ-же мѣстѣ: не по вкусу видно пришелся, язь выбросилъ его. Убѣдившись, что рыба есть въ омутѣ, я тихо, не дѣля ни малѣйшаго движенія, началъ дожидаться, что будетъ далѣе. Показался еще язь, поменьше первого. Затѣмъ

всплыли нѣсколько штукъ язей, и появилось откуда-то множество средней величины плотвы, и начала плавиться уклея. Поплавки не шевелились. Клѣвъ не начинался. Рыба ходила около самыхъ удочекъ, не обращая на насадку ни малѣйшаго вниманія. Я вздумалъ пустить крючекъ помельче. Едва сдѣлалъ я движеніе, чтобы вынуть удочку для перевязки поплавка, какъ вся рыба мгновенно пала на дно и снова водворилась въ омутъ пустота. Я поднялся, выше по откосу берега и спрятался за ольховымъ кустомъ, откуда и рѣшилъ наблюдать за рыбой. Весьма понятно, что, чувствуя себя запертою, она до крайности робка, и не только шумъ или всплескъ, но малѣйшее движеніе на берегу, пугало рыбу и заставляло скрываться. Что-то будетъ теперь. Прошло около четверти часа. Снова заиграла уклея на поверхности воды, поднялась плотва, заходили язи, все болѣе и болѣе появлялось ихъ въ омутѣ, наконецъ весь омутъ покрылся силошнымъ толстымъ слоемъ рыбы разныхъ породъ: тутъ, кромѣ язей и плотвы, были и лещи, и головли, даже провортывались окунь и судаки. А удочки все лежали неподвижно. Встрепенется иногда поплавокъ, побѣгутъ отъ него по водѣ концентрическіе круги, но че отъ клѣва, а какому-нибудь изъ обитателей прозрачныхъ чертоговъ, при своемъ расхаживаніи по омуту, случится нечаянно задѣть спиной или бокомъ за лѣсу и тѣмъ возбудить на нѣкоторое время спокойное положеніе поплавка. Вдругъ въ вершинѣ омута раздался сильный всплескъ,—мелкота дождемъ бросилась въ разныя стороны, штуки три уклеекъ выскочили на верхъ и начали петь блинки, т. е. запрыгали рикошетомъ по поверхности: въ омутѣ, наискось отъ противоположнаго берега къ моему, сверкнула блестящая нолоса; и я разглядѣлъ огромную, аршина въ полтора, щуку,—изъ ея пасти торчалъ хвостъ язя. Хищница остановилась какъ разъ противъ меня; медленно подплыла она подъ листъ лопуха и, широко раздувавъ жабры, начала забирать внутрь свою добычу.

— Ловъ на рыбу! раздался за мою спиной голосъ.

Я обернулся. Передо мною стояла величественная фигура Савела Прокопьевича.

— Это вы, батюшка, совсѣмъ попусту тутъ трудитесь, заговорилъ онъ, ничего не добудете. Развѣ по нечаянности за бокъ какую вытащите, а на клѣвъ не пойдетъ; въ омутѣ куда рыба осторожна, она понимаетъ, что заперта и брать не будетъ: ужъ это испытано. А вотъ пойдемте, я васъ сведу на мѣсто, можетъ что-нибудь и выудите.

— Рыбы-то много, Савель Прокопьевичъ, жаль оторваться.

— Да, оно лестно, что говорить; пріятно видѣть, какъ язи и головли, и лещи тутъ, перѣдъ самыми тобой, воочию расхаживаютъ, да дѣло то выходитъ по пословицѣ: «видѣть око, да зубъ нейметь». Заарестованная рыба клевать не будетъ, — ужъ будьте покойны!

Я завилъ удочки, и мы отправились съ Савель Прокопьевичемъ выше по Шуйѣ.

— Все-же ты меня, Савель Прокопьевичъ, на запертыя воды ведешь, коли вверхъ идемъ: и тамъ тоже будетъ.

— Ну, тамъ особая статья. Тутъ, вишь, къ затону рыба приступила, выходу ищетъ, тутъ мы ею неводами и бреднями вылавливаемъ; а теперь я веду васъ въ плесо, на текучую воду, гдѣ постоянно своя рыба держится: сорога, подъязокъ, окунь, щучка средней руки; и зато и снимемъ, она все держится. Тамъ мы ее не ловимъ, да и ловить не способно: травянисто, тина, заяски понадѣланы, тычекъ, карягъ, задѣвъ разныхъ ирошасть.

Рѣчь Савела Прокопьевича была рѣдкая, мѣрная. Онъ говорилъ съ разстановкою, обдуманно, такъ-же степенно и внушительно, какъ степенна и внушительна была вся его фигура. Онъ шелъ съ правой руки отъ меня развалистою походкою, заложивъ руки назадъ подъ синій, легенький кафтанчикъ съ сборами. На головѣ Савела Прокопьевича надѣта

была немнога на затылокъ новенькая, грешневикомъ, поярковая шляпа. Поясъ съ ключемъ спускался подъ животъ, рельефно обрисовавъ его выпуклую тучную форму; высокій ростъ, нависшія густыя брови, атлетическое сложеніе, большие еще зоркіе глаза, библейская борода въ полгруди, волнистая, съ просѣдью — красавецъ старикъ, не налюбуешься! Такъ и пышетъ отъ него несокрушимою силою, необъятною русскою мочью!

— Какъ вы ухитряетесь, Савель Прокопьевичъ, вылавливать рыбу въ омутахъ? Сколько я замѣтилъ, они тоже травянисты: бредень или неводъ будешь закатываться отъ травы и тогда съ рыбой ничего не подѣлаешь: вся уйдетъ.

— А на то, батюшка мой, средство есть такое. Омута въ Шуйгѣ, какъ вода лишняя пособѣжитъ, вѣдь, не глубоки; они только на видъ такими темными да страшными кажуть. Дно въ нихъ грязное, тинистое, потому и вода черная. Какъ только вода спадеть до межени, мы омута сейчасъ и начинаемъ раскашивать: обыкновенныя косы насаживаемъ на длинныя косьевища, забродимъ въ воду и подкашиваемъ въ омутахъ траву по самое дно. Подкапенная, она и вспѣваетъ вся на верхъ; растаскаемъ ее граблями по берегамъ, омутокъ сдѣлается чистехонекъ, ловить и бреднемъ, и неводомъ сдѣлается чудесно, — ни одна рыбка не увернется. А выходы-то изъ омутовъ и въ головѣ, и въ хвостѣ запремъ кужами, потому передъ каждымъ омутомъ заяски и понадѣланы, видѣли?

— Видѣлъ. И много рыбы вамъ въ добычу достается, Савель Прокопьевичъ?

— А годъ на годъ не придетъ, батюшка. Коли весна теплая, тихая, водополь большая, убыль постепенная, ровная, рыбы остается больше; при ненастной веснѣ, холодной и вѣтряной — меньше. При дружной убыли — совсѣмъ малость. Дружная убыль для насъ самое плохое дѣло: ры-

ба съ поймы разомъ вся тронется и скорехонько скатится вмѣстѣ съ водой, такъ что и затона построить не успѣшь. Въ такие годы лучше бы и сѣжи не дѣлать, да заведенье есть и привычка къ дѣлу исконная, каждый годъ затонъ держимъ. Въ хорошие года, огульно сказать, добывали на сѣжѣ пудовъ до тысячи разной рыбы, пожалуй и съ хвостикомъ; въ худые — тысячу то спустить надо, а оставить только хвостикъ. Въ старые годы было куда не то.

— Лучше рыба ловилась?

— И сравненья пѣть, помилуйте: во всякия снасти рыба шла куда обильно. Вотъ теперь, примѣрно, стерляжья ловля канатами*), посмотрите вы пожалуста нынѣ на этотъ промыселъ, — гропъ ему цѣна! Бьется мужикъ цѣлое лѣто, и въ десятокъ канатовъ едва добудеть на пятьдесятъ руб-

*) Ловля стерлядей снастями, извѣстными подъ именемъ *канатовъ*, въ употреблениіи только на одной Шексѣ. Приготавляются изъ верчевыхъ или крученыхъ черемуховыхъ вѣтвей въ три пряди канаты, длиною отъ 40 — 45 сажень. Они вьются посредствомъ деревянныхъ барабановъ съ одного конца и деревянныхъ крюковъ, закручивающихъ отдѣльные пряди — съ другаго. На глубокихъ мѣстахъ Шексы, изстари извѣстныхъ рыбакамъ по стерляжьему ходу, закидывается канатъ слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ каната прикрѣпляется къ берегу, другой, съ деревяннымъ якоремъ о трехъ рогалихъ, между которыми для груза опущены каменья, завозится въ рѣку и погружается на дно такъ, чтобы линія по направлению каната составляла къ берегу прямой уголъ. Затѣмъ на черемуховыхъ же поводкахъ, скрученныхъ только въ двѣ пряди, прикрѣпляются къ канату вѣтвистыя *кужи*, т. е. большіе съ горлами кувшины, сплетенные рѣдкою вязью изъ ивовыхъ тоненькихъ прутиковъ. Такихъ кужъ навязывается на канатъ не менѣе шести и не болѣе восьми штукъ, на двухъ-аршинномъ другъ отъ друга разстояніи. Въ каждую кужу для груза кладется по полукирничу. Быстриною теченія кужи пристылаются по дну рѣки очень плотно, и стерлядь, стремящаяся, какъ и вся какъ другая рыба, въ своею ходѣ противъ теченія, заходить въ кужи. Канаты смотрятся каждый день съ лодки посредствомъ перебора черезъ корму.

левъ дряни, костюшки. Да мы этакую стерлядь въ прежнее время и не брали; коли попалась менѣе шести вершковъ, мы ее обратно въ воду бросали: пусть подростеть. А нонѣ какая не попадись, все добыча, все идеть въ продажу рыбинскимъ кулакамъ, да на пароходы. Отъ того и стерлядь измельчала. Нонѣ что за стерлядь? Только слава что стерлядь, а на дѣлъ-то она хуже чеши: или мелкота, или волжская синюшка; шехонская то больно рѣдко попадаетъ. А волжская что, щепа! Ни виду въ ней, ни вкусу. Шехонская — стерлядь толстая, цвѣтомъ какъ куриный желтыши: свари изъ нея уху, по верху не то блески загуляютъ, а какъ растовымъ масломъ покроется. Вотъ то стерлядь!

— Шексна-то не измѣнилась, вѣдь, Савель Прокоѳьевъ, все тоже, въ такихъ же берегахъ течеть, по тому-же грунту, почему же стерлядь сдѣлалась не та? Это ты что-то не ладно говоришь, возразилъ я.

— Не гораздъ я, батюшка, пустяки молоть, говорю вамъ по правдѣ, что шехонская стерлядь далеко хуже стала и доскональная тому причина есть: стерлядь — рыба рѣкай, любить затишье, потому и ходъ свой держить большие по глубокимъ мѣстамъ. Какъ начали на Шехнѣ бѣгать пароходы, да будоражить воду, вотъ и сбили ее со становъ, теперь она нигдѣ себѣ пріюту не находитъ. Особенно *цѣпные*^{*)} ее донекаютъ: идеть съ шумомъ, съ грохотомъ, цѣпн звякаютъ, звонять и поверхъ воды, и въ самой водѣ, и на днѣ звонять, потому со дна поднимаются, такъ всякая рыба какъ бѣшеная бросается въ разныя стороны. Гдѣ жъ тутъ стерляди жиру набраться: она каждую минуту въ бѣзопаскѣ, все мечется, все на ходу, потому — гонная, а не *жировая*, какъ допрежь того было. Ну слыханное ли дѣло въ прежніе годы, чтобы стерлядь по маленькимъ рѣченкамъ держалась; да сроду этого не было; а теперь смотрите-ка:

^{*)} Туера.

въ Согожѣ, въ Глухой, въ Искрѣ и разныхъ Шехонскихъ притокахъ стерлядь проявляться начала, значить ей жутко пришлось; вотъ почему она и во вкусѣ измѣнилась. Прежде зайдетъ стерлядь съ Волги, обживется въ Шехнѣ, питанье ей диковинное: одна метлица пища отличная, она и зажирѣть; а теперь ей совсѣмъ не домовито стало: все она въ тревогѣ, некогда ей чередомъ заправиться, отъ того блѣдна и тонка. Я не говорю, чтобъ совсѣмъ хорошая стерлядь сгинула: пропадается и теперь, да рѣдко.

— Ну, положимъ, стерлядь худа сдѣлалась на вкусъ; почему же ее меньше-то стало, Савель Прокопьевичъ?

— А все потому-же, батюшка; тѣ же все пароходы и цѣпные ей вредятъ: стерлядь, какъ и налипъ, нерестится въ рѣкѣ, на луга она не выходитъ; это не то что щука, али язь и прочая бѣлевая рыба; та бросать икру идетъ на водополь, въ тихія, укромныя мѣста; для стерляди-же въ самой рѣкѣ глубокія плеса на это дѣло требуются и чтобъ тоже тихо, спокойно въ нихъ было; а какой теперь у насъ на Шехнѣ спокой, коли съ самой ранней весны, еще берега не обрѣжутся, пойдутъ свистать пароходы и туера цѣпями зазвякаютъ; рыба въ тревогѣ, она повыбросасть икру кос-какъ; много ее такъ и пропадетъ безъ плода, потому молочники, самцы значить, не смогутъ въ перенугѣ оплодотворять ее чередомъ. Вотъ вамъ и причина, почему стерляди меньше стало. Къ тому-же рыбаковъ размножилось, да и рыбаковъ-то такихъ, кои позабыли обычай старииковъ — бросать малую стерлядь обратно въ воду. Теперь что ее, мелочи-то, переведутъ, страсть! Мы этого не дѣлали; мы доводили стерлядь до мѣры *); а въ мѣрномъ-то возрастѣ она ужъ плодиться можетъ. Вотъ вамъ и другая причина.

*.) Стерлядь отъ шести вершковъ и выше считается мѣрою, мелочь ниже шести вершковъ — межумѣрка. Мелкая стерлядь продаются на Шекенѣ отъ 40 — 60 коп. за десятокъ.

— Хорошо, положимъ такъ. Ну, а отъ чего меныше стало бѣлевой-то рыбы, Савель Прокопьевичъ?

— А меныше-же, батюшка, куда противъ прежнихъ годовъ меныше, и сравнить нельзя, какое во всемъ умаленье стало, что въ рыбѣ, что въ дичи и въ звѣрѣ тоже. Вотъ, вы изволите знать, рядомъ съ вашимъ Кершинымъ — логъ на берегу, *выройка*. Какъ только тронется ледъ на Шекснѣ, лещи, язи, щука и сорога крупная въ нее и бросяется, потому въ рѣкѣ шумъ отъ ледяного стора, а въ выройкѣ затишье и вода чище. Мы — неводами. Такъ въ прежнее время, какъ бы вы думали, меныше ста лещей изъ этой выройки не уваживали; да какіе лещи-то! какъ заслоны: фунтовъ по десяти; а теперь штука десятокъ, много полтора попадеть, — вотъ вамъ и вся добыча. Теперь опять насчетъ заплетовъ *) сказть. Всѣ здѣшнія окольные деревни: Воятицы, Березово, Кривое, Борокъ, Лутошникъ, Ерусалимъ — поголовно ловили заплетами и не знали куда дѣвать рыбу: на цѣлое лѣто насаливали щучины, судаковъ, окуней про свое продовольствіе и въ продажу; язи, ленца и всякой бѣлевой рыбышло должно много, и по помѣщикамъ, и на прорѣзныя рыбинскіе скupицамъ. А нонѣ и заниматься то этой ловлей не стоить: счастей не окупишь. Дай Богъ, въ весну рублевъ на деся-

*) Весною, въ разливѣ ловится по Шекснинской долинѣ рыба въ *заплеты*, которые устраиваются слѣдующимъ образомъ: съ осени приготовляются изъ тонкихъ прутьевъ, по береговымъ откосамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ логахъ и полоихъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долочкиахъ и перевалахъ, на всѣхъ извѣстныхъ *ходовыхъ* мѣстахъ, особаго рода огороды или плетни, располагаемые въ формѣ ломаной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляются опредѣленной величины ворота. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ ставится *кужн*, особаго рода съ горломъ мережки, патшутыя на вѣтвистый остовъ. Ломаная линія заплета дозволяеть разставлять кужи въ ту и другую сторону отверстіями, такъ что съ которой-бы стороны ни шла рыба, она непремѣнно должна попасть въ кужу.

токъ нарыбачить: совсѣмъ безкорыстное дѣло, потому не много и охотниковъ осталось теперь на эту ловлю; бросили! А что налима лавливали на *чеграву*^{*)} переметами, уму невообразимо: кромѣ продажи, цѣлые кадушки однихъ печеникъ да молокъ насаливали рыбаки про себя: и этой ловлѣ пришелъ теперь конецъ: вотъ ужъ года четыре какъ и я ее пошабашилъ, потому не стоить: на четыре, на пять концевъ привезешь за утро шесть, семь налимчиковъ по фунтику: какая это ловля? плевое дѣло эта ловля! Сильное умаленье въ рыбѣ стало, батюшко, сильное.

— А помнишь, какъ въ прежнее время на метлицу рыба-то удилась, Савель Прокопьевичъ?

— Что говорить, помилуйте! Да этого времени, бывало, цѣлый годъ съ нетерпѣніемъ дожидаешь. Какъ только чертежъ появится—язковъ понадѣлаешь, заплави приготовишь, переметы изладишь; и какъ падетъ метлица, такъ недѣли полторы съ рѣки и не сходишь, такъ все и ловишь рыбу то на уду, то переметами. Вашъ батюшка куды какой охотникъ бывалъ на эту ловлю: дниуетъ и ночуетъ на язкѣ: и кушать и чайку—бывало, принесутъ ему туда; ну, да и то сказать, занятно: какъ начнется клевъ, такъ только успѣвай таскать; рыба все крупная: заходитъ на удѣ точно добрый конь на кордѣ, душа замретъ!.. Выташишь, бывало, язища, страхъ посмотрѣть, какъ поросенокъ добрый, фунтовъ десять, двѣнадцать вѣсу. По четырнадцати фунтовъ лещей доводилось выуживать. Помню я, годовъ двадцать тому, удиль я съ вашимъ батюшкой около Кершина: онъ на томъ берегу, я на этомъ. Язокъ у меня сдѣланъ былъ на глубокомъ мѣстѣ; и приступила ко мнѣ язовина, повѣрите-ли—

^{*)} Начиная съ конца августа мѣсяца вплоть до заморозковъ ловятъ на Шекенѣ налимовъ переметами, наживляя ихъ маленькими лягушками, которыхъ называютъ *Чегравами*. Каждый отдельный переметъ, состоящий изъ 100—120 крюковъ, называется концомъ.

таскать не успѣваю. Сперва удиль на двѣ уды, дошло до того — на одну началъ удить: подсѣкать не успѣваешь: только бросишь, — цопъ ю дну! смотришь — язина фунтовъ шесть, поволокъ... а у другой удочки тоже поплавокъ скрылся — не знаешь что и дѣлать. И какъ бы вы думали: съ самаго ранняго утра до поздняго вечера такой клевъ держался: маковой росинки въ ротъ не попало, ни пивши, ни Ѳвши весь день просидѣлъ на язкѣ, не отрываясь отъ уженья: наудиль я въ тотъ день болѣе восьми пудовъ все язовины; а что посыпалось — счету нѣть. Крупныхъ больно не было; однако фунтовъ по восьми штучки провортывались, но не много: все больше ровной язы: фунта на четыре, на пять. Меньше трехъ тоже ни одной штучки не было. Такъ вотъ, батюшко, каково въ прежніе годы уженье-то бывало на метлицу: ионѣ и это покончилось по милости пароходовъ: язковъ дѣлать нельзя стало: не удержишь, — волной повыкачаетъ. Изволили замѣтить, какую пароходнымъ ходомъ волну разстилаетъ на берегъ: аршина на два катаеть она по заплеску. И метлицы у язка отъ этой волны тоже не сохранить: всю повыбьетъ; да и рыба съ пароходствомъ перестала держаться у берега. Каѣ штуку пятнадцать этихъ фыркуновъ пробѣжитъ въ день-то, какое тутъ уженье! Вотъ я и довелъ васъ до мѣстечка: садитесь къ ивовому-то кустику, а удочку забрасывайте на струйку: сорожнякъ тутъ становится и язишки малымъ дѣломъ водятся, окунь онять изрѣдка береть: забрасывайте-ко благословясь.

Мѣстечко, до которого довелъ меня Савель Прокопьевъ, показалось мнѣ дѣйствительно весьма удобнымъ для уженья. Здѣсь Шуйга текла свободнымъ пlesомъ: стоячихъ омутовъ не было; хотя рѣка и удерживала болотный характеръ, хотя берега ея и были низки, грязны и кочковаты, но вода не была здѣсь затянута травами и тиной, какъ въ омутахъ. Какъ разъ противъ ивового кустика, указанного мнѣ Савель

Прокопьичемъ, выдалась довольно крутая коска, подъ нею образовалась небольшая заводь, въ которой бойко плескалась мелкая рыбёшка. Мѣсто было глубокое.

— Желаешь удочку взять, Савель Прокопьичъ? лишняя у меня есть, про запасъ взята.

— А что-жъ, позовольте; я сяду вотъ тамъ, повыше немного, побалуемся!...

Усѣлись. Клѣвъ начался немедленно. Стала садиться плотва; но брала она вообще осторожно, съ продолжительной поклѣвкой, съ выдержкой, такъ что въ подсѣчкѣ являлись беспрестанные промахи. Въ часъ я выудилъ не болѣе десети штукъ, однакожъ довольно крупной плотвы, по полуфунту.

Сильно начало пригрѣваться юньское солнышко, сіявшее полнымъ блескомъ; его жгучіе лучи такъ и обливали зноемъ. Тихо на водѣ, тихо въ воздухѣ. Какой-то туманъ, какъ газовый покровъ, раскинулся надъ чернолѣсьемъ, виднѣвшемъ вдали и огибавшемъ правильною зеленою рамою широкія Шуйскія Чисти. Надъ небольшими озерками, разбросанными кое-гдѣ по Чистямъ, галдѣли чайки. Вотъ ихъ цѣлая стая кружить въ воздухѣ, преслѣдуя беркута. Хищникъ тащить въ когтяхъ рыбу, чайки нападаютъ; рѣзво проносятся они впереди его полета, то всплываются надъ нимъ, то со свистомъ передъ самою головою падаютъ внизъ. Ни малѣйшаго вниманія не обращаетъ на своихъ преслѣдователей царственная птица, и мѣрными твердыми взмахами своихъ громадныхъ крыльевъ летить впередъ, забирая все выше и выше. Вотъ поднялся онъ на недосягаемую для чаекъ высоту и началъ описывать тамъ широкіе круги, посылая на землю по временамъ пронзительное клыканье.

— Не пора-ли покончить баловство-то,—рыба-то что-то не клюетъ! закричалъ я Савелу Прокопьевичу, сидѣвшему отъ меня шагахъ въ семидесяти за небольшимъ холмикомъ, изъ-за которого чернѣлась тулья его гречушки.

Савель Прокопьевичъ поднялся.

— Какова добыча? спросилъ я его.

— А по пословицѣ, батюшка: «рыбка да рябки, потеряй деньки», двухъ ершей пымаль, да сорогу въ мизинецъ величиной. Пойдемте-ка къ нашей землянкѣ, чаишкомъ по малости займемся и ушкой изъ свѣжей рыбки угощу вашу милость.

— Покорнейше благодарю, Савель Прокопьевичъ! можно и почаевать, а тамъ и вздремнуть чуточку, если позволишь.

— А у меня и пологъ на этотъ случай знатнѣющій есть; отдохнете превосходно: ни мошка, ни комаръ не изобидятъ. Что изволили выудить? Э, да вы съ добычей: разъ, два, пятокъ, десять штукъ *горькуши*, чего больше...

— Ужъ и горькушъ! презрительно очень о моей рыбѣ отзыvаться изволишь: виши какая знатная плотва, крупная.

— Самая что ни на есь скверная рыба: нѣть ей костливїе; а коли по неосторожности желчь раздавиши — омегъ! Окунишки куда-то подѣвались, ни одинъ не сѣль; а я, признаюсь, на нихъ уповалъ. Окуня въ Шуйгѣ много, по всей рѣкѣ держится. Въ верховьяхъ, въ деревняхъ: Шуйгѣ, Раменьѣ, Черномъ и Липовикѣ ловятъ ихъ по травянистымъ омутамъ *курицами*, слыхали?

— Не слыхалъ. Какъ это курицами, что за штука?

— А штука, батюшка, придумана превосходная. Берутся, изволите видѣть, двѣ легоныкія копани, кокорки этакія; обтесываются правильно, чтобъ какъ одна такъ и другая. По верхней сторонѣ кокорь привязывается мерёжка съ большой посадкой. Мерёжка эта такъ и обойдетъ по всей кривулинѣ кокорь. Потомъ и снизу кокорь тоже мерёжка, только не по всей копани, а начиная съ кривулины. Такимъ способомъ и получится мѣшокъ: въ головѣ онъ расходится аршина на четыре, а въ пять сбѣгаеть на нѣть. Въ самомъ концѣ пяты прикрѣпляется колышекъ. Вотъ вамъ и курицы. Ло-

вять этой счастью всегда трое: одинъ человѣкъ становится къ правой кокорѣ, другой къ лѣвой, а третій къ пятѣ, къ колышку; такъ и тащатъ, по какому хошь неспособному мѣсту — по грязи, по тинѣ, въ травѣ, въ корягахъ, гдѣ угодно: вездѣ курицы пройдутъ и рыбу захватятъ; онѣ никогда ни завываются, ни задѣнутъ: волоки знай, да прижимай только плотнѣе ко дну. Ну, конечно, и для курицъ снаровка нужна, особо тому, кто пятой управляетъ; чуть немного призацѣ-пило — долженъ поднять во время, а когда тащатъ — травить правильно, поталкивать, значить, сзади-то, чтобъ рыба не завалилась гдѣ въ тинѣ.

— И много ловятъ этими курицами?

— Ну, нельзя сказать, чтобъ очень, а порядочно. Счастье больно дешевая: всего стоитъ рубля два какихъ нибудь, а дѣйствуетъ чудесно — и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никакой другой мережой взять нельзя.

Далеко съ полдень свернуло солнышко, когда напившись чаю, выспавшись и вдоволь насытившись ухомъ, распрошался я съ радушнымъ Савель Прокопьевичемъ и направился отъ его землянки въ обратный путь къ дому, получивъ отъ старика совѣтъ пріостановиться на Черномъ омутѣ, который лежалъ гораздо ниже Сѣжи.

— Вы, батюшка, непремѣнно поудьте въ этомъ омутѣ: окуня тутъ сила, и щука есть; поднимается рыба въ этотъ омутѣ съ Шексны; въ немъ затонулъ цѣлый огородъ еловыхъ дровъ барина Забуцкаго; такъ и сѣль ко дну; рыбако крѣпко держится около дровъ, потому тутъ ей и укромно и съѣдѣно: иль намыло на дрова-то, червячки разные за корой завелись и привлекаютъ рыбу-то, да и вода-то тутъ вольная. Задача будетъ, поудьте! — поучалъ меня Савель Прокопьевичъ.

Дошелъ я до «Чернаго омута». Онъ лежалъ въ раз-

стояніи полуверсты отъ Сѣжи ближе къ Шекснѣ и былъ сажень около сорока въ длину и около десяти въ ширину. Берега у него песчаные и обрывистые; лѣвый густо обросъ ракитникомъ, правый — состоялъ изъ голизны, по которой разметались волчьи ягоды и ежевичникъ. Вода въ омутѣ совершенно черная. Потонувшія дрова занимали правую сторону омута, противоположную той, на которой я находился; они сквозили изъ воды грязною, неопределенной формы огромною кучею. Я подошелъ къ омуту тихо. Рыба безпрестанно въ немъ плавилась. Особенно около дровъ раздавалось непрерывное бульканье. Усѣвшиесь противъ дровъ, на песчаной отлости берега, я снялъ съ двухъ удочекъ поплавки, что бы удить со дна, наживилъ у одной крючекъ мясомъ облупленного ракового хвостика, у другой — червемъ и забросилъ. Рыба какъ будто позатихла, въ омутѣ сдѣлалось по скромнѣе, но всетаки по временамъ прорывались сильные всплески, изобличавшіе присутствіе весьма крупныхъ экземпляровъ. То, должно полагать, практиковались щуки въ своихъ хищническихъ нападеніяхъ, потому что при каждомъ всплескѣ торопливо высакивала изъ воды мелкая рыбешка и лучеобразно разсыпалась по сторонамъ.

Долго не было клёва. Солнце начало склоняться къ западу; отъ берегового урѣза и кустовъ ракитника легла на поверхность воды густая тѣнь: черными пятнышками трепетали ивовые листики на блестящей поверхности омута. Въ воздухѣ повѣяло чудной освѣжающей прохладой.

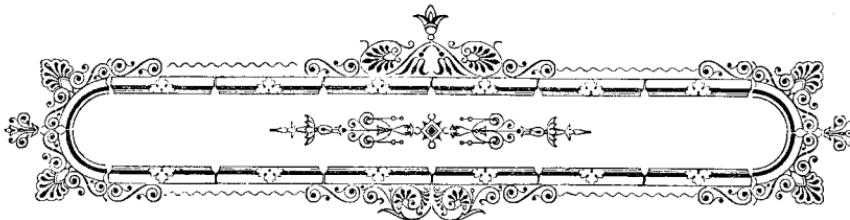
На удочекъ, наживленной ракымъ мясомъ, дрогнула вершинка разъ, два и наконецъ нагнулась къ самой водѣ. Я подсѣкъ. Чувствую — крупная добыча, надо водить на кругахъ. И пошла хорошо известная всѣмъ охотникамъ до уженья потѣха! Собака на картинной стойкѣ, удачный выстрѣль на бойкомъ взмахѣ по бекасу, когда онъ зигзагомъ сверкнетъ въ воздухѣ и свернувшись въ комочекъ, шлеп-

нется въ болото, дублетъ по куропаткамъ, летящимъ съ быстротою пули, такъ что крылья свистятъ, крупная рыба на удочкѣ, когда удилище гнется въ дугу, когда лѣса натянулась на немъ какъ струна, развѣ не одни и тѣ же мотивы для восторговъ, увлекающихъ страстиаго охотника, заставляющихъ забывать его весь міръ съ его житейскими тревогами и глубоко впадать въ другой, особый міръ, исполненный необъяснимыхъ волненій, понятныхъ и дорого цѣнныхъ только истинными охотниками.

Тяжело. Рыба идеть упористо. Нѣть возможности вызвать ее на верхъ; а такъ и хочется узнать какая штука врѣзилась: язъ, головль, паланъ *) или окунь. Сначала размахи были широки, рыба бросалась то вправо, то влѣво, то къ противоположной сторонѣ, то въ глубину. Я спустился шаговъ на десять внизъ по омуту. Минѣ не хотѣлось дозволить рыбѣ броситься въ дрова, гдѣ-бы она могла засѣсть окончательно и невозвратно такъ что являлась опасность потерять хорошую добычу и удочку. Болѣе десяти минутъ водилъ я на кругахъ рыбу; наконецъ она начала утомляться; круги дѣлались все меныше и меныше, порывы слабѣе. Попыталъ я подвести ее къ берегу: ходко пошла. Не давая слабины я началъ подниматься съ удилищемъ въ гору. Рыба шла безъ сопротивленія; я попробовалъ поднять ее къ верху: идеть, взвернулась на бокъ, и кровавымъ цвѣтомъ блеснули ея плавательныя перья: окунь! Подведя къ песчаной отмели, я взялъ за лѣсу рукою и моментально выдернуль свою добычу на берегъ, схватилъ ее въ охапку обѣими руками и вынесъ въ гору. Окунь былъ рѣдкой величины, около пяти фунтовъ.

Затѣмъ до заката солнца, я выудилъ еще штукъ пять окуней по фунту и фунта по полтора. Клевъ окончательно прекратился съ наступленіемъ вечерней зари.

(*) Жерехъ.

IV.

Весна и весенняя охота на Шекснѣ.

Вскрытие Шексны бываетъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля. Въ верховьяхъ, въ порожистыхъ частяхъ рѣки, это явленіе происходитъ при чрезвычайно низкихъ водахъ, которыя потомъ сбываются еще; и остаются въ такомъ положеніи недѣлю и даже болѣе, потомъ начинаются по немногу прибывать отъ нагорнаго таянія снѣговъ, и на конецъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда взломается Бѣло-озеро, рѣка иѣсколько пополняется и потащится озера ледъ. Вообще весенняя воды мало замѣтны въ верховьяхъ Шексны; совсѣмъ иное дѣло и иное значеніе составляютъ они въ нижнихъ плесахъ, въ мѣстахъ моей родины, которыя принадлежатъ къ мѣстностямъ низменнымъ, гдѣ безчисленное множество маленькихъ озеръ, чистыхъ и затинутыхъ болотными травами, торфяныхъ и моховыхъ болотъ, трясинъ и глубокихъ полоевъ, рѣчекъ и ручьевъ, встрѣчается на каждой верстѣ. Всѣ они представляютъ большія или меньшія водохранилища, имѣющія чрезвычайное влияніе на поднятіе весеннихъ водъ, которыя переходятъ въ низовьяхъ Шексны въ большия разливы, распространяющіеся по плоской мѣстности такъ широко, что соединяются съ такими же большими разливами рѣки Мологи. Бываютъ года,

въ которые полноводье достигаетъ здѣсь чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ случаѣ много хлопотъ и беспокойствъ наносить оно пришекснинскимъ жителямъ, потому что затопляетъ села и деревни, уносить огороды и холостыя зданія, разбиваетъ слань, дрова, жерди, и прекращаетъ на цѣлый мѣсяцъ всякую возможность къ сухопутнымъ сообщеніямъ. Тогда скотъ со двора поднимается на повѣти, хлѣбъ перемѣщается изъ амбарныхъ засѣковъ на подволоки, посѣвъ яровыхъ запаздываетъ. Помочливая осень и высокое состояніе горизонта воды при замерзаніи рѣкъ, дружная весна, большіе сиѣга и сторы Волги суть важнѣйшія причины большихъ разливовъ Шексны. Особенно важна послѣдняя причина, т. е. сторы Волги. При движеніи льда по Волгѣ, силою воды надвигаетъ въ узкихъ мѣстахъ *щуры* (большія льдины) другъ на друга въ нѣсколько слоевъ, запруживая рѣку до самаго дна. Такая ледяная плотина называется *сторомъ*; ихъ строить Волга къ островамъ, около которыхъ рѣка, раздѣляясь на два рукава, представляетъ двѣ узкія полосы воды, очень тѣсныя для прохода льда съ широкихъ мѣсть; преграждая свободу теченію, сторы, естественно, вдругъ возвышаются прибыль воды въ Волгѣ, которая въ свою очередь, подпирая воды впадающихъ въ нее рѣкъ, обращаетъ теченіе ихъ назадъ, въ голову. Самая большая прибыль воды въ Шекснѣ бываетъ именно тогда, когда происходитъ это явленіе, поднимающее воду въ иные года аршина на два и болѣе въ сутки. Если сторы на Волгѣ велики и продолжительны, разливы Шексны бываютъ чрезвычайно широки. Пришекснинскіе жители по обратному движенію воды въ Шекснѣ и быстрому ея возвышенію безошибочно узнаютъ о проходѣ льда по Волгѣ и ея сторахъ. Тѣ же сторы льда и обратное теченіе воды удерживаются на долго Шекснинскій ледъ. Уже Шексна выйдетъ изъ береговъ, всѣ окрестности захлебнутся водою, и даже лѣсь за-

топится до половины его роста, а ледъ стоитъ себѣ черною лентою на своемъ мѣстѣ, тропнетъ и испаряется до тѣхъ поръ, пока вода не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ и не позоветъ его съ собою къ низу.

Случается иногда, что весенніе разливы захватываются здѣсь жестокими морозами, отчего на полой водѣ образуется довольно толстый ледъ, называемый на мѣстномъ нарѣчіи *начермерзю*. Я намѣренъ здѣсь разсказать нѣсколько подробностей обѣ удивительной веснѣ 1857 года, въ которую дѣйствие весеннихъ морозовъ произвело необыкновенный мѣстный явленія, такъ что эта весна надолго останется въ памяти у прибрежныхъ жителей р. Шексны.

Съ начала Марта въ весну 1857 года солнце свѣтило такъ, какъ должно было ему свѣтить въ эту пору, т. е. пригрѣвало сильно, снѣгъ таялъ быстро и, конечно, скоро бы сошелъ, если бы не крѣпкіе утренники, обнастившіе его до того сильно, что на утрѣ поѣзжай по немъ хоть на тройкѣ. Мужики пришекснинскихъ мѣстностей, отправляясь въ лѣсъ на рубку дровъ и въ нивы за сѣномъ, уже не ъздили по своимъ узенькимъ, плохо протореннымъ дорогамъ, а смѣлой рысью, иногда и вскачъ, откатывали напрямикъ по насту: до того онъ былъ твердъ, и плотно осаженъ морозами. Но какъ только день подходилъ къ десяти часамъ, такъ тепло начинало брать свое: припекающими солнечными лучами разводило насть, на лугахъ все шире и шире дѣлались проталины, все выше и выше вытаивали и поднимались ъзжалыя дороги, и вотъ вмѣстѣ съ днемъ Алексѣя Божія Человѣка съ горъ вода — шумные ручьи и потоки побѣжали въ Шексну по всѣмъ ложбинамъ и рѣтвиамъ, какъ по водосточнымъ желобамъ. Рѣка наполнялась скоро. Темныя пятна показывались на льду, и съѣдая снѣгъ, быстро расплывались по немъ, сливаясь въ одно общее свинцового цвѣта пространство. Скоро образовались закраины, дружно начали отдирать

ледъ отъ береговъ и пучить его къ верху. Вотъ показалась и заливная вода, а вслѣдъ за нею и перелетные странники.

Послѣ грачей и скворцовъ первые (2-го апрѣля) прилетѣли жаворонки, сперва стадами, потомъ скоро разбились на пары и, размѣстившись по проталинамъ начали веселить матушку-природу, заливаясь въ громкихъ пѣсняхъ. За ними прилетѣли вертлявые и миловидныя трясохвостки; вѣстницы, по мѣстнымъ пришекснинскимъ замѣчаніямъ, скораго вскрытия рѣкъ и коронованныя пиголки, всегда такъ забавно упражняющіяся въ началѣ весны игрою своего полета. Потомъ съ вытаявшихъ грязныхъ полей началъ доноситься голосъ журавля и крикъ кроншнепа. Надъ ближайшимъ кочкарникомъ, съ перегодавалой пожелтѣлой осокой, барашкомъ заблеялъ бекасъ, статные кулики-кривоноски начали выкликаль «траву», глухо забормоталъ дикий голубь на хвойномъ лѣсу, а въ воздухѣ то и дѣло плыли эскадроны гусей, лебедей и утокъ различныхъ породъ. Вода въ рѣкѣ прибывала сильно, теченіе ея дѣлалось все медленнѣе и медленнѣе, наконецъ совсѣмъ перестало позывать ее къ низу, задержало на день въ устойчивомъ положеніи и потомъ обратило назадъ, вверхъ. Это, какъ мы видѣли, дѣйствіе волжскихъ сторовъ.

Вода бросилась изъ береговъ и разлилась по полоямъ и доламъ, а тамъ, расходясь все шире и шире, наконецъ затопила всѣ окрестности съ лугами, яровыми полями и лѣсами, растущими по глубокой впадинѣ шекснинского бассейна. Зайцы, выжитые разливомъ изъ лѣсовъ, сперва тѣснились по узенькой полоскѣ берега, потомъ перебрались кое-какъ на шекснинскій ледъ и разскакались въ оба конца его на страду свою и голодъ. Послѣ осиновой коры и молодыхъ побѣговъ ивняка, которыми они лакомились въ лиственныхъ пришекснинскихъ лѣсахъ, только и осталось тѣ-

перь имъ въ пищу, что перезимовавшія еловыя вѣхи, нѣкогда обозначавшія по рѣкѣ дорогу.

Мужики села Краснаго, растянувшагося на цѣлую версту по берегу Шексны, радовались дружной веснѣ, предполагая успѣшно кончить по половодью свои работы. А работъ въ этотъ годъ было немало: всю зиму рублены были дрова и метаны въ огороды, которые нужно было по водополицѣ выводить на текущую воду, чтобы плавить въ Рыбинскъ и Ярославль, какъ только уберется заливная вода и обрѣжутся берега у Шексны. Въ пришекснинскихъ мѣстахъ дрова составляли прежде для крестьянъ и помѣщиковъ одну изъ главнѣйшихъ доходныхъ статей. Споконъ вѣка топоръ выручалъ здѣсь порядочныя деньги, истребляя лѣсъ безпорядочно и безпощадно.

Крестьяне уже хотѣли приступить къ выгонкѣ плотовъ и кошмѣ съ поймы на глубокія и проточныя мѣста, какъ вдругъ природѣ вздумалось подшутить. Сперва она перемѣнила южный вѣтеръ на сѣверный, а потомъ 12-го апрѣля наслала такой трескучій морозъ, что весь разливъ подернулся тонкою пленкою льда. На широкомъ, почти пятиверстномъ, пространствѣ воды противъ села Краснаго только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались маленькия полынѣйки, рябившія тонкими струйками, а остальное все превратилось въ гладкую, какъ стекло, поверхность. За первымъ морозомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, и все суровѣе и суровѣе, и такъ цѣлую недѣлю продолжалъ стоять страшный холодъ съ сѣвернымъ произительнымъ вѣтромъ. Застыла толстымъ льдомъ водополица, затянуло всѣ полыни, и обинdevѣли, какъ въ середозимъ, деревья. Вся жизнь природы, только что начинавшая развиваться, пресѣглась; развѣялось дыханіе весны, смолкъ говоръ воздушныхъ переселенцевъ. Скрылись куда-то утки, изчезъ кроншнепъ; уже не разсыпался барабаномъ бекасъ, не перепискиваются песочники,

даже пиголки не прокричать, чайки не перекликнутся, журавль не прокурлычитъ на моховомъ болотѣ. Опустили головы мужики. Такой начемерзи еще не бывало на ихъ памяти. Иногда ночью и пріударить морозъ, но днемъ пригрѣть солнышко и сейчасъ-же все разведеть: послѣ полднѣа поѣзжай на лодкѣ, куда хочешь; но тутъ заливу заковало льдомъ на вершокъ толщины и нисколько не сдается на тепло. Многіе опасались за озимый хлѣбъ, другіе за лѣсъ, треты за травы и, Богъ знаетъ, какихъ беспокойныхъ думъ и тревогъ не навѣяли несвоевременные холода и морозы.

Въ селѣ Копорѣѣ, по сосѣдству съ Краснымъ селомъ, наступилъ праздникъ и ярмарка, на которой всѣ окружные крестьяне запасаются новыми телѣгами, колесами, боронами, сохами, кадочками, рѣшетами и разною домашнею рухлядью.

Каждый годъ красносельцы отправляются на праздникъ въ Копорье, для покупки всего нужнаго по дому вообще и въ особенности для праздничанья, потому что тамъ на это время и пиво варятъ и водкою угощаются до отвала. Въ легкихъ лодочкахъ наперерывъ другъ передъ другою мчатся, бывало, мужички по широкому разливу и въ какойнибудь часъ около полдня достигаютъ ярмарочнаго пункта. Но теперь такимъ образомъ ѿхать было нельзя, хотя ти-рокій и гладкій разливъ такъ и манилъ по себѣ прогуляться. Что дѣлать? Отказаться отъ праздничанья, это было бы нарушеніе порядка, неслыханное и безпримѣрное. Совершить переправу по льду — опасно; пожалуй, какъ разъ отправишься «ловить бурокъ». Произошелъ совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ рѣшило идти на праздникъ напримѣръ по начемерзѣ, потому-де, «двухъ смертей не бывать, а одной не миновать», и если кому на роду написано гдѣ умереть, то «того мѣста не обойдешь, не объѣдешь»; къ тому же поговаривали, что по застывшей разливѣ уже много прошло ходоковъ. Крестясь и озираясь, не смѣло выступили на

начнемерзь мужики и робко передвигая ноги по скользкому льду, безпрестанно пробовали его прочность то шестами, то обухами топоровъ, то потопываніемъ ногою. Ледъ только потрескивалъ и гудѣлъ, но нигдѣ не проламывался.— Тутъ-то разсѣялись всѣ по разливу, и по мѣрѣ увѣренности въ безопасности, все веселѣе и свободнѣе шли впередъ, и наконецъ со смѣхомъ и крикомъ, подшибая другъ друга и безпрестанно падая, пустились во всю прыть, раскатываясь по зеркальной поверхности. Казалось, всѣ совершенно забыли, что отдѣлены отъ смерти очень тонкимъ слоемъ хрупкаго черепка, и тѣшились какъ дѣти, пуская сильною рукою маленькия льдинки, которая съ визгомъ и гуломъ далеко летѣли по яснечу. Странно было видѣть со стороны эту путешествующую толпу по льду, издали похожему на поверхность устоявшейся воды въ тихій день.

Уже подъ вечеръ возвращались красносельцы назадъ, порядкомъ подготовившись праздничными пивами и водкою. Обратное путешествіе было несравненно веселѣе и оригинальнѣе. Кто тащилъ, перепрокинувъ на солики, косулю, съ трудомъ удерживая на льду свое устойчивое положеніе; кто тащилъ скатъ колесъ, убѣгающихъ впередъ отъ малѣйшаго прикосновенія, и потому представляющихъ ненадежную точку опоры. Здѣсь двигались нѣсколько кадокъ, громко звяя своею пустотою и бѣжали какъ бы сами собою ящики телѣгъ; а тамъ сѣдой, запустившій хмѣлину, старичина, кніземъ развались на боронѣ, обращеной зубьями ко льду и влекомой двумя дюжими парнями, оралъ во все горло дребезжащимъ голосомъ всѣмъ знакомую народную пѣсню:

Тихи воды, быстры рѣчки
Бережки моютъ...

На другой день посль праздника вода сбыла четверти

на полторы, и ледъ осѣль, а холодъ и морозъ нисколько не смягчились. Шибко пригорюнились тѣ, которые имѣли на поймѣ дрова и слань. Огороды могли обмелѣть, и въ будущемъ представлялась невыносимая и долговременная работа. У которыхъ косяки были поближе къ рѣкѣ, рѣшились выводить ихъ теперь же, разрубая ледъ и очищая этою изнурительною и хлонотливою мѣрою нужное пространство воды для выгонки огородовъ. Силь и старанія положено было множество, избились мужички до невѣроятія, многие выкупались и схватили лихорадку, всегда въ весенное время очень опасную въ здѣшнихъ мѣстахъ, но дрова выгнали и поставили на глубокія мѣста, на которыхъ уже нечего было бояться обмелѣнія. Но не всѣ успѣли обезпечить этою рѣшительною мѣрою свою дровянную промышленность. Большая часть огородовъ остались замороженными на нивахъ, гдѣ легко могли они обмелѣть и застояться до сухопутицы. Хозяева ихъ ужъ и рукой махнули, видя, что тутъ никакимъ образомъ нельзя превозмочь божьяго произволенія.

Вѣтеръ вдругъ перемѣнился, перейдя съ южнаго на западный. Какъ отъ созвѣздія Южнаго Креста въ ляносахъ и пампасахъ Ореноко вѣтеръ непремѣнно нагоняетъ тучу и грозу, которая оживляетъ оѣченѣвшую отъ зноя природу,— такъ западный вѣтеръ въ пришекснинскихъ окрестностяхъ всегда натаскиваетъ дождь и тепло. Сейчасъ-же измѣнилась погода, холодъ спалъ, и потянулись изъ-за горизонта облака, восходя по бокамъ неба все выше и выше къ зениту. Наконецъ собрались они въ довольно густую тучу и брызнули крупнымъ дождемъ. Въ два — три дня окоченѣвшая природа освободилась отъ ледяной коры, вода прибыла, шекспинскій ледъ протащило, и возвратилось откуда-то все пернатое, странствующее населеніе нашего края, и еще съ большимъ оживленіемъ начало торжествовать свое брачное соединеніе. Жизнь снова вступила въ свои вѣчныя

права, снова повѣяло весною, этою чудною оживотворящею благодатью.

И говорить нечего, что хозяева дровъ, замерзнувшихъ было на поймахъ, остались не въ накладѣ, потому что послѣ, безъ всякихъ хлопотъ и затруднений, вывели свои косыки, куда слѣдовало. Однакожъ не безъ несчастій обошлось это продолжительное замерзаніе разлива. Чрезвычайно много истребилось молодаго лѣса, когда во время убыли осѣдалъ ледъ, и силою своей тяжести сгибалъ и ломалъ каждое деревцо не толще руки; тѣмъ же осѣданіемъ льда протерло кору до самой древесины на всѣхъ понятыхъ водою большихъ деревьяхъ, отчего подсушилось множество лѣсу. Слѣды этихъ крашений явились во всемъ своемъ безобразіи послѣ слитія воды: на иномъ торфяномъ болотѣ, гдѣ такъ славно было, повыбѣжалъ ровненькій и чистый дровяной лѣсокъ, не осталось ни одного дерева цѣлаго. Многіе изъ крестьянъ загубили и жизнь свою, особенно при началѣ морозовъ, когда начемерзъ еще недостаточно утвердилась, и опорою служило только одно ненадежное русское авось. Всѣхъ несчастныхъ случаевъ по Шекспирѣ отъ «утопленія» было въ ту весну до двадцати, да до пятнадцати человѣкъ отправилось на тотъ свѣтъ выкупавшихъ и заболѣвшихъ отъ того горячками. Но были творенія, для которыхъ весеннее замерзаніе воды явилось спасеніемъ: зайцы съ Шекспинскаго льда и съ острововъ, гдѣ ожидала ихъ неминуемая гибель, по начемерзѣ всѣ ушли въ уйму, т. е. въ большой островной лѣсъ.

Сказавши о Шекспинскихъ разливахъ, перейдемъ теперь къ охотѣ, совершающей здѣсь любителями по полой водѣ въ запрещенное весеннее время.

Зимою, по первому снѣгу, и великимъ постомъ — по настамъ переселяются на низменныя мѣстности въ листвен-ные пришекспинскіе лѣса зайцы. Вѣроятно привлекаетъ ихъ

сюда изобиліе осины и ивняка, кору которыхъ они любять гладить. При разливѣ изъ низкихъ мѣсть и болотинъ, потопляемыхъ, разумѣется, прежде всего водою, сганиваются ихъ сперва на гривы и суходолы, гдѣ они тѣснятся на самыхъ маленькихъ островкахъ. Въ этомъ злополучномъ положеніи застаютъ охотники трусливыхъ звѣрковъ, и начинается безжалостно отвратительная бойня. Поперегъ острова пялятъ тенета, съ обоихъ концовъ заводятся собаки съ загонщиками, зайцы взбуживаются, стремглавъ летятъ въ разставленные сѣти, гдѣ и гибнутъ подъ палками шкурятниковъ.

Нерѣдко случается охотникамъ набивать этимъ хищническимъ способомъ по 200—300 шкурокъ въ одинъ день.

Въ весенне разливы, или, какъ здѣсь называютъ, въ водополицу, крестьяне и безъ тенетъ любятъ въ праздничное время погонять зайцевъ на островкахъ, для чего и отправляются въ извѣстныя имъ мѣста въ лодкахъ цѣлыми артелями, зажимаютъ зайцевъ въ узкія мѣста, облитыя водою, и бьютъ ихъ палочьями безъ всякаго состраданія. Я очень хорошо помню, какъ совершили близъ села Краснаго любители потѣшиться за зайцами свои экспедиціи на угольныя ямы, окруженныя со всѣхъ сторонъ поймою, сгонившею несчастныхъ бѣляковъ (русака рѣдко захватываетъ разливъ) въ тѣсную кучу, и какъ привозили они оттуда полнехонько нагруженныя лодки зайцами. Конечно, существуетъ здѣсь отговорка, что если не бить зайцевъ, то они перетонутъ же, потому что рѣдкій годъ не скрываетъ вода всѣхъ тѣхъ гривъ, на которыхъ потѣшаются за ними охотники; но намъ случалось не разъ видать, что они и спасались, перебираясь на кучи плавающаго хвороста, на колодины, даже на шексинскій ледъ, увлекающій ихъ вмѣстѣ съ собою внизъ по теченію и нерѣдко прибывающій куда нибудь къ сушѣ, или убѣгая по начемерзѣ, какъ, напримѣръ, въ весну 1857 года.

Болье егерская охота весною—это съ подъѣзда въ лодочкахъ за тетеревами—березовиками, сливущими въ народъ подъ именемъ косачей или польниковъ. Всѣмъ извѣстно, что тетерева весною имѣютъ токи на опредѣленныхъ мѣстахъ, на которыхъ самцы слетаются для любострастнаго свиданія съ самками. Множество бываютъ тетеревей на этихъ токахъ изъ шалашей, нисколько, конечно, не щадя самокъ. Во время большихъ разливовъ, когда вода покроетъ на дальнее пространство всю сушу и въ мѣстѣ токовища тетеревей, тогда они, состадившись, перебираются на лѣсъ, на высокія березы и раскидистыя сучковатыя осины, и уже на нихъ, надъ водою, устроиваютъ свои токовища. По утренней зарѣ, во время яровитаго бормотанья тетеревей, охотники отправляются за ними въ маленькихъ лодочкахъ, носящихъ название подъѣздковъ. Подъѣздачки эти дѣлаются обыкновенно изъ цѣльнаго осинового дерева, обтесанного въ форму челнока, выдолбленного и плоско разведенного съ помощью огня. Такимъ же образомъ устроиваются въ пришекснинской сторонѣ и большія лодки, до пятнадцати аршинъ длиною, такъ что съ двумя набоинами онѣ въ состояніи поднять человѣкъ до семидесяти съ совершеніою безопасностью на валахъ во время бури, потому что длинны и плоскодонны, не то что волжскіе ющеники, называемые, въ отличіе отъ шекснинскихъ лодокъ, душегубками. И таѣ, въ маленькомъ подъѣздачкѣ тихо подъѣзжаютъ охотники на утренней зарѣ къ стаду польниковъ, размѣстившемуся по осинамъ. Токовикъ не замѣчаетъ приближающейся опасности. Онъ, усѣвшиись на самый нижній сукъ, весь погрузился на разсмотріваніе самого себя черезъ отраженіе въ водѣ, и, сердито насунувшись надъ своимъ изображеніемъ, глухо токуетъ, безпрестанно повертываясь и чуыкая. Первые въ стадѣ окажутъ беспокойство приватные самцы. Они начинаютъ керкать, переминаться, ходить по сучьямъ, вытягиваться и

присѣдать. Это самые вѣрные сигналы къ стрѣльбѣ: еще нѣсколько секундъ—стадо снимается и улетитъ. Тетерки допускаютъ ближе, и потому въ стрѣльбѣ съ подъѣзду ихъ губится больше, вопреки всѣмъ охотничимъ соображеніямъ, предписывающимъ беречь самку весною въ ожиданіи отъ нея приплода. Надо замѣтить, что удача охоты съ подъѣзду, много зависитъ отъ состоянія погоды: въ ясную — рѣдко допускаютъ тетерева въ мѣру, особенно если они сидятъ кучнымъ стадомъ; въ пасмурную, тихую и теплую погоду они плотно сидятъ на деревьяхъ, схолившись и прижавшись къ древесному стволу, и допускаютъ на самое ближайшее разстояніе, такъ что охотнику случается подъѣхать подъ самое дерево, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ—и стадо не снимется. Охота эта очень добычлива: нерѣдко случается привозить охотникамъ на одну лодочку шукъ по 15 и болѣе тетеревей, изъ коихъ непремѣнно двѣ трети самокъ. Въ маленькую воду, въ подъѣздѣ къ польникамъ очень мѣшаетъ чаща лѣса, черезъ которую приходится иногда пробираться охотникамъ; но въ большую это препятствіе совершенно устраниется, потому что изъ воды видны однѣ только верхушки небольшаго лѣса, составляющаго густой подсѣдъ, а иногда онъ и совсѣмъ скрывается подъ водою, лишь осины да березы среди безграничаго кругозора висятъ надъ разливомъ своими шапкообразными вершинами.

На гравахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть росчисти и если онѣ еще не затоплены водою, собираются дупеля и устраиваютъ свои токи. Съ невозмутимымъ хладнокровiemъ безчисленѣйшее множество побиваются этой прелестной дичи въ пору ихъ спариванія, въ этомъ безсознательномъ чаду брачныхъ соединеній, когда бы и законъ и совѣсть должны были остановить сокрушающую руку охотника. Не понимаемъ, что за удовольствіе убивать дичь, которая, вся принадлежа страсти, необнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія

къ самохраненію. Къ несчастію, стрѣльба дупелей на токахъ распространена очень широко. Въ Вологодской губерніи множество охотниковъ цѣлыми тысячами истребляютъ этимъ способомъ дупелей, не взирая ни на какія запрещенія, отчего около Вологды замѣчается въ послѣднее время быстрое уменьшеніе этой дичи. Въ Костромской губерніи, около озеръ, пограничныхъ Даниловскому уѣзду, поступаютъ еще лучше: тамъ ловятъ дупелей весною на токахъ петлями и сѣтями, уничтожая этимъ страшное ихъ множество.

Дупелиные токи на Шекснѣ начинаются рано: съ половины или съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля; при дружной и теплой веснѣ и раньше. Дупеля выбираютъ для своихъ токовъ мѣста съ мелкою кочкою. Особенно любятъ они такія низинки и потныя мѣста, на которыхъ осталась отъ прошлаго года осока, пырей или бѣлоусъ и встрѣчаются изрѣдка маленькие ракитовые кусточки. На токъ прилетаютъ сначала самцы совсѣмъ особымъ полетомъ: на вечерней зарѣ поднимется дупель съ мѣста, гдѣ онъ дневалъ, сдѣлаетъ кругъ, летить надъ самою землею и спускается на токовище необыкновенно тихо. За самцами черезъ полчаса времени, когда заря уже начинаетъ блѣдѣть и предметы станутъ мѣшаться въ вечерней мглѣ, полетятъ самки. Самцы уже токуютъ: они издаются при этомъ какои-то особый трескъ, весьма схожій съ тѣмъ, какои извлекается изъ гребенки, если водить по зубьямъ ея тоненькою палочкою; въ промежуткахъ этого звука слышится шепелявое свистѣніе. Чѣмъ болѣе начинаетъ темнѣть, тѣмъ сильнѣе разгораются токующіе дупеля. Они какъ мыши снуютъ взадъ и впередъ по травѣ между кочекъ, сталкиваются, дерутся, припрыгиваютъ, распуская при этомъ вѣромъ свои хвостики, въ которыхъ какъ искорка блеститъ бѣлое пятнушко. Вотъ это-то пятнушко и служить предательскою мишенью для охотника. Въ одинъ моментъ вскидываетъ онъ ружье и стрѣляеть мел-

кимъ бекасинникомъ въ ту точку, гдѣ блеснетъ бѣлая искорка. Выстрѣломъ нерѣдко прихватить и другаго дупеля, а случается уложить и трехъ за разъ. Бойня прекращается съ наступленіемъ глубокой ночи, когда въ темнотѣ уже ничего нельзѧ разсмотрѣть. На хорошемъ току въ теплую и ясную зорю убиваютъ паръ по сорока дупелей на одно ружье, а сколько переранятъ, сколько не найдутъ убитыхъ — и счету нѣтъ.

Въ самый разгаръ весны, около конца Апрѣля, утки начнутъ вить гнѣзда и класться. Извѣстно, что утка кладется украдкой отъ самца. Аксаковъ съ необыкновенною наблюдательностію описываетъ тѣ хитрыя уловки, которыя продѣлываетъ крякуша съ селезнемъ при скрадываніи гнѣзда. Какъ только станутъ крякуши дѣлать отлучки отъ своихъ сладострастныхъ повелителей, начинается весьма добычливая охота на селезней съ круговою уткою. Круговая утка, *кликуша*, есть особенной породы выдрессированная домашняя утка, вѣроятно прирученная изъ дикихъ кряквъ. Она величиною нѣсколько больше обыкновенной кряковой утки; цвѣтъ ея перьевъ желтоватѣ, голова толще и всѣмъ корпусомъ она какъ-то осанистѣе дикой. Утки кликуши были разведены сначала въ Тульской губерніи. Оттуда завезены они въ Ростовъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи, гдѣ охотники и до сихъ поръ бываютъ съ круговыми утками осенью нырковъ и чернетей на Ростовскомъ озерѣ. Изъ Ростова они попали на Шексну. Для охоты съ круговою уткою устраивается деревянный, окрашенный черною краскою *кружекъ*, вершка три въ діаметрѣ. Онъ насаживается на ножку, длиною въ три четверти аршина, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Необходимая принадлежность къ такому кружку — *силокъ*, сплетенный, или ссученный изъ конскихъ волосъ; на одномъ концѣ силка прикреплена кожаная петелька, *ногавка*, а на другомъ — берестяное кольцо. Кожаную ногавку

надѣваютъ на лапку кликуши повыше сгиба и задергиваютъ, въ берестяное-же кольцо просовываютъ ножку кружка и затѣмъ втыкаютъ его въ воду, углубляя на столько, чтобъ утка, когда сядетъ на кружокъ, казалась - бы совершенно въ естественномъ положеніи, какъ-бы плавающею на водѣ. Само собою разумѣется, что предварительно на томъ мѣстѣ, на которомъ охотникъ разсчитываетъ стрѣлять селезней, строится шалашъ изъ хвои на манеръ того, какой дѣлаютъ на тетеревей, когда охотятся съ чучелами. Мѣсто для шалаша выбирается около заливной воды, близъ затопленнаго лѣса, въ которомъ большою частію и держатся весною селезни. Едва охотникъ успѣеть посадить на кругъ утку и забраться въ шалашъ, какъ она начинаетъ кричать, сперва рѣдко, съ разстановками, а потомъ, заслышавъ откликъ селезня, часто, *подсадомъ*. Способность кричать на кругу безъ умолку кроется въ породѣ круговыхъ утокъ. Какъ-бы старательно не вынашивать обыкновенную дворовую утку для круга, нельзя въ ней развить въ приманиваніи селезней тѣхъ талантовъ, какими обладаетъ ростовская кликуша. Изъ нихъ выдаются необыкновенные экземпляры; намъ самимъ не разъ случалось видѣть утокъ, которые въ теченіе цѣлаго весенняго дня кричали на кругу безъ устали и, заслышавъ селезня, начинали бить такимъ ярымъ подсадомъ, что тотъ какъ сумасшедшій, безъ оглядки, летѣлъ и садился къ кликушѣ. Охота съ круговою уткою, когда она хорошо кричитъ, занимательна. Въ мѣстахъ, гдѣ селезни не напуганы, можно легко убить штукъ пятнадцать - двадцать въ утреннюю и вечернюю зорю. Случается такъ, что едва успѣеть крикнуть утка, какъ вдругъ спустятся къ ней нѣсколько штукъ селезней, и охотнику изъ шалаша легко положить тогда за одинъ выстрѣлъ двѣ - три штуки. Бываетъ и такъ, что опытный, уже стрѣлянныи изъ шалаша селезень, сдѣлавши нѣсколько круговъ, зорко высмотрѣвшіи опасность, прямо

съ воздуха кубаремъ спустится на утку и, совершивъ свое дѣло, съ такою-же быстротою снимется съ нея и улетить. Впрочемъ хороший стрѣлокъ съумѣеть и изъ шалаша ловко срѣзать на подъемъ такого хитраго сластолюбца.

Едва начнетъ убывать вода, около 26 Апрѣля или въ первыхъ числахъ Мая, длинными вереницами потянутся гуси по направлению къ Бѣло-озеру. Первые стаи летятъ не останавливаясь; но какъ только покажутся изъ-подъ воды на поляхъ островки съ прошлогоднею живою, взъерошенною разливомъ, гуси сейчасъ же дѣлаютъ ихъ остановочными пунктами, безчисленными стадами спускаясь для отдыха и ночлега. Нерѣдко стадо кочуетъ по такимъ островкамъ дня три и четыре, перелетая съ одного на другой и выбирая мѣста открытые, чтобы издалека замѣтить всякую опасность. Но лишь только отъ убыли воды островки начинаютъ соединяться и образовывать большую сплошную сушу, стада гусей рѣдѣютъ, мало останавливаются для отдыха, дѣлаются чрезвычайно осторожны и наконецъ вмѣстѣ со слитиемъ воды совсѣмъ оставляютъ шекснинскія окрестности. Въ добычу охотникамъ пролетныхъ гусей достается немного. Голыя мѣста, которыя они преимущественно избираютъ своимъ становищемъ, и чрезвычайная осторожность гусей дѣлаютъ эту охоту утомительною и малодобычливою; но зато достаточное количество истребляется ихъ крестьянами посредствомъ простыхъ заячьихъ капкановъ. По живѣ, около самой воды, на тѣхъ островахъ, гдѣ преимущественно любятъ приставать гуси, разставляютъ капканы, искусно прикрывая землю и живою. Гуси, бродя и щелуча мутную воду, попадаютъ въ нихъ лапой, а иногда и головой,— особый родъ честнаго промысла.

Всякой другой дичи: журавлямъ, куликамъ разныхъ породъ, бекасамъ, уткамъ всевозможныхъ видовъ, куропаткамъ, вальдшненамъ, тоже, конечно, спуску не дается. Всего

же больше страдаютъ здѣсь несчастные курохтаны. Эти миловидныя птички показываются въ пришекснинскихъ окрестностяхъ огромнѣйшими стадами на убыли воды, по заплескамъ; но не на жнивахъ, не на мѣстахъ, гдѣ прошедшаго года былъ хлѣбъ, а на луговыхъ островкахъ любятъ онъ бѣгать по зеленой травкѣ, около самой воды. Въ лодкѣ допускаютъ онъ близко, и при этомъ всегда сгруживаются, такъ что за одинъ выстрѣлъ изъ широкаго ружья легко положить ихъ штукъ десять. Замѣчательно, что курохтаны здѣсь не долго держатся и со слитiемъ воды скрываются до слѣдующей весны — неизвѣстно куда.

Охота въ весеннее время въ пришекснинскихъ мѣстностяхъ чрезвычайно увлекательна: большия разливы воды, ночевки подъ открытымъ небомъ въ теплыхъ весеннихъ ночи, говоръ пролетной дичи, ея изобиліе и разнообразіе, въ состояніи разжечь хоть какого хладнокровнаго охотника. Вотъ почему такъ много здѣсь стрѣлковъ. Преслѣдованіе же ихъ положительно невозможно: разѣзжая въ легкихъ лодочкахъ по разливу, пришекснинскіе браконьеры всегда въ состояніи ловко улизнуть отъ сыщиковъ, еслибъ даже завести для этого особенную стражу.

II.

ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

I.

Переселенцы.

1.

Мы на первомъ перегонѣ отъ Яренска къ Устьсысольску. Уже за полдень. Время холодное, морозное, но тихое. Трескъ сучка, постукиваніе дятла въ душистое дерево, взвизгиваніе жолны — звучно отдаются въ воздухѣ. Солнце свѣтить; по оно не похоже на яркое, лучезарное, ослѣпляющее солнце; это какая-то мѣдная лепешка катится по краю неба и горизонтальными лучами лѣниво и тускло освѣщаетъ уснувшія подъ снѣговымъ покровомъ окрестности. Лѣсь такой печальный: густыя вѣтви елей и пихтъ, опущенные мелкими иголками инея, повисли къ низу, макушки сосенъ какъ-то растопырились, разрѣдились, мелкая поросль пригнулась къ землѣ подъ тяжестью снѣговыхъ хлопьевъ. Холодно и пусто.

Вотъ послышались глухія понуканія и хлопанье гусеваго кнута. Вскорѣ показался изъ-подъ горы дорожный возокъ, довольно солидныхъ размѣровъ, обшитый цыновками. Его съ трудомъ вытягивали четыре тощихъ клячи. Ямщикъ, молодой неуклюжій парень, въ шапкѣ - ушанкѣ, въ оленевыхъ

рукавицахъ длиною по локоть и бѣлыхъ катаникахъ, сидѣлъ на козлахъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою флегматическою лѣнью, какъ будто на печкѣ грѣлся. Возокъ поднялся въ гору. Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, онѣ засѣменили мелкой рысью и наконецъ пустились вскачь. Впереди глубокій ухабъ; возокъ врѣзался въ него со всего размаха, угостивши сѣдоковъ чувствительнымъ толчкомъ.

Изъ лѣвыхъ дверецъ возка высунулась голова въ папахѣ.

— Ты что, Абрамъ, куда? спросилъ кто-то изъ возка.

— А вотъ посмотрѣть мѣста. Вѣдь въ зыре, батюшка, Ѣдемъ, такъ-таки въ самую зыре, отвѣчалъ тотъ, кого назвали Абрамомъ; чай, совсѣмъ особливый народъ эти Зыряне? Ей, ямщикъ, слышь ты, парень, видалъ Зырянъ?

— Що надо? спросилъ ямщикъ, обернувшись къ спрашивающему и пріостановивъ для чего-то лошадей.

— Да ты поѣзжай, поѣзжай! олухъ царя небеснаго; можно и Ѣхамши разговаривать-то. Зырянъ, моль, видалъ ли?

— Зырянъ-те? Для-че Зырянъ не видать. Вотъ пріѣдемъ на станцу — и будуть Зыряне.

— Что, чай, занятный народъ, а?

— Що?

— Народъ-то занятный, аль нѣть?

— Ничего; народъ, — какъ слѣдно быть, такой же; у меня жена изъ Зырянъ.

— Хороша?

— Ничего, баба.

— Экой пень! Да ты говори толкомъ.

— Чего толкомъ?

— Ничего; ну тя къ черту!

И голова въ папахѣ, ругнувъ ямщика мухоморомъ, скрылась въ возкѣ.

Позвольте, господа, познакомить васъ съ сѣдоками рогожнаго рыдвана.

Въ зырянскую сторону, въ Устьысольскъ, въ этотъ глухой отдаленный городокъ, гдѣ нѣть проѣзжающихъ, а есть только прїѣзжающіе, тянулся въ этомъ возкѣ со святой Руси на службу вашъ покорнѣйшій слуга. Переселеніе это я совершаю по волѣ различныхъ враждебныхъ обстоятельствъ, преслѣдующихъ меня въ жизни съ удивительнымъ упорствомъ. Правда, имѣя отъ природы очень живущую натуру, я легко справлялся съ неудачами, хотя онѣ и били меня жестоко съ младенчества, съ семейнаго положенія, включительно съ воспитаніемъ, лицейской жизнью и, наконецъ, служебнымъ поприщемъ. Горе меня потомъ какъ-то не пробирало до сердца; я пріучился изнашивать его до тла и никогда не вспоминать обѣ немъ. Вотъ и теперь, въ самую лучшую пору моей молодости, выпалъ мнѣ жребій Ѹхать на житѣе въ глушь, въ затолошь, въ лѣса. И въ какое время выпалъ этотъ жребій? Когда въ русскомъ царствѣ потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ, когда все молодое и помолодѣвшее, все — жаждущее свѣта и жизни, открыто выступивъ впередъ на бой со старьемъ и рухлядью, обсуживало съ энергией юношескаго пыла вопросъ за вопросомъ и напряженно прислушивалось, какъ разрѣшится великое дѣло освобожденія крестьянъ, бывшее тогда еще въ самомъ началѣ, въ проектахъ. Въ такое интересное, полное живой дѣятельности время, тяжеленько мнѣ было оторваться отъ мѣстъ, гдѣ всему этому предназначено въ очію совершился, и тащиться въ трущобу, на стоячую воду. Но задавшись рѣшимостью никогда не унывать, не падать духомъ, я Ѹхалъ не скучая. Я утѣшалъ себя мыслю, что въ зырянскомъ краѣ встрѣчу много любопытнаго въ жизни и нравахъ чуждаго мнѣ народа, интересные рассказы о промышленныхъ подвигахъ котораго сильно подстрекали мое любопытство, какъ охотника. Я былъ охотникъ, самый страстный охотникъ съ раннихъ лѣтъ, съ дѣтства. Припоминая

кое-что прочитанное о зырянскомъ краѣ, я надѣялся найти въ немъ широкое поприще для охотничей дѣятельности. Я также, какъ и многие, представлялъ себѣ эту сказочную страну покрытою непроходимо-громадными лѣсами, въ которыхъ на просторѣ водится рябчикъ и глухарь, плодится въ лѣсной чащѣ россомаха и невозмутимо покойно живеть косматый медвѣдь. А въ болотахъ, на озерахъ, на рѣкахъ—какія, должно быть становища лебедей, гусей, утокъ различныхъ породъ... дичи, сколько дичи! — есть развернуться гдѣ на волѣ.

Мои стремленія, мысли и надежды вполнѣ раздѣлялъ спутникъ мой Абрамъ, такой же пылкій охотникъ, щавшій со мною на чужую дальнюю сторону изъ добры-воли—въ качествѣ прислуги. На личности Абрама мы остановимся подольше.

Представьте себѣ маленькаго, худенькаго, щедушиаго человѣчка, съ черными какъ смоль волосами, съ совершенно великорусскимъ оваломъ лица освѣщенаго всегда ласковой, нѣсколько хитрой, но болѣе добродушной улыбкой. Абраму было далеко за 30 лѣтъ, но онъ удивительно хорошо сохранился, такъ что ему не давали и тридцати. Жизнь его шла обыкновеннымъ порядкомъ большей части крѣпостныхъ людей: до семнадцати лѣтъ былъ въ крестьянствѣ, на тяжелой работѣ, потомъ взятъ во дворъ. Онъ съизмала привыкъ бѣ ружью и охотѣ, на которую таскалъ его съ собой старшій его братъ, тоже охотникъ, но уже не того пошиба: то былъ охотникъ—изъ-за добычи, промышленникъ больше, шкурятникъ—значить. Абрамъ одаренъ былъ сильною воспріимчивостію, любовію къ природѣ, которая отражалась въ немъ необыкновенно натурально и цѣльно. Поэтому изъ него вышелъ охотникъ не шкурятникъ, но наблюдатель, цѣнящій впечатлѣнія, любитель наслажденій охоты, а не выгодъ отъ нея. Еще въ дѣтствѣ бывали съ нимъ та-

кіе случаи, по которымъ можно было угадать въ немъ будущаго замѣчательнаго сподвижника на егерскомъ поприщѣ: когда онъ былъ лѣтъ одиннадцати, ему поручено было отъ семьи нянчиться съ сестренкой, дѣвочкой полутора года, болѣзненнай и хилой. Онъ исполнялъ очень усердно свою обязанность, не разлучался съ ребенкомъ ни на одну минуту, и когда дѣвочка задавала ревку, утѣшалъ ее, чѣмъ только могъ. На бѣду, въ силу своихъ склонностей ко всевозможнымъ охотамъ, Абрамъ былъ большой любитель удить рыбу. Дѣвченка сидѣтъ около воды, роется въ пескѣ, играетъ камешками, а онъ поддѣваетъ себѣ уклейку на мушку. Случилось такъ, что ребенку не сидѣлось, надо было взять его на руки, а между тѣмъ рыба клевала необыкновенно хорошо. Что тутъ дѣлать? Нельзя же въ одно и то же время и Дуняшку держать и рыбу удить. Абрамъ ухитрился привязать дѣвочку платкомъ къ груди, устроивши ей очень удобное сидѣніе. Дѣвочка успокоилась, и уженье уклейки продолжалось успѣшно. Но вотъ одна плутоватая рыбешка какъ-то особенно затѣйливо клюнула и потянула поплавокъ въ рѣку, безпрестанно его окунывая. Надо было травить, т. е. дать свободу лесѣ. Абрамъ забрелъ по колѣна въ воду, — рыба все продолжаетъ тянуть поплавокъ въ рѣку. Онъ наклонился, вытянулъ руки впередъ, и дѣвченка въ эту самую секунду, потерявъ равновѣсіе, булыхнулась въ воду. Съ стойческимъ хладнокровiemъ, не спуская глазъ съ поплавка, подхватилъ ее Абрамъ лѣвою рукою, стряхнулъ какъ мочалку и, держа на воздухѣ, не обращая никакого вниманія на плачъ Дуняши, продолжалъ травить рыбешку и дождался таки конецъ, что плутоватая уклейка погрузила поплавокъ и попалась на удочку.

Какъ большая часть охотниковъ изъ простонародья, Абрамъ былъ суевѣренъ до крайней степени; примѣты, словца, заговоры, встрѣчи, окуриванья богословской травой, разныя хи-

тины, какъ онъ выражался, были у него постоянно въ употреблении, когда онъ отправлялся въ поле. Неудачи на охотѣ, частые промахи, отсутствіе дичи въ тѣхъ мѣстахъ, где предполагалось отыскать ее много, онъ относилъ къ продѣлкамъ старого охотника, человѣка по природѣ очень тихаго, но крайне уродливаго: рябаго, съ огромнымъ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, всегда нечесанаго, со всклокоченою сѣро-рыжеватою бородою. Старика этого звали Мирономъ Ивановичемъ. Онъ жилъ одиноко, бобылемъ, на задворкахъ села, около котораго находилась наша усадьба. Угрюмый, неповоротливый, съ развалистою тяжелою походкою, Миронъ Ивановичъ слылъ на околотѣ злачаремъ, въ качествѣ котораго приглашался на свадьбы отъ порчи, лѣчилъ народъ травами, гадалъ на водѣ обѣ украшенныхъ полотнахъ и лошадяхъ. Собственно этотъ то промыселъ Мирона Ивановича и внушалъ Абраму то суевѣрное негодованіе, которое онъ не скрывалъ, когда приходилось ему возвращаться съ охоты попомъ, т. е. съ пустыми тороками.

— Что, какъ поле? спрашивалъ я Абрама, возвращавшагося съ пустымъ ягдташомъ и недовольною физіономіею.

— Да что, батюшка, безглазикъ подшутилъ, кривондясь Мирошка; — пуделяль все.

— Ты опять на него, Абрамъ; понапрасну старика обижашь.

— Нѣтъ, ужъ это его штучка: меня же угораздило сегодня мимо его кельи идти, а онъ въ эту пору рожу свою кривую въ окошко выставилъ, видѣлъ меня; а ужъ это такая старая собака,— на еѣнѣ лежить, сама не ъстъ, другимъ не даетъ. Его штучки.

Года за три до отѣзда въ Усть-Сысольскъ случилась съ нимъ разъ такая оказія: сдѣлалъ онъ шалашъ въ полѣ, на тетеревиномъ перелетѣ. Осень стояла въ тотъ годъ превосходная: тихіе, ясные дни, крѣпкіе утренники съ туманомъ; тетеревей вылетало бездна. Абрамъ каждое утро носилъ пары

по двѣ, по три. Я въ тотъ годъ всю осень страдалъ сильнымъ разстройствомъ груди, и потому неходилъ на охоту; но Абрамъ, возвращаясь съ поля съ добычею, всякий разъ прямо являлся ко мнѣ и рассказывалъ со всѣми подробностями свои охотничьи подвиги.

Въ одно утро Абрамъ, возвратившись съ охоты, не зашелъ ко мнѣ. Я послалъ за нимъ. Явился; физіономія озабоченная, печальная.

- Что ты, Абрамъ, не зашелъ ко мнѣ? спросилъ я его.
- Да такъ, батюшка, некогда было.
- Не убилъ ничего.
- Нѣть, убилъ трехъ штукъ: черныша, да пару тетерокъ.
- Чѣмъ же ты встревоженъ? видно пуделяль?
- Нѣть, не пуделяль; да я такъ, ничего невстревоженъ.
- Нѣть встревоженъ; ужъ я вижу; расскажи, что случилось?
- Право ничего не случилось; это такъ со мной.

Такъ въ этотъ разъ и не дошталъ я его. На другое утро снова не зашелъ ко мнѣ Абрамъ; снова послалъ я за нимъ: ретивый охотникъ предсталъ еще съ болѣе печальною физіономіею, совсѣмъ сентябремъ смотрѣлъ, хотя въ это утро охота была очень добычлива.

Я началъ распрашивать Абрама по настойчивѣе. Меня сильно заинтересовала эта никогда небывавшая, совершенно неестественная въ немъ озабоченность, тогда какъ и стрѣлялось удачно и дичи принесено было домой много. На всѣ мои распросы Абрамъ только отиѣкивался и взыхалъ.

- Не опять-ли Миронъ ишутъ?
- Ну его къ лѣшему! Погань помойная, старый отопокъ окаянный!...
- Экъ ты его честиши; видно подозрѣніе есть, непремѣнно что нибудь случилось!

— Ничего не случилось... все пустое, послѣ — скажу...

Но и послѣ не сказалъ Абрамъ; а между тѣмъ тревожное состояніе его увеличивалось болѣе и болѣе; онъ сдѣлался задумчивъ, съ лица спалъ, похудѣлъ.

Такъ прошло около недѣли. Въ одно утро, возвратившись съ охоты, вдругъ является онъ ко мнѣ въ необыкновенномъ волненіи.

— Батюшка, голубчикъ! поздравьте-ко меня съ богатымъ полемъ!

— Что такое случилось, что, разсказывай скорѣе, спросилъ я Абрама, заинтересованный его торжествующей физіономіей.

— А вотъ слушайте, все разскажу по порядку.

Помните, — вы меня спрашивали, что я встревоженъ-то, цечаленъ-то былъ; — вѣдь, я, батюшка, чуть съ ума не сошелъ, вотъ, вѣдь, какая оказія-то; вѣдь, чуть было, грѣха на душу не принялъ; сбирался Мирона Ивановича бить; думалъ, — все это онъ, кривой песь, кому больше; слушайте-ко, что разскажу-то...

— Ну, слушаю, слушаю, — разсказывай.

— Шалашъ-то подъ тетеревей сдѣланъ у меня на углу въ поле; знаете, — такое высокое мѣстечко выдалось около накляпой сосны; ну, такъ вотъ тутъ. Тутъ самый свалъ, главный самолѣтъ тетеревей. Да и удобно: двѣ березы та-кія кужлявые стоятъ, ель высокая; у меня промежъ нихъ, въ опушкѣ-то, въ мелкомъ вересняжкѣ и сдѣланъ шалашъ. Приходится такъ: прямо, къ полю, — сосна, назади, къ лѣсу, — ель, справа — береза и слѣва — береза. Ну, вотъ, я и стрѣлялъ; все шло благополучно, — каждое утро носилъ домой пары по двѣ, по три. Только помните, дѣнь восемь тому, утро было такое знатное, морозное, туманное. Залѣзъ я въ шалашъ ранехонько, сижу; слышу — куропатка гаркнула, тетеревъ въ лѣсу чувикинуль, я ему чувикинуль, — онъ от-

клинулся. Такъ мы перечувыкивались съ полчаса; летить, слышу... съль онъ съ правой руки на кужлявшую березу, на самую вершинку. Стрѣлять ловко таково; рѣзнулъ,— свалился, какъ снопъ. Послѣ еще прилетали тетеревье,— убиль я въ то утро штуки три или четыре. Кончился вылетъ, иду сбирать. Всѣ цѣлы, только первого тетерева нѣть, убѣжалъ значитъ... Оказія! Близко стрѣлялъ, упалъ не совсмѣннувшись и убѣжалъ! какъ это его хватило? На другое утро опять на ту же березу садится тетеревъ; приложился я вѣрно:— бацъ! свалился въ вереснякъ. Вересняжокъ мелкій такой около березы-то. Погодя немнога тетерѣкъ прилетѣла на тотъ же присядъ, — и эту убилъ; потомъ пару еще на другихъ присядахъ убилъ; началъ сбирать, — три штуки лежать, а первого тетерева опять нѣть. Что за чудо,— ужъ это не даромъ: мнѣ сейчасъ помнилось на Мирона Ивановича. Заговорилъ, молъ, онъ этотъ присядъ. А какъ же тетерю-то убилъ? Коли-бы заговореный былъ, и тетеря пропала бы. Не убѣжалъ-ли тетеревъ-то? Постой же, теперь я сдѣлаю опробацію, увижу. На слѣдующее утро взялъ ружье большое и всыпалъ въ него здоровеннѣй зарядъ. Сижу. Какъ нарочно, опять первый тетеревъ взгромоздился на кужлеватую березу; царапнулъ я его такъ, что нани кверху подбросило, пыжи долетѣли до того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ и повисли на сучьяхъ, а онъ, заломивши крылья, тряпинулъ о землю, какъ кусокъ глины. Сумленья нѣть,— убилъ. Послѣ еще три тетерѣкъ прилетали,— всѣхъ ухайдачилъ. Сталъ сбирать,— дивное диво,— первого тетерева и слѣдъ простылъ, опять не нашелъ. Вотъ тутъ ужъ у меня, что называется, и умъ раскорячился, окуриться, молъ, надо богословской травой, да приговоръ прочитать, а то этакое странное дѣло ужъ конечно не человѣчье: лѣсной шутить,— Мирошка кривоглазый напустилъ. Ну, вотъ, ладно; давай я окуриваться богословской травой, приговоры отъ призоры какіе зналъ, всѣ перечиталъ, отъ

трехъ пороговъ щепочки отнималъ, ничего не помогало,— какъ ни убью тетерева на этой проклятой березѣ, точно сквозь землю провалится, исчезнеть! Тоска на меня такая напала, нигдѣ мѣста не могу найти, куда ни пойду, что ни дѣлаю,— все думаю, что-бы это такое значило. Похудѣлъ, отъ хлѣба отбило. Только позавчера сижу я въ шалашѣ,— рано забрался,— чуть свѣтать стало. Куропатки на озимь вылетѣли, кудахчутъ; двѣ подбѣжали къ самому шалашу,— убилъ одну. Вотъ свѣтать начало, вылету нѣтъ. Ужъ немного тетеревей-то осталось; мало-ли я ихъ перещелкалъ. Заря разлилась яркая такая. Слышу,— крылья свистять: глухарь летить и прямехонько на эту березу. Лѣпился, лѣпился,— сучья-то гнутся, наконецъ усѣлся на вершину. Я его рѣзнулъ,— повалился; я сейчасъ-же изъ шалаша вонъ, подъ березу — нѣту глухаря, пропалъ; я метаться туда, сюда по кустамъ, гляжу около кочекъ, подъ огородомъ,— нѣтъ. Съ досады въ волосы себѣ вѣпился, слезы прошибли. Только нечаянно и взгляни я на поле; что же вижу: черезъ поле-то наискосокъ лисица, матерѣющая такая и тащить моего глухаря за шею. Да, вишь, тяжело — птица-то не по силѣ, она и не можетъ скоро бѣжать-то. Вотъ, какъ только увидѣлъ я эту статью, тутъ-то и сдогадался, кто воровалъ моихъ тетеревковъ. Вотъ-те и Миронъ Ивановичъ, и дѣдушка лѣсной, и богословская трава. Она, стерва, каждое утро забиралась въ вересовые кусты, что около присяда, и выжидала добычи, а тамъ подхватить и удереть мелочами-то,— а изъ шалаша-то не видно. Вотъ, вѣдь, оказія-то какая! Давай я разсматривать около присяда все въ подробности, отыскалъ я и мѣсто, гдѣ она пряталась: шагахъ въ трехъ отъ присяда вересовый такой кустичекъ бѣлоусомъ обросъ,— умято въ немъ,— изъ него она на тетеревовъ и бросалась. Вчера съ вечера поставилъ я капканъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходится ей прыжокъ сдѣлать. Землицей позасыпалъ,

мошкомъ поприкрыль. Пошелъ сегодня утромъ; на мое счастье прилетѣла тетеря на пересядину,— я ее убилъ; только она свалилась, слышу,— какъ заверещало благимъ матомъ. Втѣ-
палась голубушка... Посмотрите-ка, батюшка, какая знатная!

Абрамъ вышелъ за двери и оттуда выбросилъ за пу-
шистый хвостъ на средину комнаты матерую красную ли-
сицу.

Въ тотъ же годъ случилась съ нимъ другая подобная
оказія. Всю зиму ловилъ Абрамъ волковъ въ капканы; но
ловилъ незадачливо: въ добычу досталось что - то очень
немного: одна или двѣ штуки. Наступилъ великий постъ,
попили утренники, закрѣпило насть,— волкъ бросиль трону
и пошелъ бродить, гдѣ вздумается: капканы уже не годились
въ дѣло; надо было приниматься за другіе способы; Абрамъ
началъ отравлять. На загородѣ была у него выкинута про-
падина, издохшій быкъ - годовикъ. Около него раскидывалъ
онъ куски отравы и каждый день на разсвѣтѣ бѣгаль про-
вѣдыватель, не окормился-ли волкъ. Волкъ не окормливался,
я подтрунивалъ надъ Абрамомъ.

— Много-ли собакъ отравилъ, Абрамъ?

— Ни одной...

— А волковъ?

— Тоже ни одного.

— А сорокъ?

— Сорокъ-то двѣ отравились.

— Ну, и то хорошо,— все же добыча, братецъ... По чемъ
шкурки продавать думаешь?

— Ладно,— смѣйтесь; притащу вамъ сѣряка матераго,
такъ изъ одной шкуры шуба выйдетъ.

— Да на словахъ - то чего не можетъ быть?

— А вотъ увидите!

— Хорошо, увидимъ.

Но не привелось мнѣ увидѣть сѣряка: весь постъ про-

шель, а въ добычу не досталось ни одного волка. Въ страшную субботу Абрамъ посягнулъ на самое рѣшительное средство — поставить самострѣль.

— Что ты, Абрамъ! да вѣдь ты подъ уголовщину попадешь — убьешь кого нибудь, — предостерегалъ я его.

— Кого убить въ такое время: всѣ за службой будутъ.

— А что-же отрава-то, развѣ не дѣйствуетъ?

— Не берутъ проклятые, — слышать видно; ничего съ ними не подѣлаешь отравой.

— Да есть-ли волки-то?

— Два ходятъ; и сегодня у пропадины были, весь бокъ выѣли, ночью опять придутъ; безпремѣнно самострѣль слѣдуетъ поставить

— Смотри, не попадись! самострѣлы строго запрещены, — попадешься — бѣда...

— Не попадусь, — до свѣту завтра уберу все. Кто пойдетъ въ такое время ночью шататься по лѣсу?

Поставилъ Абрамъ самострѣль и не спалъ цѣлую ночь. Удалили въ колоколъ къ заутренѣ; народъ въ церковь, Абрамъ къ пропадинѣ.

Я, беспокоюсь, чтобы кто-нибудь случайно не набрель на самострѣль, съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Абрама.

Еще темно было, когда прибѣжалъ онъ со своего промысла въ сильномъ волненіи.

— Что случилось? не угомонилъ ли кого? говори скрѣе, пожалуйста, — спрашивалъ я, перепуганный ненормальными состояніемъ моего охотника.

— Слава Богу, ничего не случилось, а казусъ вышелъ, — отвѣчалъ Абрамъ.

— Какой тамъ еще казусъ?

— А такой ли казусъ, какого сродясь со мною не бывало. Самострѣль-то поставить я поставилъ, да и не радъ, — сто разъ скаялся; поди мнѣ это на мысль, что завтра эта-

кой великий праздникъ, птица гнѣзда не вѣть и всякая тварь славословитъ Господа, а я — на-ка, поди, — на жизнь животнаго посягаю; грѣшио, думаю, не пройдетъ мнѣ это даромъ; ворогъ силенъ, — нашутить онъ со мной... Такъ это я раздумался, что ночью же хотѣлъ бѣжать, — снять самострѣль. Вотъ къ заутренѣ въ колоколь ударили, плошки зажгли на колокольнѣ; еще пуще совѣсть меня стала зазрить, что я на такой день кровь пролью; не стерпѣль, побѣжалъ къ пропадинѣ. Темно было. Вѣтерокъ подувалъ; мѣсяцъ по тучкамъ попрыгивалъ; то вдругъ свѣтленькая полоска пробѣжитъ по снѣгу, то опять темно. Бѣгу я, знаете, шибко таково, перелѣзъ черезъ осѣкъ, стала подходить къ пропадинѣ, что же вижу: глазамъ своимъ не вѣрю... Господи милостивый!.. пропадина-то молится: стала на заднія то ноги, да такъ и киваетъ головой-то, такъ и киваетъ. Страхъ на меня напалъ такой: — руки не могу приподнять перекреститься, всѣ молитвы изъ головы вонъ повыскочили; въ колокола ударяютъ къ христовской заутренѣ, а пропадина молится себѣ, да молится. Нѣть, думаю, — не можетъ быть такого чуда, дай, подойду ближе; подвинулся еще шаговъ на десять, — молится пропадина да и конецъ дѣлу. Тутъ ужъ изъ ума вонъ меня выкинуло, паль я на колѣна, «да воскреснетъ Богъ!» закричалъ; и, знать, закричалъ-то ужъ не путемъ, потому что въ ту же минуту пропадина пала, и изъ нея выскочилъ матерѣюЩій волчище и на утекъ. Опамятался я, подхожу, — что же бы вы думали? угораздилъ его неумытый подойти къ пропадинѣ-то сзади, да, видно, побоялся онъ расположиться около нея чередомъ-то, ухватилъ за рѣшицу, да и тянеть, и тянеть; пропадина и поднимись на заднія мостолыги и кланяется, да и кланяется; ну, молится да и все тутъ. Каковъ, батюшка, казусъ-то?

— Хорошъ казусъ; хоть до кого, такъ струхнетъ; да какъ же ты волка-то не разглядѣль?

— За пропадиной былъ, окаянная сила, не видать...
Такъ меня перепугалъ, до сихъ поръ руки и ноги дрожать.

— Что-же самострѣль-то?

— Самострѣль не выстрѣлилъ: морозно было, пистонъ не разбился; слабовата пружина у замка; да теперь не увернется...

Дѣйствительно волкъ этотъ впослѣдствіи достался таки Абраму въ добычу.

2.

Отправляясь съ береговъ Шексны въ зырянскую сторону, мы представляли Вологодскую губернію вообще лѣсниной, глушью; да и какой еще лѣсниной, какой глушью: пустынныя моховыя болота, зыбучія топи съ провалами, — тинистыя гнилія озера съ пловучими островами, боровыя протяженія съ исполинскими хвойными деревьями, дремомъ-дремлющими подъ дикою природою дальніаго сѣвера, а тамъ, далѣе, въ сѣверо-восточный уголъ губерніи, громадныя пустыри, рѣдкое населеніе, дикая природа, съ такимъ же дикимъ сыномъ лѣсовъ — промышленникомъ-зыряниномъ.

Такая-то картина рисовалась въ нашемъ воображеніи о пространствахъ Вологодской губерніи. Но въѣхавши въ неё, мы на первыхъ-же порахъ поражены были не громадностью не-проходимыхъ лѣсовъ, а совершеннымъ ихъ отсутствіемъ: около Вологды, почти на тридцать верстъ въ окружности, лежала степь съ оазами, состоявшими изъ приземистыхъ чахлыхъ кустарниковъ; затѣмъ далѣе, углубляясь отъ Вологды на сѣверо-востокъ, мы встрѣчали тѣ же поля, какъ и въ средней полосѣ Россіи, тѣ же села и деревни — гдѣ черезъ поле, гдѣ черезъ небольшие перелѣски: какъ разъ тотъ-же обликъ русской сѣренѣйкой, незатѣйливой природы, не поражающей въ величественными образами горъ, вершины которыхъ вздымались-бы выше облаковъ ходячихъ, но согрѣвающей душу иро-

стотою того знакомаго роднаго ландшафта, къ которому такъ привыкъ обитатель средней полосы Россіи. А лѣса, эти громадные, пресловутые темные лѣса, когда экипажъ нашъ поднимался на лысину какого нибудь пригорка, мы видѣли далеко раздвинутыми по сторонамъ отъ селеній. Черною массою стались они и направо и налево, исчезая въ туманной дали подъ горизонтомъ.

Вотъ станція Межадоръ, раздѣльный пунктъ зырянъ отъ русскихъ. Къ ней подкатился нашъ возокъ, изъ которого съ любопытствомъ выскоцилъ Абрамъ, приготовясь найти достойное удивленія, но встрѣтилъ туже русскую рѣчъ, тотъ же сѣрый мужицкій зипунъ, тулуши, полуушубокъ, шапку-ушанку, ту же добродушную, истертую нуждою и тяжелою грубою жизнью крестьянскую физіономію, все тоже, что и на прошедшей станціи—и въ самомъ дѣлѣ удивился.

— Такіе же!... проговорилъ онъ съ досадою, не обращаясь исключительно ни къ кому.

— А ты что думалъ? спросилъ я его вылѣзая изъ возка.

— Я думалъ,—народъ другой.

— Да и въ самомъ дѣлѣ другой; это зыряне; у нихъ свой языкъ есть. Поговори съ ними — узнаешь.

Я вошелъ въ комнату станціоннаго домика. Первая особенность при этомъ была та, что не лебезилъ предо мною подрядчикъ лошадей, не кланился уваженно станціонный писарь. Эти двѣ непремѣнныя личности каждой почтовой станціи здѣсь—какъ-то не лѣзли въ глаза изъ-за подачи на водочку. Въ комнатѣ тепло и чисто; два большия, широкіе дивана по стѣнамъ, круглый столъ, покрытый kleenкою, часы въ долговязомъ футляре, зеркало, портретъ, правила почтоваго вѣдомства,—словомъ точно такая же обстановка, какъ и на сорока пяти проѣханныхъ доселъ станціяхъ. Я подошелъ къ печкѣ и началъ грѣть руки, прикладывая ихъ къ теплымъ кирпичамъ. Потомъ прошелся взадъ и впередъ нѣсколько разъ, посмотрѣль

въ окно, по морозъ такими узорами загрунтовалъ стекла, что сквозь нихъ ничего нельзя было видѣть. На столѣ лежала книга для вписыванія жалобъ. Я, отъ нечего дѣлать, развернуль ее; на первой страницѣ было написано: «ямщики на этой станціи всѣ необразованные невѣжи: надѣлали мнѣ дерзостей; жалуюсь на это почтовому начальству. Марія,—дочь генерала Золотова». Противъ жалобы отмѣчено: «претензію оставить безъ послѣдствій». Остальные листы книги были бѣлые. Снова подошель я къ окну, подышаъ на стекло и сквозь оттаявшее пятно увидѣлъ, что ужъ закладываются въ возокъ послѣднюю лошадь. Скоро повернулись зыряне. Я натянулъ шубу, нахлобучилъ шапку и вышелъ.

Абрамъ велъ разговоръ съ рыжимъ, толстенькимъ, приземистымъ зыряниномъ, взгромоздившимся, по обязанности ямщика, на козлы возка.

— Ну, а ложка—какъ? спрашивалъ Абрамъ.

— Пань! отвѣчалъ зырянинъ.

— А какъ—хлѣбъ?

— Нянь.

— Какой, право, диковинный языкъ! всѣ слова на одну колодку смахиваются.

— Ну, а какъ сказать: «дай мнѣ воды и хлѣба»? продолжалъ любопытствовать Абрамъ.

— Вай мэнъмъ ва и нянь, отвѣчалъ ямщикъ.

Абрамъ повторилъ.

— А вѣдь просто, право—просто; научусь по зырянски, пріѣду домой и буду говорить.

— Съ кѣмъ-же ты будешь говорить, коли у насъ не знаютъ по зырянски? спросилъ я.

— Въ томъ-то и штука-то... Удивляться станутъ: по иностранному, скажутъ, знаетъ, уваженья больше будетъ.

Проехали еще нѣсколько зырянскихъ станцій; на каждой изъ нихъ давали намъ очень аккуратно и проворно лошадей,

везли хорошо и скоро. На каждой Абрамъ бесѣдовалъ обѣ охотѣ, ружьяхъ и стрѣльбѣ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Устьсыольску, тѣмъ больше впряженіи лошадей въ нашъ возокъ, пристегивая ихъ какъ попало, гдѣ по двѣ въ рядъ, гдѣ гуськомъ, одна-за одной. Съ послѣдней повезли на восьми, съ двумя вершниками.

Въ Устьсыольскъ прїѣхали мы ночью. Возокъ подкатилъ къ большому довольно красивому дому.

— Куда ты насъ привезъ? спросилъ я ямщика.

— Къ Назарь Иванъ.

— Къ какому Назарь Иванъ?

— Къ Назарь Иванъ Сбоевъ.

— Кто такой Назарь Иванъ Сбоевъ?

— Хозяинъ станцы.

Вѣроятно колокольчикъ нашъ былъ услышанъ, потому что въ домѣ зашевелились, послышался скрѣпъ шаговъ, стукъ запора, наконецъ отворились ворота и кто-то прокричалъ «вѣзжайте»!

Я выбрался изъ возка и взошелъ въ чистыя, опрятныя комнаты, черезчуръ роскошныя для станціи. Едва я успѣлъ пообогрѣться и спросить самоваръ, какъ явился Назарь Ивановичъ Забоевъ, хозяинъ дома и содерѣжатель станціи. Это былъ мужчина средняго роста, лѣтъ сорока пяти, плотно сложенный, чернобородый, съ правильными рѣзкими чертами, подходящими болѣе къ жидовскому типу, нежели зырянскому. Онъ пощелкивалъ кедровые орѣшки, скрлупу отъ которыхъ чрезвычайно ловко выплевывалъ въ кулакъ.

— «Купецъ Забоевъ, здѣшній; просимъ познакомиться, проговорилъ онъ частоговоркой и откашливаясь, какъ будто у него першило въ горлѣ.

— «Очень радъ, Назарь Ивановичъ; прошу не оставить вашимъ вниманіемъ; не стѣснилъ ли я васъ своимъ прїѣздомъ: это, кажется, ваши домашнія комнаты.

Да, мы здѣсь живемъ, и пріѣзжающіе останавливаются,— потому—станція... содержу; а вы писали... для васъ квартира нанята.

Дѣйствительно недѣли за двѣ до отѣзда моего въ Усть-сысольскъ я писалъ къ господину, подъ начальствомъ котораго обрекла меня судьба служить, о пріисканіи квартиры и потому очень обрадовался, услышавши отъ Забоева, что просьба моя была исполнена.

Подали самоваръ.

— «Не угодно ли чайку напиться вмѣстѣ? предложилъ я Забоеву.

— «Нѣтъ; былое дѣло, благодаримъ; да и поздненько, на боковую пора; спокойной ночи-съ!

Забоевъ откланялся; я принялъ за самоваръ. Явился Абрамъ.

— Что Абрамъ?

— Ничего; все выносили. Вы слышали, квартира нанята?

— Забоевъ сказывалъ; а ты какъ узналъ?

— Да работникъ его сказывалъ; здѣсь пріѣзжай-то на-диво, такъ все про него знаютъ.

— Не распрашивалъ—хороша-ли?

— Хорошая, говорять, только внизу; хозяйка Дьяковой прозывается; такая, сказываютъ, хлопъ баба, что на—поди!

На другой день отправились мы съ Абрамомъ осматривать квартиру.

Городъ погруженъ былъ въ сугробы снѣга; но чистень-кіе домики, правильныя и широкія улицы, высокая мѣст-ность, произвели на меня пріятное впечатлѣніе. Пройдя вдоль главной улицы, мы повернули къ собору и вышли на берегъ. Здѣсь намъ указали домъ чиновники Дьякова, съ-ренъкое двухъ-этажное зданіе. Мы поднялись на верхъ и взошли въ прихожую; звонка не было, двери не заперты: въ Усть-сысольскъ жили по простотѣ, на-распашку.

Насъ встрѣтила хозяйка, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, но чрезвычайно свѣжо сохранившаяся; замѣтно было, что въ свою молодость она принадлежала къ весьма красивымъ особамъ.

Послѣ я узналъ, что Николай Иванычъ Надеждинъ, когда-то сосланный въ Устьысольскъ, вывелъ ее въ свое разсказѣ, напечатанномъ въ «Утренней Зарѣ». Тамъ онъ называлъ ее хорошенъкой, бойкой Зыряночкой; но въ настоящее время бойкая Зыряночка представляла очень увѣистую фигуру.

— Слышала, батюшка, что вы прїѣхали, заговорила хозяйка, усадивши меня въ гостиную; отъ Забѣева прѣѣгали сказать ранехонъко: жилецъ, говорятъ, вашъ прїѣхаль, чтобы квартира была готова. Сами вѣдь въ комнатахъ — то живутъ, для станціи особаго помѣщенія нѣть, ну и стѣсняются чужимъ человѣкомъ. Пожалуйте посмотрѣть.

Спустились внизъ. Комнаты оказались низеньки, но чистеньки, кухня особо — черезъ сѣни; мебели довольно; на первыхъ порахъ, принимая въ соображеніе дешевизну: четыре рубля въ мѣсяцъ съ дровами, — жить можно.

— Вотъ съ Богомъ и переѣзжайте: комнаты натоплены и вымыты; только уговорь лучше денегъ: у васъ собачка, говорятъ, есть, чтобы курокъ моихъ не гоняла; этого я не люблю; да человѣкъ у васъ есть, чтобы въ огородѣ ко мнѣ не ходилъ — морковь да брюкву таскать, да чтобы онъ неприличныхъ словъ вслухъ не произносилъ, дочка у меня, нехорошо для дѣвушки.

— Будьте покойны, сударыня: собака моя ходить только за лѣсными курками, а домашнихъ не трогаетъ, да и курки ваши теперь еще не гуляютъ, и морковь ваша и брюква, полагаю, еще не растутъ, потому что въ огородѣ вашемъ на сажень снѣгу; что же касается до неприличныхъ словъ, то мы ихъ никогда не говоримъ, да и у дѣвушки ушки золотомъ завѣшены.

— Да вѣдь это я, батюшка, на всякий случай, такъ для переду сказала, потому въ прошедшемъ годѣ былъ у меня постоянлецъ, тоже съ своей прислугой жилъ; наказаніе!.. лакеишка его все повытаскалъ изъ огорода, и такой-ли мерзавецъ: что ни ступитъ, то скверное слово во все горло; а тутъ Олењка у окошка, нехорошо.

Въ тотъ-же день мы совсѣмъ перебрались на квартиру и устроились хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ.

Дня черезъ три Абрамъ подозвалъ меня къ окну.

— Посмотрите-ка, батюшка, сюда, поправѣе вотъ этой избенки, что стоитъ на берегу, видите на той сторонѣ ельникъ — это мѣсто островомъ прозывается, потому — рѣки его окружаютъ со всѣхъ сторонъ: отсюда — Сысола, лѣвѣе — Вычегда, а тамъ, за островомъ, — Потеряй. Все это пространство по веснамъ заливается водою. Смотрите потомъ дальше, прямо, — видите — черная такая полоса, это темные, растемные лѣса, и конца, говорять, этимъ лѣсамъ нѣть, и живутъ въ этихъ лѣсахъ всякое звѣрье, и всякая птица лѣсная; теперь смотрите-ка налѣво, видите — кусточки — то ракитовые — это Вычегда около нихъ течетъ, большая, говорятъ, рѣка и должно рыбистая; а въ ракитовыхъ кусточкахъ этихъ бѣлая куропатъ по зимамъ держится, думаю, туда съ ружьишкомъ накатить.

— Откуда ты всю эту географію узналъ, Абрамъ?

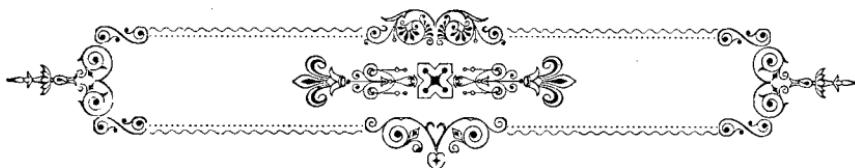
— Здѣшніе сказывали, разспросиль. Здѣсь народъ важнѣющій, простой и словоохотный. Меня ужъ приглашали лѣсоватъ: все, говорять, тебѣ покажемъ, всѣмъ здѣшнимъ охотамъ научимъ, по хорошимъ мѣстамъ выводимъ. На первой недѣлѣ великаго поста партія собирается дней на пять; я бы съ ними пошелъ, берутъ, и лыжи обѣщали.

— Что-же, съ Богомъ; только вынесешь — ли ты эту охоту? съ непривычки будетъ тебѣ трудненько тянуться съ Зырянами.

— «Ничего не трудно: на лыжахъ я хожу ужъ вѣрно не хуже ихъ, ночевки-то лѣсныя знаю: приваживалось подъ небомъ ночевать, а у нихъ для этого, говорятъ, избушки по-надѣланы. Котелокъ съ собой возьму, компасъ, чтобъ не заблудиться. Непремѣнно пойду: надо-же научиться здѣшнимъ охотничимъ порядкамъ.

Рѣшено было на первой недѣлѣ поста, до котораго оставалось еще дней двѣнадцать, отправиться Абраму съ зырянскими охотниками въ лѣсовье.

II.

Бѣлый Боръ.

Абрамъ скоро успѣлъ ознакомиться со всѣми ближайшими къ городу промышленниками охотниками. Онъ много разъ ходилъ съ ними лѣсоватъ, отлучаясь на цѣлые недѣли въ лѣса, охотился за бѣлкой и рябкомъ,ставилъ капканы на россомаху, силки на горностая, пасти и слоны на тетеревей и зайцевъ; подстерегалъ на извилистыхъ, крутоберегихъ лѣсныхъ рѣчкахъ выдру, отравлялъ лисицу, преслѣдовалъ гоньбой на лыжахъ оленя и такимъ образомъ узналъ до тонкости охотничии промыслы зырянъ.

Но не такъ занимала насъ зимняя охота на лыжахъ, трудная и изнурительная для новичковъ; въ этой охотѣ приходилось преодолѣвать не свычныя препятствія, начиная съ огромныхъ пространствъ до ночлеговъ въ курныхъ зырянскихъ зимовкахъ, среди густыхъ лѣсовъ, часто во время сильныхъ снѣжныхъ урагановъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали весны. Воображеніе наше, разогрѣтое мѣстными рассказами, рисовало цѣлый рядъ добычливыхъ полей въ весну, лѣтию и осеннюю пору и самую разнообразную егерскую

охоту на здѣшнихъ истинно прекрасныхъ мѣстахъ, представляющихъ такую дикую ширь, такой неограниченный просторъ.

1.

Апрѣльские дни и ночи теплы и ясны. Рѣки Сысола и Вычегда очистились отъ льда и, отъ постоянной прибыли воды, и увеличиваясь и расширяясь, быстро катили свои воды. По нагорному, овражистому берегу Вычегды бурѣли только что обтаявшія пашни, а противоположная луговая сторона вся захлебнулась весеннимъ разливомъ.

По временамъ тянули вереницами гуси, лебеди, утки; изрѣдка съ грязныхъ полей слышенъ былъ свистъ кроншнепа и курлыканье журавлей. Чирки по зарямъ сновали туда и сюда, быстро разсѣкая воздухъ при своихъ перелетахъ; фомка-разбойникъ пискомъ пищалъ, ловя маленькую рыбешку, и далеко разносился въ прозрачномъ воздухѣ, по тихой поверхности широкаго разлива, громкіе, однообразные крики чаекъ.

Не усидѣть дома въ такое время охотнику. Такъ и тащить его къ ружью, а отъ ружья къ созерцанію природы, обновленной жизнью прилетныхъ птицъ. Душа такъ и рвется на широкій просторъ, на гладкую, зеркальную поверхность воды, въ которую, опрокинувшись, смотрится обновляющаяся природа. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я свободнаго времени отъ моихъ занятій, чтобы отправиться по разливу въ легкой лодочкѣ куда нибудь на островъ, въ ночевку.

- На охоту бы, Абрамъ, надо?
- Давно пора, батюшка, вся дичь прилетѣла.
- Куда жеѣхать-то? Мѣста здѣсь все незнакомыя.
- Да поѣдемте въ Озѣла; мѣста тамъ привольныя, утки много; тетеревей-съ подъѣзду найдемъ.
- Ну, тебя съ утками! Миѣ бы хотѣлось пострѣлять

тетеревей на току, гдѣ-бы большой былъ слѣтъ, чтобы было надѣ чѣмъ потѣшиться.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало... Пойдемте на Бѣлый-Боръ.

— Хорошее мѣсто?

— Ужъ такое ли мѣсто,—что и во снѣ не приснится такого!

— А токъ великъ?

— По насту много тетеревей слеталось. Если Зыряне не передавили петлями—побухаемъ!

— Намъ бы кого нибудь взять для гребли въ распашные весла.

— Алѣшку возьмемъ, парень здоровый; къ тому же здѣшній охотникъ—всѣ мѣста знаетъ.

— Ну, такъ Алѣшку; сходи за нимъ. А лодка готова?

— Со всѣмъ готова: пробита и просмолена, и весла и бесѣдки сдѣланы,—садись, да поѣзжай.

— Хорошо, непремѣнно ѿдемъ въ ночевку. Приготовь сѣ собою взять котелокъ, крупы для кашицы, молока, масла, самоваръ, погребецъ, постельники и все прочее, чтобъ было не холодно и удобно ночевать.

Когда было все изготовлено и уложено въ маленькую, легонькую лодочку, явился Алексѣй, плечистый, молодой Зырянинъ, готовый отъ искренняго сердца на всевозможные послуги. Сѣли и поѣхали.

Вскорѣ между Алексѣемъ и Абрамомъ завязался разговоръ.

— Много-ли надавилъ тетеревей-то? спросилъ Абрамъ.

— Нынче мало; почитай что ничего не поймалъ, отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну, ужъ и заведенье ваше проклятое, нечего сказать—все петлями давять: утку въ петлю, куропатку въ петлю, тетерева въ петлю, глухаря въ петлю, рябчика въ

петлю; олена—и того въ петлю ловять. Хитреющій народецъ, истошники, даромъ что увальнями смотрять.

— Зыряину зарядъ дорогъ; а это и дешево и прибыльно.

— Прибыльно! что въ вашей прибыли-то: самому потѣхи нѣтъ, а дичи переводъ. Здѣсь тетеревиныхъ токовъ совсѣмъ не стало: на слуху-то одинъ, много два. По зарѣ выйдешь, не услышишь голоса тетеревинаго. У насъ мѣста не противъ вашихъ: урема, болота, въ подметки не годятся къ вашимъ; а выйди-ко по зарѣ, такъ только становастоитъ, во всѣхъ сторонахъ токуютъ; а все отъ того, что нѣтъ заведенія давить петлями.

— Да тетеревъ петель-то меныше боится, нежели ружья, возразилъ Алексѣй.

— Охъ ты, толстоголовый! Меныше боится... Какъ же не меныше. Вотъ, батюшка, разсудите вы наше дѣло, — обратился Абрамъ ко мнѣ,—наставятъ они на тетеревиномъ току петель не одну тысячу, все въ крючки, въ разныхъ мѣстахъ, такъ, что гдѣ ни сядь тетеревъ, и попаль; а какъ попаль, заголосить сердечный, какимъ-то особыеннымъ крикомъ и начнетъ биться, да бьется съ часъ времени, такъ что все стадо съ току поднимется: какъ сумасшедшие полетятъ. Хоть и дураки тетеревъ-то, да, вѣдь, слышать и видять, что недаровуха случилась съ товарищемъ.

— Тетереву-то все равно умирать-то, что отъ ружья, что отъ петли, снова возразилъ Алексѣй.

— Вотъ, поди, толкуй съ нимъ! Да вы, головы, то подумайте, кого вы давите на току-то? Токовиковъ вѣдь, да тетерь давите! Токовикъ на токъ летить всѣхъ раньше, садится безъ всякой опаски, прямо на землю, больше всѣхъ вѣгаєтъ—первый и попаль. А какъ на току-то поймаютъ штукъ десять токовиковъ, весь токъ и пошелъ въ разбродъ. Вѣдь токовики главители: безъ нихъ току не можетъ быть.

Опять тетерьки-то, сердечные, чѣмъ виноваты. Какъ прилетѣли на токъ, начали роститься, да бѣгать—и въ петлѣ, и въ петлѣ. Только тетерь, да токовиковъ и ловять. Знамо дѣло—переводъ дичи: безъ токовика току нѣть; тетерѣ, если и спасется какая отъ петли, не съ кѣмъ поняться. Наше же дѣло совсѣмъ не то: я сдѣлалъ на току шалашъ, выставилъ чучела, залегъ съ вечера и ожидаюсь утренней зари. Прилетитъ токовикъ, я его не бью. Еще иной, про-казитель, на шалашъ усидется, да воркотню подыметь; а мнѣ и горя мало, хоть въ шалашъ забейся, — не трону. Прилетитъ тетеря—не бью. А вотъ, пожалуетъ приватный, сядеть на присядь,—мой! Да я на хорошемъ-то току пять-десять штукъ приватныхъ убью, а тока не порѣшу. У меня и токовики цѣлы, и тетери цѣлы. И смерть-то отъ ружья минутная: выстрѣлилъ, свалился тетеревъ, встрепенулся раза три, и кануть. Остальные даже и не слетять. А то, помнишь, при насть попалъ токовикъ въ петлю; сердце, вѣдь разрывалось глядя на его мученья: захлопоталъ, закеркалъ: и брюхомъ-то кверху повернется и крыльями-то бѣть, перья летять, какъ изъ подушки, съ часъ времени, сердечный, мучился, потомъ захрипѣлъ и подохъ. А остальные тетеревье, какъ дождь, въ разныя стороны разлетѣлись. Такъ вотъ ваша навадка-то какова. Строгое бы за-прещеніе сдѣлать вамъ—не давить дичи петлями весной.

— Правда, Алексѣй; ловля петлями ужасный переводъ дичи; вы ее безсовѣстно губите, сказаль я.

— О чѣмъ же я и толкую-то, заговорилъ Абрамъ, перевodъ дичи такой, какого хуже и не выдумаешь.

— У насть ужъ заведенѣе такое, промолвилъ Алексѣй, всѣ ловятъ петлями отъ стараго до малаго.

— Вотъ, нашелъ чѣмъ хвастать. Это еще хуже, что всѣ ловятъ. У васъ, Зырянъ, гдѣ только можно, ужъ без-премѣнно петля висить. Недѣли двѣ тому одинъ охотникъ

изъ вашихъ позвалъ меня на рѣчку въ Озела стрѣлять утокъ. Съ прилету утки, говорить, всегда пристають на этой рѣчкѣ. Со свѣтомъ пришли мы на мѣста. Рѣчка отъ льда очистилась; вижу, по всѣмъ примѣтамъ, что первыя утки тутъ должны становить. Но, повѣрите-ли, батюшка,— обратился ко мнѣ Абрамъ,—по всей рѣчкѣ вплоть висятъ петли; нѣсколько тысячъ ихъ тутъ, какъ сѣла утка, такъ и попала; а, вѣдь петля не разбираетъ селезень ли, утка ли—все ловить. Вотъ оно каково!

— И много налавливаютъ они по этой рѣчкѣ? спросилъ я.

— Ужъ не знаю, много-ли—отвѣчалъ съ дасадой Абрамъ; не вся давленная дичь у нихъ и въ прокъ-то идетъ.

— Какъ не вся идетъ въ прокъ? спросилъ Алексѣй.

— А такъ: петель-то, хоть бы на току, Зырининъ наставитъ, тетеревей нападаетъ; а онъ придетъ черезъ день, бываетъ — черезъ два, и найдетъ въ петляхъ одни кости, перья, да папоротки, — гарга ужъ все успѣла расклевать. На любомъ току, посмотри, сколько костей валяется. Скажешь, этого не бываетъ?

— Бывать-то, бываетъ, да, вѣдь, и изъ ружей-то иной разъ ранишь, отлетитъ да умретъ; тоже въ пользу недостатается.

— Нѣть, Алешинъка, дудки! Я на присядѣ-то хвачу тетерева — у меня какъ клубокъ свалится, перышкомъ не пошевелить, не то что улетѣть.

— Куда ты воротишь? спросилъ я Абрама, который вдругъ круто повернулъ лодку на-право, въ кустъ затопленного разливною водою ельника.

— А, вотъ, тетеревъ сидѣть на березѣ; видите, какъ на-сунулся; близехонько подпustить.

— Вотъ, говорилъ, тетеревей-то нѣть? подхватилъ Алексѣй.

— Это шальной какой-то залетѣлъ, — возразилъ Абрамъ.

Смотри, одинъ—одинешенекъ; отъ зырянкой, видно, петли, голубчикъ, спасся, и дружки подлѣ него нѣтъ. Тише греби. Убери весла. Вотъ такъ. Теперь я одинъ на кормовомъ поѣду. Изгошайтесь, ужъ не далеко.

Я взялъ на руки ружье и ждалъ, пока лодка подойдетъ къ тетереву на разстояніе выстрѣла. На высокой кужлевастой березѣ, почти въ половинѣ дерева, близко къ стволу, сидѣлъ, склонившись, чернышъ, не обращая никакого вниманія на наше приближеніе. Лодка ровно скользила на гладкой поверхности воды. Вотъ, наконецъ, разстояніе уменьшилось до пятидесяти шаговъ, я приложился и выстрѣлилъ,—тетеревъ повалился. Отъ выстрѣла, изъ кучи въ двадцати шагахъ плававшаго хвороста, съ крикомъ поднялась пара кряковыхъ утокъ. Въ одинъ мигъ Абрамъ бросилъ кормовое весло, схватилъ ружье и выстрѣлилъ по селезню;—птица пошла книзу.

— Падеть, падеть, падеть! закричалъ Абрамъ; — все книзу, книзу—палъ! Каково Алеша? Это не по зырянски!

— Хорошо! какъ это ты успѣлъ? спросилъ Алексѣй.

— Ужъ успѣлъ. У насъ мигомъ сгорѣли и косачъ и кряковень,—хвастливо отвѣчалъ Абрамъ.

Мы подѣхали къ добычѣ, взяли ее и снова направились къ Бѣлому-Бору.

— Вашей зырянкой стрѣльбой тутъ бы ничего ни сдѣлать, — началъ Абрамъ,—а вѣдь стрѣльба-то ваша хваленая—изъ винтовокъ.

— Наша стрѣльба не въ примѣръ лучше. У насъ изъ вашего заряда выйдетъ пять, не то шесть — въ винтовку, выгодно.

— Все такъ; да зачѣмъ вы, Зыряне—по бѣлому свѣту сливете первыми-то стрѣлками? Вотъ это ты мнѣ скажи.

— За то, что изъ винтовокъ стрѣляемъ.

— Небось въ головку. Эхъ вы! Хороша стрѣльба въ го-

ловку, нечего сказать: задавить въ петлю рябка, ковырнуть гвоздемъ, обпачкаютъ кровью, да и говорить — стрѣляная, въ головку бита...

— Не всѣ же это дѣлаютъ: настоящіе охотники лѣсовать ходятъ съ винтовками на цѣлые мѣсяцы, возразилъ Алексѣй.

— Знаю, самъ съ вашими ходилъ, самъ видѣлъ, что не въ головку стрѣляютъ, а бьютъ во что попадетъ, и промахи за частую дѣлаютъ. Стрѣлять же изъ вашей винтовки никакой нѣтъ мудрости. При мнѣ въ Вильгортѣ мастеръ, что дѣлаетъ винтовки, наставлялъ ихъ штуку десять на цѣль; только слава, что въ пятно бьютъ. Я пулей изъ любого ружья этакъ попаду. Сдѣлаетъ онъ пятно въ ладонь величины, отойдетъ сажень пятнадцать, винтовку утвердить на подставку, да подъ правую мышку подпорку, чтобы не качнуться ни въ которую сторону, такъ и бьетъ. Хитрое дѣло! Только слава, что въ пятно...

— Коли не хитрое дѣло, отъ чего же ты не стрѣляешь изъ винтовки? съ усмѣшкою спросилъ Алексѣй.

— Какъ, не стрѣляешь! Да я въ тѣ-поры же стрѣлялъ разъ пять и еще лучше угодилъ въ пятно. Потому-то я и говорю, что никакой нѣтъ мудрости стрѣлять изъ винтовки въ пятнадцать сажень. Да еще мое дѣло не привычное. А, вѣдь, вы всю жизнь стрѣляете изъ винтовокъ, — наторѣли. Я бы на вашемъ мѣстѣ безъ всякихъ подставокъ попадалъ въ пятно.

— Не обиждай, Абрамъ! изъ нашихъ многіе съ руки изъ винтовки бьютъ, возразилъ Алексѣй. Отецъ у меня каждый разъ съ руки въ пятно садилъ.

— Ну, такъ что, что садилъ! Одинъ охотникъ не пріимѣръ. И изъ нашихъ есть егеря безъ промаха въ летъ разятъ, да еще какъ: вправо снялся бекасъ — валится, влѣво снялся бекасъ — валится. Это по хитрѣе стрѣльбы изъ вин-

товки на пятьдесятъ шаговъ, да никто на это не дивуется. Да и дивоваться — по моему — тутъ нечему: кто съ чѣмъ обращается, тому то и сручино!

Послѣдній слова Абрамъ произнесъ съ особеною выразительностию, послѣ чего, обернувъ голову въ правую сторону, молча сталъ смотрѣть въ густоту осинника, около котораго мы тогда плыли. Широкая масса воды быстро летѣла по пролою, унося по течению съ величайшею силою нашъ легонкій членокъ. Въ этомъ мѣстѣ перекатъ весенней воды, проносъ. Рѣчная вода, вышедшая въ весеннюю пору изъ береговъ, сокращаетъ себѣ путь, направляясь по прямой линіи чрезъ мысы, по природнымъ ложбинамъ. Когда убудетъ вода, обрѣжутся берега рѣкъ, сбѣжить заливная съ луговъ, то мѣста, гдѣ былъ перекатъ, обозначатся; и вы увидите глубокіе и длинные лога, иные съ берегами круто приподнятыми, другіе съ отлогими и кочковатыми. Почти въ каждомъ изъ этихъ логовъ держится вода все лѣто и всю осень. Обростая высокою и густою травою по краямъ, они представляютъ отлично привольныя мѣста для утиныхъ выводковъ, для притона летней и для поприща охотника за утками. По берегамъ ихъ мѣстятся не въ большемъ числѣ бекасы. Такіе лога называются здѣсь курьями.

2.

Показался Бѣлый-Боръ. Береговой обрывъ Вычегды или, лучше сказать, отсыпь, въ этомъ мѣстѣ почти отвѣсная, какъ снѣгъ бѣлѣла издали. Это такого цвѣта песокъ. Лѣсь, растущій по самой береговой окраинѣ, и отсюда распространяющійся далеко къ сѣверо-востоку, получилъ название Бѣлаго-Бора, по цвѣту грунта, на которомъ растетъ, а можетъ быть и по отсыпии, по этому бѣлому, снѣговидному берегу Вычегды.

Скоро доплыли мы до Бѣлаго-Бора. Сосны, ровныя и прямыя, какъ свѣчи, высоко возносили свои вершины къ небу. Внизу чисто и гладко; нѣтъ ни валежнику, ни молодой подросли; только и видны на совершенно горизонтальной плоскости толстые стволы сосенъ, да по землѣ мягкой коверъ бѣлаго моха, смѣшанного съ мелкими вересками и брусличникомъ. Зрѣніе безпрепятственно разбѣгается здѣсь во всѣ четыре стороны, и далеко, далеко видѣнъ на Бѣломъ-Бору всякий появляющійся предметъ. Весело ходить въ такомъ лѣсу осенью, съ простою русской собакою за бѣлками. Рѣзко разносился бы здѣсь свистъ и вскрикиванія охотника, ободряющаго «катьшку» или «шарика»; звонко бы раздавался голосъ собаки, подлаивающей бѣлку или глухаря-тетерева.

Причаливъ лодку и спрятавъ весла, мы навьючили на себя всѣ припасы и просѣкою пошли на мѣсто тока. Въ большомъ, хвойномъ, вѣчно-зеленѣющемъ лѣсу, люблю я смотрѣть вдоль по прямой, какъ будто пушечнымъ ядромъ прошибенной просѣкѣ. Вотъ тянется длинный, предлинный коридоръ въ глубину лѣса; зеленые стѣны его вдали все темнѣе и темнѣе, все тѣснѣе сжимаются онѣ, и, наконецъ, упервшись въ горизонтъ, теряются на немъ. А на верху стелется голубая лента неба, обрѣзанная зубчатыми вершинами деревъ также ровно и прямо, какъ и просѣка; только чѣмъ дальше, тѣмъ шире она разбѣгается въ обѣ стороны и потомъ сливается съ общимъ пространствомъ небесъ. Солнце, хотя и склонялось къ закату, однако же такъ и обливало насть тепломъ и свѣтомъ. Смолистыя испаренія наполняли воздухъ. Повсюду тихо. Ни малѣйшаго шелеста не замѣтно было даже въ вершинахъ деревьевъ, неподвижно стоявшихъ съ опущенными вѣтвями. Пѣвчій дроздъ, усѣвшиесь на сухой сосновый сукъ, тянуль со скрипомъ и трещаньемъ свою однообразную пѣсню. Гдѣ-то далеко взвизгивала сойка, ей

вториль сорокопудъ, а сорокопуду подтягивалъ крестовикъ. По временамъ доносился стукъ дятла, усердно трудившагося надъ сухимъ деревомъ. Слышался голосъ кукушки, безпрестанно смолкающій, и двухколенное глухое бормотаніе дикаго голубя.

Вскорѣ мы дошли до большой, десятины въ сто, сѣнокосной нивы, разчищенной на низменномъ мѣстѣ. Вся она обросла по-подолу мелкимъ кустарникомъ кудреватаго ивняка, густо подернутаго крупнымъ, бархатисто бѣлымъ цвѣтомъ. Лѣсь, окаймляющій эту росчисть, совершенно соотвѣтствовалъ низменности мѣста: съ лѣвой стороны тянулся приземистый, сосновый болотнякъ, съ правой косматый, искривленныя березы мелькали въ опушкѣ бѣлизною своихъ стволовъ, а прямо уголъ нивы заглушался непроницаемой крѣпью ветлы и олешняка. Тощія, паршивыя ели, покрытыя мхомъ, клочками висѣвшими на опущенныхъ сучьяхъ, тонкія осинки съ кривыми, растопыренными сучьями, ольхи съ прошлогодними разщедрившимися шишками — все носило иной характеръ противъ высокихъ мѣстья бора, съ роскошнымъ насажденіемъ громаднѣйшихъ сосенъ и говорило объ особомъ мірѣ здѣшнихъ обитателей. Самая плошадь нивы давала знать охотнику, какое населеніе занимаетъ эти мѣста: то выдается ложбинка, наполненная сиѣговою водою, то кочковатое болотце съ перегодовалою и почернѣвшую осокой, то сухменекъ *) съ соломою лѣтошняго бѣлоуса; индѣ ржавая потная кружевинка, индѣ мягкая моховая паточина, подернутая кукушкинымъ льномъ.

— Какое приволье-то! — вскричалъ Абрамъ, когда мы выбрались на ниву. Со всѣхъ сторонъ слетѣ: и съ бору-то тянетъ, и съ березины сюда же летитъ тетеревъ. Какъ не быть здѣсь току! Опять для выводковъ-то какое мѣсто.

*) Сухое, нѣсколько возвышенное мѣсто.

— Мѣсто очень хорошо; но глухо. Не думаю, чтобъ много тетеревей слеталось.

— Да здѣсь, батюшка, всегда на этакихъ мѣстахъ бываютъ тока. Открытыхъ полей тетерева боятся; а этта, въ затишьи-то, то ли дѣло. Здѣсь бы ихъ видимо-невидимо было, еслибъ не зырянскія петли.

Изъ подъ ногъ выскошилъ бекасъ, далъ реля вправо, потомъ влѣво, затѣмъ быстро поднялся на высоту, и, ныряя въ воздухъ, разсыпался барабашкомъ.

— Бекасинки водятся, сказалъ я.

— Какъ не быть здѣсь бекасинкамъ; здѣсь по примѣтамъ, и дупель долженъ быть, и ваншлепъ, и гусь пролетный, и всякая всячина.

— Гдѣ же у васъ шалаши-то подѣланы?

— А вотъ, видите,—остожья... такъ около остоожей-то...

— Да ихъ не видать тутъ?

— Хватились! Ужъ Зыряне давно все переломали. Вотъ, ужо, посмотрите-ка, что у нихъ тутъ понадѣлано.

Подъ большой, раскидистой сосной, избоченившейся на одну сторону, сложили мы свою кладь, прикрыли ее полстью и отправились на мѣсто тока. Въ самомъ дѣлѣ шалаши были изломаны до основанія; только и уцѣлѣла одна березовая присадина, привязанная ивовыми прутомъ къ обломку старого плетня. Нѣсколько птичьихъ скелетовъ, крыльевъ и множество перьевъ, разсѣянныхъ вѣтромъ по всѣмъ направленіямъ, валялось на мѣстѣ тока. Тутъ же устроены были и зырянскія петли, виновники этихъ жалкихъ остатковъ отъ краснобровыхъ токовиковъ и тетерекъ. Устройство петель незатѣйливо: вершинки, срубленныя съ молодыхъ елей, раскладены были парами въ разныхъ направленіяхъ, въ формѣ ломанной линіи. Отрубы каждой пары соединены вмѣстѣ, а отъ одной вершинки къ другой натуго протянута въ двѣ толстые разсученные пряди бичевка, на которой висѣло отъ

семи до десяти волосяныхъ петель. Верхніе края петель вложены въ бичевку между прядими, а нижніе касаются земли. Сообразивъ такое устройство петель, не трудно догадаться, какъ попадаютъ въ нихъ тетерева: бродя по току, бѣгая за тетерѣками, тетеревъ сунется въ петлю, потянетъ ее, захлеснетъ около шеи и задавится. На току разставлено было въ разныхъ направленияхъ по крайней мѣрѣ до трехъ сотъ петель. Абрамъ былъ правъ: какъ ни присядеть тетеревъ, такъ и попадеть. Только счастливый спасется.

— Вотъ, извольте-ка посмотретьъ — сколько, постройлы, петель-то наставили, — сказалъ Абрамъ, сгребая ногами вершинникъ вмѣсть съ петлями въ одну груду. Нечего сказать, — документоватый народецъ, не многимъ ноживившись послѣ нихъ.

Очистивъ мѣсто отъ вершинника и петель; сейчасъ же принялись застройку шалашей. Въ привычныхъ охотничихъ рукахъ это дѣло очень не трудное: кто рубить присады и подчучельники, кто бѣть для нихъ дыры, кто основываетъ шалашъ и утыкаетъ его ельникомъ въ замокъ. Не больше, какъ въ полтара часа, работа двухъ шалашей была окончена и даже выставлены чучела, гоголевато красовавшіяся на подчучельникахъ.

Солнце садилось за лѣсъ и чуднымъ блескомъ золотило поверхность воды, натаявшей отъ снѣга и затонившей почти весь правый край нивы; золотило оно и верхушки лѣса, и небольшое кучевое облачко, повисшее надъ закатомъ; золотило и сумрачную даль, и шапки приземистыхъ сосенъ въ моховомъ болотѣ, растянувшемся на востокѣ. Жаръ свалилъ значительно, распространилась свѣжесть въ воздухѣ, еще сильнѣе повѣяло весною, еще вольнѣе стала дышать грудь, еще жаднѣе начала она принимать въ себя живительный воздухъ воскресающей природы. Вотъ, пронеслась пара чирковъ, ловкимъ оборотомъ сдѣлала кругъ, спустилась къ

водъ и рѣзво-рѣзво помчалась надъ ея поверхностью. Вотъ, снова взвилась она кверху, снова сдѣлала кругъ, и со всего размаха шлепнулась въ лужу. А тамъ, съ южной стороны, показалось стадо свѣзей, цѣпью, въ огромномъ количествѣ державшихъ путь на сѣверъ. Господи, какъ быстро летятъ они! Вдругъ близехонько шваркнуль кряковый селезень. Сердце такъ и обмерло, я кинулся къ ружью, но было уже поздно: пары тяжелыхъ кряковней протянули отъ насъ въ десяти шагахъ и, отлетѣвъ сажень пятьдесятъ, спустились на воду.

— Скоро заря начнется; пойдемте утокъ сторожить на лужи; здѣсь ихъ будетъ. Видите, ужъ тянуть начинаютъ, шепотомъ проговорилъ Абрамъ.

— Сейчасъ идемъ. А ты, Алексѣй, отправляйся туда, къ клади, устрой тамъ все хорошенько, разведи огонь и наставляй самоваръ. Какъ возвратимся, будемъ чай пить, а потомъ и кашицу готовить.

Подтянувъ патронташи, поднявъ повыше голенища, направили мы стопы свои на лужи. Исправно, не зечерпнувъ сапогами, перебрели мы черезъ нихъ, выбрали мѣста и разсѣлись другъ отъ друга въ приличномъ разстояніи, соблюдая при этомъ извѣстное охотничье правило — садиться противъ зари, чтобы отблескъ отъ нея въ водѣ явственно изобличалъ спускающихся утокъ. Плавно и спокойно закатилось солнце за лѣсъ. Нѣсколько времени оно еще просвѣчивало сквозь рѣдочь деревъ, потомъ скрылось совершенно, и вотъ огненнымъ потокомъ свободно разлилась по горизонту вечерняя заря. Какъ все заговорило въ природѣ! Какъ закипѣло все жизню! Сколько различныхъ голосовъ, то скорыхъ и отрывистыхъ, то мелодическихъ и томныхъ, то звонко оглашающихъ, какъ оклики часовыхъ, раздалось по всѣмъ направленіямъ! Подъ самымъ зенитомъ, распластавъ широко крылья, описывая большие круги, плавали четыре

журавля, высматривая для своего притона безопасное мѣсто. Близехонько отъ меня, въ ивовыхъ кустарникахъ, трещали дупеля, въ воздухѣ пѣль жаворонокъ, блеялъ бекасъ, харкаль по временамъ вальдшнепъ. Пара маленькихъ песочинокъ, бѣгая по зеленой травѣ около воды, миловались, любезно между собою перепискиваясь. Черный, большои дятель, перелетывая по сухимъ деревьямъ, скрипѣль, какъ неподмазанное колесо. Гдѣ-то на лѣсу чувикаль и покеркивалъ тетеревъ, кокотала тетерька, и глухо ворковаль дикий голубь. А на поднебесной высотѣ то и дѣло тянули многочисленныя стада гусей и пролетныхъ утокъ.

Вотъ надъ самою водою, шепеляво свистя, летить нѣсколько штука шилохвостей; вотъ, противъ меня опускаются они крылья, хотятъ сѣсть; но, раздумавъ, полетѣли дальше, сдѣлали кругъ и сѣли противъ Абрама. Черезъ нѣсколько секундъ мелькнулъ огонекъ, и грянулъ выстрѣль; перекатами разнесло его эхо во всѣ стороны и долго гудѣль отголосокъ по вечерней зарѣ, въ чистомъ весеннемъ воздухѣ.

Терпѣливо дожидался я на свою долю добычи. Много пролетѣло мемо меня чирковъ и плюстоносокъ, и шилохвостей, и кряковней; но ни одна пара не присѣла.

Много разъ стрѣлялъ Абрамъ, даже послышалось мнѣ, что выстрѣлилъ Алексѣй, а я все еще сидѣль съ одними тщетными надеждами, не выстрѣливъ ни разу. Терпѣніе мое мало-по-малу начало пропадать, ночной холодъ проникъ до тѣла сквозь легкую одежду, я хотѣль уже оставить свой постъ, какъ вдругъ спустился ко мнѣ кряковый селезень. Осмотрѣвшись во всѣ стороны, онъ шваркнулъ раза три и бойко поплылъ прочь. Я торопливо приложился и ударилъ его въ задъ. Дистанція была далека; но выстрѣль такъ ловко легъ, что селезень, по выражению Абрама, не совсмѣнлся.

Просидѣль я еще съ четверть часа. Вечерняя заря погасла, мракъ ночи увеличивался. Милліоны звѣздъ разсы-

пались по небу и плавно выступила на свой путь блѣдно-ликая луна. Многіе голоса, слышные въ началѣ зари, умолкли.

— Пойдемте къ пажку^{*)}!.. Ужъ поздно, ничего не видно!—раздался голосъ Абрама.

— Сейчасъ иду! отозвался я.

Мы сошлись. У Арбама въ обѣихъ рукахъ было по нѣсколько штукъ утокъ.

— Да ты лихо поохотился, Абрамъ, сказаль я, показывая на его добычу. У меня такъ только одинъ кряковой селезенекъ.

— Семь штукъ убиль: трехъ шилохвостей, пару чирковъ, и пару кряковней. Какой и летъ быль—не усіѣвалъ заряжать ружья.

— Видѣлъ я, что все къ тебѣ тянули. Еще Алексѣй, кажется, сдѣлалъ одинъ выстрѣлъ?

— Стрѣлялъ и онъ, не знаю только по чѣмъ.

— Счастье, братецъ, тебѣ: у меня только одинъ и присѣлъ.

— Сегодня я запановалъ; а все потому, что съ причетомъ поѣхалъ.

— Съ какимъ же причетомъ?

— Есть эдакая маленькая хитинка отъ призору.

— Какая же хитинка?

— А вотъ какая: какъ будешь садится въ лодку, такъ надобно иашентывать: Спаси Господи, сохрани и помилуй: отъ простоволоса — отъ простоволосицы, отъ кривоноса — отъ кривоносицы, отъ косоглаза — отъ косоглазицы, отъ всякаго лихого человѣка — и человѣчицы, и отъ всѣхъ злыхъ умысловъ, чтобы ни навстрѣчу не попали, ни дорогу не перешли, ни глазомъ ни оиризорили. Во вѣки вѣковъ аминь!

— Неужели ты вѣришь этому приговору.

^{*)} Пажокъ—разведенныи огонь, костеръ.

— Върить-то не върю, а все какъ-то меньше думается, какъ проговоришь его.

У Алексея ужъ быль разведенъ огонь. Искры фонтаномъ клубились кверху, столбомъ поднималось пламя и освѣщало половину большой сосны, съ раскидистыми вѣтвями; другая же ея половина тонула въ ночномъ мракѣ. Около огня виднѣлась фигура Алексея, хлопотавшаго за самоваромъ.

3.

— Ну, парень, побухали же вы! отнесся къ намъ Алексѣй, когда мы подошли къ огню, поставили ружья къ стволу сосны, и складывая дичь и патронташи, готовились приступить около него для чаепитія и подкрепленія себя съѣстнымъ.

— Побухали! отвѣчалъ Абрамъ.

— Каковы стучки-то были? Зазвонисты.

— Ужась зазвонисты! Такъ, парень, грохотали, что издивленье. Крѣпки, видно, заряды были?

— Заряды какимъ слѣдовало быть, по ружьямъ.

— Есть-ли на работу-то что? Много-ли убили-то?

— Ужъ убили. Мы, братъ, такъ даромъ воздуху негрѣбемъ: начинъ полю хороший,—заносчиво отвѣчалъ Абрамъ, подбросивъ на огонь сушину вересняка, отчего ярко и съ трескомъ вспыхнуло пламя, бросивъ въ воздухъ большой клубокъ искръ.

У Алексея, вѣроятно, по предварительному наставленію Абрама, было все приготовлено въ порядкѣ; разостлана постель, въ изголовье положены подушки, прислоненный къ толстому поваленному дереву, случившемуся здѣсь очень кстати, разставлены на крышкѣ погребца стаканы съ чайницею и сахарницею, а подлѣ весело бурлилъ самоваръ, фыркая густымъ паромъ. Я сейчасъ же заварилъ чай и началъ разуваться, чтобы обсушить ноги и обувь. Бродя очень

долгое время по водѣ, я чувствовалъ, что промочилъ ихъ. Абрамъ тоже приступилъ къ обсушиванью: онъ надѣлъ на палочки около огня свои съ длинными голенищами сапоги и развѣсилъ на прутикахъ онучи.

Между прочимъ Алексѣй на разспросы Абрама успѣлъ объяснить намъ, что онъ стрѣлялъ два раза вовсе не по дичи, а что запамятировалъ спички, огонь нечѣмъ достать было, такъ для этой причины холостыми и бухалъ. — Ужъ было у меня тутъ возни, насилиу взбудилъ огонь, — добавилъ онъ. Напившись чаю, мы приступили къ приготовленію кашицы, для которой пожертвовали чиркомъ и шилохвостенемъ.

— Вотъ она, утятинка-то и пошла въ дѣло, — самая свѣженькая. Не летать бы тебѣ, шельмѣцу, за утками, не садиться бы противъ меня, не попадь бы ты и въ котель, приговаривалъ Абрамъ, потроша шилохвостоваго селезня.

Скоро закипѣла кашица въ котелкѣ, повѣшенному надъ огнемъ по зырянски, на воткнутомъ наискосъ колышкѣ. Абрамъ, всегда бывавшій въ подобныхъ случаяхъ кашеваромъ, свернулъ ноги калачемъ и усѣлся поближе къ котелку съ ложкою въ рукахъ, безпрестанно помѣшивая ею варку и снимая накипѣвшую пѣну. Алексѣй закурилъ трубку-носогрѣйку, а я, нѣжась передъ огнемъ, любовался природою. Послѣднєе сіянье вечерней зари, угасая постепенно, наконецъ, угасло вовсе, осталась только чуть-чуть замѣтная, бѣловатая полоса, блестѣвшая на горизонтѣ, какъ поверхность отдаленаго озера. Все небо иллюминовалось звѣздами: яркими алмазными огнями горѣли онѣ по небесному куполу. Что это за прелесть, весенняя ночь! Какъ невыразимо пріятны часы ея торжественнаго спокойствія! Природа какъ-бы отдыхаетъ, а съ нею вмѣстѣ стихаютъ и всѣ тревожныя движения души человѣческой. Въ былое время много такихъ ночей провелъ я на родинѣ, на широкихъ разливахъ рѣки Шексы, въ ве-

селомъ товариществъ охотниковъ, при неумолкаемомъ говорѣ пернатаго населенія. Любиль я тамъ въ такія ночи прислушиваться къ этому говору, въ его послѣдовательномъ порядке, всегда стройномъ и полномъ жизни. Вотъ, на первыхъ порахъ вечерней зари, начинаетъ свою закатистую пѣсню соловей: ударить два, три раза, просвистить два, три колѣна и смолкнетъ, черезъ минуту снова начнетъ и зальется трелями. Отъ него принимаетъ малиновка: покачиваясь на вѣткѣ, мелодически звенить она своимъ серебристымъ голосомъ; за малиновкою ведетъ пѣнка, щегленокъ и моховая синичка. За ними потянетъ вальшинецъ, потомъ затокуетъ дупель, и, наконецъ, раздастся однообразный крикъ куропатки и трещаніе козодоя, неумолкающее во всю ночь. Особенно любиль я слушать перекличку куропатокъ, постоянно бывавшую въ концѣ вечерней зари: этотъ голосъ былъ для насъ сигналомъ, по которому мы отправлялись на сонъ грядущій. Соснуть приходилось немнога, ибо тотъ же звонкій голосъ куропатки будилъ насъ, возвѣщая утреннюю зарю; вслѣдъ за нимъ до чуткаго уха охотника доносилось чуваканье тетерева, поднявшагося на лѣсь; потомъ черезъ полчаса прилеталъ къ шалашамъ токовикъ, скликать токъ и начиналась охота.

— Что твоя кашница, Абрамъ? спросилъ я нашего кашевара, начинавшаго дремать.

— Что! не скоро еще уварится, отвѣчалъ онъ, зѣвая во весь ротъ. Спать нешто хочется: около огня-то такъ и разгасило что-то.

— Разскажи что-нибудь, — меньше дрематься будеть.

— Что разскazyвать-то? Развѣ зырянскую пришту разсказать: недавно выслушалъ — славная.

— Ну, пожалуй, разскazyвай хоть зырянскую притчу.

— Щасть, изволите видѣть, Зырянинъ въ городъ; везъ онъ продавать бочку дегтя. Вотъ, хорошо; лошаденка у

него устала, самъ онъ проголодался, надо было покормить. Дѣло вышло на пустоплесьѣ. Отпрягъ онъ лошаденку, привязалъ ее къ телѣгѣ, насыпалъ ей овсеца, а самъ захотѣлъ огоныка развести. Прилучился тутъ такой большой пень съ дуплѣй, онъ возьми, да зажги его. Невдомекъ ему, что въ дуплѣ-то было дятлово гнѣздо съ дѣтками. Выпорхнуль изъ гнѣзда бѣдняжка дятль, полеталъ, полеталъ кругомъ, поскрипѣлъ, поскрипѣлъ: больно жаль ему дѣтокъ, но дѣлать нечего, — сгорѣли всѣ до единаго. Вотъ и думаетъ дятль: постой же ты, сиволапый! за то, что сжегъ моихъ дѣтокъ, отплачу я тебѣ такъ, что вѣки - по - вѣки помнить будешь. Сѣль онъ на бочку съ дегтемъ и давай долбить, что есть мочи, обручи; снизу-то долбить и сверху-то долбить, и сбоку-то долбить. Увидалъ это Зырянинъ, сильно осерчалъ и думаетъ: погоди-же ты, носатая шельма! задамъ я тебѣ трезвону, забудешь ты у меня долбить бочку. Схватилъ топоръ, подкрался потихоньку къ дятлу, — хлопъ его, что было силы. Дятла-то не убилъ: успѣлъ слетѣть, а обручи-то пересѣкъ, бочка распустилась, ушелъ весь деготь до капельки. Началъ горевать Зырянинъ, всхлопывая руками, да дятла ругать; а дятль, не будь глупъ, тѣмъ временемъ пересѣкъ на голову къ лошади, да такъ ее и долбить въ лобъ, такъ и долбить. Увидалъ это Зырянинъ и думаетъ: эка ты, носатая тварь! нашутилъ ты у меня съ бочкой, да и лошадь-то хочешь задолбить, — вотъ я же тебя! Схватилъ онъ топоръ, подкрался къ дятлу, да съ сердцомъ-то какъ свиснетъ во всю пору мочи обухомъ. Дятель-то увернулся и полетѣлъ, а лошадь-то повалилась, да тутъ же издохла, — только прохрипѣла раза два, да ногами подрыгала. Сильно загоревалъ Зырянинъ, слезно заплакалъ и пошелъ обратно домой. Идетъ онъ путемъ доро-гою, жалуется на злую судьбу, да ругаетъ дятла; а дятель этимъ не удовольствовался: полетѣлъ онъ черезъ поля и

льса, черезъ рѣки и ручьи, въ ту деревню, гдѣ живеть мужикъ; время было тамъ обѣденное, пора жаркая, въ избѣ у Зырянина окна отворены. Вотъ дятель возьми, да и влѣти въ избу. Увидалъ онъ горшокъ съ кашей, сѣль на него, да такъ и долбитъ, такъ и долбитъ. Хозяйка Зырянина — баба глупая, ватруха-баба, увидала дятла и давай его ругать: вотъ окаянную силу куда занесло... грешневой каши захотѣлъ; вотъ я тебя, шельмѣца!.. Да съ симъ словомъ какъ хватитъ дятла ощепкомъ лучины, только черепки отъ горшка полетѣли въ разныя стороны, и каша разсыпалась по полу; а дятель цѣхонекъ слетѣлъ и пересѣлъ на зыбку, на пеленичнаго ребенка и началъ его долбить: такъ и долбитъ такъ и долбитъ. Увидала это баба, отъ злости изъ ума ее выкинуло, схватила она тотъ же ощепокъ и со всего маху какъ шарахнеть по ребенку, такъ что и душенька ангельская у бѣдняжки вылетѣла вонъ, а дятель пырь въ окно и былъ таковъ. Плачеть баба слезно, жалостливо причитаетъ, на горькую долю горе складываетъ, да дятла ругаетъ. На ту пору и Зырянинъ, мужъ ея, приходитъ. — Что, матка, плачешь, что причитаешь, о комъ слезы льешь? спрашиваетъ ее мужъ. — Охъ, батька! что у меня приключилось, какая большая бѣда подѣлалась! Вотъ такъ и такъ, то и то, и разсказываетъ она ему, что сдѣлалъ съ нею дятель. — Ну, матка, и у меня такое же горе случилось, бѣда не маленькая приключилась, вотъ такъ и такъ, то и то! Онъ тоже рассказалъ, что съ нимъ тотъ же злодѣй, дятель, сдѣлалъ. — Это, говорить, общительный нашъ съ тобою ворогъ былъ; когда нибудь и намъ попадется, еще раздѣлаемся. Вотъ, такая-то штука съ ними, батюшка, и стряслася. Всѣ Зыряне отъ мала до велика знаютъ эту пришту и теперь до зла горя имъ, если ихъ подразнишь, какъ Зырянинъ дятла былъ и смолу выпустилъ.

— Правда-ли это, Алексѣй; точно-ли Зырянинъ не лю-

битъ этой присказки? спросилъ я Алексея, задумчиво ку-
рившаго корешки.

— Пустое все, отвѣчалъ онъ сквозь зубы. Про нась
грѣшныхъ русскіе и не вѣсть что рассказываютъ. Когда-
нибудь и я про нихъ разскажу вамъ еще не такую сказку.

— Разскажи теперь, промолвиль Абрамъ, чрезвычайно
любившій всякаго рода разсказни.

— Теперь некогда. Смотри кашицу-то!.. вонъ, какъ ее
того... изъ котла-то пучить.

Абрамъ снялъ съ колышка котелокъ, помѣшалъ кашицу
ложкой, сбросилъ накипѣвшую пѣну, попробовалъ и рѣ-
шилъ, что она уварилась. Скоро кончили мы ужинъ и при-
легли отдохнуть. Ночь миновала быстро. Я проснулся съ
появлениемъ первыхъ проблесковъ зари.

4.

— Абрамъ, вставай, въ шалаши пора!

Абрамъ лѣниво поднялся, зѣвнулъ и вопросительно по-
смотрѣлъ на меня.

— Вставай скорѣй, идемъ: ужъ куропатка прокричала,
утренняя заря показалась.

Мигомъ вскочилъ мой ретивый охотникъ, куда и сонъ
дѣвался. Торопливо началъ онъ обуваться, толсто наверты-
вая на ноги онучи, и ватягивая сапоги. Черезъ нѣсколько
минутъ мы бѣгомъ пустились къ шалашамъ. На востокѣ
растянулась алая полоска утренней зари, а съ лѣсу, изда-
лека донеслось до нась чуыканье тетерева.

— Эхъ, кабы хорошій токъ былъ, промолвиль Абрамъ,
въ притруську торопясь къ шалашамъ.

— Не худо бы. Слышишь: токовицъ ужъ голосъ по-
даетъ, — сейчасъ вылетятъ!

Мой шалашъ былъ ближе Абрамова; я добѣжалъ скоро и

залѣзъ въ него на мягкий соломенный постельникъ и кожу, положенные въ предохраненіе отъ сырости.

Многіе изъ охотниковъ не одобряютъ охоту на тетеревиномъ току, не находя удовольствія сидѣть неподвижно въ шалашѣ, долго дожидаться, пока не прилетитъ тетеревъ и не спустится въ двадцати пяти шагахъ на присадъ, гдѣ его и бываютъ безъ всякихъ особенныхъ ощущеній. — Что, говорять, за охота стрѣлять сидячую птицу на такомъ разстояніи, на которомъ можно убить ее палкой: это не охота, а бойня. Такъ разсуждаютъ охотники высокаго пошиба, красные егеря, исключительно любящіе болото и лягавую собаку, никогда не бывавшіе на хорошемъ тетеревиномъ току, охотники, для которыхъ сидѣть на одномъ мѣстѣ — наказаніе. Безспорно, для такихъ эта охота дѣйствительно покажется скучна. Что же касается до меня, то я чрезвычайно люблю ее, какъ люблю вообще всѣ роды охотъ.

Тетеревиный токъ имѣть особенную, ни съ чѣмъ не сравнимую прелестъ, особенно на мѣстахъ не разбитыхъ, гдѣ бываетъ хороший слетъ косачей, гдѣ нѣсколько штукъ токовиковъ начальствуютъ на токовищѣ и вступаютъ между собою въ отчаянное побоище. Гортанные звуки льются неумолкаемо, безпрестанное чувиканье, припрыгиванье, керканье, хлопанье крыльями раздается со всѣхъ сторонъ, а съ лѣсу доносится кокотаніе тетерокъ, сильно разжигающее самцовъ, доходящихъ до изступленія: вѣромъ распустивши хвостъ, надувъ шею, какъ членоки, шмыгаетъ тетеревъ мимо шалаша, и не налюбуешься на ихъ молодцоватость, на яркія кровяниаго цвѣта брови, на блестящее, какъ полированная сталь, опереніе. А раннее утро, свѣжесть весеннаго воздуха, голоса различныхъ птицъ на зарѣ и какой-то особенный гулъ, весенній гулъ — «*Зеленый шумъ*», какъ назвалъ его поэтъ — развѣ это не живая страница, изъ жизни природы и какому охотнику она можетъ быть не по душѣ!

Успѣхъ и удовольствіе на этой охотѣ зависятъ много отъ хорошаго устройства шалашей. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ устройствѣ. Шалашъ подъ тетеревѣй дѣлается обыкновенно изъ ельника: привыкнувши къ зеленому цвету хвой, тетеревъ такого шалаша не боится. Въ основаніе шалаша употребляется отъ двѣнадцати до восемнадцати колышковъ средней толщины и аршинъ четырехъ длины. Верхушки ихъ связываются кольцомъ изъ вѣтвинъ, а комельки завастириваются. Потомъ всѣ двѣнадцать связанныхъ вверху колышковъ разнимаются и втыкаются крѣпкимъ нажимомъ въ землю. При этомъ колышки разносятся довольношироко, чтобы шалашъ былъ просторенъ: въ тѣсномъ шалашѣ ни лечь нельзя, ни повернуться, ни зарядить ружья. Установивъ колышки, слѣдуетъ изъ тоненькихъ вѣтвинъ сдѣлать переплетъ по всему основанію, сверху до низу, спирально обвивая и привязывая вѣтвички мочалами. Безъ переплета неловко утыкать шалашъ ельникомъ: хвоя не держится. Нѣть надобности, чтобы переплетъ былъ частый, — четырехъ рядовъ по всей высотѣ шалаша за глаза достаточно. Для прикрытия шалаша ельникомъ, необходимо выбирать небольшія, но разложистыя и густыя лапушки, которыя всегда можно найти на молодыхъ приземистыхъ и здоровыхъ еляхъ. Шалашъ затыкается лапушникомъ сверху. Укрѣпить первыя лапушки довольно трудно; зато далѣе самое дѣло покажеться, какъ должно укрѣплять ихъ. Запуская лапушки одна въ другую, въ замокъ, можно сдѣлать шалашъ до того плотный, что никакимъ дождемъ не промочить. Оконченный такимъ образомъ, шалашъ представляетъ фигуру опрокинутаго конуса.

Исключительное вниманіе необходимо обратить на укрѣпленіе нижнихъ частей шалаша, потому что польники, токуя на землю, часто подбѣгаютъ до того близко къ шалашу, что въ случаяхъ, гдѣ онъ рѣдокъ, легко могутъ замѣтить охотника; а если токовикъ замѣтитъ близко человѣка, то весь

токъ разлетится и пойдетъ въ разбродъ. Шалаша же и грому выстрѣловъ польники на току не боятся. Одинъ разъ передъ моимъ шалашомъ два старыхъ токовика вступили въ драку съ молодымъ и до того гоняли его кругомъ шалаша, что бѣдный косачъ, въ чаяніи спасенія своей жизни, бросился въ шалашъ, принявъ его, вѣроятно, за кустъ ельника, и попалъ прямо ко мнѣ въ руки, оправдавъ пословицу: «изъ огня да въ полымя». Въ другой разъ на бокъ моего шалаша прильпила тетерька. Утро было сырое, моросиль мелкій дождичекъ, тетерька схолилась и просидѣла въ этомъ положеніи часа полтора, въ которые я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, нисколько ее не обезпокоившихъ. Устроить шалашъ — дѣло совершенно пустое, сравнительно съ постановкою присядовъ, за которыми всегда бываетъ очень много возни. На присяды обыкновенно выбираются кужелевастыя, приземистыя березки; но лучше ставить елочки, нѣсколько срѣзавъ у нихъ вершинки, чтобы удобнѣе было садиться тетереву. На елку польникъ садится какъ-то охотнѣе и смѣлѣе. Весною нѣть надобности въ высокихъ присядахъ, ихъ и укрѣпить очень трудно, когда земля еще не совершенно оттаяла. Присядъ снизу аршина на три слѣдуетъ подчистить, и, уставивъ его, сдѣлать съ трехъ сторонъ подпорки, чтобы не покривился: на кривой присядѣ тетеревъ никогда не сядеть. Если около шалаша поставить двѣ березки, три елочки, то и достаточно присядовъ. Кромѣ присядовъ, около шалаша должны быть подчучельники, на которые ставятся чучела *). Нѣкоторые охотники становятъ

*) Многіе охотники держатся того миѣнія, что весною на токахъ нѣть надобности въ присядахъ и даже чучелахъ, а если и ставить чучела, то никакъ не на подчучельники, а прямо на землю. Бывавши безчисленное множество разъ на токахъ, я опытомъ убѣдился въ необходимости присядовъ около шалаша и чучель, непремѣнно выставляемыхъ на подчучельникахъ.

Примѣч. автора.

чучела на шестахъ; но это неудобно и виншаетъ подозрѣніе токовику. Для подчучельниковъ всего лучше выбирать тоненькия, длинныя березки, съ закомелистой вершинкой. Чучело садить на нихъ слѣдуетъ ровно, чтобы оно казалось какъ можно натуральнѣе, не задирало бы голову кверху и не было бы понуро, то есть не смотрѣло бы книзу. Головами чучела должны быть обращены къ шалашу. Чучело не мѣшаетъ привязывать къ подчучельнику бичевкой для того, чтобы не могъ его сорвать и унести большой ястребъ или орелъ. Такіе случаи не рѣдки: орелъ не одинъ разъ уносиль у меня чучела, когда я ихъ втыкаль просто безъ привязи. Съ Абрамомъ было однажды пресмѣшное приключение. Сидѣли мы съ нимъ на тетеревиномъ току, въ позднее весеннее время, около десятаго мая. Шалаши наши были неподалеку одинъ отъ другаго. У каждого изъ насъ стояло по три холщевыхъ чучела (этого числа всегда достаточно) и одно перяное, которое Абрамъ за что-то особенно уважаль и постоянно ставиль къ своему шалашу. Вылетѣть было въ это утро очень плохой: показалось нѣсколько тетеревковъ, потоковали таково неохотно и слетѣли за Абрамовъ шалашъ на лѣсъ. Я началъ ихъ подчувикивать. Сперва тетерева очень охотно перекликались со мной, потомъ вдругъ смолкли. Я взглянулъ по направленію къ Абрамову шалашу и вижу — несется подорликъ. Распustивъ когти, онъ съ шумомъ опустился на любимое Абрамово перяное чучело, вѣпился, сорвалъ и улетѣлъ съ нимъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ на подчучельникъ, съ котораго унесъ подорликъ чучело, усѣлся тетеревъ. Абрамъ, какъ послѣ оказалось, ничего этого не видаль: теплое майское утро такъ его пригрѣло, что онъ спалъ въ шалашѣ крѣпкимъ сномъ. Проходитъ съ четверть часа, тетеревъ преспокойно сидить; я вышелъ изъ терпѣнія и закричалъ: «стрѣляй!» Прошло еще минутъ пять, выстрѣла не послѣдовало, я сюда закричалъ: «стрѣляй!»

— Да по чём стрѣлять-то? ничего нѣтъ, отозвался Абрамъ, вылѣзая изъ шалаша.

Тетеревъ, испуганный появлениемъ человѣка, конечно, полетѣлъ, а Абрамъ, увидя это, пришелъ въ такое неописанное изумленіе, что какъ былъ на четверенькахъ при вылѣзаніи изъ шалаша, такъ и остался съ открытымъ ртомъ и неподвижно впереннымъ взоромъ, слѣдившимъ за полетомъ изчезавшаго въ утреннемъ туманѣ польника.

— Что же ты не стрѣлялъ тетерева-то?

Абрамъ не отвѣчалъ; онъ только перекрестился и проговорилъ въ полголоса, какъ бы самъ съ собою: — съ нами крестная сила!.. что за оказія, чучело полетѣло!..

— Какое чучело, — тетеревъ, закричалъ я ему, помирая со смѣху.

— Нѣтъ, батюшка, не тетеревъ, а чучело, мое любимое перяное чучело.

Тутъ я объяснилъ ему все дѣло и мы долго хохотали.

— Вѣдь я кричалъ тебѣ, что же ты зѣвалъ?

— Да я тотчасъ же и проснулся, какъ вы вскричали; смотрѣлъ, смотрѣлъ — нигдѣ ничего нѣтъ, кромѣ чучеловъ, думалъ, что вы шутите и вылѣзъ.

Долго послѣ этого случая смѣялись надъ Абрамомъ, какъ онъ проспалъ на току и чучело, и тетерева.

Такъ для того, чтобы чучело не улетѣло, надобно привязывать его веревочкой къ подчучельнику. Чучела же самыя хорошія дѣлаются изъ крашенины. Перяное чучело неудобно: въ вѣтряное утро перья задираются и безобразятъ его фигуру.

Если на току устраиваются два-три шалаша, то одинъ изъ нихъ дѣлается на самомъ мѣстѣ тока, а остальные въ такихъ мѣстахъ, на которыхъ тетерева перемѣщаются во время токованья. Никогда не бываетъ, чтобы съ ранняго утра, до окончанія токованья токовики пробыли на одномъ мѣстѣ;

раза три и четыре перелетаютъ они сажень на пятьдесятъ на сто, и потомъ снова возвращаются. Все это высмотрѣть не трудно заанѣе, до постройки шалашей; тогда само дѣло укажетъ, гдѣ ихъ сдѣлать. Первый прилетѣвшій на токъ тетеревъ бываетъ токовикъ, краснобровый старый косачъ, глава всего тока. Въ иное утро вылетаетъ онъ очень рано, часу въ первомъ - во второмъ по полуночи; поэтому и слѣдуетъ еще съ вечера забираться въ шалашъ и тамъ ночевать. Вылетѣвъ и осмотрѣвшись, токовикъ начинаетъ чу-выкатъ; съ лѣсу ему отвѣчаютъ его товарищи. Чувыканье продолжается довольно долго и чѣмъ дольѣ, тѣмъ яровитѣе, горячѣе, съ припрыжкой и со взлетами. Затѣмъ токовикъ, распустивъ хвостъ, раздувъ шею, наклоняя къ самой землѣ голову, начинаетъ бормотать, сначала робко, глухо, прерывисто, какъ-будто онъ чѣмъ-нибудь давится. Но вотъ, мало по малу, голосъ его дѣлается рѣзче, горловые звуки выходятъ отчетливо и чисто, переливами: токовикъ растоковался, къ нему слетаются со всѣхъ сторонъ косачи и, дѣлая кругъ, съ шумомъ опускаются на землю. При каждомъ свистѣ крыльевъ вновь прилетающаго тетерева, токовикъ привѣсакиваетъ и припархиваетъ, привѣтствуя громкимъ чувыканьемъ своего товарища. Замѣчательно, что токовикъ никогда не садится на присядъ, но постоянно на землю. Миролюбиво между собою токовики не обходятся: между ними сейчасъ же начинается отчаянная драка. Въ охотѣ на току всего болѣе нужно щадить старшаго токовика: имъ токъ держится, на его голосъ слетаются всѣ въ одно мѣсто. Убьете токовика, у остальныхъ не будетъ опредѣленнаго мѣста для слета: вылетятъ гдѣ кому вздумается по одному и по парѣ, а всѣхъ въ сборѣ на прежнемъ мѣстѣ въ эту весну уже болѣе не увидишь. Обязанность свою токовикъ исполняетъ удивительно точно: однажды я нечаянно перешибъ токовику ногу, стрѣляя по про-

стому косачу, съ которымъ онъ дрался; на другой же день токовикъ явился на мѣсто тока съ перешиненою ногою и раненый продолжалъ начальствовать во всю весну, попрежнему вылетая раньше и сзываю токъ. Рано стрѣлять на току не слѣдуетъ. Должно дать польникамъ хорошенъко растоковаться и дожидаться прилета тетерекъ. Тетеръки прибываютъ на токъ не рано: сначала кокочутъ и ростятся онѣ на лѣсу, какъ будто поддразнивая и горяча этимъ молодцовъ - токовиковъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ бормочутъ, чуваютъ и вспархиваютъ; потомъ за четверть часа, или за часъ до восхода солнечнаго, тетеръки спускаются уже съ лѣсу къ своимъ супругамъ. Съ этого времени и начинается охота. Стрѣльба на присядахъ хоть и очень близкая и притомъ въ сидячихъ, а промахи случаются. Причина этому, конечно, торопливость: лапочка ельника какъ-нибудь ляжетъ на стволъ, или дуло ружья далеко выставилъ наружу, невѣрно возьмешь на прицѣль — и промахъ; а сдѣлать промахъ на присядѣ стыдъ и срамъ велий...

Однако же, разсуждая объ охотѣ на тетеревиныхъ токахъ, я отдалился отъ разсказа. Возвращаюсь къ нему.

5.

Недолго я дожидался въ шалашѣ, какъ прилетѣлъ токовикъ, но сѣлъ очень далеко отъ меня, ближе къ шалашу Абрама. Раза два или три онъ прочувыбнулъ, прокеркалъ и началъ что-то клевать, потомъ скорнулся и схохлился, какъ въ дурную погоду. Между тѣмъ разсвѣло на-бѣло. Ярко разлилась заря и повѣялъ маленький вѣтерокъ, слегка раскачивая вершины моихъ присядовъ; показалось солнце изъ-за лѣсу, и потянулись отъ него длинные, предлинные лучи, а тетеревъ все еще сидѣлъ молча и безъ движенія. Очевидно было, что токъ распуганъ петлями, настоящіе то-

ковики передавлены и что вылетѣвшій былъ какои-нибудь несчастный токовикъ-новичекъ, можетъ быть испытавшій уже зырянскія силья. На лѣсу прококотала тетерька, косачъ оживился, чузынуль, привскочилъ и затоковалъ. Скоро прилетѣлъ другой, началась драка, но какъ-то вяло и трусливо. Слышу, Абрамъ сдѣлалъ выстрѣль, и въ то же время сѣлько мнѣ на присядъ тетеревъ. Я его убилъ. Минутъ черезъ пять прилетѣлъ другой и тоже былъ убитъ. Съ послѣдняго выстрѣла два дравшіеся токовика слетѣли и болѣе уже не возвращались. Тѣмъ и токъ кончился. Мы вылѣзли изъ шалашей и начали снимать чучела.

— Плохой токъ, Абрамъ.

— Помилуйте, какой же это токъ, самое послѣднее дѣло: весь распуганъ петлями. Замѣтили вы, не только токовать, и бѣгать-то, бѣднаги, боятся: все и осматриваются, и озираются. Нѣть, въ здѣшней сторонушкѣ отложи, видно, попеченіе потѣшиться на тетеревковъ.

— Все же три штуки убили.

— Что, три штуки! здѣсь такому-ли току-то надобно быть? посмотрите: слетѣ со всѣхъ сторонъ... Преклятая петли! кто васть и выдумаль-то, тотъ недобрый человѣкъ.

Скоро мы убрались съ Бѣлаго-Бору и отправились въ обратный путь.

Издалека показался высокій нагорный берегъ Вычегды и Нижнеконская часовня, бѣльвшая на немъ какъ клочекъ снѣгу. Вотъ блеснули сквозь лѣсъ соборная церковь въ Усть-Сысольскѣ, училищный домъ и присутственная мѣста, почти единственный каменный строенія во всемъ городѣ. Вотъ, наконецъ, открылся и весь городъ, некрасивый, казавшійся издали разбросаннымъ, съ домами однообразной архитектуры, между которыми на берегу Сысолы выглядывало и мое жилище. Передъ самымъ городомъ оглушилъ меня пушечный выстрѣль. Съ грохотомъ понеслись звуки по широкому про-

странству разливной воды, далеко отозвались они во всѣхъ сторонахъ и не успѣли еще кончиться, какъ ихъ подхватилъ другой пушечный выстрѣль, потомъ застоналъ третій и разсыпался дробью.

— Что это за пальба, Алексѣй?

— Это съ барокъ... Съ Койгородской пристани барки плывутъ, такъ вотъ передъ городомъ-то и палять.

— Куда-же плывутъ эти барки?

— Съ хлѣбомъ въ Архангельскъ.

— А много ихъ бываетъ тутъ?

— Иной годъ барокъ двадцать, иной тридцать и тридцать пять иногда бываетъ.

— И хлѣбъ все изъ здѣшняго уѣзда* идетъ?

— Нѣть, изъ здѣшняго уѣзда самая малость, все изъ Вятки.

— А рабочіе?

— Рабочіе — здѣшніе Зыряне.

III.

Черные утки.

Аождались мы пролета черныхъ утокъ. Послѣ двадцатаго сентября появились небольшія стада ихъ на Сысолѣ и Вычегдѣ, около береговъ, по пескамъ и отмелямъ, по рукавамъ и заливамъ этихъ рѣкъ.

Черные утки показываются здѣсь пролетомъ не на долгое время только два раза въ годъ: весною, при возвращеніи своеемъ на Ледовитое море и на устье Печоры и осенью, при отлетѣ въ теплые страны.

Весною летятъ онѣ послѣдними изъ всѣхъ породъ утокъ, когда разливная вода пойдетъ на убыль, начнетъ распускаться береза и загудятъ по зарямъ дружнымъ хоромъ лягушки. Многочисленными стадами, на страшной высотѣ, мчатся онѣ къ сѣверо-востоку, съ необыкновенною быстротою и рѣзкимъ свистомъ крыльевъ. Для становищъ, или роздыховъ, онѣ выбираютъ мѣста открытые, на быстромъ теченіи, не обнаруживая желанія плавать около берега и щелучить мутную воду, какъ дѣлаютъ это весною другія утиныя породы; сидятъ всегда очень кучно и безпрестанно ныряютъ. Въ весенній пролетъ черные утки бываютъ необыкновенно сторожки, такъ что подѣхать къ нимъ на ружейный выстрѣль рѣшительно невозможно; но, не смотря

на это, спугнутое стадо рѣдко улетаетъ совсѣмъ: оно, дѣлая круги надъ самою водою, только пересаживается съ одного мѣста далѣе на другое.

Въ нашихъ пришекснинскихъ мѣстахъ черные утки не появляются. Въ первый разъ я познакомился съ ними въ зырянскомъ краѣ. Сначала, по разсказамъ здѣшнихъ, я принималъ ихъ за обыкновенныхъ норей, называемыхъ у насъ чёрнетью (*anas fuliginosa*). Но когда мнѣ принесена была черная утка, я увидаль, что это совершенно другой видъ, принадлежащій породѣ полярныхъ ныряющихъ утокъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ *морянокъ*. Онѣ гораздо больше чёрнети, круглѣе, съ чернымъ подбрюшьемъ и съ сжатымъ, свинцового цвѣта носомъ.

Печора, при впаденіи своеемъ въ море, разметала безчисленное множество рукавовъ и черезъ это надѣлала пропасть большихъ и малыхъ острововъ, на которыхъ любятъ гнѣздиться черные утки, служа добрымъ продовольствіемъ кочующимъ по печенорскимъ тундрамъ Самоѣдамъ. Вмѣстѣ съ лебедями и гусями, утки эти составляютъ пернатое населеніе тѣхъ мѣстъ, и распространяются отъ Печоры далѣе и направо, и нальво по берегамъ Ледовитаго океана. Тамъ ихъ, говорятъ, видимо-невидимо. Черные утки вьютъ очень незатѣйливыя гнѣзда близко воды, въ ракитовыхъ, тощихъ — по тамошней природѣ — кустахъ, и кладутъ отъ шести до девяти яицъ, занимаясь усердно ихъ насиживаніемъ. Зыряне завѣряютъ, что эти утки исключительно питаются рыбой, что весьма основательно, такъ какъ онѣ превосходно ныряютъ и мясо ихъ темнаго цвѣта, покрыто осеню толстымъ слоемъ жира, приторного на вкусы и отзывающагося рыбымъ запахомъ.

Вотъ все, что я знаю о нравахъ и образѣ жизни утокъ, охоту на которыхъ сейчасъ хочу разсказать.

Двадцать седьмого сентября, ранехонько утромъ, поднялись мы съ постели, съ нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣй отпра-

виться на охоту за черными утками. Тамъ болѣе дорожили мы этою дичью, что въ здѣшней мѣстности черные утки составляли конецъ охоты; послѣ ихъ пролета надобно было вычистить и повѣсить ружье на стѣнку до слѣдующей весны. Правда, оставались еще зайцы на узерку; но черностопъ здѣсь портился беспрестанно выпадавшими порошами.

А охота по порошку, скажете вы, любезный товарищъ, — что можетъ быть лучше наслажденія сойдти косою по отчетливо напечатанному малику и ловкимъ выстрѣломъ подѣть его на разманистомъ бѣгѣ? Дѣйствительно такъ; ничего не можетъ быть лучше и веселѣе охоты по порошку, и въ ярославской губерніи я тѣшился на ней сколько душѣ угодно было; но вѣдь тамъ русаки, а въ зырянскому краю ихъ совершенно нѣтъ. Бѣляки же ведутся здѣсь въ мѣстахъ лѣсистыхъ, скидываются въ чащи и еще гдѣ-то, не допуская охотника, вскаиваютъ и удираютъ.

Утро было не веселое. Тяжелыя облака низко ходили надъ землею, дулъ сѣверный вѣтеръ и пожимался снѣжокъ. Всѣ окрестности одѣты были ковромъ вышавшей пороши. На песчаные берега рѣкъ она легла ровно и гладко, какъ будто обтинуль ихъ кто бѣлымъ полотномъ. Конtrастъ темной массы воды съ снѣговыми, ярко-блѣющими берегами рѣкъ Вычегды и Сысолы, былъ поразительный, особенно вдали, гдѣ эти рѣки, извиваясь, блестѣли въ двадцати разныхъ мѣстахъ своею поверхностью.

Еще не успѣлъ я кончить своего чаю, какъ прибылъ новый товарищъ нашъ, Александръ Ивановичъ В*, молодой, начинаящий охотникъ, съ нѣкотораго времени неизмѣнныи нашъ спутникъ во всѣхъ охотахъ около Устьсысолыска. Мало опытный въ охотничихъ дѣлахъ и приемахъ, но руководимый горячимъ желаніемъ всему этому научиться, онъ былъ неутомимъ въ полѣ и геройски побѣждалъ всѣ трудности, воздвигаемыя мѣстностью и природою. Пробраться по зыбкому бо-

лоту, по тонкой трясинѣ, броситься въ вязкое озеро, — было для него плевымъ дѣломъ; а отъ намѣренія отправиться на охоту не могли остановить его ни бури ни холода, ни дожди, ни вьюги.

Наше намѣреніе было объѣхать весь островъ, находящійся прямо противъ города. Островъ этотъ имѣть окружность около двадцати пяти верстъ и произошелъ отъ причудливаго теченія рѣки Сысолы, которая предъ своимъ устьемъ, отбросивъ широкій рукавъ къ Вычегдѣ и этимъ соединивъ съ нею свои воды, дѣлаетъ большую извилину влѣво и, прокривилявъ еще отъ рукава верстъ шесть, окончательно уже впадаетъ въ Вычегду. Такимъ образомъ произошелъ островъ, окруженный съ трехъ сторонъ излучистымъ теченіемъ Вычегды и Сысолы, а съ четвертой широкимъ протокомъ отъ Сысолы къ Вычегдѣ.

— Вы, Александръ Ивановичъ, съ какимъ ружьемъ поѣдете? спросилъ Абрамъ нашего товарища В., охотившагося пока еще съ нашими ружьями.

— Да ужъ я, Абрамъ, съ твоимъ, съ длиннымъ, пойду, — отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо, берите длинное, а я возьму винтовку, можетъ приведется стрѣлять въ лебедей.

— Много ты сдѣлаешь своей винтовкой! Возьми-ка лучше двухстволку, да заряда четыре про насъ картечъ, дѣло-то лучше будетъ, — сказалъ я.

— Нѣть, ужъ, я винтовку, упорствовалъ Абрамъ; — въ веслахъ-то гребучи, мнѣ не приведется стрѣлять изъ ружья: все вы будете забухивать.

— По мнѣ какъ хочешь; пожалуй бери винтовку.

— Абрамъ, по прѣздѣ въ Устьсыольскъ, собралъ себѣ широкодульную винтовку для стрѣльбы оленей, гусей и лебедей. Условіе съ мастеромъ было такого рода, — что винтовка била на восемьдесятъ саженей въ пятно съ ладонь величиною. Хлопотъ и возни, предположеній и сладкихъ надеждъ было множество; но толку вышло мало: собранная и десять

разъ вывѣренная винтовка не била и на половинную дистанцію, что очень смущало Абрама, никакъ нехотѣвшаго сознаться въ плохомъ достоинствѣ своего нового оружія, изъ котораго онъ въ продолженіе всего лѣта еще пера не вышибъ изъ штицы.

Скоро мы собирались, спустили свою походную охотничью лодочку, усѣлись и поплыли вверхъ по Сысолѣ, придерживаясь лѣваго песчанаго ея берега, чтобы не такъ трудно было бороться съ теченіемъ, чрезвычайно быстрымъ отъ есенней прибыли воды. Подувалъ вѣтерокъ и синжало. Мы обогнули маленький островокъ посреди Сысолы, выбились изъ бойкой быстрины, бьющей съ мыса, острый угломъ вдавшагося въ рѣку, и поплыли около ракитника. Зоркій глазъ Абрама замѣтилъ вдали пару утокъ.

— Не вижу... Гдѣ? спросилъ Александръ Ивановичъ, напрягая свое зрѣніе въ даль, которая совершило тонула въ сумрачной погодѣ.

— Вонъ, вонъ—смотрите противъ песку-то колыхаются.

Я, какъ ни смотрѣль, тоже ничего не могъ разглядѣть.

— Што-й-то, неужели не видите? Смотрите, вонъ, одна унырнула; вонъ, другая—противъ кола-то, что на берегу торчитъ.

— А, вижу, вижу. Греби сильнѣй! вскричалъ радостно В.

Скоро и я разсмотрѣлъ пару черныхъ утокъ, плававшихъ не далеко отъ берега и безпрестанно нырявшихъ. Мы приблизились къ нимъ шаговъ на сто. Утки начали озираться, перестали нырять и тѣсно жались другъ къ дружкѣ. Потомъ, избоченясь, и безпрестанно повертывая головки, они быстро поплыли прочь.

— Вотъ смылись въ одну мишень, стрѣляйте, — пропшепталъ Абрамъ.

Я приложился и выстрѣлилъ. Одна утка скрылась подъ водой; другая снялась и полетѣла, описывая дугу около на-

шней лодки. Александръ Ивановичъ выстрѣлилъ въ-леть, но сдѣлалъ промахъ; я подхватилъ ее другимъ выстрѣломъ; утка столбомъ взвилась къ верху, часто замахала крыльями, но справилась, спустилась къ водѣ, потянула параллельно съ ея поверхности и скоро исчезла изъ нашихъ глазъ.

— Ну, эта умирать полетѣла; теперь не зѣвайте ту, что унырнула-то,—сказалъ Абрамъ, сильно ударивъ раза два веслами.

— Да ее и прозѣвать нельзя, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ,—смотри, вонъ она ужъ вверхъ брюхомъ плаваетъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ вверхъ брюхомъ. Глубоко же она унырнула съ горяча-то—долго какъ не показывалась.

Абрамъ подхватилъ утку за крыло, стряхнулъ ее, стукнулъ головкою о бортъ и бросилъ въ носъ лодки, проговоривъ свое обычное—«начинъ полю есть».

— Теперь въ Артемьевскіе, Абрамъ, ѿхать надобно; тамъ утки должны быть, сказалъ я.

— Безирѣмѣнно въ Артемьевскіе. Какъ тамъ не быть уткамъ. Держите правѣе, здѣсь уносно болыно.

Артемьевскими называются два большихъ залива отъ рѣки Сысолы и множество курей и озеръ, разбросанныхъ по разнымъ направленіямъ въ концѣ острова, который намъ приходилось огибать. Какъ только состадятся утки, подойдетъ время жировъ *), осенней кормёжки, такъ и начнутъ становить большими стадами на Артемьевскихъ заливахъ свѣзи, чернети и шилохвости. Мѣстность Артемьевскихъ широко господствуетъ надъ окрестными лугами: нѣтъ ни пригорочка, ни бугорка: вездѣ ровно и плоско, отовсюду видна опасность, почему и не мудрено, что здѣсь любимые притоны утокъ. При осеннихъ пролетахъ за частую дѣлаютъ роздыхи на этихъ мѣстахъ гуси и даже лебеди.

Вѣтерокъ раздувался все сильнѣе и сильнѣе. Мокрый

*) Утки закармливаются на отлетъ, жиরуютъ—жировать.

снѣгъ валилъ хлопьями и заслыпалъ намъ глаза. Мы прикрыли замки у ружей ягдташами, чтобы не смокли, и усердно продолжали работать веслами.

— Ну, погодка! Изъ доброй воли только охотникъ и выйдетъ изъ дому въ этакую слякоть, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка, вы ничего не знаете, возразилъ Абрамъ; да эта погода самая что ни на есть лучшая для охоты: теперь утка пресмирная, такъ къ самой и подъѣзжай. Опять найди-ка на лѣсу тетерева въ этакую погоду: просто такъ подъ самого подхodi, да и бей.

— Да, нечего сказать, удобно ходить по лѣсу въ этакую погоду: съ вѣтвей начнетъ окачивать съ головы до ногъ капелью, какъ изъ ведра, сказалъ я.

— Мало-ли что: люби кататься, люби и саночки возить. Какъ бы знатье, гдѣ водятся здѣсь польники, съ полуночи ушель бы сегодня за ними.

— Зачѣмъ же не развѣдалъ, гдѣ водятся?

— Было ужъ у меня разспросовъ-то, да никто мнѣ толкомъ ничего не сказалъ; видно ихъ здѣсь совсѣмъ малость; по лѣту нашли-ли мы съ вами хоть одинъ выводокъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, обратился я къ Александру Ивановичу, отчего здѣсь тетеревиныхъ выводковъ очень мало? Мы выходили здѣсь всѣ мѣста верстъ на десять около Устьсысольска — хоть бы одинъ подняли.

— Кто ихъ знаетъ отчего. Я думаю, причиною все наши зырянскія петли.

— Но, говорить, польниковъ показывается зимой здѣсь очень много; откуда же они берутся?

— Изъ глухихъ мѣстъ выбираются. Бываютъ года, что по зимамъ ихъ видятъ безчисленное множество.

— Но не можетъ быть, чтобы и выводки держались въ глухихъ мѣстахъ: тетервки съ молодыми выводятся въ мел-

кій кустарникъ съ густымъ подсѣдомъ травы, или на пожни, близко къ яровымъ хлѣбамъ.

— Да, въ вашихъ губерніяхъ это такъ; но здѣсь иначе. Вы бывали въ «Лемъ-ю»?

— Былъ въ Йулѣ мѣсяцъ.

— Значитъ, знаете, какимъ огромнымъ лѣсомъ протекаетъ рѣчка Лемъ-ю. Чего же, кажется, глупше и мрачнѣе этого мѣста. Если углубиться въ лѣсъ верстъ на восемь-десять, то тамъ, по берегамъ Лемъ-ю, будутъ огромные травяники. Вотъ въ этихъ-то травяникахъ, какъ я слыхалъ, и водятся тетеревиные выводки, да въ такомъ количествѣ, что просто ужастъ...

— Вотъ бы, Абрамъ, намъ съ тобой куда забраться, отвели бы душеньку.

— Натѣшились бы; только комары нась сѣѣли бы, отвѣчалъ Абрамъ.

— Да, ужъ комаровъ въ нашихъ мѣстахъ по лѣтамъ тучи, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Должно быть тамъ и тетеревиные тока огромные бываютъ; а то иначе нельзя себѣ представить, чтобы только однѣ тетерѣки забирались въ такую глушь для вывода молодыхъ.

— Конечно, и тока тамъ же собираются, и дѣйствительно, говорятъ, огромные тока. Токовища въ такихъ глухихъ мѣстахъ бываютъ на березинахъ, на этакихъ прибояхъ — съ рѣдколѣсемъ. Ни одна тысяча ихъ слетится на токъ и бурлять такъ, что издали точно водопадъ какой шумитъ.

Въ нашей бесѣдѣ незамѣтно прошло время, такъ что мы и не видали, какъ приблизились къ Артемьевскимъ заливамъ. Широкая полоса воды длиннымъ серповиднымъ хвостомъ вдавалась въ землю и далѣе, раздѣляясь на нѣсколько отдельныхъ узенькихъ заливцевъ, оканчивалась

подобіемъ вытянутаго языка. Это былъ первый, ближній заливъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ начинался, росла небольшая семья ивовыхъ кустовъ, до половины затопленная осенними паводками. Быстрое теченіе трясло и пристыдало ихъ тоненькие прутики, съ которыхъ игривыми струйками разбѣгалась вода, завертываясь въ кольца. Въ послѣднемъ, самомъ дальнемъ отъ насъ кустѣ, плавало нѣсколько десятковъ черныхъ утокъ. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я, какъ стая эта плескалась и играла на водѣ, какъ весело гонялись утки другъ за другою, шумно пересаживались съ мѣста на мѣсто, и то и дѣло ныряли.

— А, вотъ онъ гдѣ, голубушки, сказаль радостно Абрамъ, увидавъ утокъ. Какъ бы подъ нихъ подѣхать-то ловчѣ. Знаете-ли, зайдемъ туда дальше за нихъ, да и пустимъ лодку по водѣ, нась такъ и нанесеть на самыхъ.

Дѣйствительно, лучшаго способа подъ утокъ не было. Мы скоро обогнули стадо и только готовились пустить лодку по водѣ, какъ вдругъ до нашего слуха донесся металлическій голосъ лебедя.

— Стойте! Гдѣ-то лебеди проговорили, прошепталъ Александръ Ивановичъ.

Мы тихо опустили весла и напряженно начали прислушиваться. Лодка, предоставленная собственной волѣ, пошла внизъ, повинуясь быстрому теченію воды, и скоро приблизилась къ плескавшемуся стаду черныхъ утокъ. Но онъ уже не существовали для нась болѣе. Служалось ли вамъ, любезный товарищъ, бывать на тягѣ вальдшнеповъ въ мѣстахъ, гдѣ дичь эта—рѣдкость, и гдѣ охота за ними сопряжена съ значительными издержками? Въ тихій майскій вечеръ, прислушиваясь къ голосу торжествующей природы, стоишь, бывало и ждешь тяги. Неподалеку соловей заливаются въ березовомъ кустѣ, въ сосѣднемъ болотѣ свистить курочки, а на лѣсу кукуетъ и покеркиваетъ, будто давитъ

ся, кукушка. Въ опушкѣ мелькнулъ заяцъ. Вотъ онъ выѣжалъ на подсѣку и легкими прыжками пробирается на зель, не замѣчая охотника. Мигомъ всбидываешь ружье и уже готовишься спустить курокъ по косому, какъ вдругъ свистнуль и хоркнулъ вальшинецъ, руки невольно опустились, какая-то дрожь электрическою искрою пробѣжала по тѣлу — и сердце замерло... Заяцъ изчезъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, не переводя дыханія, превратясь весь въ слухъ и зрѣніе, ждешь появленія вальшинепа. Тоже самое было съ нами и теперь, — мы забыли про утокъ, — вся страсть наша сгустилась на кровожадномъ желаніи завладѣть лебедемъ, этою богатою и рѣдкою добычею. Голосъ болѣе не повторялся и, какъ ни смотрѣли мы вдоль по заливу, ничего не могли оглядѣть за хлошьями снѣгу, туманившими воздухъ и затѣмнявшими даль. Утки, между тѣмъ, очень близко. Лодку нашу поднесло къ нимъ на разстояніе какихъ-нибудь пятидесяти, много шестидесяти шаговъ; такъ бы и шарахнулъ по ихъ сгрудившемуся стаду!.. Наконецъ онъ поднялись и пересѣли далѣе.

— Смотрите-ко батюшки, что это такое? Вѣдь, это, кажется, они и есть, проговорилъ Абрамъ, взглядываясь въ бѣлое, запущенное снѣгомъ, пространство пожни.

— Ничего я не вижу въ этомъ снѣгу; греби, подѣдемъ поближе — тогда удостовѣримся.

Мы подались сажень на тридцать въ заливъ, повернули лодку бокомъ, и всѣ троє снова принялись разглядывать.

— Лебеди, лебеди, право, — лебеди! произнесъ скороговоркою Абрамъ. Вонъ, глядите, — туда дальше, въ самомъ-то концѣ на пожнѣ четыре штуки сидятъ; видите, какъ шеи-то вытянули. Оглядѣлиась, оглядѣли, давайте скорѣй лодку назадъ!.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ В.

— А пристанемъ къ берегу; я поползу, можетъ и подпустить, нерѣшительно отвѣчалъ Абрамъ.

Произошло совѣщаніе. Послѣ маленькаго спора, рѣшено было по свойству оружія предоставить охоту на лебедей Абраму.

— Вотъ она, винтовка-то и пригодилась, а еще брать не приказывали...

— Увидимъ, что ты сдѣлаешьъ своей винтовкой; ступай, ползи, а мы подождемъ тебя здѣсь, сказалъ я.

Мы пристали къ правой сторонѣ залива. Абрамъ схватилъ винтовку, выскочилъ на берегъ, придернувъ лодку, и, сгорбившись, пошелъ въ обходъ къ лебедямъ. Долго онъшелъ, наклоняясь все ниже и ниже; потомъ, сбросивъ картоузъ съ головы, поползъ на четверенькахъ. Передвигая правою рукою винтовку, стараясь держаться постоянно противъ крошечнаго бугорка, заслонившаго лебедей, и избѣгая мочевинъ и кочекъ, онъ медленно подвигался впередъ. Наконецъ онъ легъ и поползъ на брюхѣ. Небольшая ложбинка, въ которую виолзъ Абрамъ, почти совсѣмъ скрыла его отънасъ; только иногда выставлялась голова его, высматривающая мѣстность, да отъ неровности почвы кой-гдѣ показывались спина и ноги, хотя онъ употреблялъ всѣ усиленія распластаться по землѣ, чтобы совершенно слиться съея поверхностью. Вотъ онъ выползъ на открытое мѣсто, далѣе уже подкрадываться невозможно; вездѣ ровно и плоско, лебеди какъ на блюдечкѣ, и со стороны кажутся не оченьдалеко отъ Абрама. Съ сердечнымъ трепетомъ слѣдили мыза всѣми его движеніями. Вотъ онъ взвелъ курокъ у винтовки, откинувъ нависшіе на лицо волосы, приложился иначасть цѣлиться медленно и твердо. Выстрѣль грянуль иподнялись всѣ четыре лебедя. Тяжело замахали они крыльями, въ струну вытянули они шеи и ноги, и, разговариваяна свое чудномъ и звонкомъ, какъ серебрянная труба, голосѣ, — плавно полѣтели на юго-западъ. Долго звучалъихъ голосъ; долго сверкали они бѣлыми точками въ воз-

духъ и, наконецъ, скрылись въ сумрачной дали. Абрамъ, проводивъ лебедей глазами, не весело возвращался къ лодкѣ. На пути поднялъ онъ свой картузъ, отряхнулъ его отъ снѣга и нахлобучилъ на самые глаза, что всегда дѣлалъ въ несчастливыя минуты своей охоты.

— Ну, вотъ твоя и хваленая винтовка, сказаль я; вѣдь не очень далеко стрѣляль-то.

— Нѣтъ, далеко было; это отсюда такъ кажется.

— И оправдалась пословица: — «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»...

— Какъ бы давича стрѣляли по уткамъ-то, дѣло-то бы вышло лучше, съ досадою сказаль Александръ Ивановичъ.

— Это все Абрамъ — съ лебедями связался... ну, гдѣ тебѣ изъ своей мѣшалки убить лебедя, только всю штуку испортилъ, — пѣдтрунилъ я надъ Абрамомъ.

— Вотъ и напали на меня, да и напали-то занапрасно: утки-то не уйдутъ; вотъ онъ — смотрите, опять на томъ же мѣстѣ полошутся.

Дѣйствительно, черныя утки ныряли въ тѣхъ-же ивняковыхъ кустахъ. Но на этотъ разъ онъ какъ будто чувствовали угрожающую имъ опасность: не допуская насы сажень на тридцать, все стадо сгрудилось и быстро поспыло прочь.

— Стрѣляйте, Александръ Ивановичъ, сказаль я, приготовля свое ружье, чтобы выстрѣлить по уткамъ на подъемъ.

— Далеко...

— Ничего, вѣдь это по стаду... Стрѣляйте!

В. выстрѣлилъ; пара утокъ взвернулась и начала биться, всхлопывая крыльями, кружась и перевертываясь. Остальные поднялись и съ свойственнымъ этой породѣ свистомъ крыльевъ, потинули надъ самою водою. Я вскинуль ружье, чтобы выстрѣлить въ лѣтъ, но въ тотъ моментъ, какъ дернулъ за собачку, лодка вдругъ повернулась и послѣдовало сразу два пуделя.

— Помилуй, братецъ, какъ тебѣ не стыдно, взъѣлся я на Абрама,—не можешь держать лодки чередомъ; видишь какие скверные промахи сдѣлалъ—по твоей милости!

— Прахъ ее вѣдѣаетъ, какъ она повернулась, не нарочно вѣдь... Стрѣляйте! Стрѣляйте! ну, унырнула...

— Да что такое? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Утка, утка! Вы же, должно быть, подшибли. Смотрите, впереди вынырнетъ.

Забывъ свою досаду, я торопливо началъ заряжать ружье, и только успѣлъ надѣть пистонъ на правый стволъ, какъ въ пяти саженяхъ отъ насъ вынырнула утка и вытянувшись по водѣ,—поплыла къ берегу. Я докончилъ ее.

— Ну, вотъ, и на вашу долю дасталось. Виши, какъ славно хватили, такъ даже ее и отбросило, одобрительно произнесъ Абрамъ, и потомъ, снявъ картузъ, и сіяя довольною улыбкою, поздравилъ насъ обоихъ съ полемъ.

— А тебя—съ лебедями, сказалъ В., тоже снимая картузъ и кланяясь.

Абрамъ тоскливо вздохнулъ и, ничего не отвѣтивъ на шуточку Александра Ивановича, сильными ударами весель подпрыгнулъ къ убитой дичи, собралъ ее и началъ складывать въ носъ, наэтотъ разъ бережно подвертывая головки подъ крылья. Одну онъ пощупалъ, взвѣсилъ на руки и замѣтилъ, что очень тяжела и жирна. Въ самомъ дѣлѣ утки были полновѣсны и жирны.

Поплававъ еще нѣсколько времени по заливу и около песчаной косы и не видавъ болѣе утокъ, мы добрались наконецъ и до широкаго пролоя, или до такъ называемаго Потеряя, соединяющаго Вычегду съ Сысолою. Черезъ четверть часа мы были въ Вычегдѣ.

Въ продолженіе предлагаемыхъ разсказовъ—еще не разъ приведется намъ путешествовать, съ охотничими цѣлями, по этой рѣкѣ зырянскаго края, почему и не лишнее будетъ сказать о ней кое-что поподробнѣе.

Два истока: одинъ изъ южной части большаго моховаго болота Дзюрь-Нюрь, знаменитаго становища оленей, лежащаго въ трущобѣ Устьсысольскихъ лѣсовъ, сопредѣльныхъ мезенскому уѣзду, другой изъ возвышенности Согры-Нальдекъ-Керосъ, сливаясь подъ острымъ угломъ, образуютъ рѣку Вычегду. Съ точки своего образования Вычегда сохраняетъ югозападное направление и праваго своего истока до впаденія въ нее рѣки Черъ, послѣ чего она поворачиваетъ къ юговостоку, но, принявъ слѣва Мылву, измѣняетъ направление къ югу, которое и удерживаетъ до устья Нема. Круто повернувъ у послѣдняго къ юго-западу, она рѣкою Сѣверной-Кольтой вдругъ отбрасывается обратно, то есть къ сѣверо-западу, за исключеніемъ небольшаго излома отъ юга къ сѣверу, между устьями Сысолы и Выми. Вычегда протекаетъ три большихъ уѣзда: Вологодской губерніи:—Устьсысольскій, Яренскій и Сольвычегодскій и занимаетъ своею длиною болѣе, нежели тысячу верстъ. Мѣстами она очень широка и быстра. Впадина ея песчаноглинистая, сжатая въ верховьяхъ съ обѣихъ сторонъ грядами возвышеностей, которыя, однако же, не долго удерживаютъ рѣку, и, удаляясь отъ береговъ, даютъ ей полный просторъ прорывать на слабомъ, зыбкомъ грунѣ новыя русла и рукава, и разливаться весною на широкое пространство, синь-синѣющее во всѣ стороны. Въ верхней половинѣ Вычегды правый берегъ возвышеніе, а около селеній Мнелдинскаго и Усть-Немскаго онъ почти вдругъ поднимается на высоту тридцати пяти саженъ скалами известковаго свойства и потомъ снова понижается въ плоскую равнину. Ниже Устьсысольска лѣвый берегъ переходитъ въ нагорный, и удерживается на этомъ положеніи, съ небольшими пронизями, до самаго устья, т. е. до впаденія рѣки въ Сѣверную Двину.

Вычегда во многихъ мѣстахъ раскидывается на рукава, образующія цѣлые группы острововъ, особенно въ низовь-

яхъ. Прихотливо измѣнияя свой фарватеръ, она отъ ежедневныхъ наносовъ пересѣкается длинными песчаными косами, служащими богатымъ привольемъ для гусей и всевозможныхъ сортовъ утокъ во время осенняго пролета. Старые слѣды теченія ея водъ явственно обозначаются рядами озеръ, заливовъ, обмелѣвшихъ рукавовъ и курей, многочисленность которыхъ доказываетъ, какъ часто Вычегда мѣняла русло. Подмывая и опрокидывая въ глубину свои берега во время весеннихъ разливовъ и особенно при движениіи льда, она заставляла переносить на другія мѣста цѣлые города. Такъ въ XVII столѣтіи городъ Яренскъ былъ перенесенъ на версту отъ береговой окраины рѣки. Теперь Вычегда течеть отъ него уже въ ияти верстахъ. Основаніе городу Сольвычегодску, по сохранившемуся здѣсь преданію, положила опасность отъ Вычегды, угрожавшая городу Чернигову, (нынѣ деревнѣ Городище). Жители Чернигова, вытѣсненные рѣкою, постоянно отмывавшею берегъ, переселились къ Усолю и основали нынѣшній городъ Сольвычегодскъ, въ шести верстахъ отъ рѣки. Но и здѣсь Вычегда подобралась и начала жать городъ, угрожая въ настоящее время соборной его церкви, построенной на высокомъ мысу, бока которого только отвѣснымъ срубомъ защищены отъ обрушенія.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы выѣхали на Вычегду, рѣка эта, улегшись въ низкіе, обрывистые берега, плавно и гордо катила свои волны. Какое-то солидное спокойствіе лежало на этой величаво движущейся массѣ воды. По правой сторонѣ Вычегды, какъ кайма, тянулся сплошною грядою лѣсь и терялся вдали, уходя подъ небосклонъ; по лѣвой—разстилалась плоская равнина побѣлѣвшей отъ снѣга пожни, а прямо, внизъ по теченію, рисовался на туманномъ горизонѣ гребень нагорной стороны, съ деревнями и овражистыми пашнями. Съ востока тяжело плыло густое снѣжное облако и восходя къ зениту грядами расползалось по небу. Мы вы-

плыли на самую средину рѣки и быстро понеслись внизъ по течению. Весело бѣжала наша лодочка, бойко разсѣкая воду, треугольникомъ расходившуюся на обѣ стороны; сильно грѣбъ начинавшій прозябать Абрамъ, и твердыми ударами кормового весла помогалъ ему Александръ Ивановичъ, пра- вивший лодкой. Часто замѣчали мы вдали, около береговъ, черныя, сомнительные точки, подозрѣвая въ нихъ утокъ, умѣряли работу веслами, соображали нападеніе, но точки оказывались корягами, высунувшими свои корни изъ-подъ воды или тычками, вбитыми Зырянами для ловли рыбы межами. Время уже было за полдень.

— Абрамъ! А вѣдь это утка плыветь, сказалъ я, показывая на чуть замѣтное темноватое пятно подъ самымъ урѣзомъ берега.

— Утка и то! Только что это за утка такая? Низко болѣво плыветь—только одна голова да спина видать...

— Не крохаль-ли, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Можетъ быть и крохаль, вотъ увидимъ. Держите не множко помимо, чтобы не испугать ее.

— Вишь, какая соколена — внизъ по водѣ бросилась. Греби, Абрамъ, — упливеть, сказалъ В. и началъ сильно поддавать кормовымъ весломъ, замѣтивъ, что утка быстро пошла внизъ по течению воды.

Сажень тридцать не допуская, утка снялась и низомъ потянула вверхъ рѣки, мимо лодки. Я ударилъ ее впоперечь. Со всего размаху шлепнулась она на воду и не пошевелилась.

— Ай-да лихо! не совсѣмъ упала, вскричалъ Абрамъ.

— Подѣлжайте къ ней Александръ Ивановичъ, — что за утка такая? Что-то велика очень.

— И мнѣ тоже очень велика показалась; бери-ка Абрамъ, да кажи—что за утка; — сказалъ В., подвернувъ носъ къ убитой уткѣ, которую крутило въ маленькомъ водоворотѣ, подъ урѣзистымъ берегомъ.

— Ой, батюшко, да что вы убили-то, вѣдь гагара,—
тономъ пренебреженія произнесъ Абрамъ, поднимая утку за
крыло.

— Какъ гагара?

— Гагара, самая матерѣющая. Посмотрите, откуда у
нея ноги-то выросли...

— Эта проклятая. А я думалъ, что крохаль: стоило
хлопотать изъ-за дряни, сказалъ я досадуя на свою ошибку.

— Какая же это дрянь, — возразилъ Александръ Ива-
новичъ,—эта дрянь для зырянина дороже всякой утки.

— Да вѣдь ее нельзя Ѳсть?

— И не Ѳять; но шкурка идетъ въ дѣло.

— Въ какое же дѣло? спросилъ я.

— А изъ нее дѣлаются Зыряне превосходныя шапочки,
самая щегольскія въ здѣшней сторонѣ. На это идетъ шкурка
съ головки и шейки по то мѣсто, где кончается бусой *)
цвѣтъ. Другія гагаричи шапки, похоже, дѣлаются изъ че-
ревьевъ; они также бываются очень красивы, бѣлые, точно
горностаевыя.

— Хорошо выдѣлываются они эти шкурки?

— Нѣтъ, выдѣлывать ихъ здѣсь не умѣютъ; даже и
лебяжьи шкуры привозятся съ Печоры и продаются невы-
дѣланыя. Просто сдираютъ, расплющиваютъ на гвоздики,
высушиваютъ и намазываютъ ихъ разведенною въ водѣ су-
лемою, или мышьякомъ—отъ моли, да такъ и шьютъ изъ
нихъ франтовскія шапочки.

— Такъ ненадо, Абрамъ, бросать гагару-то; можетъ и
пригодится; смастеримъ себѣ зырянскую шапку.

— Какъ же можно бросать, теперь не брошу. Какъ бы
зналь я это прежде, сталь бы бить ихъ.

— Недобычливая сегодняшняя наша охота: всего-то на-
всего четыре штуки, да пятая гагара, сказалъ я Абраму,

*) Сѣрый, дымчатый.

снова трудившемуся съ необыкновеннымъ усердіемъ въ веслахъ, отчего наша лодка летомъ-летѣла внизъ по водѣ.

— Еще не узнали! Ласта впереди; а на Ластѣ, говорятъ, тоже бывають большие притоны черныхъ утокъ.

— Ласта—это собственное имя большой кури, берущей начало отъ рѣки Вычегды и полого растянувшейся къ Сысолѣ. По краямъ густо обрастаєтъ она по зыбучему грунту ржавою осокою, въ которую любятъ прятаться бекасы и гаршины. Первый гаршинепъ—поздній, осенний гость нашъ въ Ярославской губерніи—былъ убитъ мною здѣсь на Ластѣ 6-го августа. Въ половинѣ августа Ласта вся высыхаетъ, остается только немнога воды въ серединѣ самаго лога; а остальное — все илистая грязь, мочевины и ржавчина. Въ это время безчисленное множество куликовъ разныхъ породъ: травниковъ, поручейниковъ, чернышей, курохтановъ, поплавковъ и зуекъ—кормится на Ластѣ, безпрестанно перелетывая съ мѣста на мѣсто и бѣгая около воды и по водѣ по мелкимъ лужицамъ. Поплавковъ и песочниковъ я видалъ здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ. Зыряне не бьютъ куликовъ, не считая ихъ за дичь по малому объему тѣла. На Ластѣ, по зарямъ, кромѣ куликовъ, постоянныхъ ея обитателей, пристаетъ очень много утокъ: чирковъ, свіязей, шилохвостей и кряковыхъ. Въ лѣтнее время, бывало, каждый вечерокъ сбѣгаетъ Абрамъ на Ласту и притащить себѣ на жаркое парочку утокъ, а иногда и двѣ. Это называлъ онъ охотою скороспѣлкою. Въ самомъ дѣлѣ скороспѣлка: стоило только перѣѣхать черезъ Сысолу, пройти съ четверть версты и войдешь на Ласту. Тутъ сейчасъ же сдѣлаешь нѣсколько выстрѣловъ, убьешь нѣсколько штукъ и возвращаешься домой. Въ осеннеѣ паводки вся впадина Ласты наполняется водою, представляетъ очень широкій заливъ и служить хорошимъ притономъ для черныхъ утокъ.

Надежды Абрама оправдались. На Ластѣ мы нашли боль-

шое стадо черныхъ утокъ и безъ особенностей, подкравшись изъ-за высокаго бугра, вышибли три штуки.

— Вотъ, вѣдь — осенюю не такъ же сторожки черныя-то утки, отнесся я къ Абраму; а то помнишь, весной, во время пролету — приступу не было къ нимъ.

— Молоды, такъ глупы; къ тому же не пуганы, — отвѣчалъ Абрамъ коротко и неохотно, будучи недоволенъ своею винтовкою, изъ которой онъ сдѣлалъ выстрѣлъ вмѣстѣ съ нами на Ластъ по стаду — и ничего не убиль.

Въ пятидесяти саженяхъ отъ Ласты — устье Сысолы, по которой надобно подняться версты полторы, чтобы доѣхать до города. Въ самомъ Устьѣ попались намъ на встрѣчу двое Зырянъ, плывущихъ на маленькой лодочкѣ.

— Оладъ-вылатъ (живете-можете), добрые охотники! раздался ласковый голосъ съ лодочки.

— Здорово, Алексѣй! Куда это ты отправляешься? спросилъ я знакомаго охотника - зырянина, сопутствовавшаго намъ весной въ Бѣлый-Боръ.

— Рыбу лучить ѿду подъ Копанецъ. Какъ поохотничали?

— Хорошо, штукъ семь убили черныхъ.

— Ну, и слава Богу!

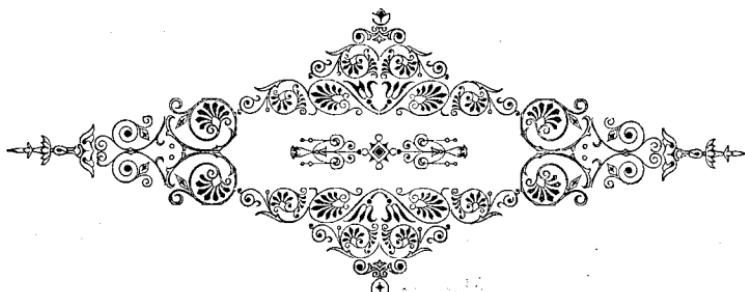
Мы разъѣхались въ разныя стороны; лодка Алексѣя скоро исчезла за мысомъ.

— Что это, Абрамъ, измѣняетъ тебѣ винтовка-то твоя? спросилъ Александръ Ивановичъ, когда мы уже подъѣзжали къ самому городу.

— Давно ужъ мнѣ незадача, хитинку надо сдѣлать, отвѣчалъ сквозь зубы Абрамъ.

— Опять хитинку. Какую же?

— А отъ трехъ пороговъ взять по щепоткѣ и окуриться... Это полезительнѣе бываетъ бородской травы.

I V.

ЛЯЙКОДЖЪ.

Ластупилъ сѣрый, сырой, скучный мѣсяцъ Сентябрь. Подкрался онъ въ этотъ годъ какъ-то незамѣтно: все было тепло и ясно, во весь Августъ шли чудные лѣтніе дни, какъ вдругъ вмѣстѣ съ Сентябремъ круто свернуло на осень, и загудѣлъ неумолкаемо сѣверный вѣтеръ; загудѣлъ — и гудить себѣ не перемежаясь, крутить, перевивавть пожелѣлые, обвалившіеся листья и хлещетъ въ окна голыми вѣтвями рябины, обивая кисти спѣлыхъ ея ягодъ. Хвойный лѣсъ, зеленѣвшій по ту сторону Вычегды, какъ-то почернѣлъ вдругъ и притуманился, и даже луговая пожня, раскинувшаяся такимъ широкимъ привольемъ за рѣкою Сысолой, зарябѣла какими-то грязно-желтыми цвѣтами. Все завяло, засохло, опустилось, охолило. Вонъ єдетъ зырянинъ на двухколескѣ съ возомъ ячменныхъ сноповъ. Лѣниво, понутивъ голову, выступаетъ его тощая лошаденка. Лѣниво шагаетъ за нею и зырянинъ, принарядившійся по осеннему времени въ теплую шапку-ушанку, сшитую изъ молодыхъ оленятъ, извѣстныхъ подъ именемъ пыжиковъ, и въ зипунъ изъ толстаго домашняго сукна коричневаго цвѣта съ искрой. За возомъ бѣжитъ клюкастая исхудалая собака съ опущеннымъ хвостомъ, а за собакой какой-то вертлявый мальчуганъ въ дырявыхъ сапогахъ, изъ-за голенищъ которыхъ

трепещутся полосатые клочья зырянскихъ чулковъ. У повалившагося забора стоитъ корова что-то не въ духѣ, смотрить пристально на почернѣвшую ботву картофеля въ огородѣ, да пожевываетъ. Надъ всѣмъ этимъ пасмурное, сердитое небо, съ изорвавшимися, точно послѣ драки облаками, которыя несутся скоро-прескоро куда-то безъ оглядки. Мелкій, ненастный дождикъ однообразно падаетъ на влажную землю, и, брызгая въ окна, пускаетъ по стекламъ извилистыя дорожки. Грустное, невыносимо тяжелое, гнетущее время! Куда ни посмотришь, вездѣ все скучно, непривлекательно, неопрятно.

Чу! скрипнула дверь: кто-то идетъ. Непремѣнно разговоръ начнется о погодѣ; вотъ утѣшениe! Или это Абрамъ? Пришелъ и остановился у косяка, заложивши руки за спину; вѣрно на умѣ есть какая-нибудь затѣя.

— Что, Абрамъ, скажешь хорошенъкаго?

— Да что сказать-то? ничего не скажу; все хорошо.

— Ужь будто ничего не скажешь! Видишь, погода какая мерзѣйшая; дождь моросить, вѣтеръ свищетъ...

— Погода бы нешто! что намъ погода? пускай дождить! не сахарные...

— Не растаемъ! добавилъ я: — знаю, братъ, я твою пословицу: ужъ ты, навѣрно, что-нибудь затѣялъ! На охоту чай?

— Да пожалуй изъ-за погоды и все сиди дома, да точи веретена, а время-то что ни-на-есть лучшее и пройдетъ.

— Какое же это такое лучшее время?

— А хоть бы пролетѣ гусей. Они теперь валомъ валить. Такія-ли стада летитъ гуся, что уму невообразимо!

— Ну такъ что же?

— Ничего; на печь не прилетѣть; Ѹхать надо на охоту.

— Вотъ какъ! А дождикъ-то, а вѣтеръ-то, а холодъ-то?

— Это што... Это все пустое; потеплѣе одѣнемся...

— Не знаю, Абрамъ, тяжело какъ-то подыматься въ этакую погоду; да и будетъ-ли удача?

— Не знаю; какъ хотите, а задача быть должна, потому погода этакая сумрачная, гусь летить низко и отдыхаетъ часто.

— Такъ ъхать что-ли?

— Да поѣдемте! что тутъ долго думать-то?

— Куда-же. Въ Парчегъ что-ли?

— Зачѣмъ намъ въ Парчегъ? Поѣдемте въ Ляйкѣдъ: тамъ мѣста не въ примѣръ притоманиѣ и подборы лучше.

— Да тамъ, вѣдь, говорятъ, охотника много?

— Што охотника! зырянскія-то мѣшалки намъ не помѣха. Изъ ихнихъ дудокъ не много напиликаешь.

— А дождь-то?

— Опять дождь! Экъ васъ дождь-то пугаетъ, точно впервые!

— А лѣнь-то?

— А лѣнь-то оставьте на стулѣ. Безъ нея обойдемся.

— Такъ ъхать?

— Ъхать! отвѣчаль утвердительно Абрамъ и выразительно тряхнуль при этомъ головою.

— Ну, ужъ быть такъ; излаживай же лодку.

— Коли ъхать, такъ въ ночевку!

— Конечно въ ночевку, такъ и готовъ; да проворниѣ!

— Живо будетъ готово; излаживайтесь сами, а за мной дѣло не станетъ.—Абрамъ торопливо скрылся хлопотать объ отѣзду.

Лѣниво поднялся я съ кресель, на которыхъ такъ по-войно и хорошо меня пригрѣло, и отправился начинять патроны. Всѣ они были перебиты и разрознены; надо было привести въ порядокъ, заряды увеличить, потому что стрѣльба предстояла дальняя, и набить нѣсколько патроновъ картечами для гусей. Пока я это все излаживалъ, входить Алекс-

сандръ Ивановичъ В., мой прошлогодній спутникъ въ охотѣ на черныхъ утокъ.

— Что вы, на охоту?

— Да вотъ, все Абрамъ: говорить, гусей много набьемъ...

— А меня возьмете?

— Съ удовольствіемъ. Да вамъ можно-ли? мы вѣдь будемъ ночевать.

— Отчего же нельзя? Завтра праздникъ, можно.

— Ну, такъ вѣдьмъ вмѣстѣ, веселѣе будетъ.

— Такъ подождите меня: я сбѣгаю за ружьемъ, да за запасомъ; живой рукой ворочусь...

— Бѣгите, бѣгите! Подождемъ.

Александръ Ивановичъ убѣжалъ. Работа моя подвигалась по немногу впередъ. А дождь все гвоздить себѣ, да гвоздить въ окна, вѣтеръ все свищетъ, да свищетъ, наводя на душу какое-то уныніе. Лучше бы въ такую погоду быть дома, въ мягкому креслѣ да въ тепломъ халатѣ, передъ тѣюющимъ каминомъ! — скажетъ иной зажиравшій сидѣнъ: а то поди, дрожи тамъ подъ дождемъ и холодомъ! Но, вѣдь не даромъ сказано, что «охота пуще неволи». Хороша и покойна халатная жизнь, но въ груди охотника есть сила, которая неудержимо влечетъ его на открытую природу, не смотря ни на слякоть, ни на дождь, ни на злую выигу.

Скоро возвратился Александръ Ивановичъ, еще скорѣе изладился Абрамъ; позамѣшался только я одинъ, но при пособіи В. и мое дѣло кончено было въ нѣсколько минутъ. Мы сѣли перекусить на дорогу. Къ столу явилась Діана, моя охотничья суга, отъ кровныхъ марковскихъ собакъ.

— Все любуюсь на вашу собаку: что за стати! сказала Александръ Ивановичъ, съ трудомъ прожевывая бифштексъ, на который, помахивая хвостомъ, умилъно поглядывала Діанка.

— Да, хороша; у стола только канючитъ; это несносно.

— Ну, это пустяки, это ничего! что Діанушка? На охоту, на охоту поѣдемъ, каналья! Вишь, какъ пересѣм-ниваетъ, работу чуешь! Можно ей кусочекъ хлѣба?

— Отчего же нѣтъ? можно.

— Абрамъ, чай, съ своимъ Султаномъ поѣдетъ?

— Не знаю, возьметъ-ли онъ своего Султана; я думаю возьметъ. Абрамъ! Ты возьмешь Султанку? — спросилъ я своего ретиваго охотника, зашируююющаго чемоданъ, въ который взято было теплое платье для ночлега.

— Безпремѣнно возьму. Безъ Султанки никакимъ спо-собомъ не обойтись въ теперешнее время: утку убьешь — не самому же лѣзть...

— А какъ мѣшать станетъ?

— Султанка-то, что-вы! да онъ даромъ что оболтусъ толстоголовый, а только что не говорить; что прикажешь, то и дѣлаетъ.

— Ужъ будто что прикажешь, то и дѣлаетъ?

— А вотъ, ужо сами увидите; не даромъ я его шипи-говалъ.

— Что ваша собака, Александръ Ивановичъ? — обратился я къ В., у котораго былъ тоже песь одно гнѣзда съ Султаномъ.

— Что моя собака! Горе, а не собака: не послухманина, блудня, и въ полѣ нѣтъ никакого иска.

— А какой знатный щенокъ былъ! изо всѣхъ! подите, вотъ угадайте!

— Да у меня ее избаловали домашніе, а то, можетъ быть и порядочная бы вышла.

— Какіе вы охотники! вмѣшался Абрамъ: — собаки не съумѣли выходить. Вотъ у меня какой Микитка головас-тикъ, а вѣдь пріучилъ же къ дѣлу. Старанье, батюшка, надо имѣть, да присмотрѣ; безъ этого никакая собака не будетъ путной.

— Да, тебѣ хорошо разсуждать: у тебя только и дѣла-то, что охота; а тутъ уйдешь на службу — братишкі маленькие и поднимутъ возню съ собакой; всю перепортили, по-стрѣлы!

— Конечно, да все же своей заботливости мало: не на руки попала! — стоялъ на своемъ Абрамъ, всегда любившій подтрунить надъ неопытными охотниками и впластіи въ свою рѣчь хвастливое слово.

Вышли. Сырой вѣтеръ таково непріятно пахнулъ намъ въ лицо. Дождь пересталъ, только сѣрыя облака низко тянулись надъ нашими головами, да вся даль какъ-то туманилась, будто задернута была дымкой, чрезъ которую мутно сквозили окрестности съ полями, лугами и темнѣющимъ лѣсомъ. На востокѣ, на самомъ краю горизонта, просвѣчиваилась голубая полоска неба. Абрамъ пристально посмотрѣлъ на нее и рѣшилъ, что оттуда непремѣнно къ вечеру разнесеть, и завтрашній день будетъ ясный.

Сдернули лодку съ берегу, уложились, сѣли: я на корму, Абрамъ въ весла, а Александръ Ивановичъ по серединѣ, на чемоданъ; собаки улеглись ему въ ноги.

— Черезъ Копанецъ? спросилъ Абрамъ.

— Конечно черезъ Копанецъ: ближе; придется лодку тащить, да не бѣда! отвѣчали мы.

Поѣхали внизъ по Сысолѣ. Быстрое теченіе воды, значительно поднявшійся отъ осеннихъ паводковъ, скоро повлекло нашу лодку, подгоняемую дружными веслами. Вотъ миновали мы горизонтиные амбары съ полосатою будкою и мѣрно шагающимъ часовымъ; вотъ промелькнули мимо насыжалкіе, искривившіеся два овинишка; срубленные на берегу Сысолы въ какія-то давнія времена лѣниво рукою зырянина; вотъ и деревня Кулига, разбросанная затѣйливымъ безпорядкомъ по подгорью; вотъ и Вычегда... а тамъ, дальше, на высоко и круто приподнятомъ берегу ея мелькнула низ-

неконская часовня! Пристально взглянуль я въ эту мглу, въ которой едва замѣтно блѣлись стѣны часовни, а въ густомъ сѣромъ туманѣ тускло свѣтился ея крестъ, и предо мной начали проходить живою толпою воспоминанія о недавно прожитомъ, прожитомъ всею силою молодости, съ полнымъ захватомъ жизни; и далеко далеко увѣли меня мои мысли...

— Что это, батюшка, куда вы правите? вѣдь надо вверхъ теперь подниматься! прерваль мои разбродившіяся мечты Абрамъ, сильно загребая правымъ весломъ и поверотивъ такимъ образомъ лодку противъ теченія Вычегды, въ которую мы успѣли уже вѣхать. Я спохватился, поставилъ лодку по направлению нашего пути, и мѣсто пріятныхъ воспоминаній осталось за спиною.

— О чѣмъ это вы такъ замечтались? спросилъ меня Александръ Ивановичъ.

— О быломъ и суетѣ міра сего, отвѣчалъ я ему, невольно, по тяжело вздохнувшему.

— Стоитъ! что прошло, того не воротишь; а что идеть, того не измѣнишь.

— Правда; обѣ этомъ-то имѣніо я и думалъ, что прошедшаго не воротишь, а идущаго не измѣнишь.

— Такъ не для чего по пусту и голову ломать; а вотъ, поболтаемте-ка лучше обѣ охотѣ: хоть время какъ-нибудь скоротаемъ.

— А пожалуй поболтаемъ и обѣ охотѣ! Вотъ Абрамъ можетъ что-нибудь намъ разскажетъ. Ну-ка, Абрамъ, разводи бобы!..

— Развелъ бы, да не очемъ: все переговорилъ.

— Ужъ и не о чѣмъ! Покопайся въ памяти, авось что нибудь и найдешь, сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Оно, конечно, какъ не найти. Разскажать развѣ о лисицѣ, что прошлой зимой изъ-подъ дула у меня улизнула?..

— Какая такая лисица? съ любопытствомъ спросилъ В.

— Хорошая лисица, чернобурая, изъ рукъ просто ушла; вспомнить не могу безъ болѣсти сердечной... да вѣдь вы слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, сказалъ В.; ну-ка расскажи.

А вотъ слушайте, какъ дѣло было. Весь великий постъ бродилъ я прошлый годъ за волками. Много ихъ было тогда: по городу шатались, собакъ съ крылецъ таскали. Въ двухъ мѣстахъ положены были у меня пропадины, на стражку ходилъ, да хитры оченno: точно кто имъ скажетъ,— ни за что не придутъ въ ту ночь, когда сидишь; а послѣ придутъ безпремѣнно и пропадину сожрутъ всю и кости растаскаютъ. Ставилъ я около притравы капканы, но и тутъ никакого толку не выходило; чують желѣзо, что-ли, или постановка нечиста, только каждый разъ обойдутъ то мѣсто, гдѣ стоитъ капканъ, и подойдутъ къ пропадинѣ съ другой стороны; или вовсе не подходятъ; побродятъ только около, да и уйдутъ въ уйму. Опять раздирательные уды вѣсилъ съ кусками говядины, и то вздорнымъ дѣломъ выходило: утренникъ такъ заморозить говядину, что всѣ уды на плотно свяжутся и вовсе не дѣйствуютъ. Такимъ-то манеромъ я и провозился дармя до пятой недѣли, не добывши ни на грошъ. Время подходило къ веснѣ, теплѣѣ сдѣлалось, ночи стали такія звѣздныя, свѣтлыя, зори такія длинныя, ясныя.

Какъ теперь помню, въ воскресенье вечеромъ были у насъ гости, просидѣли за картами часовъ до двухъ. Вышелъ я ихъ провожать; слышу—воймя воетъ волкъ на Сысолѣ, прямехонько противъ собора. Такіе тоны заунывные выводить, будто съ него, проклятаго, чертъ лыки деретъ. Я скорѣе за ружье (картечами давно приготовлено было), и побѣжалъ на голость. Добѣжалъ я до спуску, гдѣ дорога на Сысолу черезъ рѣку идетъ, спустился до половины взвоза,

и стала подъ навѣсъ сарая, который подъ горой-то стоитъ. Ночь была тихая, звѣздная. Видѣть можно было далеко; только противъ меня густая тѣнь падала на дорогу отъ сарая и застилала ее. Это-то мнѣ всю статью и испортило. Вотъ, стою я этакъ подъ навѣсомъ-то и слышу волкъ гоняетъ что-то по Сысолѣ: внизъ угонку сдѣлалъ, да заворотилъ, назадъ погналъ, потомъ опять внизъ, а тутъ опять вверхъ и все чуть мнѣ какъ взвизгиваетъ онъ и рѣется. Я съ мѣста не двинулся, не шевелись, жду, что будетъ дальше. Вдругъ вижу—по дорогѣ-то, прямо съ этой стороны, какъ клубъ катится, несется ко мнѣ что-то небольшое. А, думаю, собака! видно ее и гонялъ волкъ; вотъ и онъ вслѣдъ за ней пожалуетъ. Поднялъ ружье, взвелъ курки, дожидаюсь. Только эта собака какъ мятель поднялась по взвозу, пробѣжала мимо меня саженяхъ въ двухъ и сѣла не подалеку;—такъ шагахъ въ двадцати; но въ тѣни никакъ не можно было разсмотретьъ хорошенько; видно только было, что мордочка такая тоненькая, ушки востренѣкія; посматриваетъ туда подъ гору. Что за чудо, думаю: на собаку какъ будто не похоже; дай-ка я ее тяпну! Приложился, совсѣмъ хотѣлъ курокъ спустить, да опять раздумалъ; что же, моль, убью я собаку, а волкъ сейчасъ долженъ быть слѣдомъ за ней: только вспугаю его, вернется. Опустилъ ружье, да и мызгнуль я этой собакѣ. Какъ она услыхала мое мызганье,—повернула назадъ, да мимо меня опять подъ гору-то шмыгъ! а волкъ то ей на встрѣчу прямехонько и выкатилъ; она видѣть что дѣло не минучее, какъ кинется съ дороги на лѣво черезъ бугоръ снѣгу, хвостъ-то и развился, пушистый такой, толстый. Тутъ-то я и догадался, что это была лисица. Волкъ за ней прыжокъ, да такъ наддалъ, что вотъ чуть-чуть не сѣль ей на шиворотокъ; въ это самое время я приложился по волку—бацъ! Откачнулся онъ въ сторону, паль и началъ кататься. Я изъ другаго ствола,—осѣчка. Спра-

вился волкъ и утянулся черезъ рѣку. Вотъ я скорѣй бѣжалъ домой (близко тутъ), ногъ подъ собой не слышу, луплю, да самъ себя ругаю за просакъ: лисица въ шести саженяхъ сидѣла, сама въ руки давалась, и не съумѣль я дѣла обѣвать! Какой я есть охотникъ!.. Можжухой такого охотника провѣнчать. Прибѣжалъ домой, зарядилъ ружье, засвѣтилъ фонарь и опять на то мѣсто, гдѣ стрѣлялъ волка. Освѣтилъ, вижу — кровь, и таково много; видно сильно поранилъ. Отлегло немного отъ сердца: хоть волка-то удорожилъ, и то добыча. Пошелъ я по слѣду — вездѣ кровь, и не то, чтобы каплями, а такъ, дорожкой: видно струей била изъ раны. Версты я двѣ этакъ прошелъ. Во многихъ мѣстахъ волкъ катался, гдѣ и лежалъ, и все кровь. Пересталъ я его слѣдить, оставилъ до утра, потому свѣчка въ фонарѣ догорѣла, темно стало слѣды разбирать. Воротился домой, легъ, но не спалъ; съ ума не сходила лисица; все такъ и мечтается въ глаза, какъ она бѣжала мимо меня, какъ сидѣла передо мной, какъ тѣлья эта проклятая отъ саюа помѣшала мнѣ разсмотретьъ ее, какъ она побѣжала назадъ, прыгнула черезъ бугоръ, только хвостомъ пушистымъ подразнила, точно медомъ по губамъ помазала. Всю ноченьку пролежалъ въ думѣ, съ боку на бокъ ворочаясь и себя ругаючи. Лишь начало брезжиться, пошелъ я волка искать. Лыжъ хорошихъ въ тотъ годъ у меня не было: дѣло, виши, вскорѣ по пріѣздѣ сюда случилось, не успѣль запастись, просто ходилъ на лямпахъ *), а на нихъ, сами знаете, какая ходьба — чуть горка маленькая, сугробъ-ли, скидавай съ ногъ, да и ползи на четверенькахъ, потому нисколько не держать, не то что заправскія лыжи, подбиты олеными кисами: на тѣхъ хоть на какую огромнѣйшую гору полѣзай, вершка не сдадутъ назадъ. Вотъ на этихъ-то самыхъ лямпахъ

*) Лямпами въ зырянской сторонѣ называются простыя лыжи, необычайно оленьей шкурой.

пустился я слѣдить волка. Верстъ шесть или семь прошелъ я съ того мѣста, гдѣ вчера оставилъ его слѣдъ, и все кровь урѣзная хлестала изъ него не перемежаючись, а въ коихъ мѣстахъ лежалъ, такъ сиѣгъ до самой земли протаялъ отъ крови. Диву дался я, какъ онъ не подохъ, окаянный, отъ потери столько руды!.. И гдѣ онъ только не шелъ: и косогорами-то, и въ буераки-то спускался, въ надуви заливъ, сквозь чащи пронирался. Тошно, видно, было сердечному; вездѣ облегченья искалъ. Вижу, впереди два зарода (стога) сѣна стоять, слѣды прямехонько къ нимъ. Думаю, не залегъ-ли онъ тутъ; дай брошу обходную лыжницу *)! Только хотѣлъ я сдѣлать кругъ, а онъ и выскочила изъ огородовъ-то. Такіе прыжковъ десять отмахалъ, что какъ-будто никогда раненъ не былъ; а потомъ таково легонько и покойно похрѣмалъ, оборачивая свою толстую голову на меня. Какой волчина былъ здоровенный! Хвостище какъ помело волочится, лапищи, грудь! Стрѣлять было далеко, я пріударилъ за нимъ въ догонку, да нѣтъ, ничего не могъ подѣлать, утекъ. Такъ я слѣдилъ его до-поздна, съ наволоку сбилъ въ лѣсъ и оставилъ опять до утра. На другой день нашелъ я его на лежкѣ въ чащѣ подъ выворотью: уже окоченѣлъ. Верстъ пятнадцать отошелъ онъ отъ того мѣста, гдѣ я его вчера оставилъ и протянулъ ноги. Тутъ я его, голубчика, оснималь и на радостяхъ возвратился домой съ добычей. Но пока я за волкомъ-то тратилъ время, другую добычу-то, дорогую-то, потерялъ: не миѣ досталась. Не хватило у меня догадки послѣдить хотя немнога лисьимъ слѣдомъ съ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ по волку; а штука-то такая вышла, что не отошла лиса пятидесяти сажень, какъ дала кровь. На слѣдъ ея, день спустя, попалъ Никита изъ Тентюкова, охотникъ. Сдогадался онъ и давай слѣдить. Дошелъ только до первыхъ кустовъ, что за Сы-

*) Обойти кругомъ на лыжахъ.

солой, и нашелъ ее подъ елью подохшею. Конечно, другой бы честный человѣкъ не воспользовался, но, говорять, честь-то прежде почитали здѣсь, а теперь она не въ ходу: виши честь не спѣсь, поклономъ ее не чествуютъ и держаться, значитъ, ея незачѣмъ, накладисто. А лисица-то вышла чернобурая, за тридцать цѣлковыхъ продалъ; нашему брату не шутка такія денежки. Досадно было, что добычей не попользовался. Однимъ выстрѣломъ двумъ звѣрямъ отходную пропѣль, а на руки попалъ только одинъ и то дешевый: за волка взялъ только три съ половиною цѣлковыхъ. Вотъ какъ иной разъ, батюшка, можно проштыкнуться и промѣнять кукушку на яструба!

— Да, это ты ужъ маху даль! Что-бы тебѣ было хоть немного пройти лисьимъ слѣдомъ, тѣмъ болѣе, если оба звѣря при выстрѣлѣ были на одну мишень: не вѣсть какая хитрость догадаться, что и лисицу могъ ранить! Жалко, братъ Абрамъ! съ участіемъ сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Чего не жалко, батюшка! ужъ такъ-ли жалко, что и сказать нельзя, да дѣлать-то нечего; близокъ локоть, да не укусишь; чернобурая была...

— Ну хоть не чернобурая, сиводушка^{*)} можетъ. Чернобурая стоитъ рублей шестьдесятъ, и сто и полтораста бываетъ. Нынче обѣ ярмаркѣ видѣлъ я, пару чернобурыхъ лисицъ продавали... что за лисицы! Шерсть какъ шелковая, густая!

— Видѣлъ, да это выкормыши; выкормыши стоять дешевле; выкормыши дрянь противъ гульной! отвѣчалъ Абрамъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ къ искусственному откармливанію звѣрей.

— Что бы ты, Абрамъ, заговорилъ я, — попробовалъ

^{*)} Съ ржеватостью и просѣдью.

лисенята поискать, да самъ бы занялся выкормкой? Вѣдь прибыльно!

— Прибыльно, батюшка, да несвычно; возни съ ними много, а пуще отыскивать очень трудно; не нашихъ рука дѣло.

— Да, вѣдь, не боги же горшки дѣлаютъ! возразилъ Александръ Ивановичъ. — Какъ нибудь отыскиваютъ.

— Знаю я, какъ отыскиваютъ-то, да та статья, что мѣсть здѣшнихъ не знаю. Кто ихъ вѣдаетъ, гдѣ они здѣсь гнѣздятся. Хитрѣющій звѣрь, добавилъ Абрамъ.

— Да ты когда нибудь вынимывалъ-ли лисятъ-то? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Вынимать-то не вынималъ, а какъ дѣлаютъ это, знаю, — штука не то чтобы больно замысловатая. Звѣрь самъ скажетъ, гдѣ у него гнѣздо, нора значитъ: лисицы все въ норахъ щенятся. Искать ихъ надо по посаѣднимъ настамъ, послѣ Благовѣщенья яго дня. Въ нашей Ярославской губерніи въ густомъ лѣсу лисьей норы не ищи, а гдѣ-нибудь на всиольѣ, въ кустерькахъ, въ заврагахъ, или тамъ на берегу ручья, въ старой угольной ямѣ. Здѣсь другое дѣло: иди въ самую трущобу, въ ломъ, гдѣ старыя деревья спустили корни и отпали, большія выбило въ берегахъ весенней водой. Здѣсь въ такомъ мѣстѣ ищи лисью нору. Версты полторы и двѣ не доходя, уже ты замѣтишь, что лиса гнѣздится гдѣ-нибудь тутъ. Слѣды ея это обозначаютъ. Какъ она вылѣзетъ изъ норы и отправится на добычу, для дѣтокъ или тамъ для себя пропитанье искать, песокъ-то съ ногъ на снѣгу и останется: сейчасъ и видно, что гнѣздовка ходить, потому что самецъ никогда не живеть по зимамъ въ норахъ, и холостая тоже не живеть. Какъ найдешь такие слѣды, и иди къ норѣ. Отпорки *) всѣ забей наплотно, да и раскапывай. Лисята въ то время бываютъ

*) Побочныя выходы.

у нея самые маленькие; иной разъ вынуть такихъ, что молочкомъ съ рожка приходится кормить, ну, а потомъ запрутъ въ сарай и бросаютъ разную живность: тутъ ужъ дѣло не трудное. Только надо, чтобы сарай съ поломъ былъ, а то непремѣнно подкопаются подъ стѣну и дадутъ тягу. Когда выкунѣютъ и вычищются совсѣмъ по зимнему (около Рождества это бываетъ), убиваютъ и тащатъ на продажу; но ужъ выкормыши — выкормыши и есть; сейчасъ имъ различіе найдешь: шерсть не мягкая и не ровная, подбрюшье жидкокато, хвостъ закомелистый. То ли дѣло словленная лисица! Не въ тѣснотѣ какой-нибудь выросла! Винишь у Бога сарай-то какой: глазомъ не окинешь! »

— Оно конечно бы такъ, Абрамъ, сказалъ В., — но вѣдь ловить — то ихъ, окаймленныхъ, бѣдовое дѣло: хитрый звѣрь!

— Звѣрь хитрѣющій, и говорить нечего, но и между зырянами есть такие истощники, что найдутъ только слѣдъ лисы, ужъ и ихняя. Ловли тутъ никакой не надо устроивать: капканы, петли, кляпсы или тамъ западни какія, хлопушки, ямы ни къ чему на лису не пригодны; она въ нихъ не пойдетъ ни за какие сдобники. Надо дѣйствовать отравой; но и тутъ все со споровкой, а не то чтобы такъ, спроста, напихать мышьяку или сурлемы въ кусокъ говядины, да и бросить; — нѣтъ, она эдакъ не возьметъ ни за что, этимъ ее не подѣнешь, — воровата. А, винишь, какъ надо: нашелъ лисий слѣдъ и дѣлай лыжницу *). Все ужъ послѣ и ходи по ней; слѣдовъ не клади много, а то сейчасъ звѣря отвадишь, сдается отъ этого мѣста прочь. По обѣимъ сторонамъ лыжницы накидай кусочковъ говядины, да подальше отбрасывай, и кусочки чтобы были маленькие, въ орѣхъ гречкій — не больше. Можно, пожалуй, бросить и пропа-

*.) Сдѣлать лыжницу — пройти на лыжахъ по прямой линіи до извѣстнаго пункта.

дину, только небольшую. Иной вворотить цѣлую лошадь и кормить звѣря до отвалу. Плохая тутъ задача бываетъ. Звѣрь-то привадится, обѣ этомъ и говорить нечего, да взять-то его не возьмешь: на отраву онъ не кинется, — и безъ нея много говядины, въ капканъ не попадетъ, хоть на-часто наставь ихъ около пропадины; такъ знатно обойдеть, что только руками разведешь, будто при немъ было ставлено, или, тамъ, кто сказалъ ему, что вотъ, молъ, тутъ капканъ стоитъ. Особо мастерица на это россомаха: той хоть на тропу *) ставь, — отвернеть отъ капкана въ сторону — такое чутье сильное! Одинъ разъ у меня что россомаха сдѣлала: шла по тропѣ таково смѣло (пороша была въ ночи, видно было по слѣдамъ), дошла до капкана и остановилась, поприсѣла, да какъ махнетъ черезъ — и прямо къ пропадинѣ; нажралась и опять также. А ужъ какъ чисто было поставлено! И лапки были выдѣланы на снѣгу, и около лапушечкой сровняно и подметено; самому трудно узнатъ, гдѣ стоитъ капканъ. Вдругорядь россомаха не дошла аршина два, начала выгребать снѣгъ, и такъ подрылась подъ капканъ, проглятая, что онъ весь на вѣсу очутился и сдалъ. Такъ поди вотъ и лови ихъ!

— Желѣзо чуешь! замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Какъ ей чуять-то, диковина! Каждый день обтираешь капканы пихтой и ставишь не голыми руками. Ужъ такой смысленый звѣрь! Ничѣмъ другимъ его не возьмешь, какъ отравой. Лиса тоже. Накидай кусочковъ около лыжницы, и посматривай этакъ черезъ день, береть ли? Сперва лиса будетъ ходить около лыжницы несмѣло, потомъ начнетъ выгребать куски изъ снѣгу и ъесть. Опять ей новыхъ подбрось, да кусочка два вмѣстѣ съ другими отравы. И брось ихъ такъ, чтобъ пали на пустое мѣсто, а не около куста или дерева. Случись вѣточка или былинка тоненькая, гдѣ

*) Постоянная дорога звѣря отъ логовища къ корму.

падеть кусокъ, конечно лисица ужъ не возьметъ. Но и въ томъ есть хитина, какъ отраву приготовить. Не всякому это извѣстно, а промежъ зырянами есть такие дошлие люди, что съумѣютъ статью эту обдѣлать на издивленье. Беруть сулему что ни-на есть самую лучшую, и въ воскъ или сѣру завертываютъ — не знаю навѣрное, а потомъ какъ-то заливаютъ въ масло. Шаричекъ будетъ величиною съ каленый орѣхъ. Такъ и бросай его вмѣстѣ съ кусками говядины, отъ лыжницы эдакъ саженъ на пять. Ужъ лисица тамъ найдетъ по духу безпремѣнно, и коли съѣла — вѣрная добыча: иди и ищи по слѣду. Саженъ сто отойдетъ, начпеть кровь изъ себя выбрасывать: забрало значитъ, скоро ляжетъ. Но бываетъ и такъ, что уйдетъ верстъ на двадцать и на тридцать, особенно если отрава попала въ сытый желудокъ; и потомъ ужъ издохнетъ. Россомаха еще дальше уходитъ; та выносливѣе.

Пока длились рассказы Абрама, мы огибали песчаный мысъ лѣваго берега Вычегды. Мысъ этотъ прибавлялъ намъ рѣчнаго пути версты на четыре и состоялъ изъ наноснаго крупнаго хряща, положеннаго грядами, обросшими тощими кустиками сѣверной ивы, молодые, голые побѣги которой сквозили на сиѣгу какъ тонкая растянутая сѣть. Такіе мысы, или правильнѣе сказать отмели, непрерываются по Вычегдѣ. Переходя то на ту, то на другую сторону, они съ каждымъ годомъ наростаютъ все болѣе и болѣе, заставляя рѣку мѣнять свой фарватеръ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывать и цѣлые острова. Замѣчаніе Абрама о погодѣ оказалось справедливымъ: день въ самомъ дѣлѣ началъ разгуливаться. Весь восточный бокъ неба совершенно очистился отъ облаковъ, туманная мгла разсѣялась и явственно выступила окрестная даль съ темною, непрерывною массою лѣса. По лѣвому берегу рѣки разстилались пожни, прорѣзанныя во многихъ мѣстахъ глубокими логами, идущими па-

раллельно рѣкѣ. Судя по формѣ этихъ логовъ, по ихъ развалистому ложу, не трудно догадаться, что они обязаны своимъ существованіемъ своенравному теченію Вычегды.

Не богата красами здѣшняя сѣверная природа: широкая извилистая рѣка въ плоскихъ берегахъ, направо лѣсь, налево тоже лѣсь безъ конца. Кой-гдѣ разбросаны луга, по нимъ разбросаны кустарники, вдали видѣнъ нагорный берегъ Вычегды, а на немъ снова тотъ же темный лѣсь. Изрѣдка встрѣтятся двѣ-три березы, стоящія гдѣ-нибудь особнякомъ на берегу небольшаго озера, затянутаго водорослями, двѣ, три плачущія ивы, въ полулежачемъ положеніи съ раскидистыми вершинами, да нѣсколько тощихъ рябинокъ съ красными кистями ягодъ. Вотъ и вся картина.

Показался Кондопецкій перешеекъ, черезъ который мы должны были тащить лодку. Мы перевалили на другую сторону Вычегды и поѣхали подъ самаго берега. Здѣсь теченіе рѣки безпрестанно прерывалось маленькими водоворотами и заводями отъ неровностей крутаго берега, острыми углами вдавлиагося въ рѣку. Лодка наша, вплывши въ заводи, пошла свободнѣе и скорѣе; только по временамъ набѣгала она на струю, бившую съ какого-нибудь остраго мыса, и ее отбрасывало быстриною назадъ; но отъ трехъ, четырехъ дружныхъ ударовъ вѣсель она снова попадала на спокойную воду и легко летѣла вверхъ. Такъ добрались мы до волока, проѣхали нѣсколько десятковъ сажень небольшимъ заливомъ и подняли лодку на берегъ. Тащить приводилось сажень сто. Мы перетянули это пространство въ три пріема, подкладывая подъ лодку палки и тонкіе обрубки кряжей, по которымъ она катилась довольно легко и скоро. Съ другой стороны волока былъ тоже заливъ, нѣсколько глубже первого; въ него и спустили мы лодку. Отъ залива до залива чрезъ волокъ шла извилистая рѣтвина, промытая какъ видно переваломъ воды во время весеннихъ разливовъ. Нѣть сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько десятковъ

льть Вychегда пробьетъ себѣ этою рѣтвиною цѣлый рукавъ, сокративъ свой путь верстъ на двадцать. Такихъ сокращеній въ своемъ теченіи эта прихотливая рѣка уже сдѣлала много, отсѣкая мысы и образуя изъ нихъ острова. Такъ произошелъ островъ, находящійся противъ города Усть-Сысольска и имѣющій въ окружности около двадцати пяти верстъ. Здѣсь Вychегда прорыла рукавъ въ Сысолу, соединившись съ послѣднею выше ея устья шестью верстами.

— Вотъ и Лайбоджъ! сказаъ Абрамъ, указывая на противоположную сторону рѣки, когда мы выбралисъ изъ залива и выѣхали на Вychегду; по рѣкѣ было бы верстъ около тридцати, а чрезъ Конанецъ близехонъко. Вотъ и баня: видите на пригоркѣ стоять, подъ сосновой? Тутъ ночевать будемъ.

— Что за баня? да и къ чему она здѣсь? спросилъ я Абрама.

— Баня не баня, а просто избенка съ каменкой, для ночлега зырянами сдѣлана, а только такъ она называется баней, — вотъ увидите.

Мы спустились внизъ по теченію сажень сто и передо мною открылся весь разрѣзъ мѣстности, которая слыть здѣсь подъ названіемъ Лайбоджа. Это широкій плоскій мысъ, обращенный подъ пожню и изрѣзанный на-часто иродольными логами, берега которыхъ то круто приподняты, то развалисты, какъ у блюда. Мѣстами по пожнѣ прошли полоски еловаго лѣса, съ смѣсью рябины и осины; послѣднія ярко краснѣли осеннею листвою на черномъ фонѣ хвои. Прямо черезъ мысъ, между прогалинами лѣса, сквозило верхнєе плѣсо Вychегды, дѣлавшее въ этомъ мѣстѣ крутой полукругъ. Основаніемъ своимъ мысъ Лайбоджа упирался въ крутой увалъ, поросшій большими сосновыми лѣсомъ. Такой же увалъ видѣлся на другомъ берегу рѣки. Между ними образовалась лощина, по срединѣ которой изгибомъ текла Вychегда. Взглянувъ по пристальнѣе на такую мѣстность, не трудно догадаться,

что увалы были первоначальными окраинами береговъ Вычегды, а долина — дномъ ея, выступившимъ на степень суши въ позднѣйшія времена. Таковы прибрежья почти всѣхъ сѣверныхъ рѣкъ. Двина, Мезень, Печора имѣютъ подобныя же параллельныя гряды возвышеностей: нынѣ онѣ отстоять на иѣсколько верстъ другъ отъ друга, но, безъ сомнѣнія, прежде омывались струями этихъ рѣкъ, которымъ онѣ служили берегами въ эпоху высокаго стоянія водъ.

Скоро перемахнули мы чрезъ рѣку, спустились по противоположному берегу около четверти версты, заѣхали въ небольшой заливецъ и пристали къ тому пригорку, на которомъ подъ раскидистою густою сосною пріотиась крошечная избенка, срубленная на скорую руку. Собаки весело выскочили на сушу и начали строить козлы, радуясь, что наконецъ кончили долгій искусъ исподвижнаго сидѣнья въ лодкѣ. Абрамъ сбросилъ весла, бережно, съ признаками особенного уваженія вытащилъ свое ружье изъ чехла, отеръ его полою, хотя оно этого не требовало, потому что было совершенно чисто, пощупалъ въ выходѣ дула пальцемъ, промолвивъ: «ружьецо, смертодавчикъ, догонило сердечный, не выдай!» поставилъ его къ соснѣ и предложилъ намъ помочь ему вытащить находящуюся въ лодкѣ поклажу, что сейчасъ же и было исполнено.

Во время нашего перѣѣзда до Ляйкоджа мы видѣли не одно стадо летающихъ гусей. Пока день былъ пасмуренъ, вереницы ихъ тянулись низко, пробираясь между вершинами деревъ, какъ будто выплывая изъ глубины лѣса. Но по мѣрѣ того, какъ погода прояснялась, какъ начало проглядывать и пригрѣвать солнышко, стаи гусей поднимались все выше, летѣли быстрѣе и стройнѣе, звонко оглашая воздухъ своимъ металлическимъ говоромъ. Каждую стаю Абрамъ далеко провожалъ глазами и заранѣе опредѣлялъ ей мѣсто ночлега.

— Вотъ эти, говорилъ онъ, на Сидоръ-Вичъ опустятся,

а эти на Бѣломъ-Бору жиравать будуть. Посмотрите, эка стая-то! на версту растянулась, въ Систы-Божъ летить, тамъ ночевать нарохтится!

— Да почему ты знаешь, гдѣ какая стая сядеть? спрашивалъ Александръ Ивановичъ.

— По полету видно.

— Какъ же можно по полету видѣть?

— Да ужъ видно! отвѣчалъ на подобные вопросы обыкновенно уклончиво и коротко Абрамъ.

Но предреканія Абрама чаще всего не сбывались, и гуси садились вовсе не на тѣ мѣста, которыя онъ имъ указывалъ. Впрочемъ онъ этимъ нисколько не смущался: «не сѣли на Сидоръ-Вичъ, ну такъ значитъ полетѣли дальше, въ Нидзесь, тамъ отыхи дѣлать будуть,» обыкновенно рѣшалъ онъ дальнѣйшій вопросъ о будущемъ притонѣ ле-тящей стаи.

Я полюбопытствовалъ заглянуть въ хату: маленькия дверцы, сколоченныя щиткомъ и укрѣпленныя на деревянныхъ петляхъ, визгливо заскрипѣли и на меня пахнуло какимъ-то вонючимъ, затхлымъ воздухомъ и запахомъ копоти, которую покрыты были стѣны и потолокъ иочлежной зырянской бани. Согнувшись въ три погибели, я пролезъ въ дыру дверецъ и очутился въ тѣсной кѣтушкѣ, съ отдушиной вмѣсто окна и съ грудою мелкаго булыжника, сложенного въ беспорядкѣ въ уголъ, вмѣсто печи. Противъ дверей устроены были нары, аршина въ полтора шириной; на нихъ валялось сѣно, тощая подстилка иочлежниковъ, перетертая отъ долгаго употребленія въ труху. Вотъ и все внутреннее содержаніе и удобство дырявой и грязной хаты, скорѣе похожей на хлѣвъ, чѣмъ на баню.

— Почему же это названо банией, Абрамъ? допытывался я послѣ осмотра иочлежной кѣтушки, находя название бани во все для нея неумѣстнымъ.

— Да потому и названо, что каменка въ углу есть, видѣли? Зырянскія бани, гдѣ парятся, точнехонько такія-же крошеваточныя подгузки: десятокъ на одной плѣши умѣстится. Полокъ подъ потолкомъ, а въ углу груда камней, сожгутъ три, четыре полѣна на нихъ, накалять, бросять на паръ, запрутся и жарятся пихтовыми вѣниками. Часа черезъ два тепло все выйдетъ, сдѣлается поморозия; ну тогда опять калить каменку; такъ и пробавляются. Такое же дѣло и здѣсь: зимой или, тамъ, по глухой осени, застигнуть зырянина нужда почевать,—придеть онъ въ почлажную баню, накалить каменя, самъ задыхается отъ дыму, когда топится избенка,ничкомъ въ это время на нарахъ лежить, или дожидается за дверьми, пока протопится и дымъ повытянеть, а потомъ закупорить окна, затворить двери на-плотно, и на боковую. Сначала теплота сдѣлается такая, что хоть въ нагомъ тѣлѣ спи, но къ утру безпремѣнно выстынетъ, и случается такъ, что цыганскій потъ до костей проберетъ. Вотъ, вѣдь, лѣсная сторона здѣсь считается, строеваго не оберешься, а банишки сдѣлать лѣни, овинишки сколочены на скорую руку и кое какъ тенѣзять, да и жилыя-то избы построены такъ, что смѣхъ въ люди сказать. Тунеядливый народецъ эти зыряне, нерачивъ болѣно, акуратности въ жизни никакой нѣть и окромя того, что безтолковъ...

— Коли пріѣхали, Абрамъ, такъ надо за дѣло приниматься, лясы-то точить здѣсь нечего, пора ужъ, вечеръ екоро! прервалъ Александръ Ивановичъ словоохотливость нашего неистощимаго разсказчика.

— А вотъ сейчасъ сложимъ поклажу, да и маршъ въ разныя стороны. Давайте-ка сюда чемоданъ-то!..

Абрамъ залѣзъ въ баню; мы съ трудомъ протискали къ нему чемоданъ сквозь узкое отверстіе дверецъ и подали туда же самоваръ и корзину съ припасами. Онъ все это запихалъ подъ нары и прикрылъ сѣномъ.

— Вотъ и совсѣмъ. Вы куда пойдете?

— Мы здѣшнихъ мѣсть не знаемъ; ты намъ растол-
куешь, отвѣчай я.

— А по моему разумѣнью вотъ какъ: я пойду на ту
сторону, особнякомъ отъ васъ, чтобъ не мѣшать. Вамъ
идти въ мысъ къ Вычегдѣ: тамъ много озеръ найдете, утки
есть, да и гуси мѣстами пристають. Александру Ивановичу
идти къ лѣсу; тутъ около опушки лощина идетъ, по ней
тоже озера, утокъ много. Дальше по лощинѣ пойдете, пе-
сокъ къ Вычегдѣ будетъ, гуси каждый разъ тутъ станутъ;
а въ лѣсу водятся рябчики. Дудка съ вами есть?

— Какъ же, есть, только сиповато что-то пищить, от-
вѣчай Александръ Ивановичъ.

— Вотъ, возьмите мою, хорошая. Да коли найдете вы-
водокъ рябчиковъ, не разганивайте ихъ очень, хорошенъко
разглядывайте: они съ подъему садятся низехонъко: всѣхъ
перебить можно: а какъ будете съ дерева на дерево пере-
гонять, въ вершину забьете, ничего не подѣлаете. Гусей
опять найдете, осторожнѣе подбирайтесь. Этотъ народецъ
вороватый, мигомъ оглядитъ. Ну, теперь съ Богомъ; да
рано не возвращайтесь: по зарѣ-то самая лучшая охота и
будетъ; до-поздна надо быть въ полѣ. Ономеднись, совсѣмъ
ужъ темно было, мишины не видать, я убилъ гуся.

Изладившись, мы пошли по указаніямъ Абрама, который,
отчаливъ лодку и усадивъ въ нее своего Султанку, началь
торопливо переправляться на другую сторону Вычегды.

— Александръ Ивановичъ! закричалъ я своему товари-
щу, отошедшему отъ меня уже шаговъ на сто:—вѣдь Аб-
рамъ-то нась надулы!

— Какъ надулы? спросилъ тотъ остановившись.

— Да вѣдь онъ, плутъ, пойхалъ на ту сторону пото-
му, что гуси должно быть, здѣсь не садятся, а все
тамъ.

— Не можетъ быть, садятся и здѣсь: посмотрите, какое мѣсто!

— А вотъ увидите, что надуль; впрочемъ пойдемте.

— Эй, Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ! раздался голосъ Абрама, подѣзжавшаго уже къ другому берегу Вычегды:—держитесь все такъ, чтобы солнце-то въ правое ухо било! чтобы все въ правое ухо! А вы, закричалъ онъ мнѣ,—чтобы все въ затылокъ, въ затылокъ-бы солнце-то!

— Ладно! отвѣчали мы и разошлись.

Параллельно съ Вычегдой, на моемъ пути, тянулся глубокій логъ, наполненный водой. Правый берегъ лога былъ крутъ и оканчивался хребтомъ или валомъ, за которымъ была лощина, настолько низкая, что могла скрывать свободно идущаго по ней человѣка. Я направился по этой лощинѣ, по временамъ выходя на хребетъ и высматривая на логу утокъ, но, къ моей досадѣ, ничего не могъ оглядѣть на узкой лентѣ мутной воды, тянувшейся отъ меня вдалъ версты на полторы и пропадавшей тамъ въ какомъ-то кочковатомъ болотѣ. Собака моя шла по лощинѣ и искала, но лѣниво; она видимо скучала отсутствиемъ дичи. Такъ прошелъ я около версты. Выглянувши изъ-за хребта въ послѣдній разъ на логъ, я увидалъ въ самомъ концѣ его нѣсколько черныхъ точекъ. Сначала я принялъ ихъ за кочки, но потомъ, послѣ внимательнаго разглядыванья, убѣдился, что это были утки. Подойти къ нимъ изъ-за вала было удобно и ловко; я подкрадся на самую близкую дистанцію и, держа ружье наготовѣ; поднялъ голову. Штукъ шесть или семь кряковней рылись на берегу, въ грязи, и съ десятокъ плавало ихъ на водѣ, безпрестанно въ нее кувыркаясь. Оглядѣвши меня, утки всполошились и вытянулись. Я выстрѣлилъ въ тѣхъ, которыхъ сидѣли погруднѣе. Двѣ остались на мѣстѣ: всѣ остальные поднялись и полетѣли въ разсыпную, такъ что, сдѣлавши второй выстрѣлъ въ угонѣ,

на лету, я убилъ только одного кряковня. Удачное начало охоты меня потѣшило: осенняя утка, когда и самецъ и самка, совершенно перелинявши, успѣли одѣться въ крѣпкое перо, очень жирна и можетъ считаться всегда за хорошую добычу, которую не побрезгаетъ никакой егеръ.

Подобравши утокъ, я пошелъ далѣе уже по низменности самого лога, перешедшаго въ ржавое болото, или, лучше сказать, паточину, съ мелкимъ кочкарникомъ и мочевинами, поросшими тонкой осокой. Имѣнио такого мѣста давно я искалъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Подобное болото — истинное наслажденіе для охотника на красную дичь, такъ рѣдкую на здѣшнемъ далекомъ сѣверѣ. Бекасъ, дупель, гаршинецъ, курохтанъ, при своихъ перелетахъ въ теплые страны, большими высыпками опускаются на ржавыя мочевины на роздыхъ, и живы въ моей памяти тѣ счастливыя поля, когда, бывало, въ Ярославской губерніи, попавши на подобный высыпокъ, по пятидесяти выстрѣловъ выпускалъ я въ нѣсколько часовъ, наполняя ягдташъ голенастиками. Зырянская же сторона не дала мнѣ подобнаго удовольствія ни разу.

Я радъ былъ встрѣтить хоть мѣстность съ тѣми признаками, которые указываютъ на присутствіе красной дичи. Діанка, вступивши въ болото, тоже какъ будто ожила и перемѣнила исѣкъ. Вотъ она начала дѣлать крутые вольты, вотъ потянула и картино остановилась. Сорвался бекасъ и, привѣтствуемый двумя выстрѣлами, перемѣстился на другой конецъ лощины. Опять стойка — гаршинецъ — убить; три, четыре вольта, снова стойка, тоже гаршинецъ и этотъ убить. Изъ густаго хохолка осоки поднялись вдругъ два курохтана: одинъ сиущенъ на повалъ, другой повалился съ перешибеннымъ крыломъ. Далѣе — еще бекасъ, еще курохтаны, гаршинцы; и я, не пройдя и половины болота, выстрѣлялъ весь мой запасъ мелкой дроби. Принялся за круп-

ную, но тутъ начались безпрестанные промахи, дичь полетѣла, собака стала горячиться, надо было кончить бесполезное пуханье; я вышелъ изъ лощины на высокій, крутой горбъ, которымъ оканчивалась здѣсь окраина лѣваго берега Вычегды, и сѣлъ отдохнуть.

Предо мною открылся удивительно знакомый видъ. Широкая рѣка величаво и спокойно катила свои воды. Круто поворачивая за острый мысъ, обросшій густымъ еловымъ лѣсомъ, она вдругъ пропадала на довольно значительное пространство и потомъ, выбѣжавши снова на первое свое направленіе, свѣтилась своею глянцовитою поверхностью уже вдали, нѣсколькими верстами ниже. На другой сторонѣ рѣки возвышался пригородъ, обросшій курчавыми кустиками; съ одной стороны онъ постепенно понижался и переходилъ въ ровную, гладкую пожну со множествомъ зырянскихъ зародовъ, съ другой — обрѣзывался крутымъ оврагомъ, который рѣзко упирался въ Вычегду, образовывая по обѣимъ сторонамъ остроконечные холмы. Подъ головою праваго холма, подъ высокою курчавою березою, пріотилась маленькая бревенчатая лачужка, съ крышею на одинъ скатъ. Все это было чрезвычайно мнѣ знакомо; точно такую же мѣстность я видѣлъ, но гдѣ и когда — никакъ не могъ припомнить. Вотъ ясно, отчетливо рисуется въ моей памяти такая же широкая рѣка, тотъ же темный лѣсъ, изъ котораго она выходитъ, тотъ же холмъ, тотъ же оврагъ, даже береза, даже старая хижина и закатъ солнца, сквозь рѣдкую занавѣсь тонкихъ облаковъ блѣдно освѣщавшій своими послѣдними лучами бѣдную, но мягкую въ очертаніяхъ, скромную въ краскахъ сѣверную картину.

Но гдѣ же, когда же я видѣлъ эту картину? Какъ ни силился я допытать свою память, какъ ни ломалъ я голову, решительно не могъ вспомнить. Должно быть подобная мѣстность удержалась во мнѣ изъ давнѣо-прошедшаго, изъ дале-

каго, но всегда живаго и впечатлительного дѣтства. Иначе я помнилъ бы по той очень естественной и простой причинѣ, которая кроется въ зреломъ возрастѣ, когда на все окружающее смотришь сознательнѣе.

Наступили сумерки, пасмурныя, сырья осення сумерки. И даль, и лѣсъ, и пожни начали мѣшаться между собою, сливаясь во что-то одно цѣлое, тусклое и безразличное.

Въ небольшомъ отъемѣ хвойнаго лѣса трещали дрозды, перелетая съ одного дерева на другое; гдѣ-то далеко слышенъ былъ стукъ топора, да скрипъ веселья плывущей по Вычегдѣ лодки.

Вотъ несется стая мелкихъ куличковъ, со свистомъ разсѣкая воздухъ; за ними какъ стрѣла мчится ястребъ, вотъ онъ ударилъ въ самую стаю, но прошибся, взвился на воздухъ, остановился на немъ и однообразно замахалъ крыльями, держась въ одной точкѣ. А кулички полетѣли все далѣе и далѣе и наконецъ пропали изъ виду.

Раздался выстрѣлъ; эхо глухо на него откликнулось. Послышался говоръ гусей; ему вторило карканье цѣлаго стада воронъ, да сиплый голось всполохнувшейся кряковой утки.

Вотъ надъ лѣсомъ показался какой-то черный движущійся клинъ. Гуси летятъ низко, плавно. Я сбѣжалъ съ холма и спрятался за высокую душистую вѣтлу. Стая тянула прямо на меня; я приготовилъ ружье и дожидался съ замирающимъ сердцемъ, съ тѣмъ поглощающимъ волненіемъ, которое такъ понятно въ этомъ случаѣ охотнику.

Но передовой гусь взялъ вправо и вся стая пошла въ сторону. Досадно. Однако-же они какъ-будто спускаются. Вотъ залетѣли за кустъ, промелькнули между деревьями, поднялись, сдѣлали кругъ и сѣли тихо, молча.

Я переждалъ нѣсколько минутъ, чтобы дать гусямъ обсиѣться, перерядилъ одинъ стволъ картечами, другой дробью безъимянкой и пошелъ подбираться. Діанка шла сзади.

Междъ тѣмъ вечеръло, темнота сгустилась, наступила ночь, звѣздочка засверкала въ небѣ, филинъ заухалъ на лѣсу.

Впереди длинная узенькая полоска лѣса. Казалось, гуси спустились за него. Тихо подошелъ я къ полосѣ, осторожно пробрался въ частый осинникъ, которымъ она заросла, и началъ всматриваться.

Широкая равнина пожни тонула въ темнотѣ. Нѣсколько отдаленныхъ кустовъ ивняка, да три высокихъ березы, да два свѣтлыхъ пятна отъ озеръ — только и видны были на всемъ пространствѣ, открывшемся передо мною.

Стараясь оглядѣть гусей, я взлѣзъ на дерево, припадаю къ землѣ, прислушивался къ малѣйшему шороху, но ничего не могъ ни увидѣть, ни услышать: темнота поглощала все, и глубокая тишина только и нарушалась однобразно-дикимъ голосомъ филина, доносившимся издалека. Я пошелъ на удачу къ одному изъ ивовыхъ кустовъ. Вдругъ собака моя причуяла, круто повернула вправо и повела. Въ это самое время мѣсяцъ, пробившись сквозь облака, бросилъ на пожни блѣдную полосу свѣта. Я легъ на землю, и въ томъ направленіи, которое указывала Діанка, оглядѣлъ огромнѣйшее стадо гусей, бродившихъ по лугу саженяхъ въ семидесяти отъ меня.

Тихо, тихо поползъ я къ нимъ. Вотъ встрѣтилась рѣвнина, вотъ маленький логъ, далѣе пригородъ; вотъ мышь шмыгнула изъ-подъ клоука завалившагося сѣна, лягушка вскочила въ сторону, полуночникъ пролетѣлъ надъ головой, всхлопывая крыльями; я все подаюсь впередъ, осторожно, безъ малѣйшаго шума, самъ не слыша своихъ движений. Еще далеко, а ужъ сторожевой гусь зыкнулъ; опасность замѣчена; я не выдержалъ и началъ торопиться. Еще поданъ голосъ, затѣмъ еще звучнѣе и какъ-то рѣшительнѣе — и вотъ все стадо заговорило; пора стрѣлять:

иначе гуси снимутся и полетят. Вставши на одно колено, я выпалил на удачу картечами въ средину движущагося чернаго пятна. Съ громкимъ крикомъ и шумомъ поднялись испуганные гуси и скрылись въ темнотѣ.

Прибѣжавши на мѣсто, гдѣ сидѣло стадо, я нашелъ уже тамъ мою Діанку. Она возилась съ гусемъ, который, въ послѣднихъ предсмертныхъ усилияхъ, ползалъ по землѣ. Я отозвалъ ее и послалъ поискать еще; она сдѣлала кругъ, потомъ другой и снова воротилась къ прежнему гусю, лежавшему уже безъ движенія. Убѣдившись, что въ добычу достался только одинъ, я прицѣлилъ его въ торока моей ягдташки и отправился обратно къ банькѣ. На охотѣ я проѣхалъ въполномъ смыслѣ до-поздна.

Во время возни моей съ гусями я таки достаточно по-закружился и не попалъ на обратный путь; чтобы выйти оставалось одно средство: выбраться на Вычегду и, огибая по ея течению большой песчаный мысъ, добраться такимъ образомъ до баньки. Но и на Вычегду попасть было не легко. Утвѣрдительно я не зналъ, въ которой она сторонѣ; однакожъ, на половину по соображеніямъ, на половину на удачу, пошелъ вправо. Сдѣлавши около полуверсты, я увидѣлъ въ темнотѣ небольшую почлененную баньку, и вскорѣ до меня дошли довольно громкіе голоса разговаривающихъ въ ней.

Обрадовавшись, что встрѣтился случай поразыпросить о пути, я подошелъ къ банькѣ и постучался.

— Кто тамъ такой? спросилъ меня дряблый старческій голосъ.

— Отвори, голубчикъ, пожалуйста! мнѣ нужно поговорить съ тобой, отвѣчалъ я.

— Да ты кто такой?

— Да вотъ выйдешь сюда, такъ увидишь.

Слышно было, что заскрипѣли нары отъ встающаго съ нихъ человѣка, потомъ заунывно заголосила дверь и

передо мной явился высокаго роста плечистый старицъ, съ длинною, окладистою бородою и широкой лысиной.

— Что тѣ, родимый, надо? спросилъ онъ меня, почесывая колѣнку.

— Да вотъ, голубчикъ, скажи, какъ мнѣ попасть въ баньку, что на этомъ мысу, на самомъ берегу Вычегды выстроена — подъ кужлявой такой сосновой? Тамъ мои товарищи.

— Это, значитъ, въ Цивилевскую баню! А вотъ иди все прямо, такъ въ нее и упрешься; да вонъ никакъ огонекъ тамъ мелькаетъ.

Я посмотрѣлъ по указанному направлению и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ очень слабый огонекъ, чуть чуть мерцающій въ кромѣшной тьмѣ осенней ночи.

— Такъ это огонекъ-то у нея и есть?

— У нея, родимый, у самой у нея, такъ все и ступай прямо.

— Хорошо, дойду теперь; спасибо, голубчикъ.

— Да ты самъ-то отколь? Изъ Усть-сысолы *) что-ли? спросилъ меня старицъ.

— Да, я оттуда, дѣдушка; а вы зачѣмъ здѣсь? прохожіе что-ли?

— Нѣтъ, кормилецъ, мы рыбу со внучкомъ лучить пріѣхали; да, вишь, еще раненько, такъ соснуть съ вечера-то часокъ на другой прилегли, отвѣчалъ старицъ.

— Прощай, дѣдушка!

— Съ Богомъ, родимый.

*) Такъ зовется въ простонародье между зырянами здѣшній городъ Устьсыольскъ.

— Ну, ты, что ершишься? күшъ! закричалъ Абрамъ на своего Султана, который, почуявъ мои шаги, сердито смотрѣлъ въ темноту и ворчалъ.

— Гонь! гонь! окликнулъ меня Александръ Ивановичъ.

— Гонь! отвѣчалъ я, подходя къ огню.

На толстомъ сосновомъ обрубкѣ Абрамъ чистилъ леща; Александръ Ивановичъ рубилъ дрова и подбрасывалъ ихъ на огонь, отчего пламя на нѣсколько секундъ заглушалось, потомъ ярко вспыхивало и поднималось кверху языккомъ.

— Наипочтительнѣйше поздравляю васъ съ богатымъ полемъ! привѣтствовалъ меня В. съ веселой усмѣшкой, изъ чего я заключилъ, что и его охота была недурна.

— Съ полемъ, батюшка, съ полемъ, съ удачной охотой, значитъ! воскликнулъ въ свою очередь Абрамъ.

— Спасибо, спасибо! Ну, а какъ ваши дѣлишки? спросилъ я, сбрасывая съ себя егерскіе доспѣхи и усаживаясь къ огню.

— А наши дѣла по пути шли, отвѣчалъ Абрамъ.

— Рыбу-то гдѣ досталъ?

— Рыбу у знакомаго рыбака на утку вымѣнялъ, вотъ теперь знатную уху себѣ скострячимъ.

— Уху, это хорошо, что ты догадался; ушки поѣсть на чистомъ воздухѣ, послѣ трудовъ тяжкихъ — дѣло вельми приятное...

— Я знаю, что вы любите, вотъ и добыль. Знатный лещъ, свѣжій. При мнѣ изъ мережи вынять.

— Ну, рассказывайте же мнѣ, какъ вы охотились? Александръ Ивановичъ, начинайте свое повѣтствованіе.

— Да, моя добыча скромная; но ничего, пріятная. Я охотился нынче хорошо.

— Что же убили?

— А убилъ я тетерью, да пару рябчиковъ, да вальюшня...

— Это хорошо! Какъ вамъ удалось вальшинепа-то подѣлить?

— Вѣдь я по лѣсу ходилъ, изъ-подъ ногъ сорвался, я его и хлобыснуль; какъ тряпка!.. и В. сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, доказывающій какъ повалился вальшинепъ.

— Вы спросите-ка Александра то Ивановича, какъ онъ проудилъ глухаря! Вотъ вы обѣ этомъ-то его спросите! сказалъ Абрамъ.

— А глухаря проудилъ, и таить нечего; досада была страшная! Видите, походивши, я значительно проголодался и вздумалъ закусить. Середка пирога была въ ягдташѣ. Я закинулъ ружье на плечи, и началъ преаппетитно се убирать, а самъ иду. Сосенки, знаете, этакія, мошокъ, болотника. Только вдругъ откуда ни возьмись передо мной огромнѣйшій глухарина!... Выбѣжалъ изъ-за кочки и остановился шагахъ въ пятнадцати. Я такъ и ошалѣлъ: въ рукахъ кусокъ пирога, ружье за плечами, не знаю, что дѣлать! а онъ посидѣлъ себѣ довольно долго, да и полетѣлъ; я схватился было за ружье, да ужъ поздно было: улетѣлъ, проклятый.

— И по-дѣломъ, батюшка! помните мою пословицу: что на охотѣ за успѣхи, когда собака ищетъ мышей, а охотникъ щелкаетъ орѣхи! подтрунилъ Абрамъ.

— Ну, а какъ твои успѣхи?

— Мои? а мои вотъ смотрите! — Абрамъ выташилъ изъ баньки связку дичи, состоящую изъ трехъ гусей и нѣсколькихъ паръ утокъ.

— Э! да это цѣлый возъ дичи. Ну, Абрамъ, знатное поле! Ты лучше всѣхъ нась поохотился.

— Охулки на руку не положилъ, хорошо-то хорошо, а все бы лучше надо...

— Помилуй! да чего же тебѣ еще больше?

— Эхъ батюшка! еслибы вы видѣли, что гуся-то бы-

ло—тучи! Я только перехалъ отъ васъ на ту сторону, такъ съ разу и наткнулся на стадо: ходятъ по лощинѣ, подборъ чудный, давай ползи! ужъ я ползъ-ползъ, корячился-корячился, добрался до куста,—гуси отъ меня саженяхъ въ тридцати, точно овцы бродятъ и траву пощипываютъ. Дерябнуль картечами — ни одного! На подъемъ еще разъ — тоже ни одного. Полетѣло стадо ничемъ невредимо...

— Что же такъ? Тридцать саженъ картечами недалеко; трудно пропуделять по стаду, замѣтилъ я.

— Не задача; обѣ этомъ-то я и толкую, что больше бы убить слѣдовало!.. Опять, какъ вы мнѣ досадили, что и сказать нельзя.

— Я? вотъ это мило! Какъ я могъ тебѣ помѣшать, если былъ совсѣмъ на другой сторонѣ?

— А вотъ какъ. Увидѣлъ я — большущее стадо гусей сѣло за кустъ. Подобрался близко, смотрю сквозь вѣтви: ходятъ кучно, положить можно не одного. Сталъ просовывать ружье, только вдругъ вы какъ-разъ противъ меня на здѣшней сторонѣ — бацъ, бацъ! Гуси и поднялись, въ летъ изъ кустовъ было нельзя; такъ и улетѣли. Экая досада была! Не повѣрите, — слезы проступили!

— Чѣмъ же я, Абрамъ, виновать? я стрѣлялъ по бекасамъ и вовсе не зналъ, что ты подѣ гусями.

— Конечно не знали, грѣхъ ужъ такой; невзначай досадили: ну, да и я же двумъ здѣшнимъ охотникамъ насолилъ.

— Какъ насолилъ?

— Иду, знаете, лощиной такой. Ужъ гусь, да пара утокъ были убиты у меня. Иду, да посматриваю на отпесокъ (мысомъ такимъ вдался въ Вычегду): нѣтъ-ли, думаю, гусей? Пристаютъ они на этихъ мѣстахъ. Впереди меня горбъ. Вдругъ откуда ни возьмись тройка шилохвостовъ — прямехонько на меня такъ и дерутъ; я вионеречь — бацъ

по одному! — скатился; бацъ по другому — лежить; а изъ-за горба-то саженяхъ въ сорока отъ меня, какъ оболоко, гуси и поднялись. Вижу — и два охотника встаютъ: Пашка, да Ванька Коданевъ; рожи вытянулись длинныя такія, постныя. Ну, говорять, Абрамъ, какъ же ты насъ обидѣлъ: съ полдѣнъ, говорятъ, подъ гусями лежимъ; а ты, наконецъ, спугнулъ». Да черта ли же вы тутъ дѣлали? отчего не стрѣляли? спрашиваю. — Мы, говорить, все ждали, чтобы погруднѣе сошлились; а тутъ вдругъ тебя и выдернуло! — Коли ждали моль, такъ сами виноваты; стрѣляли бы, благо подобрались такъ близко. А они къ гусямъ-то были саженъ въ десять. Ужъ брали меня, брали...

— Еще бы не бранить! Вѣдь ты досадоваль же на меня...

— Дѣло понятное; я много съ ними и разговаривать не сталъ, скорѣе прочь; еще въ задоръ войдутъ, пожалуй по загривку наудятъ. А гуси-то перелетѣли съ версту и опустились на песокъ. Мѣсто я запримѣтилъ и подобрался къ нимъ ловко: пару положилъ. Одного по сидячимъ, да на подъемъ одного.

— Отчего же охотники не подбирались къ перемѣстившемуся стаду? По всѣмъ правамъ это имъ слѣдовало бы? спросилъ Александръ Ивановичъ Абрама.

— Да они, какъ ругались со мной, такъ и не замѣтили, что гуси сѣли. А я что бы за дуракъ, чтобы сказать имъ?.. Самъ, батюшка, охотникъ.

— И то дѣло. Теперь ваша очередь разсказывать намъ о своихъ подвигахъ въ сегодняшнее поле, — обратился къ мнѣ В.

Я передалъ послѣдовательно все, что уже извѣстно читателю изъ предыдущихъ страницъ.

Между тѣмъ уха поспѣла. Мы усѣлись кругомъ котелка и начали ужинать.

— А водочки по чапорухѣ, вѣдь слѣдуетъ? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Подобаетъ—для возбужденія аппетита и подкрепленія силъ! отвѣчалъ я.

Добыли изъ погребца флягу и пропустили по стаканчику, передали Абраму.

— Пошла душа въ рай! проговорилъ онъ, выпивая свою порцію.

Принялись за ужинъ. Уха показалась для всѣхъ удивительна вкусою; молча углубились мы въ опорожниванье котелка.

А надъ нами и кругомъ стояла глухая, темная, тихая ночь. Ни звука, ни движенія, ни малѣйшаго шороха, ни на землѣ, ни на водѣ, ни на лѣсу, ни въ воздухѣ.

Много ночей на разныхъ широтахъ Россіи проводилъ я подъ открытымъ небомъ, по не запомню я такой страшной мертвенноти, такого полнаго отсутствія жизни, какое было на этотъ разъ. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ глухую полночь, когда погружается въ сонъ вся природа, хоть какой-нибудь неясный, неопределенный звукъ, откуда-то доносившійся, — жужжаніе ночной бабочки или жука, глухой гулъ въ лѣсу отъ крика далекаго полуночника, трескъ лопнувшей коры на деревѣ, шорохъ мыши въ кустѣ или тихій всплескъ рыбы, — что-нибудь да обличало живыя силы; а здѣсь все было мертвое какъ въ могилѣ; казалось вся природа перешла въ непробудное оцепенѣніе.

— Здѣсь встрѣтилась мнѣ удивительно знакомая мѣстность, Абрамъ,—сказалъ я, развались передъ тлѣющими угольками, послѣ совершенного удовлетворенія аппетита ухомъ.

— Кое мѣсто? спросилъ тотъ, старательно обчищая голову леща.

— Да воинъ тамъ, за логомъ, на выходѣ къ Вычегдѣ, съ горба: за рѣкою ровъ, на крутоярѣ этого рва береза, а подъ ней избушка маленькая...

— А, знаю, знаю! Этакое мѣсто, какъ изъ рѣпки вырѣзанное—похожее, есть на Шекснѣ близъ села Разваляева, гдѣ вы жили маленькой, годовъ шести; вотъ оно вамъ и памятно.

— А избушка подъ березой? И она что-то мнѣ мерещится.

— А избушка подъ березой такая же была и тамъ у рыбака дѣдушки Михѣя; помните—такой стариkъ высокій, сѣдоволосый съ большой плѣщью; еще рыбу къ вамъ на домъ нашивалъ. Дѣдушку Михѣя я зналъ хорошо! И—и какой стариkъ былъ умный, царство ему небесное!

— Постой, Абрамъ: съ нимъ случилась какая-то исторія, дочь погибла... что-то такое страшное было?

— Да, батюшка, страшное съ нимъ было. Исторію эту я знаю всю до ноготка.

— Расскажи, Абрамъ, пожалуста; мнѣ помнится что-то неясно.

— А вотъ слушайте. Дѣдушка Михѣй былъ крѣпостной помѣщика Н. Стариkъ онъ былъ суровый, умный, уважаемый стариkъ, при разваляевскомъ приходѣ старостой церковнымъ двѣнадцать годовъ служилъ. Остался онъ бобылемъ, выстроилъ по близости села хату, поселился въ ней съ дочкой и началъ рыбачить. Дочка его, Анна Михѣевна, волга была дѣвка: полная, высокая, бѣлая, статная, идетъ, точно лебедь плыветъ; изо всего села дѣвка! Этакихъ хорошихъ дѣвокъ я ни допрѣжъ, ни послѣ не видывалъ, да кажись и не увидишь никогда. На рѣчахъ умница, въ хозяйствѣ рачивая, старателъная; знатная была дѣвка! Жениховъ куча сватались и съ воли было много; да за вольныхъ выходить и думать было нечего: баринъ не позволилъ-бы; ну, а за своихъ не хотѣлось ей что-ли, или по сердцу не приходился ни одинъ, не знаю ужъ; только не торопилась она замужъ. Такъ стариkъ съ дочкой и жили, ни съ чѣмъ не тужили, хорошо и покойно. Онъ єздилъ на рѣку ловить рыбу перemetами, самоловами и канатами; она мастерница была мережи вязать, плиски сучить, во всемъ была правой рукой отцу, подмогой доброй.

У Н. лакей былъ Семенъ, дѣтина ражій, съ лоскомъ. Грубое слово сказалъ онъ своему барину что-ли, или тамъ проступокъ какой сдѣлалъ, только сослалъ его Н. на Разваляево за какую-то провинность. Семенъ поселился у своихъ сродственниковъ, началъ себѣ жить да поживать, да къ дѣдушкѣ Михѣю частенько похаживать. Вишь, Анна крѣпко пришла ему по сердцу, онъ и сталъ увиваться около дѣвушки, какъ хмѣль около тычинки. А про Анну опять же ничего нельзя сказать было такого, чтобы въ чёмъ видно было ея согласье съ Семеномъ; держала она себя поодаль и особой ласки къ нему не оказывала. Не то, чтобы онъ ей претилъ очень, да и любъ видно особенно небылъ, а такъ, что называется, «и милъ, да не по сердцу, и хорошъ, да не по любѣ». Протяло у нихъ многоонько времени ни въ томъ, ни въ семъ. Семенъ сильно врѣзался въ дѣвку и исхудалъ. Попало сватство. Дѣдушка Михѣй не прочь, а Анна сказала: «какъ хочеть батюшка». Написали къ барину. Н. въ тѣ поры въ Питерѣ былъ, кружился тамъ, говорятъ, въ мотовствѣ, отвѣта никакого не далъ; написали вдругорядь, онять никакого отвѣта нѣть. Староста поѣхалъ въ Питеръ съ оброкомъ къ барину; съ нимъ приказали. Возвратился; говорить, самъ будеть въ развалиевскую усадьбу. Вы усадьбу-то помните? Домина ужастенійшій былъ, двухъ-этажный, со столбами и съ балкономъ.

— Чуть-чуть припомню; она послѣ сгорѣла, кажется.

— Сгорѣла. Ну, вотъ пріѣхалъ баринъ. Время было великимъ постомъ, поостань пути. Пріѣхалъ, да сразу же и закутиль. Ухо былъ человѣкъ!.. Кличъ подаль сельскимъ бабамъ и дѣвкамъ, цѣлую вотчину ихъ созвалъ и пошла изба по горницѣ; пѣсни, скачъ, плясь, гамъ, крикъ, дымъ коромысломъ въ домъ. Въ это время къ нему и приступу не было; знали ужъ, и дѣдушка Михѣй зналъ тоже, не смѣлъ просить, пока не устоится, въ разумъ свой, зна-

чить, не войдетъ. Чрезъ недѣлю времени оправился, — и пошелъ по селу шляться каждый вечеръ, ради здоровья. Въ тѣ-поры и мнѣ не однажды доводилось его встрѣтить, годовъ четырнадцати ужъ я былъ, помню его хорошо: попадется во тмѣ перекрестишься; такой былъ красавецъ писаный помеломъ изъ лахани! Высокій, черный, рябой, носъ горбатый и вострый, какъ у волжской расшивы. И озорноватый же онъ былъ человѣкъ, большой обидчикъ и придира. Какъ теперь помню, какъ онъ медвѣжатниковъ проучилъ. Видите-ли, два нижегородца на Разваляево пришли съ ручными медвѣдями. Село сбѣжалось смотрѣть; особо бабы и мальчишки по глупости своей большое удовольствіе находить позѣвать на медвѣдя, тащать вожакамъ печенаго и варенаго, масла и яицъ всячины. Такъ было и о ту пору: бабы и ребятишкѣ куча набралось около медвѣдей. Началось представленье: стали показывать, какъ малые ребята горохъ воруютъ, какъ красныя дѣвицы передъ зеркаломъ сидятъ одѣваются, чистою водицею умываются, алыми румянами патираются; какъ старыя старухи и бѣлолицы молодухи на барщину идутъ хромающи, а съ барщиной — пріпѣвающи, а медвѣдь всѣ это выдѣлываетъ: на барщину идетъ, — подпирается палкой, ногу волочить, прихрамываетъ; а съ барщиной бѣгомъ, въ пріпрыжку... Вдругъ откуда нивозьмись на это самое мѣсто Н. «Вы, говорить вожакамъ, что за народъ такой? Вы, говорить, какъ смеете крестьянъ моихъ смущать, да вмѣстѣ съ ними надѣ барщину потѣшаться? Я, говорить, покажу вамъ, какъ ходить на барщину! Эй, берите, говорить, ихъ, да въ хлѣвъ; да сейчасъ дать знать становому и исправнику; надо проучить хорошенъко этихъ негодяевъ. Тѣ въ ноги. Батюшка, говорить, помилуй! Мы твоей чести обижать не хотѣли; отпусти ты насъ Христа-ради! сейчасъ уйдемъ изъ села вонъ. — Э, нѣтъ, говорить, други любезные! я вамъ

дамъ себя знать, вы у меня дешево не раздѣлаетесь! Въ хлѣвъ, говорить, ихъ, да медвѣдей отобрать, да сейчасъ къ становому. Взвыли бѣднаги мужики: — «возьми, говорять, съ насъ что хочешь, только отпусти!» Ну, онъ ихъ и облупилъ же: какія деньжонки были, полотнишки, даже маслoto, яйца-то, все обобралъ, бездушникъ, и чистехонъкихъ изъ села воинъ прогнать. А дѣло-то ихъ бѣдное, промыселъ этотъ самый горький: хоть и съ медвѣдями, а все равно, что нище, по миру же ходятъ, по копѣйкамъ да по гропшамъ собираютъ, во всю зиму-то какихъ-нибудь по полу-сотиѣ рублишковъ наколотятъ и тѣ для оброка. Онъ этимъ не сжалися: выпотрошилъ у бѣдныхъ карманы и прогнать. Вотъ каковъ былъ сахарь медовинчъ!

— Помилуй, Абрамъ, да вѣдь это черть знаетъ что такое! Ну, пусть посыластъ за становымъ, — противозакон-наго тутъ нѣть ничего, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка! вы это по нынѣшнему говорите, а въ тѣ годы было не то: пріѣхалъ бы становой, стали бы орать два голоса вмѣсто одного и еще больше бы вожаковъ настрачили; такъ лучше отступиться отъ грѣха.

— Опять весной съ мужиками охотниками какіе штуки выкидывалъ. Мѣста около Развалиева привольныя; утки въ водонолицу тьма-тьмущая, а все держатся около полей. Вотъ, крестьяне, у кого ружьишки есть немудроя, и позалягутъ съ вечера въ межи; особо передъ праздникомъ, когда дичинки-то и для кашицы, и для жарковца хочется. На ночь вся утка сливается къ берегамъ на старую жниву кормиться; охотники и дожидаются, пока вилоть до дула нальзутъ утки по десятку, чтобы однимъ выстрѣломъ положить нѣсколько паръ. Какъ только провѣдѣтъ И., что мужички по межамъ разлеглись на сторожку утокъ, и отправится въ поле съ собакой. Песь у него былъ лягавый страшной величины, Ерусланомъ кликали. Выйдеть баринъ на самую середину

поля, схватить своего Еруслана за шиворотъ и давай вздувать нагайкой; а горло-то у того было какъ кадка, и зареть; а онъ его нагайкой-то еще больше, а тотъ еще пуши; утки взлетять со всѣхъ мѣсть, вслѣдъ за ними и охотники пачнуть подниматься съ длинными рожами; а Н. покатывается со смѣху: весело, что начудесилъ.

— Понесть дѣдушка Михѣй поговорить съ бариномъ на счетъ своего дѣла. Тотъ ничего, выслушалъ и, какъ быть слѣдуетъ, разсирошилъ обстоятельно обо всемъ, потомъ по желалъ повидать невѣсту, Анну Михѣевну, значить. Привезъ старикъ дочку, баринъ взглянула на нее, и глаза у него замаслились, какъ у голоднаго волка на лакомый кусокъ. «Хорошо, говоритъ, Михѣй, я подумаю, еще время не ушло; все, говоритъ, устроимъ; ступайте съ Богомъ».

— Постой, Абрамъ! ты не сказалъ, женатый былъ баринъ-то или холостой? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Быть женатъ, да жену въ могилу свелъ, милостивая говорить, и добрая была барыня, въ чахоткѣ сгинула; двое дѣтокъ остались, по пансионамъ распихалъ; мать старуха была, барыня такая высокая, горбоносая, сухая, точно вяленый судакъ, между своими была строгая, на сусѣдствѣ уважаемая: ту почиталъ и побаивался ее. Пристрастье къ церкви старуха имѣла, страшала имѣнія лишить, такъ онъ у нея былъ постоянно на притужальникѣ, при ней и остерегался... Да дома-то она мало живала: по монастырямъ больше, да у дочери, — замужъ была выдана въ Тверскую губернію за богатаго барина; такъ все больше тамъ проживала; а когда набѣжала на Развалиево — шелковый при ней дѣжался. Хитеръ, бѣсь!

— Пашня наступила. Весна въ тотъ годъ была — благодать Божія: теплая, ясная, тихая. Старуха Н. пріѣхала въ усадьбу къ сыну съ какой-то богомолкой трясучкой, да съ блаженнымъ странникомъ. Любила, покойница, всѣхъ этихъ

божьихъ людей. Пріѣхала и появилась въ домѣ неугасимая лампадка; а самъ къ хозяйству усердный такой сдѣлался: съ утра до вечера въ полѣ. Дѣдушка Михѣй къ старухѣ опять насчетъ своей просьбы. Та на отрѣзъ сказала: не мое дѣло; сынъ всѣмъ у меня завѣдываетъ, къ нему ступай; я, говоритъ, ни во что сама не вступаюсь. Такъ старикъ не причемъ опять и остался. А Семенъ все больше и больше любить дѣвку, все худалъ и сохъ. Анна же, какъ пташечка, распѣвала себѣ пѣсенки, и по праздникамъ весело водила хороводъ, ни о чёмъ не горюючи; да и горевать-то, правда, было не о чёмъ: на счетъ замужества отецъ больше хотѣлъ, а ей до Семена, кажись, и дѣла никакого не было; значитъ все шло по пути, и дѣвка жила во всемъ своемъ желанья.

— Баринъ же тѣмъ временемъ на Анну тоню сталъ зацикливать; смущаючи ее подарками, подсыпалъ Микитиху (старуха такая на селѣ жила, семидесять ужъ ей было, а еще козыремъ смотрѣла, старая вѣдьма, и всѣми этими дѣлами мастерица была заправлять); дѣвка не поддавалась, не шла ни на какія приманки, потому значитъ, на чести хотѣлось ей жить и худой славы про себя не прокладывать. Барина это сильно занозило; давай онъ дѣломъ вертѣть круто. Семена отослалъ въ другую усадьбу на жительство, а дѣдушкѣ Михѣю объявилъ, что береть онъ его и съ дочкою во дворъ. Такъ бы это дѣло и было, еслибы не старуха Н. Пришелъ къ ней дѣдушка Михѣй и сталъ просить милости.—«Чѣмъ я, говоритъ, сударыня, прогнѣваль барина? Какой я работникъ во дворѣ, коли кости отъ старости въ тѣлѣ совсѣмъ порасхлябались и скрипѣть начали? Помилуйте, говоритъ, матушка, заставьте за себя Бога молить»... ну, и такъ упросилъ старуху; она сказала: «хорошо»! а ужъ коли сказала это, значитъ и будетъ такъ. Ушолъ Михѣй. Старуха призвала сына и такъ на него, говорятъ зыкнула, что только сразу осѣлъ; блѣдный отъ нея вышелъ, точно въ холодной

водѣ выкупался; однако же намѣренія своего насчетъ Анны не оставилъ, только другимъ манеромъ дѣло повелъ. Прикинулся мелкимъ бѣсомъ и давай за дѣвкою ухаживать: пойдетъ-ли на охоту или въ поле, старается съ ней встрѣтиться, и какъ будто это невзначай; при встрѣчѣ ласковое слово ей скажетъ, пошутить весело, и та ничего, остановится съ нимъ, пошутить и посмѣется: дѣвка была бой, развеселая дѣвка, нисколько не застѣнчивая.

— Поразъ поѣхали мы съ дѣдушкой Михѣемъ переметы кидать, и Анна была съ нами. Дѣдушка сидѣлъ на кормѣ, я подсаживалъ червяковъ на крючья, Анна была въ веслахъ. Только это мы уставились на рѣкѣ, а дѣдушка Михѣй спустилъ первый камень, — изъ за мыса показалась шлюпочка. Лодочка была такая раскрашенная, маленькая; въ ней все развалияевскій баринъ и ъздила. На кормѣ править прикащиковъ его Давидъ Ипатычъ (тоже кровопійца былъ и окойникъ, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное!), въ веслахъ гребетъ молодой лакей Андрюха, а самъ сидитъ посереди лодки, точно гагара длинную-то шею свою вытянула. Поровнялся онъ съ нами и закричалъ Михѣю: «Богъ помошь, ловъ на рыбу!» Михѣй снялъ шляпу и поклонился, Анна тоже поклонилась. Въ это самое время изъ бичевника съ берегу вдругъ поднялась тетерька: барскія собаки должно быть ее сполохнули, по берегу бѣжали; поднялась и потянула на ту сторону прямо черезъ наши головы. Н. вскинуль ружье и выстрѣлилъ; тетерька кубаремъ скатилась въ нашу лодку, въ ноги дѣдушкѣ Михѣю. — «Возьми себѣ на кашницу!» закричалъ баринъ, — и ъшь за мое здоровье». Анна удивилась такому ловкому выстрѣлу и посмотрѣла на Н. таково открыто, во всѣ глаза, потомъ какъ будто что-то хотѣла сказать ему, заинкунулась, покраснѣла и ничего не сказала. Проѣхалъ Н., а мы долго еще болтались на рѣкѣ кидавши переметы, и все дѣдушка Михѣй подсмѣивался надъ Анной;

дѣвка вдругъ такая странная сдѣлалась, какъ-будто кто ее ошпарилъ кипяткомъ: безпрестанно задумывается, гребеть не тѣмъ весломъ, какимъ нужно, переметь спутала, поднаплавницу не сбросила съ лодки, такъ что подъ конецъ дѣдушка Михѣй закричалъ на нее: «что ты, говорить, чѣмъ думаешьъ-то»? Ну, она послѣ этихъ словъ какъ бы и очнулась не надолго, а потомъ опять въ душу впала...

— Послушай, Абрамъ,—неужели ты думаешьъ, что Анна полюбила Н. именно съ той минуты, какъ тетерька свалилась въ лодку къ Михѣю? спросилъ я.

— А то какъ же? Знаю дѣло съ той самой минуты. Злаго народу, батюшка, много на бѣломъ свѣтѣ. Иные сухоту пущаютъ на платно: кто найдетъ платно, у того и сухота на сердцѣ заведется; иные на цвѣткѣ, на вѣточку черемуховую; есть такие, которые наговоръ дѣлаютъ на рыбу, на хлѣбъ, на воду, а всего дѣйствительнѣе на птицу. По всему видно, не спроста свалилась эту тетерьку въ Михѣеву лодку...

— Если не спроста, Абрамъ, прерваль Александръ Ивановичъ, — то всего вѣроятнѣе приключиться сухотъ у дѣдушки Михѣя, потому что тетерька упала къ нему въ ноги, а не къ Аннѣ?

— Да ужъ вы тамъ какъ ни разсуждайте, а притча въ томъ, что съ той самой минуты дѣвка сильно начала стысвать сердцемъ по Н. И вскорѣ стали говорить въ народѣ, что она къ нему по вечерамъ похаживаетъ, что у нихъ ужъ завелись шуры-муры, и что дѣдушку Михѣя обо всемъ этомъ скорбь береть непроходимая. Прошло лѣто и осень прошла; по зимѣ еще виднѣе всѣмъ стало, какъ Анна ходить къ барину и цѣлые ночи съ нимъ проводить. И какъ-же она измѣнилась! Узнать ее трудно было супротивъ прежняго; такъ спала она съ лица! Худая стала, блѣдная, рѣчи все такія печальныя, а иной разъ и совсѣмъ отъ нея

никакихъ рѣчей не добьешься. Въ церковь перестала ходить, нигдѣ въ народѣ не показывалась; на посидѣлкахъ во всю зиму не видали ее ни разу; совсѣмъ отлученной какой-то сдѣлалась. Съ весной, замѣтно стало, что Анна въ тѣлѣ спорынью Богъ даетъ, забеременѣла, значитъ. Какъ только узналъ это Н., началъ ее отъ себя отваживать; говорить, гонялъ даже, и одинъ разъ Еруслана своего наузынуль на нее: тотъ укусилъ ее въ ногу. Черствый былъ человѣкъ! чай, на томъ свѣтѣ сидитъ теперь у чорта въ сибиркѣ. Анна же, на погибель свою, привязалась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ, души своей не чаяла, простаивала на пролеть ночи у его крыльца, да подъ окномъ.

— Какъ теперь помню, около Ильина дни, было дѣло. Встрѣтилъ я Анну,—идетъ утромъ рано отъ барина. Поздоровался я съ ней, окликнулъ было ее, хотѣлъ спросить что-то о дѣдушкѣ Михѣѣ: старика давно почему-то не видать было; но она ничего мнѣ не сказала, не поклонилась даже, только посмотрѣла на меня, и посмотрѣла-то таково не хорошо, таково дико. Послѣ слышно было, что въ это самое утро Н. Анну сильно чѣмъ-то обидѣлъ, потаскушкой назвалъ, прогналъ и настрого запретилъ людямъ пускать къ себѣ; сказалъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ нога ея на дворѣ барскомъ не была, чтобы она и на глаза ему ни гдѣ не смыла показываться.

— Дня три спустя послѣ этого, бѣгутъ мальчишки съ рѣки и кричатъ благимъ матомъ; вслѣдъ за мальчишками бабы что-то защебетали — смотрю и много народа взбuzыкалось, и всѣ бросились, что было мочи къ Шекснѣ; побѣжалъ и я. Приѣжалъ къ перевозу, вижу — большая толпа народа собралась подъ горой; шумятъ, иные бѣгаютъ около берега, да въ трехъ лодкахъ разъѣзжаютъ по рѣкѣ, и Петро, Пятелинъ сынъ (удалой такой былъ дѣтина на Разваляевѣ, отлично плавалъ и нырялъ), спускается около плота

въ воду. Спрашиваю, что такое случилось, утонулъ что-ли кто? Говорятъ, Анна Михѣвна утонила?—Какъ такъ утонила?—«А такъ, бросилась съ плota, да и утонила; ребята видѣли». Что за оказія! а дѣдушка Михѣй гдѣ?—«А дѣдушка Михѣй, говорять, вонъ тамъ на плоту». Прибѣжалъ я туда; дѣдушка Михѣй стоитъ на плоту, а противъ него безперечь ныряетъ въ воду Петро. Дѣдушка Михѣй просить его, чтобы онъ всѣ силы свои употребилъ, сыскать Анну, просить и тутъ же указываетъ, какъ по струѣ тѣло надо искать, а у самаго голось такой ровный, такой твердый и покойный голось, не воетъ и не стонетъ, только лицо поблѣдѣло очень, бѣлое сдѣлалось, какъ писчая бумага, да на рѣсницахъ крупная, крупная слеза дрожитъ.

— Долго искали Анну, и невода закидывали, но никакимъ способомъ не могли попасть на тѣло. Одинъ разъ тащили было въ неводѣ что-то тяжелое, думали, что это она; подтащили къ берегу—пусто; одна только свѣтленькая-пресвѣтленькая сорожечка запуталась было въ чучѣ, да проплыла сквозь ячею и нырнула въ воду. Бабы плели, что это ея душенька была, простилась со свѣтомъ и обратилась опять въ рѣку, гдѣ судилъ ей Господь пробыть до тѣхъ поръ, пока грѣхи ея тяжкія не омоются.

— Уже вечеромъ поздно разошелся народъ по домамъ; одинъ только дѣдушка Михѣй остался на рѣкѣ. Сѣль, сердечный, на плоту, опустилъ голову свою сѣдую на локотки и все смотрѣлъ на воду, на то самое мѣсто, гдѣ утонула Анна. Такъ просидѣлъ онъ всю ночь и весь другой день, и опять всю ночь, и просидѣлъ бы можетъ еще долго, глазъ не спускаючи съ воды, еслибы его не увѣли домой...

— А что же, Абрамъ, Н.-то? неужели его совѣсть не мучила? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Захотѣли! Нашли у человѣка совѣсть. Когда ему

сказали Анна утопилась, никако злое его сердце не скривилось, только промычалъ: «утопилась? А! ну, ладно, туда ей и дорога», взялъ ружье, мызгнулъ Еруслану и пошелъ на охоту; вотъ вамъ и вся совѣсть.

— А послѣ-то, Абрамъ, неужели онъ никогда обѣ ней не вспоминаулъ? допытывался В.

— А вотъ слушайте до чего дойдетъ. Недѣлю спустя послѣ этого поѣхалъ И. въ городъ. Дорога туда шла чрезъ Веригино: большое такое село въ сорока верстахъ отъ Разваляева, ниже по Шекснѣ стоитъ. День былъ дождливый и холодный. Проѣзжаетъ И. селомъ Веригинымъ и видить у старостина крыльца два тарантаса стоять. Спрашивается: «кто здѣсь такой?» Говорятъ, исправникъ, становой, стряничій, лекарь, — временное отදленіе, значить. Все это люди свои И., пріятели закадычные; приворотилъ. Входитъ въ избу, а тамъ пиръ горой: всѣ ужъ подъ порядочнымъ хмѣлькомъ; особо исправникъ да становой молодцы были выпить; какъ, бывало, съѣдутся, такъ ужъ какъ разъ какъ стельки и пакатятся. Исправникъ былъ такой высокій, тучный, обрюзглый, пахъ у него сіяла, какъ солнце, говорилъ онъ обыкновенно громко и слюнами при этомъ брызгалъ и посомъ присвистывалъ. А становой низенький, рыженький; волосы у него были коротко выстрижены и стояли на головѣ щетинкой; глаза такие большие, сѣрые и всегда гноились; въ рѣчи былъ частоплетъ и занка; пятаго слова ужъ у него бывало никогда не поймешь: занкается, губу нижнюю вытянетъ, глазами поведеть, хлебинъ водки и ужъ тогда только справится, будеть говорить порядкомъ, а потомъ опять на пятомъ словѣ занкнется, опять за водку; все такъ и пробавляется бывало. Исправникъ со становымъ, когда выпимши, превеселые люди дѣлались и большой руки проказники. Помню я, какъ-то были они въ Разваляевѣ на слѣдствѣ, порубку кажется свидѣтельствовали.

Иду я, знаете, полемъ; вижу на одной лошади два человѣка ѿдуть верхомъ. Лошаденка такая тощая, одеръ-одромъ, едва двигаеть ноги; а они-то ее хлещутъ почемъ ни попало. Кто бы это, думаю? Кажется не изъ сельскихъ, по барски одѣты? А это пьяные исправникъ со становымъ! И какъ же ихъ угораздило усѣсться: одинъ, исправникъ-то, какъ и слѣдуетъ быть, лицомъ впередъ, къ головѣ, а становой-то лицомъ къ хвосту, держится за него одной рукой, а другой клячу-то такъ и наяриваетъ, такъ и наяривается. Повстрѣчался я съ ними, не могъ утерпѣть, покатился со смѣху; а исправникъ кричить: «что ты, дуракъ, смѣешься?» Ну, и зѣло же они оба тогда были! — Вотъ хорошо. Входить Н. въ избу. На столѣ самоваръ бурлитъ, исправникъ со стряпчимъ пуншъ распиваются. Ставной съ своимъ висѣмоводителемъ да съ лекаремъ въ карты задуваются. — Лекарь этотъ былъ изъ нѣмцевъ. Я и его хорошо помню: на низенькихъ пожкахъ, такой пузатенькой человѣчикъ, въ бѣлыхъ панталонахъ все ходилъ, зеленые большия очки носилъ, и еще до простоквши съ сахаромъ да съ корицей былъ большою охотникъ. Всѣ встрѣтили Н. съ радостью, какъ дорогаго гостя, съ обниманьемъ, да цѣлованьемъ, и сейчасъ же пуншу крѣпкаго ему закатали. Вотъ и пошли у нихъ лясы да балысы, тары да бары, да дешевые товары; спрашиваются разваляевскаго барина: «куда, моль, ты ѿдешь?» — Въ городъ, говорить; а вы за чѣмъ здѣсь? —

— «Да вотъ по дѣлу, говорятъ: утопленницу съ подозрительными признаками прибило на песокъ къ Веригину, такъ слѣдство производить пріѣхали».

— «Утопленницу? спрашиваетъ Н.: — да не моя-ли это дѣвка? прераспутная была, съ недѣлю тому назадъ утонула въ Разваляевѣ, дайте взглянуть».

— А вотъ, говорятъ, сейчасъ Карль Адамычъ будетъ натомить ее, увидите».

— Какъ время-то стояло дождливое, то тѣло съ берегу перенесено было въ избу,—черезъ сѣни отъ той избы, гдѣ временное отдѣленіе помѣщалось: всѣ и взошли въ нее. Н. вошелъ со стаканомъ пуншту и съ цыгаркой. Трупъ лежалъ на рогожкѣ, посинѣлый; вздуло его страшнымъ манеромъ, и смрадомъ несло непомѣрно. На лбу была глубокая преглубокая рана: видно она, сердечная, бросившись въ воду, ударила съ размаху головой объ тычку. Н. заглянулъ трупу въ лицо и сразу же призналъ Анну: «она, говорить, и есть; экъ ее вспучило!» Отошелъ къ сторонѣ, и какъ ни въ чёмъ не бывало, сталъ себѣ прихлебывать изъ стакана да покуривать цыгарку, хоть бы бровью шевельнуль, хоть бы отворился!.. Только и было, говорять, что судорога губы свела на одну минуточку; а то все стоялъ покойно, поглядывалъ себѣ таково равнодушно, прихлебывалъ изъ стакана пуншъ, да цыгарку курилъ... Такъ вотъ, батюшкѣ, какой онъ былъ человѣкъ; а вы еще сирашиваете, мучила ли его совѣсть за Анну, да вспомянуль ли онъ ее когда нибудь!..

— Что же случилось послѣ съ дѣдушкой Михѣемъ?

— А что? ничего, умеръ съ горя.

— Куда же Н. дѣвался? Живо еще это сокровище? продолжалъ спрашивать В.

— Вотъ про Н.-то, батюшкѣ, что съ нимъ послѣ этого случилось, я подробно разсказать и не умѣю. Знаю только, что года черезъ два послѣ всѣхъ этихъ дѣлъ съ Анною умерла горбоносая старуха, мать его, а потомъ погорѣлъ домъ на Развалиевѣ. Приказчикъ донесъ—отъ божьяго милосердія; бабы же на селѣ плели другія басни: говорили, будто бы, что грѣшная душенька Анны странствовала по ночамъ около дома, что плачь и стонъ слыхали противъ кабинета, гдѣ бывало, Анна простоявала цѣлые ночи. И въ самыхъ покояхъ-то будто бы огни видали въ неуказное время, верескъ ребенка слышали, старую барыню на колѣ-

няхъ въ образной на молитвѣ замѣчали. Въ домѣ-то послѣ никто не жилъ: пустой стоялъ и окна были заколочены, такъ и плели, что въ немъ чудится. А въ ту ночь, какъ ему погорѣть, — случилось же это какъ-разъ въ годину по Аниѣ, — видѣли съдаго старика, украдкой къ дому пробирался; всѣ подумали на дѣдушку Михѣя. Потомъ будто бы и Анну видѣли; такъ и положили, что мертвѣцы домъ сожгли. Страна Ульяна, такая дошлая женщина жила на Разваляевѣ, у Киевскихъ чудотворцевъ семь разъ была, къ соловецкимъ ходила, — она при всѣхъ разсказывала, что собственными глазами видѣла, какъ душеньки дѣдушки Михѣя и Анны во время пожара поднялись въ полымъ къ небу... И мало-ли чего не болтали, всѣхъ рѣчей не переслушаешь! А инымъ дѣломъ домѣ-то и въ самомъ дѣлѣ сгорѣлъ отъ божья милосердія, потому гроза въ ту ночь была большая. Можетъ и то, что подожгли сами крестьяне изъ своихъ разсчетовъ. Н. какъ только услыхалъ, что домъ сгорѣлъ, сейчасъ же прикатилъ на Разваляево, выпустилъ всѣхъ барщинскихъ крестьянъ на оброкъ, усадьбу порѣшилъ и опять возвратилъся на житѣе въ Питеръ. Былъ потомъ слухъ, что онъ поступилъ на службу, гдѣ наша земля сходится съ нѣмечиной, въ какіе-то чиновники... Ну, вотъ и былъ слухъ, что онъ тамъ служилъ, и служилъ-то сначала хорошо; а потомъ замѣченъ въ чемъ-то нехорошемъ начальствомъ; нарядили судъ; а Н. возьми да и сѣѣги, да и свяжись съ какими-то жуликами, и долго съ ними жилъ онъ, говорятъ, за одно, вмѣстѣ мошенничали; такъ и сгибъ. Такъ про него разсказывали.

— Достойный конецъ такому человѣку! глубокомысленно замѣтилъ В.

Пора было на почлегъ. Дрова на нашемъ пожѣ уже всѣ погорѣли и едва тлѣющія головешки густо подернулись пепленою бѣловатаго пепла. Мѣсяцъ склонялся къ закату: одна

рогатая половина его же спряталась за лѣсъ, другая же выставлялась изъ-за темныхъ елей острымъ клиномъ, какъ сошникъ Зыряинской косули. Издалека доносилось однообразное трещаніе козодоя и заунывное вабенѣе зайца въ лапу, первые звуки, нарушившіе тишину глухой, осенней ночи.

— Ишь его косого забираеть, какіе тоны выводить! сказаль Абрамъ, прислушиваясь къ заячemu вабеню.—Съ полуночи своротило, пойдемте-ка на боковую.

— Ты почему знаешь, что съ полуночи своротило? спросилъ В.

— А, виши, заяцъ надоланиваетъ въ лапу: это онъ утrenнюю зорю бьетъ.

— Будто это заяцъ? Непохоже что-то. Не ошибаешься ли ты, Абрамъ? Птица, можетъ, какая нибудь? возразиль опять В.

— Я вамъ говорю—заяцъ. Ужъ это я доподлинно знаю, потому самъ видѣлъ, какъ онъ это выдѣлываетъ. А вотъ какъ и видѣлъ-то: случилось миѣ быть на тягѣ валюшней въ Даниловскомъ уѣздѣ—въ березовыхъ полоскахъ. Только запоздалъ я, знаете. Ужъ штуки три было у меня убито, пора бы домой, да еще одинъ валюшень леталъ, такъ вздумалось его подождать съ полчасика; стою у густой такой ели, да слушаю, какъ соловушко распѣвается. Вдругъ около самого меня: «ва-ва-ва,-ва-ва»! и смолкло. Я оглянулся—ничего нѣть. Потомъ погодя немного опять заголосило; опять осматриваюсь—опять ничего. А ужъ темнѣнко было, заря потухала и звѣздочки на небѣ рѣденько свѣтились. Минуточку спустя зашабостило что-то въ кустѣ, заяцъ выскочилъ, матерой такой; присѣлъ подлѣ самого меня, поднялъ переднюю лапу, и давай себя колотить по мордѣ, а самъ «ва-ва-ва-ва-ва»! Э, думаю, штукарь; такъ это ты запускаешь такие тоны! Прежде, знаете, я слыхивалъ часто по зарямъ этотъ голосъ, и, какъ ваше же теперь дѣло,

недоумѣвалъ, чей бы это былъ? А вышло вотъ чей, — заячий. Ну, вотъ стою я, не шевелюсь, ожидаюсь, что будетъ дальше. Долго косой вабилъ въ лапу и послѣ каждого раза въ промежутки станетъ на заднія лапы и прислушивается. Вдругъ другой заяцъ, самка должно быть, выскочила изъ полоски къ этому и давай съ нимъ козлы строить. Бѣгали, бѣгали и легли другъ противъ дружки, какъ щенки, когда разыграются. Въ это самое время откуда ни возьмись лисица, и крадется къ нимъ, и крадется какъ кошка подъ воробьевъ, а у самой глаза-то такъ и сверкаютъ, какъ двѣ огненные искорки. Одинъ косой увидаль и шмыгнуль въ кусты. Другой только приподнялся на заднія лапы, должно быть послушать хотѣль, какъ она и сѣла ему на шиворотъ, да тутъ же въ одну минуту и свернула его...

— Что же ты не стрѣлялъ по лисѣ - то, Абрамъ, коли все это передъ тобою происходило? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка, да вѣдь я же говорю вамъ, что это случилось на тягѣ валившей, значитъ, ружье было заряжено бекасинникомъ; а бекасинникомъ - то ей ни рожна не подѣлаешь. Да если и не бекасинникомъ, не сталъ бы стрѣлять: что занапрасно звѣря губить! Весной лиса клоакастая: отеребокъ-отеребкомъ, никуда негодная, не-почто, значитъ, и бить ее.

Забравшись въ баньку и изладивъ на нарахъ постель, мы улеглись на нее всѣ троє въ повалку. Александръ Иванычъ заснуль скоро, потомъ захрапѣль Абрамъ, за тѣмъ и я впалъ въ какое-то полузабытье, въ полусонѣ. Мнѣ было отчего-то тяжело и душно, голова горѣла, въ вискахъ стучало и все тѣло какъ-то болѣзненно ныло. Такого состоянія я никогда на себѣ не испытывалъ: меня клонило ко сну, но лишь только я засыпалъ, какъ непомѣрною тяжестью начинало давить грудь, дыханіе становилось труднымъ и,

при странномъ замираніи сердца, всего меня невольно прохвачивалъ какой-то ужасъ. Я чувствовалъ, что это во снѣ и хотѣлъ пробудиться, но не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ. Лишь только удавалось мнѣ сбросить съ себя сонъ, снова томительная дремота, слова страшно тяжелое состояніе сна, сираніе дыханія, невыносимо—мучительное страданіе въ сердцѣ и боль во всѣмъ тѣлѣ.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ уснуть здоровыемъ крѣпкимъ сномъ, я вышелъ изъ бани на свѣжій воздухъ, который сейчасъ же оживилъ меня, и я почувствовалъ себя хорошо.

Ночь все еще была очень темна, звѣзды заволокло облаками; только едва замѣтный свѣтъ утренней зари, предвестникъ наступающаго дня, протянулся на востокѣ узенькой красноватой ленточкой. По Вычегдѣ въ разныхъ направленихъ путешествовали огни, отражаясь въ водѣ длинными мерцающими полосами; ихъ медленное движеніе безъ звука, безъ малѣйшаго шума, среди черной, тихой ночи, представляло изъ себя какое-то чудесное, таинственное явленіе изъ сверхъ-естественнаго міра. Вотъ цѣлый снопъ яркаго пламени тихо ползетъ около того берега рѣки. Свѣтъ его переливами дрожитъ и играетъ въ водѣ, длиннымъ столбомъ бѣжитъ на другую сторону и острыми, раскаленными иглами вонзается въ берегъ. Вдругъ крутой поворотъ, часть огня заслонена; противъ него обрисовался черный силуэтъ человѣческой фигуры, на одно мгновеніе, и снова яркій пылающій снопъ, сыплющий миллионы искръ въ черную тьму.

То разъѣзжали рыбаки съ лучемъ: способъ ловли рыбы самый добычливый, общеупотребительный и распространенный между всѣми зырянами.

Но диво-дивное творилось въ воздухѣ. Волны неисчислимыхъ звуковъ неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя дороги, по которымъ путешествовали съ

неимовѣрною быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. Говоръ гусей, свистъ и звонъ крыльевъ несущихся стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнородный пискъ куликовъ мѣшался съ пронзительными переливами трубного лебединаго голоса.

Въ невольномъ изумлениі стоялъ я передъ этимъ дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Никогда не случалось мнѣ быть его свидѣтелемъ. Я вперилъ глаза вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ разглядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и громче; все плыли и плыли стаи, все гуще становилось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе звенящихъ отъ быстраго полета крыльевъ, какъ будто надъ головою вились и парили духи.

— Вдругъ я замѣтилъ въ темнотѣ, почти около самаго меня, неподвижно стоящую человѣческую фигуру. Подхожу—Абрамъ.

— Абрамъ, это ты? что ты тутъ дѣлаешь?

— Слушаю и не могу наслушаться, что это такое дѣлается тамъ! шепотомъ отвѣчалъ онъ, ткнувши въ воздухъ указательнымъ пальцемъ.

— Да давно ли ты здѣсь?

— Да ужъ давно, еще до васъ. Птицы-то, птицы-то сколько! Господи! сродясь такого чуда не видывалъ.

А свистъ, говоръ, шумъ,—какъ будто на разные голоса пѣлъ самъ воздухъ,—всего оглушительнѣе и разнороднѣе становился въ вышинѣ.

Въ этомъ общемъ птичьемъ хорѣ голосовъ слышны были звуки, о которыхъ трудно было сказать, къ какой породѣ дичи они относятся: пѣвчія ли то птицы, водяная ли дичь, или кулики, обитатели болотъ и прибрежныхъ песковъ.

Я побѣжалъ въ баньку и началъ толкать разоспавшагося В.

— Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ!

— Что вамъ? Дайте поспать.

— Полноте спать, вставайте!

— Зачѣмъ?

— Вставайте, вставайте скорѣй. Пойдемте чудо слушать.

— Какое еще тамъ чудо? спать хочется.

— Да отстаньте вы съ вашимъ сномъ! Говорятъ пойдемте! До сна-ли?

В. поднялся, зѣвнуль протяжно и громко и наконецъ полѣзъ изъ баньки.

— Эка темень! Какъ рано разбудили! Гдѣ же чудо-то? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ, все еще не приходя совершенно въ себя.

— А вотъ слушайте, что на небесахъ творится. Это совершеню особый міръ жизни. Слышите-ли, слышите-ли, какія тамъ голоса?

Э-э! вотъ что! Ну, это валовой отлетъ. Здѣсь въ это время всегда такъ бываетъ.

— Экъ варить! экъ тамъ варить, точно въ котлѣ! проговорилъ Абрамъ.

— Да и ты здѣсь, Абрамъ! а я тебя и не замѣтилъ. Видаль-ли ты такой пролетъ? спросилъ его В., уже совершенно отрезвившійся отъ сна.

— Гдѣ, батюшка, видать. И не слыхиваль даже. Что это, *нагонъ* что ли?

— Какой *нагонъ*! Просто дичь съ поморья летить въ теплые страны, холодъ чуетъ.

— Да ужъ что-то ее безъ числа много?

— Да потому и много, что птица разная. Вотъ, слышишь-ли точно серебряные позвонки бряцаютъ? Это ржанки летять, такія маленькия красивенькия курицы, весною встрѣчаешь иногда ихъ на поляхъ, по озимямъ.

— Знаю, знаю! сѣменнухи по нашему, сказалъ Абрамъ.

— Ну, да, по вашему сѣменнухи, а здѣсь зовутъ ихъ

еще ячменниками. Летять они всегда большимъ стадомъ на ужасной высотѣ и постоянно при этомъ пищать своими серебряными голосками. А чу—и черная утка отправилась съ сѣверныхъ рѣкъ. Слышишь ли свистъ, похожій на то, какъ ребятишки въ глиняныхъ дудкахъ наигрываютъ? Это ихъ голоса.

— Ну, дичи! ну, дичи! И во сиѣ про столько не снилось. Экъ какая пропасть помѣщается ее на матушкѣ земли русской! сказалъ въ изумлениіи Абрамъ и можетъ быть сказалъ великую истину...

— Дичи много. Мѣста на поморье удивительныя: много тинистыхъ и чистыхъ озеръ, болотъ, трясинъ, разныхъ потныхъ мѣсть, мшеринъ непроходимыхъ и всякаго приволья, а на отмеляхъ чудные жиры, потому разная птица и любить держаться около тѣхъ мѣсть, продолжалъ Александръ Ивановичъ. Вотъ опять вслушайся-ка, какие звуки: точь въ точь какъ на водоносѣ ведра поскрипываютъ: это петрули летятъ, маленькая морская чайки, сущіе, говорять, разбойники по своему быстрому полету и ловкости. Ихъ иначе называютъ буревѣстниками, потому что поморы всегда по нимъ предъузнаетъ бурю.

— Да гдѣ же это такое поморье есть, Александръ Ивановичъ? спросилъ Абрамъ.

— А поморьемъ называется вся сторона, которая идетъ по морю отъ Архангельска и дальше туда по Ледовитому океану. Вотъ бы гдѣ, братъ Абрамъ, поохотиться-то! Рассказывали мнѣ бывалые люди, что это тамъ за охота. Два раза въ сутки дѣлается въ морѣ приливъ и отливъ. Во время отлива образуются огромнѣйшія отмели, покрытые гдѣ иломъ, гдѣ пескомъ, со множествомъ лужъ и разныхъ ложбинокъ, по которымъ собирается на кормежку утки, гуся, лебедя и разныхъ куликовъ и морскихъ птицъ видимо—не видимо. Особо привольно птицѣ по иламъ; потому море во время отлива оставляетъ на иловой отмели морскихъ чер-

вячковъ и разную питательную шмару. Чтобы попасть на отмели, нужно съ берега перебраться на нихъ черезъ глубину въ лодкѣ. Худо знающему время морскихъ приливовъ и мѣстность отмелей пущаться на эту охоту, опасно, — можно поплатиться жизнью: заберешься глубоко въ отмели, застанеть приливъ, сорвешь съ песку лодку, море начнетъ хлестать убѣгающаго охотника по пятамъ и наконецъ снесеть въ глубину. Такъ погибло много изъ горяченькихъ. Но между поморами есть много опытныхъ и сметливыхъ охотниковъ, въ случаѣ надо имъ поручить себя; ужъ они знаютъ, какъ поступать, потому цѣлую жизнь обходятся съ моремъ, понимаютъ всѣ его причуды и не выдадутъ товарища. Обыкновенно въ вечерній отливъ, передъ зарей, отправляются на отмели. Выберутъ удобныя мѣста, самыя становища дичи, выкопаютъ ямы и позасидутъ въ нихъ. Птицы по зарѣ налетаетъ несмѣтное количество, особо много наплекой утки морянки, гусей и разнаго вида куликовъ. Стрѣльба приводится все въ леть больше. У поморъ ружья харчистыя, по горсти пороху засыпаютъ въ зарядъ. Какъ изъ этакой фузен дохнетъ по летящему стаду, такъ и вырветъ въ немъ окошко. Убитую птицу не собираютъ до самого окончанія охоты, до тѣхъ поръ, пока поморецъ не поастъ сигнала, что пора уже съ отмелей убираться на берегъ. Тогда зажигай фонарь, если тихо — лучину, и ужъ съ огнемъ сбирай свою добычу; а ее въ удачный леть набиваются иногда на одно ружье такъ много, что не подъ силу человѣку стащить. Чего, говорятъ, не перечувствуетъ въ этой охотѣ новичекъ-охотникъ: и радость, когда разноголосая дичь близится цѣлымъ облакомъ, и страхъ когда море стонеть и реветь! Помору же дѣла нѣть до моря. Чудный народъ эти поморы!..

И затѣмъ Александръ Ивановичъ началъ Абраму длинный разсказъ о неустранимости приморскихъ жителей, о ихъ

смѣлыхъ поѣздкахъ по промышленнымъ дѣламъ на далекіе острова, о зимовкахъ на Новой землѣ и охотѣ тамъ на моржей и тюленей, о посѣщеніи промышленниками Калгуева и Вайгача и истребленіи на этихъ островахъ гусей, лебедей, гагъ и утокъ. Много интересныхъ подробностей передаѣть въ своемъ разсказѣ В., много и красныхъ словцовъ для эффекта было имъ ввернуто. Онъ видимо подбиралъ свое повѣствованіе въ томъ содѣржаніи, чтобы поразить чудесами охотничью любознательность Абрама и не остаться у него въ долгу по розсказамъ. А тотъ слушалъ и удивлялся, ахалъ и хлопалъ руками...

Между тѣмъ разсвѣло на-бѣло. Красно и широко разлилась заря по небу, заходилъ туманъ по рѣкѣ и озерамъ, а пожни убѣлились инеемъ первого крѣпкаго осенняго утренника. Мелкая птица провалила; только небольшія станички курохтановъ и зуекъ, то свиваясь клубкомъ, то разсыпаясь сѣтью, мчались въ южныя страны съ неимовѣрною быстротою, какъ будто торопились они изо всѣхъ силъ догнать своихъ улетѣвшихъ товарищѣй. Огромныя же отдѣльныя вереницы гусей и лебедей видны были во всѣхъ направленіяхъ. Они летѣли на страшной высотѣ стройными трехугольниками, громко перекликаясь между собою.

— Неѣхать ли домой, Абрамъ? Утреннее поле сего дня не можетъ быть удачно: вся дичь въ отлетѣ, — сказалъ я.

— Тоже и я мекаю; да немногого то походите.

— Походить, пожалуй, походимъ; да, вѣдь, понапрасну будетъ.

— А кто знаетъ! «На грѣхъ и курица чихнетъ»; можетъ и убъемъ что-нибудь.

Разошлись. Я отправился на вчерашнія мѣста, проняль на сквозь все болото, гдѣ такъ удачно охотился на бекасовъ и курохтановъ, обошелъ иѣсколько озеръ тинистыхъ и

чистыхъ, но не видаль, что называется ни пера. Около полдня Абрамъ подаль голосъ къ домамъ. Онъ также не убиль ничего; одинъ только Александръ Ивановичъ, бродивши по лѣсу, заполеваль пару рябчиковъ.

На возвратномъ пути разговорились о зырянскихъ преданіяхъ. Александръ Ивановичъ, какъ мѣстный урожденецъ, хорошо знающій Зырянъ, былъ на этотъ разъ нашимъ главнымъ разсказчикомъ.

— Преданіями зырянская жизнь бѣдна, повѣствоваль онъ. — Одно изъ самыхъ древнихъ, это преданіе о Ягъ-Мортѣ *).

— Ягъ-Мортъ значить «лѣсной человѣкъ». Разсказываютъ обѣ немъ такъ:

— Въ самыя отдаленные времена, когда еще Зыряне были язычниками, появился на берегахъ рѣки Кучи, впадающей въ Ижму, страшный человѣкъ, такой человѣкъ, который если по лѣсу шелъ—руками сосны разводилъ, голосомъ говорилъ—буйный вѣтеръ заглушалъ. Ужасную образину имѣлъ Ягъ-Мортъ: обросшее черными волосами лицо, кровяные глаза и медвѣжья шкура, изъ которой сшила была его верхняя одежда, дѣлали великаны похожимъ скорѣй на звѣри, чѣмъ на человѣка. Никто не зналъ, откуда пришло на берега Кучи это чудовище. Обыкновено говорили, что Ягъ-Мортъ выросъ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами Запечорья и ему было столько же лѣтъ, сколько и этимъ лѣсамъ. Жилъ онъ одиноко, въ неприступныхъ мѣстахъ, за непроходимыми болотами, и появлялся между зырянскими селеніями только для разбоя и убийствъ.

*) См. „В. Г. В.“ сороковыхъ годовъ, ст. г. Мельникова: „Въ изложениі преданія мы слѣдуемъ порядку этой статьи, исключая изъ нея поэтическія вольности и исправляя ошибочно переданный мѣста. Мы имѣли случай пропроверить сказаніе обѣ Ягъ-Мортѣ въ разныхъ углахъ зырянского населенія и теперь передаемъ его съ самою точною вѣрностю.

«Для нападеній своихъ Ягъ-Мортъ выбиралъ темныя ночи, при чмъ поджигалъ деревни, и въ общей суматохѣ пожара безчинствовалъ, сколько того кровожадная душа его хотѣла. Онъ уводилъ женъ и дѣтей, угонялъ скотъ или просто рѣзалъ его на мястѣ. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему доходила до того, что онъ часто безъ всякой надобности убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Зыряне, выведенныя изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, старались всѣми способами извести его. Они начинали ловить его, какъ дикаго звѣря, т. е. строили засады, выкапывали громадныя ямы,—но ничто не помогало. На хитрость Ягъ-Мортъ былъ самъ хитеръ; открытая же схватка съ нимъ была не по плечу робкимъ, мѣшковатымъ Зырянамъ; во всемъ Запечорѣе не находилось молодца, который-бы осмѣлился помѣряться съ нимъ силами. Къ тому же Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ колдуномъ. Оспу, болѣзни всякия, скотскій падежъ, бездождѣе, безвѣтrie, лѣтніе пожары,—вообще разныя физическія бѣдствія и необыкновенныя явленія природы суевѣрные зыряне приписывали мрачнымъ волхвованіямъ Ягъ-Морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ солнце, луну и звѣзды и, по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя — разбойника, и потому онъ чудесилъ себѣ на полной свободѣ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Разъ у старшины одного изъ зырянскихъ селеній прошла безъ вѣсти единственная дочь, красавица Райда. Это была такая дѣвка, какой еще не видывали между Зырянами. Проходитъ день, два, проходятъ цѣлые недѣли—Райды нѣтъ какъ нѣтъ! Мать ея выплакала глаза отъ слезъ, отецъ съ женихомъ своей дочки выходили всѣ ближнія селенія, всѣ лѣса окрестные, но не нашли нигдѣ Райды. Вотъ кликнули каличъ, созвали народъ на совѣтъ, объявили свое горе — и всѣ, отъ старого до малаго рѣшили общимъ голосомъ, что Райдѣ самой негдѣ потеряться, а что это должно быть дѣло

Ягъ-Морта: вѣроятно онъ похитилъ зырянскую красавицу, и увлекъ ее въ свою звѣриную берлогу. А на Ягъ-Морта кого просить будешь? Гдѣ на него судъ найдешь? Погибла Райды! Такъ потолковали, пошумѣли и разошлись по домамъ, не сдѣлавъ ничего путнаго. Но неудовольствовался этимъ рѣшенiemъ удалой женихъ Райды. Онъ съ прощею молодежью, своими товарищами, снова кликнулъ кличъ, взволновалъ все Запечорье собраль нѣсколько десятковъ удальцовъ и въ общемъ совѣтѣ положили, во что бы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, извѣстнаго окаяннаго колдуна или самимъ погибнуть! Составилось ополченіе: ратники вооружились стрѣлами, копьями, пѣшими, вилами, кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ сто противъ одного. Хоть ихъ и много было, но не безъ страха ожидали они встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ, съ силачемъ разбойникомъ и колдуномъ. Нѣсколько сутокъ прошло въ напрасныхъ поискахъ злодѣя; нигдѣ онъ не попадался Зырянамъ; но они и не думали отступать отъ своего намѣренія; о возвращеніи домой не было и слова. Пошли они ка тропу Ягъ-Морта, по направлению къ рѣкѣ Ижмѣ. Долго искали они ее и наконецъ въ темномъ дремучемъ лѣсу напали на торную дорогу, пробитую чудовищными ножищами колдуна. Зыряне рѣшили, что онъ часто долженъ ходить по этой дорогѣ и засѣли близъ нея, въ густую трущобу лѣса, на угорѣ рѣки Ижмы. Долго-ли, коротко ли таились они въ засадѣ, но вотъ однажды видятъ—Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ рѣку Ижму, прымехонько противъ того мѣста, гдѣ спрятались товарищи. Тутъ вѣрно не одно зырянское сердце ушло въ пятки и замерло тамъ отъ страха, но отступать было уже поздно; Зыряне, волей или неволей, а должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только Ягъ-Мортъ ступилъ на сухой берегъ—копья, стрѣлы, каменья градомъ посыпались изъ чащи лѣса въ его мохнатую шкуру. Озадаченный

первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу... Онъ грознымъ, кровавымъ своимъ взглядомъ искалъ враговъ въ чащѣ лѣса и измѣрилъ пространство, отдѣлявшее его отъ нихъ,—а удары неустанно сыпались на его грудь и голову, стрѣлы вензались въ бока и даже въ лицо... Наконецъ взревѣлъ Ягъ-Мортъ, взмахнувъ тяжелой палицей, ворвался въ средину нападающихъ и пошелъ косить на-право и на-лево. А Зыряне не отступали, окружили его со всѣхъ сторонъ, разили разбойника, кто какъ могъ—и началось страшное побоище! Ягъ-Мортъ долго съ необычайнымъ ожесточеніемъ и силою отбивался отъ многочисленной толпы своихъ противниковъ, палица его размозжila много головъ, многихъ изуродовала на-смерть, но изнемогъ же онъ и самъ; усталость и раны до того его обезсили, что онъ грохнулся на землю. Тогда товарищи схватили Ягъ-Морта, отсѣкли ему руки, грозили спасти и голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища. И вотъ обезоруженный и изуродованный силачъ-колдунъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей. Онъ повелъ ихъ далѣе въ самую чащу лѣса, гдѣ въ высокомъ отвѣсномъ берегу рѣки Кучи выкопана была просторная пещера, убѣжище великана Ягъ-Морта. Неподалеку отъ входа въ пещеру, на большой грудѣ разнаго хлама и костей лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческій... Это были обезображенныe остатки нѣкогда прекрасной Райды. Во внутренности пещеры Зыряне нашли множество разной добычи, сложили ее въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-Морта засыпали землей, забросали каменьями и заклали бревнами. Затѣмъ привели обратно своего пленника на то мѣсто, гдѣ съ нимъ бились, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый коль, чтобы еретикъ, по зырянскому повѣрю, не могъ встать изъ мертвыхъ, и закопали трупъ разбойника въ глубокую могилу. Такъ разсказываютъ о Ягъ-Мортѣ между ижемскими Зыря-

нами,—заключиъ Александръ Ивановичъ,—и до сихъ поръ показываютъ тамъ, близъ свѣтлой рѣки Кучи, на одинъ курганъ, называя его могилою Ягъ-Морта. Всякій проходящій мимо этого кургана долженъ бросить на него камень, хвостину, или что нибудь, и плюнуть. Это обыкновеніе ведется у ижменцевъ съ незапамятныхъ временъ и обратилось у нихъ въ привычку. Если кто преибре жесть этимъ обыкновеніемъ, то тутошние старики какъ разъ осудятъ. «Не видать ему добра, говорятъ они о такомъ человѣкѣ, онъ даже не плюетъ на могилу Ягъ-Морта».

— Объ этомъ курганѣ, продолжалъ В. — много басенъ ходить въ народѣ и все онѣ основаны на чертовщинѣ. Старики уверяютъ, что въ прежнее время въ темныя осенняя ночи запоздалыя промышленники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, видали синеватый огонь, исходящій изъ кургана и часто слыхали страшные вопли и завыванія. Бабы особенно вѣрятъ этимъ розсказнямъ и боятся подходить близко къ проклятой могилѣ Ягъ-Морта.

— Не знаете вы, Александръ Ивановичъ, повторяется ли басня о Ягъ-Мортѣ въ другихъ мѣстахъ Зыряндіи? спросилъ я.

— Вотъ въ томъ-то и статья, что преданіе объ этомъ господинѣ распространено очень широко: въ верховьяхъ Вычегды есть свой Ягъ-Мортъ, объ томъ разсказывается иначе; на Удорѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ, туда къ Мезени — есть свой Ягъ-Мортъ, объ томъ онѣтъ своя басня: а отъ Ижмы выше по Печорѣ, около печорскаго погоста — Ягъ-Мортъ просто значить лѣсовикъ, т. е. лѣсничій. Тамъ про него и пѣсня колыбельная поется для неугомонныхъ дѣтей:

„Ягъ-Мортъ ыдѣыдъ, ыздѣ буръ козъ,
„Ягъ-Мортъ сюдъ, ыздѣ паць шомъ.
„Энъ бордъ, ціо! Ягъ-Мортъ воасъ,
„Кутанъ—бордны—тёнö сёясъ!“

— Это значитъ: «Ягъ-Мортъ высокъ какъ большая ель, Ягъ-Мортъ черенъ какъ печной уголь. Не плачь, за- «молчи! Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать—съѣсть»!

— Вѣдь съ чего нибудь да взято это преданіе о Ягъ-Мортѣ? замѣтилъ я.

— Конечно съ какого-нибудь дѣйствительнаго случая: можетъ, въ старину и въ самомъ дѣлѣ былъ какой нибудь силачъ-бродяга, настращалъ трусливыхъ зырянъ своими проказами, вотъ оно имъ и памятно! — рѣшилъ Александръ Ивановичъ.

Въ это время мы вѣхали въ «Потеряй» въ широкій рукавъ, соединявшій Вычегду съ Сысолой. До Устьсысолска оставалось не болѣе шести верстъ.

— Чу! Зыряне по волчы разыились! эхъ ихъ прорвало! проговорилъ съ досадою Абрамъ, заслышавъ какіе-то дикие протяжные голоса, похожіе скорѣй на вой и причитанье, чѣмъ на пѣніе.

— Что это такое? Это что-то не похоже на пѣсни, сказалъ я Александру Ивановичу, вслушиваясь въ нестройныя мужскія и женскія завыванія, заглушаемыя по временамъ громкимъ говоромъ.

— А свадьба должно быть! догонимте, любопытное увидимъ, отвѣчалъ В.

Абрамъ поналегъ на весла; я дружно помогалъ ему съ кормы. Лодка быстро понеслась внизъ, разсѣкая на обѣ стороны журчащую воду. Черезъ нѣсколько минутъ, обогнувши Артемьевскій мысъ, мы вѣхали въ Сысолу. Сверху спускалось до десятка зырянскихъ лодокъ съ разряженными по-праздничному народомъ. Мы примкнули къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ это была свадьба. Везли невѣсту къ вѣнцу. На лодкѣ жениха шла попойка; на чистенькой новенькой лодочки невѣсты пѣлись прощальныя свадебныя пѣсни съ воемъ и всхлипываньемъ.

Покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, кивая головой
на-право, и на-лево, и нещадно хлопая себя руками по тол-
стымъ ладвеямъ, невѣста пѣла свое слезное слово:

Спась и пречистая благословите! *).

Боже, благослови

Полною житницей!

Отецъ, благослови

Полной набирушкой (корзиной) хлѣба!

Небо, благослови

Зеленою травою!

Вода, благослови

Живою рыбой!

Лѣса, благословите

Лѣсною птицей!

По-Божью я сидѣла

На чистомъ полѣ;

По-людскому сидѣла

На зеленомъ мѣстѣ;

Подъ ногами, какъ сидѣла

Помость быль...

Большимъ камнемъ сидѣла

Не двигаясь;

Смолянымъ пнемъ сидѣла

Не отрываяся!

Охъ! не хотѣла бы я въ вѣкъ

Отрыватися!

Желѣзный ломъ меня бы

Не выворотилъ!

Человѣкъ отцовскій сынъ

На домъ пришелъ:

Его мягкой языкъ

Поднялъ меня!

*) Это слезное слово невѣсты въ большомъ ходу между зырянскими свадебными припѣвами особенно въ печорскомъ краю. Оно поется по русски и не лишиено нѣкоторыхъ поэтическихъ уподобленій, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

На горѣ сѣсть—
Осыпается;
На берегъ сѣсть—
Берегъ въ воду ползеть;
Середь Вычегды сѣсть—
Въ Двину несетъ;
На Двину попасть—
Въ море уплыть;
Средь моря попасть—
Всю жизнь плавать,
По волнамъ щекой мыкаться,
Краевъ не видать!

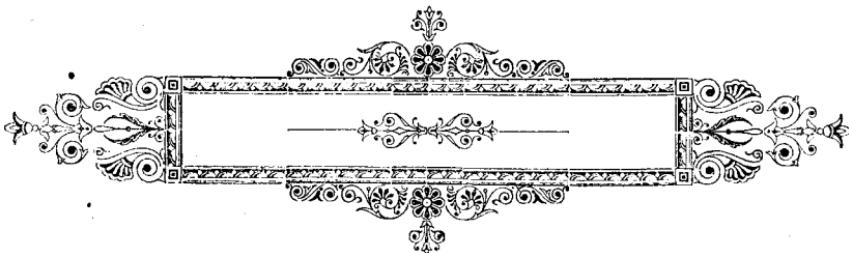
Я надъ омутомъ сижу,
Держусь крѣпко;
Я, какъ ель сижу,
Почернѣвши;
Какъ береза сижу,
Побѣлѣвши;
Какъ осина сижу,
Пожелтѣвши;
Какъ сосна сижу,
Растрапавъ вѣтви.
Ой! сегодняшній день
Молодое дерево согнулось;
А согнувшись оно
Затрещало и сломалось.
Ой! сегодняшній день
Воля дѣвичья прошла:
Красно солнышко—
Воля дѣвичья!

Свадебный поѣздъ привѣтствовалъ насъ очень доброподушно. Вообще Зыряне гостепріимны, разговорчивы и ласковы. Насъ подчивали пивомъ и шаньгами (ячменными лепешками на молокѣ). Абрамъ разрѣшилъ даже стаканчикъ водочки, поднесенный ему дружкою. Дружка былъ молодой,

красивый и ловкий парень, хороший промышленник и страшный охотникъ. Онъ рассказывалъ намъ много интереснаго объ охотѣ на оленей и выдръ.

Такъ мы среди разговоровъ и пѣсень, свадебныхъ при-
читаній и добросердечнаго угощенія, незамѣтно доплыли до
города.

V.

„ЛЁМЪ-Ю“.

Люнь въ серединѣ. Дни теплые, ясные: по ночамъ пасквиль свѣтло: одна заря потухаетъ, другая начинается. Погода чудная; въ полдень, правда, жарко, томительно, особенно на припекѣ, гдѣ солнечные лучи бьютъ почти въ упоръ; но чуть солнце начинаетъ немножко склоняться къ закату, этакъ часовъ около четырехъ или пяти, и пойдутъ похаживать облачка, сперва въ разсыпную, мелкими барашками, потомъ соберутся въ тучку, заволокутъ солнце, и брызнетъ такой дружный, прохладжающій дождикъ, прибьетъ пыль, освѣжитъ, умоетъ сѣверную природу, и затѣмъ вновь засияетъ Божье свѣтило во всёмъ своемъ блескѣ и лѣтъ свои благодатные лучи на зеленые пожни, и на озера среди нихъ, и на тихую, покойную поверхность рѣки, и на лѣсь за рѣкою. Такъ сдѣлается легко и привольно! Смолистый запахъ отъ пихтъ и лиственницы, смѣшавшись съ сѣрнымъ запахомъ молодаго березового листа, разольется въ воздухѣ; глубоко вдохнешь въ себя этотъ благородстворенный воздухъ и чувствуешь себя какъ-то особенно бодро и благополучно.

Охота до времени покончена. Всякая птица давнимъ давно засѣла на гнѣзда. Болтаются кой-гдѣ одинокіе селезнишки, но около крѣпней, по глухимъ озерамъ, откуда ихъ никакимъ побытомъ достать невозможно. Вальдиненъ тянетъ по берези-

намъ черезъ прогалины, но въ зырянскомъ краѣ этихъ долго-
носиковъ такъ мало, что не стоитъ изъ-за нихъ отдавать
себя на жертву комарамъ, появляющимся въ несмѣтномъ кол-
ичествѣ въ лѣсахъ вечернею порою. Въ концѣ Мая налетѣли
было громадныя стада ржанокъ на наши окресты города; пострѣ-
ляли мы ихъ въ изрядномъ количествѣ; да держались они не
долго: какъ-то послѣ слишкомъ жаркой баталии всѣ станички
вдругъ поднялись съ полей, залетали, закружились, перекли-
каясь между собою своими мелодическими голосками, свились
въ одну большую стаю и покатили клубкомъ въ дальнюю сѣ-
верную сторону. Затѣмъ уже не было никакой охоты; вотъ
уже болѣе двухъ недѣль какъ ружья и всѣ охотничьи доспѣ-
хи развѣшаны на гвозди и смиренно пребываютъ на стѣнѣ
между картинаами охотничьяго содержанія. Произведенія само-
роднаго художника съ талантомъ не признаннымъ и погиб-
шимъ! живо передаете вы мнѣ весьма многія интересныя сце-
ны изъ охотничьей жизни, навѣвава воспоминанія изъ невозврат-
но прошедшаго, съ его милыми сердцу друзьями — собратами
на охотничьемъ поприщѣ. Вотъ Александръ Михайловичъ Кон-
дачевъ, перебродя черезъ болото, зачерпнуль и выливаетъ воду
изъ санога; а въ это время его Султанко, скусивъ изъ торо-
ковъ утку, уписываетъ ее за кочкой. Сѣрое небо, плоскія
окрестности, изгибъ широкой рѣки, кочковатое болото, покры-
тое длинною осокой и обрамленное мелкимъ лиственнымъ лѣс-
комъ — напоминаютъ пришескинскую мѣстность. Вотъ Яковъ
Васильевичъ Бушинъ травитъ русака, который мастерски схва-
ченъ на прыжкѣ черезъ ивовый кустикъ; за русакомъ ска-
чутъ двѣ борзыя, а другія двѣ растянули молоденькаго ба-
рашка; нѣсколько вдали стая гончихъ врѣздалась въ стадо
овецъ и вертить ихъ на поваль; трое охотниковъ отбиваются
собакъ арашниками. Широкое озеро, мѣстами затянутое водорослями и ситовникомъ. По берегамъ густыя ракиты, отчет-
ливо отражающіяся въ тихой, какъ зеркало лоснящейся водѣ.

По срединѣ стадо кряковыхъ утокъ въ розсыпную. Изъ осоки, около небольшаго ивового кустика торчитъ голова Абрама съ непоколебимымъ хладнокровiemъ дожидающагося, пока сплынутся утки въ кучку, чтобы за одинъ выструѣль повалить ихъ нѣсколько штукъ. Картина освѣщена яркою полосою утренней зари. Художникъ выбиралъ комические моменты изъ нашихъ охотничыхъ похождений, и съ необыкновенною отчетливостю смѣло и типично передавалъ ихъ на полотнѣ. При взглядѣ на эти картины каждый разъ дорогie образы встаютъ въ воображеніи и невольнѣ заставляютъ блуждать мысли въ отдаленномъ прошедшемъ. Но обратимся къ дѣйствительности:

На дворѣ, противъ окна, подъ тѣнью старой рябины, Абрамъ натачиваетъ крючки подольника, разложенаго на осиновомъ лоткѣ, и курлыкаетъ вполголоса пѣсенку:

Сторона-ль моя сторонушка,

Сторона-ль моя родимая—

Славный городъ Ярославль.

— Завтра поѣдемъ въ Лѣмъ-ю-то, али въ Воскресенье? обратился ко мнѣ Абрамъ сквозь отворенное окно.

— Пожалуй завтра, если все готово?

— У меня все налажено; а вы зарядовъ наготовьте похарчистье; пуль и картечь взять надо: на оленей можемъ наткнуться, на водопой ходятъ.

Лѣмъ-ю—на зырянскомъязыкѣ значить черемховая рѣка, т. е. по окраинамъ береговъ обросшая черемховымъ кустарникомъ. Она вытекаетъ изъ дремучаго лѣса и впадаетъ въ Вычегду. Рѣчка эта, какъ рассказывали намъ, омутистая, мѣстами текущая по переборамъ, мѣстами имѣющая глубокія, чистая плеса. Въ ней водится великое множество харьюзовъ, очень миловидной вкусной рыбки изъ породы сиговъ, достигающей вѣсомъ до двухъ и даже трехъ фунтовъ. На нихъ тоже и ополчались. Въ іюнѣ на харьюзовъ самый горячій ходъ; они ловятся около переборовъ, на удочку, наживленную обык-

новеннымъ землянымъ червемъ, и хватаютъ такъ жадно, что усилий только насаживать крючки да забрасывать. Такъ по крайней мѣрѣ рисовали памъ уженье харьюзовъ Зыряне, приверженныеско вскимъ рыбнымъ ловлямъ не менѣе охоты за звѣремъ и итицею.

— Алексѣя прихватить съ собой слѣдуетъ, заговорилъ Абрамъ; лодку поможеть тянутъ; противъ воды высоко подниматься надо; опять-же и мѣста онъ знаеть, въ коихъ харьюзъ больше держится.

— Такъ какъ-же?

— Да я за нимъ сбѣгаю, не откажется: время теперь праздное, до страды еще далеко; посулить ему двугривенный да чаемъ попоить, вотъ и доволенъ будетъ.

— Ну, бѣги, а я приготовляться буду.

Начались сборы. Крючки надо было осмотрѣть у удочекъ; нѣкоторые подточить, нѣкоторые перевязать; парочку удочекъ изладить запасныхъ; затѣмъ наостричь блесну *), привязать къ ней поводокъ; потомъ приготовить съ собою по части желудочной потребности различныхъ запасовъ: бѣлаго и чернаго хлѣба, кусокъ телятины, чаю, сахару, мѣдный чайникъ, котелокъ для варки ухи. Пока я возился совсѣмъ этимъ, завертывалъ и укладывалъ въ корзину, явился Абрамъ съ Алексѣемъ.

— Рано выѣзжать надо? спросилъ я ихъ.

— Да на свѣту надо, отвѣчалъ Абрамъ, Алексѣй говорить—верстъ тридцать будетъ и все противъ воды; а тамъ рѣченкой-то худоѣхать: ломно очень и переборовъ много.

— На свѣту — такъ хотъ и съ вечера поѣзжай, все свѣтло.

*) Блесна или дорожка—искусственная рыбка изъ олова съ большимъ крючкомъ, къ которому пришитъ маленький лоскутокъ краснаго сукна. Пущенная позади лодки на длинномъ снуркѣ, она крутится въ водѣ и блеститъ какъ рыбка; щука хватаетъ ее и попадаетъ на крюкъ.

— Нѣть, соснуть надо; а тамъ какъ заря утренняя зарѣется и въ путь.

— Ладно; такъ ужинать что-ли да ложиться спать.

На томъ и порѣшили: поужинали и легли спать.

Проснулся я очень рано, подошелъ къ окну, отвориълъ его, взглянуль за рѣку на противоположную сторону, гдѣ лежали обширные луга, взглянуль и изумился: ни пожней, ни перелѣсковъ на нихъ, ни озеръ, ни даже самой рѣки не было видно, а куда только глазъ могъ проникнуть разстилалось широкое, безбрежное пространство воды; изъ отдаленнаго края ея выставлялся бокъ восходящаго солнца и первыми своими лучами золотиль это бѣлое безпредѣльное пространство. То былъ туманъ. Черезъ нѣсколько времени онъ началъ колебаться и мало по малу стали прорѣзываться сквозь него сперва ближайшіе предметы, а потомъ и отдаленный лѣсъ, и кудрявый кустарникъ на пожнѣ. Наконецъ засверкала и стальная поверхность Сысолы. Тишина была невозмутимая. Только съ полоевъ и озеръ изрѣдка доносились крики чаекъ, да пѣничка въ полисадникѣ, забравшись въ густой кустъ черемухи, звенѣла какъ колокольчикъ.

— Эй, ребятушки, вставайте! Ужъ солнце взошло, проспали!

Мигомъ вскочилъ Абрамъ и началъ весьма безцеремонно толкать разоспавшагося Алексѣя.

— Алексѣй, Алекса! вставай! Жхать пора; экъ его, окаяннаго, какъ онъ хранитъ, точно на волонториѣ играеть; вставай говорятъ... Вотъ такъ сонъ... Алекса, ей!...

Алексѣй открылъ глаза, сѣль, запустилъ обѣ руки въ густыя, курчавыя волоса и началъ чесать голову изо всѣхъ силъ.

— Экой обмѣнъ какой! да полно тебѣ, чурбанъ, чесаться-то, Жхать, говорятъ пора, виши солнышко-то гдѣ, ужъ надѣ лѣсомъ...

Черезъ полчаса, забравши съ собою всё приготовленное съ вечера, мы въ свое мальчишкомъ членокъ отвалили отъ берега и пошли противъ течения Сысолы.

Туманъ клубился надъ водою, волнуясь и разстилаясь волокнами по ея поверхности. Утренній холодокъ пріятно щекоталъ нервы; въ одно мгновеніе исчезла наша сонливость и лѣнь.

— Поналягъ Алеша! поналягъ дружній! командовалъ Абрамъ съ кормы; обогнемъ мысокъ—бечевкой потянемъ; а что дорожить будемъ, пускать блесну-то?

— Разумѣется будемъ—разматывай и пускай; виши утро какое знатное, тишина; да и щукъ теперь самый ходъ.

Переѣхали черезъ рѣку; Алексѣй выскочилъ на берегъ, сдѣлалъ изъ кушака лямку и прикрѣпивъ къ ней бечевку, потянулъ лодочку противъ течения. Абрамъ, чтобы удобнѣе было дорожить, отрыснулъ далеко отъ берега. Блесна, пущенная на длинномъ снуркѣ, заиграла въ водѣ какъ се-ребряная звѣздочка.

— Ты въ зубы возьми поводокъ-то отъ дорожки, кричалъ Алексѣй съ берега Абраму, въ зубы возьми, а то не услышишь—какъ щука хватить!

— Я на налецъ намотаю: все то-же будетъ.

— То, да не одно: на зубахъ лучше услышишь: мы все въ зубы беремъ!...

— Ладно, ладно: тяни знай; хватить щука, такъ не уйдетъ, справимся, не безнокойся.

Алексѣй довольно скоро пошелъ по берегу и лодка весело полетѣла противъ течения; водяные струйки зажурчали подъ носомъ, разбѣгаясь на обѣ стороны. Съ каждымъ изгибомъ рѣки мѣнялся ландшафтъ окрестностей: то разстилались луга на необозримое пространство, съ густою, сочию травою, между которой различными колерами пестрѣли полевые цветы съверной флоры, то мелкій березовый

льсокъ полосами тянулся по суходоламъ; мѣстами встрѣчались глубокія долины, переходящія въ болото; или вдругъ берегъ, понижаясь почти къ самому уровню воды, открывалъ великолѣпное озеро, съ тихою, покойною водою, покосившою около береговъ широкими листьями лопухи; по берегамъ озера группами стояли столѣтнія сосны; могучія вѣтви ихъ, свалившись надъ водою, отражались въ ней—какъ въ зеркаль.

Іюньское утро было во всемъ своемъ блескѣ: природа торжествовала многочисленными голосами: стономъ-стонали чайки и крачки. Жаворонки то и дѣло подымаясь изъ травы, заливались въ воздухѣ; по всемъ направленіямъ кричали коростеля, громко насвистывали болотные курочки, надъ водою разстилались береговые стрижи; а надъ болотомъ, описывая широкія круги, голосились—кроншины.

Правымъ берегомъ Сысолы мы поднялись до Потеряя*). Черезъ Потеряй, пройдя въ Вычегду, мы снова начали подниматься вверхъ по теченію. Сначала берега Вычегды шли съ ровными, обрывистыми окраинами, возвышавшимися аршина на три или на четыре надъ водою. Затѣмъ потянулись широкія песчаныя косы.

— Вотъ, батюшка, видите пески-то эти, заговорилъ Абрамъ.

— Какъ не видѣть; что-же?

— А это самыя притоманныя мѣста для гусей въ осенний пролетъ. Вотъ на этихъ самыхъ мѣстахъ я ихъ лонись и подчикивалъ.

— Какъ-же это ты ухитрился? здѣсь мѣсто совсѣмъ открытое и подобраться къ гусямъ никакой нѣть возможности?

— Подобраться нельзя, а охотился я на нихъ вотъ какимъ способомъ: послѣ Успеніяго дни недѣлю спустя, а

*) Рукавъ, соединяющій Вычегду съ Сысолой.

если время стоять теплое то и двѣ, пойдетъ гусь въ от-
леть: летить онъ сначала небольшими стаями, такъ штукъ
по десятку и по два, летить надъ самыми лѣсомъ въ ти-
хомолку: нани когда проговорить какой нибудь изъ моло-
дыхъ и то въ поль-голоса. Это значитъ гусь не проходной,
а такой, который здѣсь на жиры остановится. Вотъ и слѣ-
ди за нимъ, зорко слѣди въ кое мѣсто онъ опустится. Если
летить утромъ или въ полдни, больше на пески свали-
вается. Самый станъ ихъ вотъ на этихъ пескахъ. Нале-
тить ихъ тутъ видимо невидимо и днюютъ себѣ преспо-
койно, расхаживая по заплеску, да глотая камушки. Тутъ
ихъ и не помышляй стрѣлять: ни какими средствами ниче-
го неподѣлаешь; а затась да высматривай, сиди себѣ,
какъ медъ кисни — да дожидайся. Какъ только солнышко
пойдетъ за лѣсъ, начнетъ сниматься гусь съ песковъ —
тоже небольшими стаями, какъ и слетался; вотъ начнетъ сни-
маться и тихо, такъ тихо, какъ иташка — какая малая,
безголосая, потянетъ надъ самой землей на лѣсныя озера.
Дожидайся, пока весь слетитъ, дай имъ тамъ обсидѣться
и когда совсѣмъ стемнѣеть, иди подбираться.

— Какъ-же тутъ, Абрамъ подбираться, когда темно: не
будешь знать — куда идти, еще заблудишься.

— А смѣкалка-то на что? Въ плечи-то вѣдь не горшокъ
ввинченъ, а голова, ну и соображай, значитъ. Осенесь какъ
минѣ довелось: послѣдняя стая снялась, совсѣмъ темно сдѣ-
лалось; вѣтерокъ маленький подувалъ, такъ хиличекъ, дож-
дичекъ накрапывалъ. А я въ засадѣ былъ на другой сто-
ронѣ Вычегды, — какъ разъ противъ песковъ. Вотъ перева-
лилъ я на другую сторону, выдернулъ свою лодченку на
берегъ, опрокинулъ ее и пошелъ по тому направлению, по
которому летѣли гуси. Не отошелъ и ста сажень, наткнулся
на лѣсъ; пошелъ потихоньку лѣсомъ; отойду саженъ деся-
токъ, да и остановлюсь, слушаю: ничего нечуть; тишина

такая, что слышно, какъ капельки дождевыя падаютъ съ деревьевъ на сухой листъ. Опять по-пойду, опять остановлюсь. А темень — хоть глазъ выколи, на деревья натыкаюсь, а все иду потихоньку впередъ. Вдругъ слышу зыкнуло: вѣтерокъ-то на меня напахнулъ звукъ-то: гуси! и недалеко. Пріостановился я, долго слушалъ, болѣе получаса, опять чу — зыкнуло еще ближе: безъ сомнѣнія гуси. Вотъ давай шагъ за шагомъ подвигаться впередъ; ступаю осторожно, чтобы подъ ногой не треснуло, листъ-бы не зашелестилъ. Вотъ чувствую въ гору поднимаюсь; не круто хоть, а всетаки въ гору. Сдогадался я, что это берегъ озера. Здѣсь у лѣсныхъ озеръ все больше берега приподняты. Вотъ сталь я на кольна, поползъ и жутко стало мнѣ таково: ползу, не знаю куда, зги не видно, все ночь закрываетъ, черная-расчерная ночь, какъ горно въ кузницѣ. Взглянешь вверхъ — звѣздочку оглядѣть бы, не тутъ-то было: только деревья такими большими кажутъ, какъ-будто имъ и конца нѣть; стоять они черными столбами и таково-то страшно, дико шумятъ вершинами. Ползу, руками мѣсто впереди ощупываю, колодина попадеть — осторожно перевалюсь черезъ нее, смертодавъ свой легонько впередъдвигаю. Вотъ гдѣ пословица-то — «темно — хоть глазъ выколи», на дѣлѣ могла прислючиться: того и гляди, на какой-нибудь рожонъ нальзешь и по правдѣ глазъ высадишь. Чувствую я, что мѣсто подо мною на уклонъ пошло, — остановился, сталь прислушиваться: вѣтерокъ поразшумѣлся и чуть мнѣ какъ струйки на водѣ поговариваютъ. Я взглядываться началъ — различилъ: отблескъ такой отливается со всѣмъ особеннымъ свѣтомъ, попятно — отъ воды: озеро; добрался, славу Богу; давай ползти по берегу дальше. Всѣ страхи и ужасы вонъ повыскакали — только и держу на умѣ гусей; и горюшка мало, что одинъ одинехонекъ среди тьмы кромѣшной въ дремучемъ лѣсу незнакомомъ. Проползъ я, такъ полагаю, сажень

съ пятьдесятъ. Вдругъ и стало слышно мнѣ, какъ щелучатъ гуси воду и по грязи шлепаютъ, и близко кажется. Вотъ подался я еще сажень десятокъ: слышно, передъ самымъ передо мной возятся, въ пяти саженяхъ,—такъ и замерла душенька! еще подвинулся я сажени двѣ и легъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, чтобы до утренней зари, какъ стрѣлять будетъ можно, не двигаться; вытянулся, лежу на брюхѣ около какой-то кочки. Только, что-же бы вы думали? кочка эта, около которой я растянулся, случись муравейникъ, и поползли они, проклятые, по рукамъ, по загривку, по лицу, за шиворотокъ полѣзли, на спину, во всякое мѣсто, да какъ начали жечь, да какъ начали жечь! моченьки нѣтъ, хуже всякой крапивы, а пошевелиться нельзя — гуси рукой подать, такъ и возятся, такъ и мутятъ воду передъ самымъ носомъ. Господи, что тутъ дѣлать? Стрѣлять — да куда же я буду стрѣлять, коли ничего не видно. Ну, батюшка, эта-кой пытки, какъ началъ жить, никогда не извѣдывалъ; силь никакихъ нѣтъ, дыханіе захватываетъ, губы себѣ въ кровь закусиль, а лежу, не ворохнусь. Палъ мнѣ тутъ на умъ приговоръ для усмирѣнья муравьевъ, давай читать про себя: «царь муравей, укроти своихъ дѣтей, чтобы не ъли мое тѣло, не пили мою кровь», прозудилъ до трехъ разъ, какъ будто получше стало; потомъ пуще прежняго остерь-венились...

— Да ты бы хоть отодвинулся немнога въ сторону! ис-
ужели нельзя было?

— Въ томъ то и дѣло, что нельзя: нальво отъ меня колодина лежитъ претолстущая—ощупалъ руками... и сучки отъ нея торчать, шевельнуться боюсь, неровно — треснетъ и поминай гусей, какъ звали, впереди озеро — и гусятница эта въ немъ не хуже муравьевъ ворочается, вотъ такъ въ упоръ, только руку протянуть, то, кажется, какого-ни-
будь пострѣла и схватишь за хвостъ, либо за голову, на-

право эта окаянная кучка... ну хоть что хочешь... а муравьи такъ и золять, такъ и золять, ну никакого терпѣнія нѣть: тѣло сперва какъ отъ огня горѣло, а тутъ ныть начало: въ жаръ меня всего бросило, и въ глазахъ какіе-то круги красные съ зеленымъ отливомъ заходили: силушки нѣть.... рѣшился закатить на удачу; и ружье было началь подымать, вижу — свѣтлае сдѣлалось: взглянуль къ верху — звѣздочки блеснули — и мѣсяцъ изъ за тучь началъ выпытывать... и вдругъ это свѣтлая пресвѣтлая отъ него полоса ляпнула на озеро — и воду передо мной — какъ серебромъ облило — и вижу я — все озеро какъ шубой покрыто: — сплошной гусь!.. Взметнуль я ружье и царапнуль въ самую густую кучу; зарядище положенъ былъ здоровенныій-шай... Господи, что и сдѣлалось: такъ и закинѣло! такъ и заварило тамъ — какъ въ мельничной заборовѣ! гуси загадѣли въ тысячу голосовъ: только стошь стоять по лѣсу; взлетѣли, закружились, словно сѣтка раскинулась надо мною, а крыльями такой шумъ подняли — примѣни-буря! А мнѣ не до того: отбѣжалъ я саженъ десятка два, черкнулъ спичку, кое-какъ на скорую руку развелъ огонька, стащилъ съ себя одежонку — давай вытрясать муравьевъ. Вотъ какъ кончилъ я это самое дѣло — развелъ большою пажокъ и улегся около огня спать: долго не могъ уснуть: зудъ часа два неунимался: такъ настремкали меня окаянные мураши...

— Сколько-же гусей досталось въ добычу...

— А вотъ слушайте. Только разсвѣтало, побѣжалъ я къ озеру. Смотрю — шесть штукъ гусей ухайдачилъ на-половаль; вѣтеркомъ нанесло ихъ на мою сторону; досталь. Потомъ пошелъ по краю озера: нѣтъ-ли гдѣ пораненаго. Озеро оказалось длинное, съ полверсты; по сторонамъ кое-гдѣ трава, а середина вся чистая. Не прошелъ я и пятидесяти саженъ, еще гуся нашелъ тоже уснувшаго. Иду дальше — вижу что-то на сердѣкѣ болтается, отъ берегу са-

женияхъ въ двадцати. Подхожу напротивъ — гусь. Напесло его на какую-то орясину, такъ онъ и засѣлъ около нее: нельзя его достать ни какимъ манеромъ, а бросить не хочется. Вотъ нашелъ я двѣ толстыхъ сушки, приволокъ ихъ на озеро, спустилъ на воду, а поперегъ сушки настала тоненькихъ жердочекъ, сѣль по срединѣ и поплылъ, шестикомъ поталкиваясь. Двигаюсь полегонечку: пошевелиться боюсь, чуть что — разсыплется весь мой плотъ и какъ разъ нырнетъ въ озеро: а глубоко, шестикъ аршина на четыре уходилъ въ воду. Такимъ-то манеромъ добрался я до гуся, оттолкнулъ его отъ корежины и благополучно приплывилъ къ берегу. Восемь гусей — поша, едва въ могуту тащить. Осеню гусь крѣпкій, сытый, иной въсомъ фунтовъ двѣнадцать, такъ въ восьми-то нуда два съ половиною выйдетъ. Ловко-же я хлобызнулъ ихъ....

— Восемь штукъ за одинъ выстрѣлъ—чего еще больше: иному охотнику такъ выстрѣлить во всю жизнь не удастся—замѣтилъ я.

— Что говорить. Въ другой разъ привелось мнѣ быть на охотѣ за гусями-же въ Бай - Божѣ, такъ вотъ что со мною случилось...

Но дальнѣйшее повѣствованіе моего охотника замерло на языкѣ; разсказа на этотъ разъ услышать неудалось: рука Абрама, на которой намотанъ былъ поводокъ отъ блесны, вдругъ отскочила отъ весла, и порывъ настолько былъ силенъ, что сообщилъ даже иѣкоторое сотрясеніе лодкѣ.

— Стой, стой, Алекс! щука на дорожку врѣзилась!.. Нестово возопилъ Абрамъ Алексѣю и въ одно мгновеніе сбросилъ съ уключины бичевку, посредствомъ которой тянулась лодка.

— Ходу давай ей, ходу! трави бичевку-то, трави! кричалъ Алексѣй, виши ты какъ она забираестъ!.. Ловко сѣла, не уйдетъ. Ого, въ глубь пошла: а здоровая щуковина, не зѣвай смотри, не зѣвай!

Действительно щука хватила очень большая. Натянувъ поводокъ отъ блесны, она носилась сперва изъ стороны въ сторону по поверхности воды, беспрестанно поворачивалась къ верху брюхомъ, крутилась и дѣлала такие сильные прыжки, что брызги фонтаномъ разлетались надъ водою. Абрамъ спустилъ часть запаснаго поводка. Щука, почувствовавъ свободу, стремительно бросилась въ глубь. Черезъ нѣсколько секундъ мы начали потихоньку вытягать поводокъ. Онь стала выходить сначала легко, и мы подумали, что щука сорвалась; но вдругъ онь снова натянулся въ струну и лодка наша пошла гулять по рѣкѣ. Дѣло выходило не шуточное. Добыча по величинѣ превышала наши ожиданія, и вытащить ее изъ воды было нелегко, тѣмъ болѣе, что поводокъ на дорожкѣ былъ не толстый. Слѣдовало утомить щуку.

— Только-бы не запуталась на днѣ за корежину, а то не уйдетъ, проговорилъ Абрамъ—вишь какъ везеть, точно лошадь.

Щука бросилась внизъ по течению.

— Ну, назадъ въ Устьсыольскъ поѣхали, кричалъ Алексѣй: не тяни! не тяни, держи вольготно, пусть ееходить на свободѣ, скорѣй уходится!..

Пробѣжавъ сажень пятьдесятъ серединою рѣки, лодка наша остановилась, поводокъ ослабъ, но черезъ минуту снова натянулся и мы поѣхали къ берегу, на обрывѣ котораго съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ суетился Алексѣй.

— Взять-ли щучій-то топоръ? спросилъ онь шепотомъ Абрама, когда лодка наша, притянутая щукой тихо плыла около самаго берега снова противъ течения воды.

— Взять... передайте, батюшка, вонъ онь въ кормѣ лежить, обратился ко мнѣ Абрамъ.

Я передалъ.

Щучій топоръ состоитъ изъ тяжелой въ аршинъ длиною

березовой рукоятки, въ которую вколоchenы въ палецъ толщиною штуки четыре плоскихъ и острыхъ гвозди, съ глубокими зазубринами, какія бывають на острогѣ.

Установившись колѣнами на кормовую скамейку, Абрамъ осторожно началъ выбирать поводокъ. Щука шла безъ сопротивленія. Вотъ она уже близко къ лодкѣ. Минута решительная для охотника: я ждалъ съ величайшимъ душевнымъ трепетомъ появленія хищницы... еще секунда и около самой лодки показалась ея голова съ широко разинутой пастью... не успѣлъ я мигнуть, какъ въ хребетъ щуки былъ уже всаженъ топоръ, ловко и сильно направленный рукою Абрама; зубцы взошли почти по самую рукоятку.

— Помогите, батюшка, помогите! тащите ее въ лодку-то чертову перечницу!..

Я схватилъ за рукоятку топора обѣими руками, лодка наша накренилась на бокъ, черпнула воды, но щука была втащена и сдѣлалась неотъемлемой нашей добычей.

— А, мошенница, попалась! Нѣть ужъ, братъ, баста, окончилось твое водяное странствіе; въ восторгѣ говорилъ Абрамъ, управляясь со щукою. Смотри-ко Алекса, штука-то какая—важнецкая!..

— Дорогая штука... давай тащи ее на берегъ!.. Топоръ вынемъ... приколемъ, а не то хребетъ сломать...

Щука была около полутора аршина длины и небыкновенной толщины. Въ ней было по крайней мѣрѣ фунтовъ тридцать пять вѣсу. Добыча завидная и рѣдкая, воодушевившая всѣхъ наасъ чрезвычайно.

— Ну, штука: смотри ты — какъ бревно толстая, а пузице-то—точно скатерть бѣлая... сказалъ Алексѣй, тыкая пальцемъ въ щуку, которая была уже вытащена изъ лодки на берегъ и корчилась на травѣ. Въ часть, парень, выѣхали... Да и садонулъ-же ты ее топоромъ-то ловко, не вытащить.

Дѣйствительно топоръ засѣль въ щукѣ такъ крѣпко, что пришлось его вырѣзывать. Изобиходовши все это дѣло какъ слѣдуетъ, уложивши уже заснувшую щуку въ кадочку, которая взята была съ собою на всякий случай для харьюзовъ, мы снова потянулись вверхъ по Вычегдѣ.

— Такъ что же случилось съ тобой въ Бай-Божъ-то? спросилъ я Абрама, стараясь навести его на прерванный разсказъ.

— А что случилось; окажія случилась такая — уму невообразимо. Видите, какъ дѣло было: поѣхалъ я въ Бай-Божъ за гусями, тоже въ осенній пролетъ. Погода была ненастная: съверякъ дуль холодный, рѣзкій. Гусь попутнаго вѣтра не любить и въ такую погоду дольше стануетъ по кормежкамъ. Бай-Божъ — място широкое, открытое, лѣсныхъ озеръ пропасть, и всѣ они концами выходить на наволокъ: такие низменные, обширные по Вычегдѣ сѣнокосы, они-то и слыvутъ Бай-Божемъ. Пріѣхалъ я на място подъ вечероkъ. Смотрю — гуся ужасъ много; кои стаи ходятъ по песчанымъ мысамъ, кои по наволоку. Выдернуль я лодку, спряталъ въ тальникъ, а самъ засѣль въ лѣсной опушкѣ, дожидаюсь, когда гусь поднимется. Ужъ совсѣмъ темно стало, какъ стаи повалили на лѣсныя озера. Вотъ такимъ-же манеромъ, какъ давя разсказывалъ, пошелъ я къ нимъ подбираться. Долго шелъ, потому — ломно, озера длинныя, verstы по двѣ есть, а гусь въ самый конецъ, въ трущобу забирается. Подошелъ къ одному озеру: по моему соображенію гуси должны быть тутъ. Прислушиваюсь, ничего не чуя. Вотъ давай подвигаться впередъ понемногу. Заслышилъ я, какъ-будто гдѣ-то кавкнуло, но глухо, издали. Потомъ, погодя еще, ужъ явственнѣе послышалось. Гуси, но не близко. Давай идти осторожно на голосъ вдоль озера. Слыши, что не на томъ, къ которому подошелъ, а дальше; значитъ это обойти надо, а другимъ берегомъ

опять назадъ сдаваться. Вотъ обошелъ. А гуси все — нѣть, нѣть, да и подадутъ легонько голосокъ. Я — на голость; опять озеро, опять не на томъ, опять обходить... Да озеръ пять обошелъ, промучился до утренняго свѣта, все не могу добраться до гусей. Заря ужъ явственно показалась, какъ подошелъ я къ тому озеру, гдѣ въ скопѣ былъ весь гусь. Озеро широкое, по берегамъ травяникъ; гуся и на середѣ, и по краямъ видимо невидимо, а въ самый конецъ, въ залину такую, набилось ихъ нагусто, щелучатъ воду. Вотъ зашелъ я напротивъ этого самаго мѣста, давай ползти, ужъ такъ ли осторожно, такъ ли тихо, какъ только можно было: каждую вѣточку отведу, каждую сушинку, чтобъ не треснула, прочь откину. Совсѣмъ свѣтло сдѣлалось: все стало видно. Вижу впереди выворотъ, коблюхъ такой большущій, какъ заслонъ передо мною стоитъ у самаго озера, я къ нему, подлѣзъ подъ самый, отдохнулъ немнога; ужъ теперь опасаться было нечего: какъ за стѣной сижу, ни одинъ не оглядитъ. Погодя минутку, сталъ я высматривать изъ-за коблюха, какъ взглянулъ на озеро, такъ чуть меня изъ ума вонъ не выкинуло: воды не видать — все гусь! А коблюхъ-то, батюшка, былъ отъ матерѣющей осины: погодой видно ее вывернуло, она такъ и пала на озеро; гуси на стволъ-то и понасажались вплоть другъ къ другу, штукъ до пятидесяти. Самый ближній былъ отъ меня сажени въ двѣ. Ружье со мной было двухствольное, заряды закачены крѣпкіе, дробь — безъимянка. Вотъ накинулъ я прямо, значитъ, по дереву-то въ линію, въ дальнюю цѣлюсь, чтобъ весь порядокъ обобрать! Баць! и что бы вы думали?

— Что, лоскомъ положилъ?

— Ни одного не убилъ, вотъ что; только на подъемѣ, изъ другаго ствола, трехъ спустилъ.

— Какъ ни одного не убилъ, да развѣ это возможное дѣло?

— Да ужъ тамъ какъ знаете, а не убилъ ни одного; вотъ вамъ и оказія!

— Да ты, можетъ, безъ дроби хватилъ?

— Вотъ что сказали, — безъ дроби: изъ потроновъ заряжаль еще дома, не торопясь; просто на просто обзарился, взялъ выше, а близко было, такъ зарядъ-то и просвисталъ, ни одного не зацѣпивши.

— Вотъ досадно-то было Абрамъ?

— И не говорите: какъ живу, не бывало такого случая: цѣлую ночь маялся подбираючись, подползъ подъ самыхъ и такой грѣхъ случился: такъ вотъ, кажется, и изорвалъ бы себя въ клочья.

Время подвигалось къ полудню. При совершенной тишинѣ, жара сильно начинала на насъ дѣйствовать; солнце такъ и обливало своими жгучими лучами... Если бы не прохлада отъ воды, нѣсколько освѣжавшая, то было бы просто не втерпежъ. Возопіяло во мнѣ желаніе отдохнуть въ тѣни часикъ другой и удовлетворить аппетитъ, начинавшій пробуждаться.

— Какъ-бы, Абрамъ, привалъ сочинить: мѣсто-то знатное, лѣсокъ: въ тѣни можно укрыться.

— А вотъ еще съ верстушку проѣдемъ: Лѣмъ-ю будетъ, на устьѣ и привалимъ.

Добрались до Лѣмъ-ю. Рѣчка почти подъ прямымъ угломъ вливалась въ Вычегду. Въ устьѣ она была около пятнадцати саженъ шириной; берега ея представляли ровную, весьма правильную выемку; они возвышались надъ водою не болѣе сажени и мѣстами обросли ракитовыми кустами. Мѣстность при впаденіи Лѣмъ-ю принадлежала къ луговымъ пространствамъ. Вода въ Лѣмъ-ю рѣзко отличалась отъ Вычегодской нѣсколько мутноватой воды: она была прозрачна, какъ хрусталь.

— Ей, шабашъ! на привалъ, Алексѣй; сматывай бичевку, да иди выносить изъ лодки клажу! скомандовалъ Абрамъ, выбирая дорожку.

Мѣстечко, гдѣ мы остановились на отдыхъ, выдалось очень уютное, на лугу, подъ тѣнью густаго черемушника. Сейчасъ-же развели огонь и принялись за приготовленіе въ нашемъ походномъ котелкѣ ухи изъ щуки, отъ которой для этой цѣли отрѣзанъ былъ изрядный кусокъ.

Часа черезъ два, заправившись изрядно ухою, мы двинулись вверхъ по Лѣмъ-ю уже на веслахъ. Тягою подниматься было невозможно: довольно высокіе кусты по окраинѣ берега препятствовали идти съ бичевкой. Сначала лодка шла довольно ходко, наконецъ стали встрѣчаться переборы, т. е. мелкія мѣста, по которымъ теченіе валитъ съ усиленною быстротою, перебираясь по песчаному дну, усѣянному булыжникомъ. Глубина на переборахъ понижалась до двухъ вершковъ, и, вода игравшими струйками съ шумомъ разбѣгалась здѣсь по чисто вымытымъ и вылощеннымъ разноцвѣтнымъ камушкамъ. Лодку приводилось перетаскивать сажень по десяти и болѣе; но это служило только нѣкоторой остановкой; затрудненія-же большаго не представляло, такъ какъ челнокъ нашъ былъ не тяжелъ и мы передергивали его втроемъ черезъ переборы безъ особенныхъ усилий. За переборами шли глубокія омутистыя пласа иногда версты на двѣ и на три; по чѣмъ выше мы поднимались къ верху, тѣмъ быстрѣе становилось теченіе и чаще начали встрѣчаться переборы.

Между тѣмъ берега и окрестности у Лѣмъ-ю принимали иной видъ: наволоки съ мелкими кустами ракитника стали смыняться уремою и густой лѣсъ все ближе и ближе подступалъ къ рѣкѣ, берега которой становились все выше, все отвѣснѣе. Ландшафтъ становился темнѣе. Сначала небольшой ельникъ и пихта, а потомъ и совсѣмъ глухой сосновый боръ надвинулся къ самой окраинѣ берега. Деревья громадной величины широко раскидали свои вѣтви, склонили съ береговъ

свои густыя вершины надъ рѣкою и переплелись сучьями, такъ что мѣстами мы ѿхали подъ непроницаемымъ зеленымъ сводомъ.

Въ глубокихъ плесахъ и омутахъ берега спускались въ воду обрывами, подъ которыми течениемъ воды, вѣроятно въ весенне полноводіе или въ осенне паводки, выбило такія глубокія пазухи, что въ нихъ легко могла установиться маленькая лодочка. Древесные корни толстыми жгутами свѣшивались къ водѣ надъ такими пазухами.

— Вотъ гдѣ приволье выдрѣ-то! я, чай, много ее тутъ водится, Алексѣй? заговорилъ Абрамъ.

— Въ Лѣмъ-ю выдры ужась много, особенно вверху; да ловить ее здѣсь неспособно: виши какія вымоины подъ берегами: чуть гдѣ на переборѣ захватить-бы, сейчасъ она подъ берегъ, а тамъ въ воду занырнетъ, да опять подъ берегъ въ пазуху, такъ и уйдетъ, не сослѣдинь...

— Добываютъ-же ее здѣсь какъ-нибудь? спросилъ я.

— А зимой капканами. Черезъ мысы съ омута на омутъ она тропы дѣлаетъ; вотъ на этихъ тропахъ капканы и ставить; попадаетъ.

— Что она и рыбы доведеть, проклятая; норка — и та рыбы много доводить, а эта — въ десятеро больше, замѣтилъ Абрамъ.

— А я, Абраха, видывалъ, какъ она рыбу промышляетъ; вотъ теперь, видишь-ли, сукъ у дерева свѣсился подъ омутомъ. Вотъ она по этакому суву и растянется; пританится такъ, стерва, точно прирастеть къ суку-то, голову свѣсить, избоченить ее этакъ на сторону, и смотрить въ воду, все смотрить. Какъ завидитъ большую рыбину, булыжъ прямо въ омутъ: такъ и вѣнчится въ рыбину-то и волочеть ее на берегъ, сожретъ, опять ползеть на сукъ сторожить.

— Гдѣ это довелось тебѣ выглядѣть? спросилъ Абрамъ.

— А на Лѣмъ-ю-же высмотрѣлъ; тоже харьзовъ ѿздили

сюда удить, года съ три тому. Да и какъ мнѣ въ тотъ разъ запало: двухъ выдръ видѣлъ, да медвѣдь на меня нальзъ чутъ не на самого.

— Ну, братъ, это штука! — какъ-же это было?

— А вотъ какъ было: пріѣхалъ, видиши-ли, я на мѣсто отсюда верстъ двадцать по Лѣмъ-ю выше будеть: тамъ харьюзъ держится крупище; вотъ пріѣхалъ и ужу день, другой ужу, — много наловилъ рыбы, насолилъ. Еще хотѣлось день перебыть, кадочка не полна была, думаю — довершу и домой отправлюсь. Сижу, знаешь, въ самый полдень въ лодкѣ, да рыбу потрошу, присаливаю. Въ полдень харьюзъ не беретъ. Лодченка у меня была въ кустъ поставлена, — половина на берегъ вытащена, половина на водѣ. Я въ носу сидѣлъ на лавочкѣ. А кустъ, въ кой лодченка-то сунута, былъ густой прегустой черемушникъ, такимъ шатромъ надо мной свѣсился. Направо отъ меня саженяхъ въ пяти переборъ, къ нему выдался отлогій берегъ и песокъ по берегу. Вотъ сижу я, чищу рыбу. Тишина такая въ лѣсу стояла, жара. И чутъ мнѣ, какъ-будто что-то треснуло. Я давай прислушиваться. Опять, слышу, хрустить, идетъ что-то къ рѣкѣ прямо на меня. Пало мнѣ на думу — олень на водопой... Слушаю: близко что-то подходитъ, шаборстить на берегу-то, крошечку этакъ отъ меня поправѣ; я взглянуль сквозь кусты: черное что-то, большое двигается по песку на переборъ... вотъ совсѣмъ выдвинулось. Господи! медвѣдь! да какой медвѣдище-то ужастеной! Подошелъ къ водѣ, пить началъ, а близехонько, саженъ шесть отъ меня. Такъ морозъ по кожѣ меня и подралъ; чувствую, — картузишко на головѣ поднимается: волосъ, значитъ, дыбомъ.... Что тутъ подѣлаешь? Никакого орудія; одинъ ножишко въ рукахъ дряненький, совсѣмъ пропащее дѣло, заломаетъ. А не видѣть меня, пить не отрываясь. Поднялъ я легохонько весло, да какъ тресну имъ по лодкѣ, да какъ крикну что есть силы!

Онъ какъ рявкнетъ! да черезъ переборъ во всѣ лопатки, да на берегъ прямо, а берегъ-то выдался крутой: вѣшился въ урѣзъ передними лапами, оборвался, внизъ покатился: еще пуще заревѣль; опять потаращился на берегъ, влѣзъ и пошелъ ломить по лѣсу, самъ и ревитъ и фырчетъ, и ревитъ и фырчетъ! Вотъ же вѣдь скотина какая: силенъ, братецъ, а переполоху боится пуще зайца....

— Я думаю, ты животики надорвалъ, какъ онъ съ берегу-то, окаянная сила, кубаремъ покатился, замѣтилъ Абрамъ.

— Нѣть ужъ, Абрамъ Абросимовичъ, не до смѣху было: минутой забралъ весь свой хламъ въ лодченку, да поскорѣй домой: ужастъ какъ напугался! Еще пришло мнѣ въ голову переполошить-то его; а то осмотрѣль-бы меня, задралъ!

— Не задралъ-бы; медвѣдь, говорять, самъ никогда не нападаетъ на человѣка, возразилъ я.

— Ну это какъ-когда; иное и нападаетъ: вишь, нравѣто у него необразованный: какъ начнетъ противъ шерсти пудрить, такъ небо съ овчицкѣ покажется, сказалъ Абрамъ. А переполохъ для него хуже всего на свѣтѣ; съ переполоху онъ совсѣмъ иной разъ доводится, кровью изойдетъ. Случилась какъ-то разъ на Янѣ, въ Моложскомъ уѣздѣ такая штука: повадился медвѣдь въ лѣтнюю пору въ овесь. Въ лѣсу, на нивѣ былъ посѣянъ. Ходить, животина, сосетъ себѣ овесь: вымялъ его такъ, что и на серпъ не захватишь. Вотъ два мужиченка и подсмотрѣли. Охотники тоже были нераженькіе: бѣлку да рябка промышляли. Сторона тамъ лѣсная, дичь водится и ружышка есть у многихъ. Высмотрѣли это они медвѣдя да и построили на высокой ели лабазы, какъ разъ надъ самой медвѣжьей тропой; вишь все по одному мѣсту выходилъ изъ лѣсу на ниву-то. Жеребьевъ налили, зарядили ими свои мѣшалки и залѣзли на лабазы еще до за-

вать солнца. Сидяль. Пока свѣтло было—дѣло у нихъ шло какъ слѣдуетъ, дожидались смирнеонъко; а какъ солнце спустилось за лѣсъ, да начало темнѣть, такъ и обуяль ихъ такой страхъ—несосвѣтимой, что и домой-бы съ лабазовъ-то стреконуть радехонъки: да опять спуститься боят-ся: пожалуй, чего доброго прямо къ медвѣдю въ лапы попадешь. Вотъ слышать, идетъ, вотъ близко подходитъ: въ конецъ струсили охотники: ужасъ ихъ пронялъ до самаго нутра и лихорадка забила: забыли зачѣмъ и пришли, и до ружьишекъ своихъ недотронутся. И стали они другъ къ другу жаться, да жаться: чтобъ медвѣдь виши, не огля-дѣль ихъ на лабазахъ-то. Вдругъ—трахъ! обломились лабазы: одинъ охотникъ ухватился за вѣтви, а другой тычымъ головой полетѣлъ внизъ и прямо угодилъ на медвѣдя; а онъ, какъ давя ты разсказывалъ, тоже какъ рявкнетъ! перепужался пуще охотника и пошелъ свистать въ лѣсъ что есть поры-мочи, только пятки сверкаютъ. А изъ него такъ и хлещетъ кровище, такъ и хлещетъ. Съ версту отбѣжалъ какую нибудь—издохъ вѣдь. На другой день нашли его мужики; всей деревней ходили. Вотъ оно переполохъ-то для него что значитъ. Ну, да и охотнику не поздоровилось: какъ слетѣлъ этакъ головой-то внизъ, такъ за-мертво тутъ и остался: росшибся-ли онъ очень, или тоже съ перенугу, только съ мужикомъ насилиу отводились: недѣли три при смерти вылежалъ.

— И ты бы, Алексѣй, послѣдилъ бы своего медвѣдя-то, можетъ—тоже издохъ съ переполоху, сказалъ я.

— Куда тамъ... Самъ обробѣль до того, что не чувствовалъ, какъ выкатился съ Лѣмъ-ю; страсти!

— Какъ-бы и намъ не потолкнуться на экое чудышко; да вотъ онъ — медвѣдь-то: смотри-ко какой чертъ лежитъ на самой дорогѣ, сказалъ Абрамъ.

Поперегъ рѣчки лежалъ громадный пень, а нѣсколько

выше его множество сухоподстойныхъ древесныхъ стволовъ, свалившихся съ берега. Начались рѣчные заломы. Небольшія лѣсныя рѣчки на нашемъ сѣверѣ переполнены такими заломами, сильно препятствующими свободному плаванію по нимъ даже въ самыхъ легкихъ лодочкахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крутые, отвѣсные берега рѣчки близко подходятъ къ руслу, теченіемъ въ весенне время, когда вода высоко поднимается въ рѣчкахъ отъ таянія снѣговъ, подмоетъ окраину берега, и она рухнетъ въ воду вмѣстѣ съ растущимъ на ней лѣсомъ. Затѣмъ землю около древесныхъ стволовъ быстриною прополощетъ, и въ рѣчкѣ образуется заломъ, вродѣ беспорядочно набросанной груды бревенъ, хворосту и пней, удерживаемыхъ корнями и сучьями въ висячемъ положеніи надъ водой. Мѣстами такие заломы тянутся по рѣчкѣ сажень на пятьдесятъ и болѣе. Они увеличиваются еще наносомъ разнаго сушки и хламу, наплывающаго сверху иногда въ такомъ громадномъ количествѣ, что не бываетъ видно текущей подъ нимъ воды.

— Какъ же мы проѣдемъ, Алексѣй? спросилъ я.

— А лодку тащить надо; въ Лѣмъ-ю заломовъ немногого, не то что въ Чевью: тамъ поднялся верстъ на десять и щѣзы нѣтъ; а здѣсь этотъ заломъ перетащимъ — опять хорошее плесо пойдетъ версты на три; давай, выходи изъ лодки, тащи!

Заломъ былъ не болѣе десяти сажень; мы подняли на него нашу лодочку, легоњко передернули ее по немъ, какъ по мосту и поплыли далѣе. Берега у Лѣмъ-ю не удерживались постоянно въ одномъ характерѣ. Видъ ихъ безпрестанно мѣнялся: то рѣчная выемка дѣлалась шире, открытье, лѣсь и угоры уходили далѣе; то береговыя окраины прорывались долиною, среди которой рисовалось съ тихими, покойными водами, обросшими около береговъ осокою и лознякомъ; то зеленый лужекъ отлого подѣгаль къ самой рѣчкѣ и очерчивалъ ее такою чистенькою, ласкаю-

щею взоръ рамочкою, что глазъ не хотѣлось отвести; то снова подступали высокіе угоры, сдавливали рѣку въ тѣсные, обрывистые берега, съ которыхъ лѣсъ непроницаемъ шатромъ висѣлъ надъ нашими головами. Такіе контрасты въ этой дикой, безлюдной мѣстности имѣли особенную прелестъ, исполненную какой-то очаровательной таинственности!

Вечерѣло. Мы миновали уже нѣсколько перекатовъ и заломовъ и приближались къ цѣли нашего путешествія, забравшись въ илеса, гдѣ уже водился крупный харьюзъ. Пора бы и на привалъ. Мы выбирали мѣстечко, пригодное для ночевки; но такового мѣстечка пока не попадалось: мы бѣхали теперь по Лѣмъ-ю между скалистыми берегами, которые круто, стѣною поднимались отъ самой воды. Пріютиться было негдѣ, негдѣ было поставить лодку, разбить палатку, развести огонь. Между тѣмъ сумерки густымъ мракомъ ложились на землю; темнота увеличивалась быстро. Занятые нашимъ плаваніемъ, мы и не замѣтили, какъ со всѣхъ сторонъ пональзли откуда-то сѣрыя, густыя облака; надъ нами вдругъ, совсѣмъ неожиданно, очутилась туча мрачная, суровая. Тишина была невозмутимая. Громадныя сосны рисовались на береговомъ урѣзѣ какими-то грозными великанами. Ни одна вѣтка ихъ не шевелилась. Не было слышно никакихъ звуковъ: все какъ-будто притаилось, присмирѣло передъ чѣмъ-то. Воздухъ былъ тяжелъ и удушливъ; въ немъ чувствовалась гроза.

Вотъ вдали послышался громовой ударъ, и не умолкая, онъ становился все ближе и ближе, волниясь и переливаясь все сильнѣе и сильнѣе.

Я не боюсь грозы, но не люблю ея. Она наводить на душу какое-то тревожно-тоскливоѣ чувство. Передъ этими бунтующими стихіями природы сознаешь все свое ничтожество и бессиліе, всю невозможность и неумѣніе отвратить ихъ, и невольно смущаешься духомъ.

Молний пока не было; громовые удары повторялись. Но вотъ блестящей змѣйкой сверкнула надъ нами бѣловатая полоска, обдавъ насъ яркимъ фосфорическимъ блескомъ; громовой ударъ въ ту же секунду верескнулъ надъ нашими головами и зарокоталъ по лѣсу.

— Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! произнесъ Абрамъ, снимая съ себя шапку и благоговѣйно осѣняясь крестомъ.

— Гроза, Абрамъ Абросимовичъ, страшно! произнесъ какъ-то вполноголоса и глухо Алексѣй.

— Вотъ что, дуракъ, сказалъ — страшно! Отъ Божья милосердья никуда не уйдешь; а ты крестись, да знай твори молитву: вотъ и все; пугаться тутъ нечего. Вотъ пристать-бы надо; давай, подадимся еще немного; виши лужокъ впереди, давай туда!

Берега Лѣмъ-ю раздались въ обѣ стороны, образовавъ широкій омутъ сажень пятнадцать въ диаметрѣ и круглый какъ чаша. Правый берегъ омута былъ песчаный; лѣвый состоялъ изъ зеленаго, чистенькаго лужка, отлого сбѣгавшаго къ самой водѣ. Даѣе, за этимъ зеленымъ лужкомъ, съ какою-то необыкновенною отвагою, круто и смѣло поднимался угорь, и на высотѣ его угрюмо стоялъ сосновый лѣсъ, покрывая черною тѣнью и лугъ, и воду омута.

Мѣсто было для нашей временной осѣдлости превосходное, лучшаго желать нельзя. Мы привалили къ лужку и торопливо начали выносить нашу кладь изъ лодки. Всѣ наши припасы, ружья, удочки, котелокъ и проч. уложили въ кучу и въ предосторожность отъ дождя, покрыли кожей. Лодку выдернули на берегъ и перевернули ее кверху дномъ, подиеревъ съ одной стороны колышкомъ, чтобы можно было усѣсться подъ нее въ случаѣ дождя.

Между тѣмъ гроза усиливалась. Молний сверкала безпрестанно, то змѣйкою извиваясь въ темныхъ облакахъ,

то всыхивая ослепительнымъ синеватымъ бенгальскимъ огнемъ. Громовые удары быстро съдовали одинъ за другимъ; могучие звуки ихъ неумолкаемо, какъ волны, переливались въ воздухъ, отчетливо отражаясь въ лѣсныхъ высотахъ, и не успивалъ звукъ громового удара замереть, какъ его подхватывалъ другой ударъ. Лѣсъ стональ непрерывно. Дождь еще не начинался; не чувствовалось ни малѣйшаго присутствія вѣтра. Грозно чернѣлъ омутъ, тихо и сердито смотрѣли его воды, и ни одна струйка не колыхалась, ни одна вѣтка не шевелилась на деревѣ. Эта мертвая неподвижность воздуха придавала грозѣ еще болѣе ужасный характеръ.

По другую сторону омута, за песчанымъ берегомъ, лѣсъ поднимался по угору террасами, становясь все выше и выше. Прямо противъ насъ изъ него выступалъ конусообразный холмъ, въ видѣ громадной пасыни, — покрытой какъ скатертью — бѣлымъ мохомъ. Очертаніемъ своимъ онъ напоминалъ курганы южныхъ степей Россіи. Кругомъ этого холма красовались нѣсколько сосенъ величины необыкновенной; самая же вершина его представляла небольшую, голую площадку.

Ночная темнота быстро усиливалась отъ тучи, обложившей все видимое нами пространство неба. Наконецъ въ промежуткахъ между молниєю мракъ сдѣлался до такой степени силенъ, что мы уже не въ состояніи были различить окружающихъ предметовъ: все потонуло въ какой-то черной, непроницаемой бездѣлѣ. При всыхиваніи молний окрестности вдругъ обливались ослепительнымъ освѣщеніемъ и на одно мгновеніе били въ глаза малѣйшими своими подробностями. Съ особеннымъ же эффектомъ обрисовывался въ эти моменты находящійся противъ насъ холмъ: онъ то выступалъ, то скрывался какъ волшебный призракъ, окутанный бѣлымъ саваномъ. Я не могъ отвести стѣ него глазъ. Онъ приковывалъ мое вниманіе къ себѣ какою-то необъяснимою силою.

Вдругъ ярко освѣтила молнія, въ ту же секунду вспыхнула еще разъ, зигзагомъ пронизала вѣтви сосенъ и въ видѣ огненнаго шара широкимъ пламенемъ пронеслась надъ ихъ вершинами, и на площадкѣ кургана я увидалъ огромной величины оленя: онъ явился тутъ такъ же неожиданно и мгновенно, какъ самая молнія. Я увидалъ его стоящаго къ намъ бокомъ, какъ-будто удержанаго вдругъ сверхъестественною силою въ моментъ прыжка. Разразился страшный громовыи ударъ; сверкнула вновь молнія, и оленя уже не было на вершинѣ холма. Явленіе было мимолетное, но стройная, гордая осанка оленя, явившагося на высокомъ холмѣ, какъ на огромномъ пьедесталѣ, освѣщенному ослѣпительнымъ электрическимъ свѣтомъ, его закинутые назадъ вѣтвистые рога, нѣсколько вытянутая шея, вся поза красавца такъ и отчеканилась въ моей памяти, и никогда я не забуду этой чудной картины въ такую торжественную величественную минуту. Я помню, какъ у меня захватило дыханіе, и сердце какъ-будто упало, замерло: такъ ошеломленъ я былъ этой чрезвычайной печаиниостью.

— Видѣлъ? спросилъ я шепотомъ Абрама.

— Видѣлъ, отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, не менѣе меня изумленный, Абрамъ; Алексѣй, видѣлъ ты?

— Видѣлъ, отвѣчалъ и Алексѣй. Здѣсь оленя много: миерина тутъ неподалеку.

— Это не простой олень?

— Не простой, — ланью сlyветъ. Простой вдвое меньше; этотъ рѣдко встрѣчается.

— Это не тотъ-ли, что въ Сибири называютъ Изюбромъ? спросилъ я Алексѣя.

— Должно тотъ, павѣрное не знаю: мы ланью зовемъ *).

*) Описанный Черкасовымъ въ запискахъ Сибирскаго Охотника Изюбрь (*Cervus elaphus*) водится не въ одной Сибири; онъ обитаетъ и въ Вологодской губерніи въ сѣверо-восточныхъ ея предѣлахъ. Здѣшніе промышлен-

Между тѣмъ начали спускаться крупныя капли дождя. Издали послышался необыкновенно сильный гулъ. Приближался ливень. Мы забрались подъ лодку. Черезъ нѣсколько минутъ дождь хлынулъ баѣ изъ ведра, и зашумѣлъ вѣ-

ники называютъ этого оленя ланью, хотя подъ именемъ лани извѣстно въ классификаціи двухкопытныхъ совсѣмъ другое животное: *cerus dama*. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ лань одновременно съ лосемъ начали совершать свои переселенія съ сѣвера на югъ. Какія причины заставили этихъ благородныхъ животныхъ оставить обширныя и болѣе свойственныя для обитанія ихъ сѣверныя приволья, рѣдко населенныя человѣкомъ, и двинуться на мелкіе лѣса, почти въ густоту людскаго жилья — рѣшить трудно. Лѣсные-ли пожары, которые часто бывали въ сѣверныхъ лѣсахъ въ послѣднія два десятилѣтія, тому виною, настойчивое-ли преслѣдованіе промышленниковъ или измѣненія природы въ климатическомъ отношеніи, къ чему вообще звѣри весьма чувствительны, только лось и лань упорно стремятся къ югу, безпрестанно появляясь въ мѣстахъ, гдѣ прежде никогда ихъ не видывали. Лань встрѣчается большою частію одинцами; но лось — семьями, а иногда и стадами до десяти и пятнадцати головъ. Замѣчательно, что лось, забравшись въ южныя части Вологодской и Новгородской губерній и даже въ иѣкоторые уѣзды Ярославской, видимо сконфуженъ своимъ положеніемъ, какъ человѣкъ, который стерялъ путь и, заблудившись, идетъ на удачу, не зная, куда приведетъ принятое имъ направлѣніе. Лось бродить зря, заходя иногда въ такіе мелкіе отъемы, гдѣ трудно укрыться даже зайцу, не только крупному звѣрю, такъ наприм. въ 1872 году лось занѣль въ кустъ мелкаго лѣса въ десятину величиною около города Мологи; или забирается въ посѣнныя мѣстности и торфяныя болота совсѣмъ неудобныя для его обитанія, какъ случилось это на Шекснѣ въ 1873 году, гдѣ иѣсколько штукъ лосей окружены были разливомъ воды на маленькомъ островкѣ. При всѣхъ этихъ блужданіяхъ звѣрь гибнетъ въ громадномъ количествѣ подъ ударами икуратниковъ, не разбирающихъ ни времени, ни мѣста для его истребленія. Я знаю многихъ охотниковъ изъ мужиковъ, которымъ удавалось убивать въ сибирскую зиму по семнадцати штукъ лосей. Лось въ обширныхъ лѣсахъ сѣвера выносливъ, силенъ, смѣль и даже отваженъ, такъ что не только обороняется отъ нападенія, но въ случаѣ крайней для него опасности и самъ нападаетъ. Здѣсь-же онъ слабъ, робокъ и не выражаетъ ни малѣйшаго проявленія къ защитѣ.

Ав.

терь, быстро усиливающейся и скоро перешедшей въ страшную бурю. Лѣсъ застоналъ. Высокія сосны бѣшено захлестались другъ о друга своими вершинами. Вдругъ гдѣ-то хрюснуло дерево и съ трескомъ повалилось на землю, потомъ другое, третье и по всему лѣсу раздался грохотъ отъ падающихъ деревьевъ, и среди этого ужаснаго треска, среди бушующаго урагана, шума вѣтвей ударовъ грома, ливня и безпрестанно сверкающей молніи, раздался откуда-то ревъ,— дикий пронзительный, ревъ принадлежащий какому-то живому обитателю лѣсовъ и поражающей свѣбими хрипло-густыми звываніями до такой степени, что я почувствовалъ невольный ужасъ. Едва замерли эти дикие воини, какъ вблизи насы завылъ другой такой-же голосъ...

— Что это, Алексѣй?

— А, вишь, *буруломъ*, сухоидстый лѣсъ валить, такъ *санка* россомаха — значитъ, реветь.

— Экъ голосина-то у дьявола точно у медвѣдя: вишь пасты-то распустила: «ореть, точно съ нее чортъ лыки дереть», замѣтилъ Абрамъ; она вѣдь не опасна, пустой самой звѣрь, только глотка-то широка.

Черезъ полчаса гроза начала стихать, громовые удары становились рѣже и слабѣе; вѣтеръ спалъ; дождь прекратился. Въ воздухѣ послѣдній. Мало-по-малу начала разсѣваться нагнанная грозовою тучею темнота. Мы вылѣзли изъ подъ лодки, и какою дивною благодатью повѣяла на насы освѣженная грозою природа. Куда дѣвались эти бунтующія силы, куда исчезли, скрылись всѣ эти ужасы, за иѣсколько минутъ тому развернувшіеся передъ нами такою грозою, поражающею тропическимъ величиемъ картиною. Стояла спокойная ночь; на небѣ искрились звѣздочки, отчетливо отражаясь въ темномъ ложѣ омута. Вновь водворилась тишина, слышно было какъ съ древесныхъ вѣтвей падали на землю капли и бормотали струйки вздувшейся отъ ливня рѣчки.

Первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть багажъ, *хламъ*, какъ называютъ зыряне. Съ верху онъ оказался совершенно сухъ: кожа спасла его отъ дождя; но съ низу потокомъ дождевой воды подмочило кафтанъ Абрама, часть нашей палатки и Алексѣевы сапоги; остальное было все сухохонько. Главное я боялся за наши сѣстные припасы, но Абрамъ догадался корзину съ ними поставить однимъ концомъ на мѣдный чайникъ, другимъ на котелокъ, и такимъ образомъ они уцѣлѣли во всей своей неописуемой непригожинности.

Съ трудомъ развели мы огонь, набравши сушнику изъ подъ береговой кручи, гдѣ не хватало дождемъ и валежнику изъ подъ большихъ елей. Топливо наше сперва трещало, шипѣло, дымило, наконецъ вспыхнуло яркимъ огнемъ и запыпало. Мы обсушались, закусили, раскинули нашу палатку и залегли спать.

Солнце уже взошло, когда я проснулся и вылѣзъ изъ палатки. Яркіе золотые лучи его пробивались сквозь вершины сосенъ, на хвоѣ которыхъ искрились дождевые капли. Утро было свѣжее, тихое, душистое. Надъ рѣкою вились туманы. Товарищи мои, утомленные наканунѣ перѣездомъ, спали крѣпкимъ сномъ, и мнѣ не хотѣлось ихъ будить. Я спустился къ рѣкѣ. Вода отъ ливня была еще мутна. При такомъ ея состояніи нечего было и думать о ловлѣ харьюзовъ, который идетъ на удочку только на свѣтлой водѣ. Я надѣлъ патронташъ, закинулъ ружье за плечи и пошелъ вверхъ по Лемъ-ю по тропинкѣ, пробитой промышленниками—охотниками.

Лѣса въ зырянскомъ краѣ изрѣзаны по всѣмъ направлѣніямъ охотничими тропами. Это пути, по которымъ промышленники дѣлаютъ обходы по пастамъ, слонамъ, петлямъ, силкамъ и различнаго рода насторожкамъ на звѣри и лѣсную птицу. Такого рода тропы называются *путниками*, вѣроятно отъ слова путь. Каждый промышленникъ имѣть свой районъ

для путиковъ, по которымъ другой промышленникъ уже не ставить ловушекъ, и это обычное право сохраняется между Зырянами во всей своей святости. Главный путикъ слѣдуетъ обыкновенно по берегу какой-нибудь лѣсной рѣчки; отъ него въ стороны расходится цѣлая система тропъ, то твердо убитыхъ, то едва замѣтныхъ на мицтой почвѣ лѣса. На ловушкахъ кладутся однообразныя мѣты, единожды навсегда присвоенные тѣмъ промышленникамъ, которымъ ловушки принадлежать. Промышленничьи путики имѣютъ весьма длинное протяженіе, такъ что весь обходъ по нимъ простирается часто верстъ до тридцати, и по всему обходу количество ловушекъ иногда восходить до 700 и болѣе. Понятно, что такое большое число насторожекъ нельзя промышленнику осмотрѣть въ одинъ не длинный осенний или зимній день; по этого и не дѣлается: осмотръ ловушекъ обыкновенно совершается по частямъ, и только въ недѣлю два раза выполняется весь обходъ. Замѣчательно, что относительно ловушекъ существуетъ въ обычаяхъ зырянскихъ промышленниковъ правильный законъ наслѣдственности: очень часто можно встрѣтить, что ловушки въ какомъ-нибудь путикѣ перешли промышленнику отъ пра-дѣда, — этимъ объясняется огромное ихъ количество: каждый наслѣдникъ, поправляя и поддерживая въ порядкѣ старыя, строить на удобныхъ мѣстахъ вновь нѣсколько ловушекъ, такъ что послѣдній обладатель считаетъ ихъ въ своемъ районѣ около тысячи. Если промышленникъ умираетъ бездѣтенъ, ловушками наслѣдуютъ родственники; если нѣть родственниковъ, то права на нихъ переходятъ къ обществу, или чаще всего, по отказу покойного, — къ церкви, и тогда путикъ, съ извѣстнымъ числомъ ловушекъ, съ извѣстными на нихъ мѣтами, становится арендною статьею. Зыряне обращаются съ своими ловушками весьма хозяйственно: передъ весною они считаютъ за непремѣнную обязанность спустить всѣ насторожки на птицу на томъ основаніи, чтобы рябчикъ, глу-

харь и тетеревъ-польникъ, попавъ въ ловушки на путикъ, когда уже закончено льсованье, не сгибъ и онапрасну. Съ бѣльчими ловушками они не предпринимаютъ этой предосторожности.

Пройдя съ полверсты глухимъ сосновымъ боромъ, я замѣтилъ, что мѣстность понижается, постепенно переходя въ лядину, и вдали просвѣчивается какая-то чисть. Соснякъ смѣнился пихтой и елью, черничникъ и зеленый мохъ густо покрывалъ почву. Оставивъ вправъ торцову тропу, которая шла по берегу Лѣмъ-ю, я направился тоже по тропочкѣ, только менѣе утоптанной, къ виднѣющейся впереди чистовинѣ. Скоро я заслышалъ крики чаекъ и догадался о близости озера. Лѣсная растительность сразу приняла другой характеръ: пихта и ель смѣнились березой, ивнякомъ, черемухини-комъ и ольхой; изрѣдка начали встрѣчаться большія торфяные кочи. Вотъ и озеро. Тихо, осторожно подошелъ я изъ-за коблюха къ самому его краю и остановился.

Оно было шириной сажень въ сорокъ и около шестидесяти сажень въ длину. Множество заливовъ, вдавшихся въ берега то острыми углами, то овальными изгибами, придавали ему совершенно неправильную форму. Противоположный край озера, сажень на пять отъ берега, густо заросъ ситовникомъ, и вообще около береговъ все озеро затянуто было почти сплошнымъ покровомъ водяныхъ и болотныхъ травъ. Оба берега его въ восточной части сходились на весьма близкое разстояніе; по очертанію ихъ и по уходящей вдали узкой безлѣсной полосѣ, вродѣ просеки, замѣтно было, что озеро давало начало какой-нибудь небольшой рѣчкѣ или лѣсному потоку. Средина озера была чистая. Тихо, покойно лежала вода между болотными травами; солнце еще не обогрѣвало воздуха; кое-гдѣ вставали и шевелились надъ озеромъ туманы, раскинувшись надъ нимъ газовымъ покровомъ. Множество чаекъ и рыбалокъ вились

надъ водою. Саженяхъ въ сорока отъ меня, плавали, покеркивая, двѣ маленькия гагары, иногда ныряли, подолгу пропадали подъ водою и появлялись опять на томъ-же мѣстѣ. Вдругъ, саженяхъ въ пятнадцати отъ меня, зашелестила осока, раздались на водѣ круги, и медленно, гордо вынырнула гусь. Я быстро вскинулъ ружье, но еще не успѣлъ спустить курка, какъ замѣтилъ нѣсколько штукъ молодыхъ гусенятокъ въ желтенькомъ пушку, веревочкой тянувшихся за маткою. Руки мои опустились. Я не посмѣлъ оставить сиротами, можетъ-быть, только что явившихся на свѣтъ божій малютокъ, присѣлъ за коблюхъ и началъ наблюдать.

Семья вынырнула на средину озера, циплята поцикливали, матка тихо съ ними гоготала. Я насчиталъ девять гусенятъ; все они плавали въ разсыпину по озеру, но держались не далеко отъ матки и безпрестанно что-то ловили, можетъ быть мошекъ или водяныхъ кружалокъ. Вотъ матка крикнула зычно, пронзительно; вдали, со стороны потока, раздался отвѣтный крикъ такой-же рѣзкій и сильный, и черезъ нѣсколько минутъ со всего размаха шлепнулся на озеро гусакъ; вода шумно раздалась отъ его груди на обѣ стороны. Гусакъ быстро забилъ крыльями и началъ кружить около выводка: онъ видимо радовался; видимо, это была его родная, кровная семья. Онъ какъ-то особенно нѣжно, мягко гоготалъ и затѣмъ такие началъ выдѣлывать курбеты, такъ быстро стала полоскаться около гусенятъ, что брызги высоко полетѣли къ верху и залили ихъ: матка отплыла съ своимъ выводкомъ нѣсколько въ сторону. Наконецъ, гусакъ успокоился, бодро, высоко поднялъ голову и зорко началъ осматриваться. Я въ это время поднялся изъ-за коблюха. Гусакъ въ ту же минуту увидалъ меня и, съ крикомъ поднявшись съ озера, далъ тягу; матка торопливо поплыла въ ситовникъ, а за нею цѣпочкой поковыляли гусенята.

Возвратившись къ нашему охотничьему биваку, я нашелъ своихъ товарищъ уже занятыхъ рыбною ловлею: оба сидѣли съ удочками на берегу омута. Абрамъ избралъ мѣстечко на кручкѣ; помѣстившись на маленькую площадку подъ черемуховымъ кустомъ, онъ закидывалъ удочку подъ нависѣль ракитника. Поставивъ ружье къ дереву и снявъ патронташъ, я подошелъ къ нему осторожно.

— Что, какъ дѣла? спросилъ я шепотомъ Абрама.

— Ни шевельнеть!...

— Не берется?

— Ни, ни: хоть-бы клюнула.

— Да, можетъ, харьюза нѣть?

— Нѣть!? Посмотрите-ка въ омутъ-то пристальнѣе, что тамъ дѣлается: нагусто!...

Я подошелъ поближе къ окраинамъ берега и началъ вглядываться въ воду. Дѣйствительно, очень крупные харьюзы тихо расхаживали въ омутѣ на различной его глубинѣ: ихъ было множество. Они медленно двигались по всѣмъ направлениямъ, иногда всѣ вдругъ исчезали, уходя въ глубь, иногда вдругъ, неожиданно громадной стаей выплывали изъ-подъ берега. Увидѣвъ рыбу на такомъ близкомъ разстояніи, спокойно разгуливающую многочисленными стадами, я сейчасъ же побѣжалъ за своими удочками и, избравъ удобное мѣстечко, тоже усѣлся удить.

Одну удочку, нажививъ червемъ, забросилъ я далеко отъ берега на глубокое мѣсто, другую — поближе къ краю, около большаго камня, гдѣ весьма часто показывались харьюзы. Удилища обѣихъ удочекъ я воткнулъ въ берегъ. Наживка послѣдней удочки отчетливо обрисовывалась въ водѣ: видно было, какъ хвостикъ червяка извивался на крючкѣ, то растягиваясь въ прямую линію, то скручиваясь въ узелокъ. Вотъ изъ-за камня выплылъ крупный харьюзъ и медленно началъ приближаться къ червяку; вотъ онъ уже близе-

хонько, на разстояніи трехъ вершковъ отъ насадки. Я осторожно наложилъ руку на удилище, чтобъ не прозѣвать ту секунду, въ которую производится подсѣчка. Харьюзъ подпрыгъ къ червяку вплоть, толкнулъ его носомъ, спокойно, не торопясь, повернулся по направлению къ серединѣ омута и уплылъ въ глубину. Что за чудо! Отъ чего такое равнодушіе рыбы, всегда жадной къ лакомому блюду, которое такъ любезно предлагается ей на крючкѣ! Вотъ плыветъ цѣлое стадо харьюзовъ около самаго крючка и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на червь, проходитъ мимо. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ появляется рыба, гуляетъ возлѣ самой насадки, нерѣдко задѣваетъ ее то бокомъ, то спиной, иногда приближается къ крючку какъ-бы съ памѣреніемъ клюнуть, прикоснется къ червяку носомъ, будто понюхаетъ — и отойдетъ. Такъ прошло очень много времени. Хотя харьюзъ и не клевалъ, но мнѣ не скучно было сидѣть за удочкой: я любовался свободно расхаживающей рыбой и все ждалъ, все надѣялся, авось, схватить наживку, авось начнется клевъ! но клевъ не начинался.

— Пустое дѣло, такъ дарма сидимъ, громко заговорилъ Алексѣй.

— Что-же это значитъ, что харьюзъ не клюетъ? спросилъ я.

— А, вишь, онъ весь въ омутѣ; коли въ омутѣ, такъ хоть тресни, ни по чѣмъ брать не будетъ...

— Рыба, значитъ, съ характеромъ, заговорилъ Абрамъ изъ своего черемхового куста, не хочетъ брать, такъ ни чѣмъ ее не ублаготворишь. Я и хлѣбъ насаживалъ, и бѣлымъ папушникомъ подчывалъ ее, а теперь ужу на овода: не клюетъ, дуй ее горой-то!

— Вишь въ омутѣ; на переборѣ нѣть ни одной. Выйдеть на переборь, и клевъ начнется, пояснилъ Алексѣй.

— Да, жди ее, когда она выйдетъ.

— Къ вечеру, можетъ, выйдеть, а то до утра подождать надо... Полагать должно, грому она испугалась.

— Пойдемъ-те кашицу варить, пообѣдаемъ, да соснемъ. Что большие дѣлать-то, рѣшилъ Абрамъ, завивая свою удочку.

Сошли съ омута, развели огонь. Абрамъ началъ хлопотать о приготовлении кашицы, Алексѣй сталъ запасать дрова для пажка, а я занялся кипяченіемъ воды для чая. Часа черезъ полтора кашица наша была готова, и мы, усѣвшиесь около котелка, всѣ трое аппетитно начали упиваться Абрамову стряпнину.

— Дѣло плохо, Алексѣй! пожалуй вернемся съ Лѣмъ-ю съ пустыми руками, — какъ ты думаешь? спросилъ я.

— Не бывало этого; подождать надо, — клевать будетъ: грому испугалась.

— Ты, Абрамъ, хитины не знаешь ли какой, чтобы рыба клевала?

— Какой хитины?

— Ну, тамъ заговору что ли? ты вѣдь мастеръ на эти вещи, сказаль я, съ намѣреніемъ вызвать его на откровенность по этой части.

— Знаю кой-какіе...

— Ты бы и прочиталъ...

— Да, вѣдь, читать-то нужно то же во время; не въ часъ прочитаешь, будешь не полезительно.

— А развѣ для этого часы назначены?

— А то какъ-же! иной заговоръ читать надо на солнечномъ восходѣ, лицомъ стать на восточную сторону, да съ вѣрой, какъ молитву.

— Пожалуйста, скажи-ка, хоть одинъ такой заговоръ.

— Я и знаю-то всего одинъ; а сказать его нельзя: всю силу потеряетъ... да, признаться, я и запамятаю не-много, отвѣчалъ уклончиво Абрамъ. А вотъ слова есть та-кія для уженья, — тѣ можно сказать.

— Какія же такія слова?

— А, какъ станешь наживлять червя на крючекъ и проговори трижды: «рыба свѣжа, наживка сальна, — клюнь да подерни, ко дну потяни!»

— Ужъ ты, вѣрю, пустилъ въ ходъ эти слова давича; да что-то, братъ, рыба-то не послушалась.

— Не послушалась и то. Да заговоръ-то это пустой, не силенъ: коротокъ больно.

— А тотъ заговоръ, что сказать-то нельзя, длинный? спросилъ я.

— Тотъ длинный; на солнечномъ восходѣ его надо читать, а мы на солнечномъ-то восходѣ еще въ лучшую спали. Я проснулся, хватъ, а вѣсъ иѣть. Вы съ ружьемъ-то ходили, видѣли-ли что?

Я рассказалъ обѣ озерѣ и о гусиахъ.

— Въ этомъ озерѣ карасей много, и карась страхъ крупный — по фунту, сказалъ Алексѣй.

— Вотъ ботальной мережи не взяли... Ты что-же не сказалъ, толстоголовый? ботальница-то есть: не вѣсть какой трудъ въ лодку-то ее сунуть! укоризнено обратился Абрамъ къ Алексѣю, эхъ ты мѣшокъ, право мѣшокъ!.. Съ рыбой-бы были: карась теперь перестится, — самый настоящій ему ходъ на этой недѣлѣ...

— Да кто-жъ ее.... не вдомекъ, проворчалъ Алексѣй.

— Какъ не вдомекъ! да, вѣдь, ты про озеро-то зналъ, зырянская, ты, размазня этакая!..

— Да зналъ-же!

— Такъ зачѣмъ-же ты не сказалъ? горячился Абрамъ.

— Да кто-же ее...

— Ну: «затвердила ворона Якова, будеть про всякаго»...

— Полно вамъ перекоряться-то! пойдемте-ка въ палатку спать, сказалъ я, поднимаясь отъ пажка.

Послѣ отдыха, часу въ четвертомъ, мы снова усѣлись было съ удочками, но такъ-же безуспѣшио, какъ и въ первый разъ. Вода въ омутѣ совершенно отстоялась, сдѣлавшиъ необыкновенно прозрачною: на глубинѣ сажени можно было разсмотрѣть малѣйшій камушекъ, и разгуливающая рыба обрисовывалась еще отчетливѣе. Каждому охотнику до уженья понятно, какая досада разбираетъ рыбака при видѣ огромнаго количества рыбы, равнодушно плавающей около самаго крючка. Понапрасно просидѣвши часа полтора, мы бросили уженье и занялись чаемъ.

— Не пойти-ли намъ пошататься съ ружьями? предложилъ я Абраму.

— А пойдемте, можетъ мошника гдѣ нибудь подѣлимъ; что тутъ попусту-то время терять.

— Не знаешь-ли ты, Алексѣй, по близости здѣсь такого острова, гдѣ бы росъ большой дремучій лѣсъ? Забрались вѣдь мы далеко, а все не попадаетъ такого лѣсу, гдѣ-бы топоръ не былъ, гдѣ-бы деревья были сплошь громадныя, — все вырубки, да выпади.

— А пойдемте, сведу: версты двѣ отсюда, не больше, и такой-ли лѣсище, подъ небеса вѣется! отвѣчалъ Алексѣй.

— Пойдемте, полюбуемся; а можетъ и попадетъ что дорогое. Хорошо туда идти-то? спросилъ я.

— Болотинка есть небольшая, да сухо дойдемъ, — далеко-ли.

Мы отправились.

Лѣсъ этотъ лежалъ на лѣвомъ берегу Лѣмъ-ю. Мы перешли рѣку бродомъ и, около того холма, на которомъ я видѣлъ въ грозу оленя, поднялись въ гору. За береговыимъ угоромъ мы сейчасъ-же попали на *путникъ*. Алексѣй былъ нашимъ вожатымъ. Пройдя по тропѣ около полуверсты, мы круто повернули направо и спустились въ болото. Передъ нами открылось обширное пространство, покрытое мохомъ,

съ рѣдкимъ насажденіемъ приземистой корявой сосны. По болоту были кочи, поросшія клоинникомъ, болотнымъ верескомъ и кустами голубицы. Въ расплывахъ, между кочами, густо разбросался морошечникъ, уже съ образовавшимися ягодами, посыпавшими здѣсь обыкновенно въ первыхъ числахъ юля. Ноги наши такъ и грузли въ мягкой, какъ пухъ, мохъ, изъ котораго на каждомъ шагу выжималась вода. А Алексѣй сказалъ — сухо! Впрочемъ, въ его понятіи — это такъ: если Зырянинъ скажетъ, что въ болотѣ мокро, это значитъ, что придется брести по поясъ. Идти было въ высшей степени утомительно: при ходьбѣ по моховому болоту нога не чувствуетъ подъ собою твердой опоры, а лѣзть въ глубь во что-то мягкое, засасывающее, и пока вытягиваешь одну ногу, другая тонетъ — и такъ поочередно, — это изнуряетъ до крайности. Но вотъ конецъ и болоту. Мы поднялись на гриву, покрытую зеленымъ мохомъ. Между соснами стали проворачиваться ель и пихта. Лѣсъ становился гуще и гуще. Наконецъ, мы забрались въ такую чащу, что съ трудомъ сквозь нее прорвались, и вотъ взошли въ большой лѣсъ, сквозь густыя вѣтви котораго не пробивались даже солнечные лучи. Вѣковыя ели необычайной вышины, дряхлые, обросшія мохомъ, спускающимися съ вѣтвей ихъ въ видѣ сѣдыхъ бородъ, какъ-то печально кивали своими головами; что-то грустное и важное видно было въ этихъ великанахъ, которые, какъ можно было замѣтить, уже валятся отъ собственной своей старости. Отъ того здѣсь безпрестанно начали попадаться упавшія деревья и вывороти. Стволы лежавшаго лѣса были до такой степени толсты, что чрезъ нихъ приходилось въ буквальномъ смыслѣ перелѣзать. Это мертвое, гниющее царство можетъ служить надежнымъ пріютомъ для медвѣдей, и мнѣ пришло это на мысль.

— Что, Абрамъ, если мы да на медвѣдя нарѣжемся?
— Такъ что-же?

— Какъ такъ что-же? да вѣдь ружья то дробью заряжены.

— Што, что дробью; я и дробью его ляпну.

— Ну, братъ, это ты вздоръ говоришь, не ляпнешь!

— Ей Богу ляпну! Такъ всю харю ему и зальплю. Вы думаете, испугаюсь что-ли? не испугаюсь, право нисколько не испугаюсь!

Я увѣренъ былъ, что Абрамъ говоритъ правду; и попадись ему медвѣдь, дѣйствительно бы онъ его ляпнуль не только крушной дробью, но даже бекасинникомъ. Чувство страха ему какъ-то мало было знакомо. Онъ въ этихъ случаяхъ или не сознавалъ, или не понималъ опасности.

Мы прошли большими лѣсомъ болѣе двухъ верстъ и ничего въ немъ не встрѣтили: ни дичи, ни пѣвчей пташки, какъ будто онъ былъ совершенно необитаемъ ни единымъ живымъ существомъ. Но вотъ что-то вспорхнуло надъ нашими головами: дятель. Съ сухой сосны онъ перелетѣлъ на ель и усердно началъ долбить сухонодстоину. Не даромъ дятла называютъ пустынникомъ: онъ одинъ только попался намъ среди этого хмураго, непривѣтливаго лѣса.

— Великъ-ли этотъ лѣсъ? спросилъ я Алексѣя.

— Верстъ на пятнадцать въ длину будетъ, а понерекъ-то, въ самомъ широкомъ мѣстѣ — верстъ пять, не больше.

— Не заблудиться-бы намъ?

— Гдѣ заблудиться!.. Вотъ тутъ сейчасъ гарь будетъ: на гарь выйдемъ.

Вскорѣ начала просвѣчиваться гарь. Выйдя на неѣ, я понялъ, по какой причинѣ уцѣлѣлъ этотъ островной лѣсъ отъ пожара, истребившаго рядомъ съ нимъ на обширное пространство можетъ быть такой же огромный по насажденію лѣсъ: около самой гари проходилъ ручей; онъ-то вѣроятно и остановилъ дальнѣйшее слѣдованіе огня. Ручей протекалъ въ глубокихъ, обрывистыхъ, голыхъ берегахъ; по откосу

ихъ распоязались толстяя плети кореньевъ отъ исполинскихъ елей и сосенъ, растущихъ на урѣзѣ. Видно было, что гарь эта существуетъ уже много лѣтъ, не засѣляясь подрослью новыхъ растеній. Нѣкоторыя изъ обгорѣвшихъ сосенъ и елей упали, но еще множество сухаго лѣса стояло въ ожиданіи бури, которая уложитъ когда-нибудь на вѣчный покой вѣковыя деревья, образуя изъ нихъ *природный висячій мостъ*. При моихъ странствованіяхъ по глухимъ лѣсамъ въ Вологодской и даже Новгородской губерніи, я не разъ наталкивался на такие мосты. Это въ своемъ родѣ весьма замѣчательное явленіе природы, образующееся слѣдующимъ процессомъ: пройдетъ огонь по густому сосновому или еловому насажденію, — мелкія деревья сгорятъ тутъ же, при самомъ пожарѣ, стволы-же крупныхъ деревьевъ останутся. Черезъ нѣсколько лѣтъ корни сухоподстойнаго лѣса подгниваютъ, по мѣсту гари пробѣгасть буря и валить множество сухоподстони по направлению своего хода. Но упавшія деревья неплотно прилегаютъ къ землѣ: въ комѣ — корни, а въ вершинѣ — сучья удерживаются стволъ дерева навѣсу, аршина на два надъ землею. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, черезъ много десятковъ лѣтъ, ударить буря съ другой стороны и еще свалить рядъ деревьевъ, которыя лягутъ на перекресть первымъ. Такимъ способомъ полегшій сухоподстойный лѣсъ образуетъ висячій мостъ на цѣлые десятки верстъ въ ширину и длину. Замѣчательно, что свалившіяся деревья долго не гниютъ: они еще на корню высохли до того, что при ударѣ звенятъ, какъ металлическая трубка. Потомъ почва подъ ними обсѣмнится отъ соѣдственнаго живаго насажденія и начинается медленное заростаніе. Молоднякъ просовываетъ свои вершинки въ промежутки лежачихъ деревьевъ и впослѣдствіи выбѣгаеть въ довольно большой лѣсъ, скрывая въ своей тѣни совершенно цѣлымъ висячій мостъ. На все это уходитъ, можетъ быть,

болѣе стольтія времени. Если случится промышленнику при своихъ лѣсовьяхъ наткнуться на такой мостъ, онъ взлѣзаетъ на него и, переходя съ дерева на дерево, перебирается совершенно свободно черезъ все замощенное пространство. Собака его бѣжитъ по землѣ, внизу.

Поздно вечеромъ, усталые возвратились мы къ мѣсту почлега. Во все время нашей ходьбы мы подняли только пару глухарей, стрѣлять по которымъ не привелось, и выводокъ рябчиковъ: молодые въ немъ до того были малы, что едва могли летать.

Развели огонь, выпили по рюмкѣ водки, закусили довольно плотно разными, взятыми съ собою, припасами и погрузились въ чаепитіе. Ночь стояла свѣтлая, тихая и теплая. Милліоны звѣздъ ярко горѣли на небѣ, и мѣсяцъ серебромъ обливалъ лоснящуюся поверхность омута. Издалека доносилось уханье филина; сова хохотала, и изрѣдка тянула свою трескучую пѣсню козодой. Насъ клонило ко сну. Алексѣй уже спалъ около огня, Абрамъ дремалъ въ полулежачемъ положеніи, и я былъ готовъ къ тому-же; надо-бы забираться въ палатку, да не хотѣлось какъ-то подняться, лѣни было вставать; уставши, такъ пріятно было понѣжиться у пажка. Смолкли филинъ и сова. Глухая полночь. Ни звука. Глаза слипаются; клонитъ прилечь, да пошевелиться не хочется. Вдругъ пронесся стонъ, жалобный, болѣзненный стонъ; чутко раздался онъ среди невозмутимой тишины и замеръ. Откуда этотъ странный голосъ? съ лѣсу, съ воды или съ воздуха? Что это такое? звѣрь-ли простональ, птица-ли прокричала? Необъяснимо.

Пажокъ нашъ прогорѣлъ и началъ потухать. Въ воздухѣ потянуло холодкомъ. На востокѣ показался красноватый отблескъ утренней зари. Мы забрались въ палатку и скоро заснули въ ней крѣпкимъ сномъ.

Солнце было уже надъ лѣсомъ, когда я проснулся, Аб-

рамъ и Алексѣй спали еще въ лучшую. Я осторожно вылѣзъ изъ палатки и спустился къ омуту посмотретьъ харьюзовъ. Вода, казалось, сдѣлалась еще чище; на днѣ омута можно было разсмотретьъ каждую тонкую волотку отъ корня водяныхъ травъ, каждую песчинку, но странно — рыбы въ омутѣ не было: я не могъ оглядѣть ни одного харьюза, — они куда-то исчезли. Я оставилъ омутъ, осторожно подкрадлся къ перебору и изумился: сотни харьюзовъ толпились на мели; они стояли на перекатѣ цѣлымъ плотомъ, стремясь выбраться на самую сильную струю и, видимо, сопротивляясь быстрому теченію воды. Я взялъ удочку, наживилъ ея червомъ крючекъ и тихо засинулъ на перекатѣ, въ самую середину рыбьей стаи. Едва наживка коснулась воды, какъ на крючекъ сѣлъ около фунта харьюзъ и быль вытащены на берегъ. Я засинулъ во второй разъ и въ ту же секунду снова выудилъ такой же величины харьюза. Клѣвъ, настоящій клѣвъ, тотъ, за которымъ щахали, кото-раго желали! Бѣгомъ поднялся я въ гору и виопыхахъ весьма безцеремонно пачаль будить своихъ товарищѣй.

— Абрамъ, Алексѣй! вставайте скорѣй, ради Бога! рыба вся на переборѣ: клюетъ!

— Клюетъ? неушто клюетъ: выудили? торопливо спросилъ Абрамъ, высакивая изъ палатки.

— Выудилъ пару, клюетъ: только успѣвай таскать!

— Въ разныхъ мѣстахъ надо удить; сгруживаться не нужно: спугаешь рыбу, отозвался Алексѣй, тоже поспѣшило вылѣзая изъ палатки; теперь, знай, валяй! Сразу пасадимъ кадушку!

Мы размѣстились по перебору, шагахъ въ пятнадцати другъ отъ друга, и пошла потѣха. Клѣвъ быль непрерывный: едва крючекъ съ червемъ касался воды, какъ его жадно схватывалъ харьюзъ и тащилъ въ сторону вѣрно, безъ обмана. Поплавокъ тутъ быль совсѣмъ лишній: все дѣло

совершалось въ виду, на глазахъ, — только знай, закидывай удочку, да таскай рыбу. Мнѣ случалось на Волгѣ уживать на наплавную удочку уклейку, — береть бойко; но въ ея борѣ всетаки есть *поклевка*: уклейка сперва поиграетъ съ насадкой, подергаетъ ее и потомъ уже, схвативъ, побѣжитъ въ сторону. Разъ, еще въ дѣствѣ, на Шекснѣ я удиль на метлякъ чешу. Ходъ былъ тоже необыкновенный: рыба бралась ежеминутно, но всетаки въ подсѣчкѣ бывали промахи, иногда чеша и срывалась. Здѣсь же совсѣмъ не то: какъ бросиль удочку, въ ту же секунду харьюзъ безъ всякой поклевки хватаетъ наживку и волочеть; подсѣчка безъ промаха, клѣвъ безъ промежутка. Я попробовалъ навязать на лесу два крючка и каждый разъ началъ выуживать по парѣ харьюзовъ. Наконецъ, для испытанія я не погружалъ наживку въ воду, а держалъ на разстояніи полувершка отъ ея поверхности, тогда харьюзъ прискакивалъ изъ воды и схватывалъ насадку на вѣсу. Въ какой-нибудь часть времени я набидалъ харьюзовъ множество; всѣ они были одной мѣры: около фунта величиной. Абрамъ и Алексѣй тоже дѣйствовали съ неменьшимъ усилѣемъ. Далѣе продолжать ловлю было бы напрасной алчностью: рыбы некуда было дѣвать; мы закончили уженѣе и занялись посолжкою нашей добычи. Харьюзъ — рыба чрезвычайно нѣжная: на жару она скоро портится и потому присаливать ее тутъ-же на мѣстѣ совершенно необходимо.

Кадочка была наполнена до верху, прикрыта кружкомъ, надавлена камнемъ. Мы наудили рыбы болѣе трехъ пудовъ. Такого добычливаго уженья я не испытывалъ во всю жизнь мою ни разу.

За чисткою рыбы и соленіемъ ея прошло довольно много времени. Явилось общее желаніе подкрепиться сѣстрымъ. Достать свѣжей, животрепещущей рыбы ничего не значило; въ нѣсколько минутъ взяли мы изъ Лѣмъ-ю, какъ изъ

садка, пятнадцать штукъ харьюзовъ и сварили изъ нихъ превосходнайшую уху.

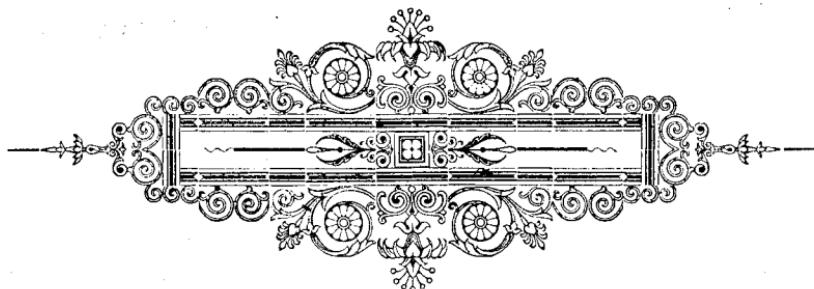
Обратное путешествие наше совершилось весьма скоро. На переборахъ и заломахъ нѣсколько затруднила кадка съ рыбью, прибавившая тяжести, но зато на глубокихъ пlesахъ лодка по теченію воды летѣла соколомъ. Вотъ и Вычегда; по ней, выѣхавши на струю, помчались мы еще быстрѣе.

Скоро доѣхали до Потеряя; черезъ него нопали въ Сысолу и торжественно, съ пѣснями, довольные успѣхомъ своей поѣздки, привалили къ городскому берегу.

Противъ пристани, заслышивъ пѣсни, показалась, повязанная красненькимъ платочкомъ, жена Абрама.

— Эй, Домна! закричалъ онъ своей подругѣ жизни, иди сюда! помогай вытаскивать харьюзину изъ лодки!

VI.

ЩУГОРЪ.

Щочти параллельно Уральскому хребту величаво улеглась въ обрывистые берега громадная съверная рѣка Печора. Вытекая изъ Пермской губерніи и принимая на своеемъ двухтысячномъ протяженіи довольно много большихъ и малыхъ притоковъ, рѣка эта широкимъ русломъ вливается въ Ледовитый океанъ. Уральскія горы мѣстами такъ близки къ Печорскимъ берегамъ, что кажется тутъ и есть, рукой подать: такъ отчетливо и рѣзко рисуется этотъ горный кряжъ на восточномъ горизонте. На равнинѣ, между Печорою и Ураломъ, параллельно съ послѣднимъ, часто встречаются отдельные кряжи, которые Зыряне называютъ пармами. Одинъ изъ пармъ длинныя, другія короче, но всѣ онѣ образовались въ видѣ складокъ при поднятіи Уральскаго хребта. Самая длинная цѣпь этихъ горъ известна подъ именемъ Высокой Пармы. Она поворачиваеть къ съверо-западу, проходитъ около деревни Почекемъ и разстилается затѣмъ въ плоскость по берегамъ Печоры. Долины у подопивъ уральскихъ откосовъ и отдельныхъ кряжей покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, который, постепенно рѣдѣя и перемѣшиваясь съ лиственными породами, восходитъ до известной высоты, сохраняя прямизну деревьевъ и здоровый ихъ видъ. Граница произрастанія лѣса возвышается и понижается, смотря

по крутизнѣ склоновъ и по странѣ свѣта, къ которой они сходять; болѣе всего понижается эта граница обыкновенно на сѣверозападной сторонѣ горъ, потому что дующіе съ сѣверозапада холодные вѣтры задерживаютъ ростъ и развитіе деревьевъ. Надъ чертою лѣса крутыми подъемами возвышаются горы, которыхъ самые крайніе очерки принимаютъ преимущественно двѣ отличныя одна отъ другой формы: или длинные хребты съ скалистыми ребрами, или круглый кегли совершенно похожія на базальтовыя и трахитовыя горныя вершины другихъ странъ. Пологости и проходы въ горахъ покрыты мохомъ и чахлою травою, выступающей изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Вдоль источниковъ, которые обыкновенно здѣсь беруть свое начало съ горъ, тянется мѣстами ивовый кустарникъ, заглушенный высокими травами и представляющій разнымъ водоплавающимъ птицамъ излюбленнѣйшія мѣста для свианія гнѣздъ. Крутые скаты и вершины всѣхъ горъ представляютъ нагроможденныя въ беспорядкѣ кучи каменныхъ глыбъ, переходящія иногда въ отвѣсныя, зубчатыя, изрѣзанныя щелями стѣны. На высотахъ, покрытыхъ кучами камней, растуть одни только лишай. Еще выше, и только тамъ, гдѣ отвѣсныя скалы оканчиваются небольшими площадками, по берегамъ пробивающіяся изрѣдка источниковъ, засѣдаеть мохъ и мурава—единственные признаки жизни мертвыхъ окрестностей. Всюдѣ на эти горныя стремнины весьма затруднителенъ: надоѣно подниматься съ большою осторожностію, чтобы не ступить на шаткій камень, который легко можетъ потерять равновѣсіе и покатиться въ пронастѣ вмѣстѣ съ входящимъ человѣкомъ; но за то по этимъ глыбамъ можно, какъ по лѣстницѣ, достигнуть такихъ высотъ, на какія при другомъ образованіи горъ не могъ бы взобраться и самый отважный альпійскій охотникъ. На одномъ изъ откосовъ Урала возвышается гора съ обнаженнымъ теменемъ, извѣстная подъ

именемъ Моицкаго Болвана. Остяцкое название: Остяки называютъ себя—Манци. Это одно изъ тѣхъ мѣсть, на которыхъ еще до сихъ поръ сохранился обычай Остяковъ приносить своимъ идоламъ жертвы. На такихъ жертвеникахъ нерѣдко встречаются поставленные на камняхъ или воткнутые на шестѣ оленьи черепа съ рогами и разбросанные въ беспорядкѣ кости заколотыхъ въ жертву животныхъ. Страненъ обычай Остяковъ убивать животныхъ назначенныхъ для этой цѣли: они заколачиваютъ оленю всѣ отверстія: ноздри, ротъ, уши и проч. деревяниими кольями и этимъ мучительнымъ способомъ умерщвляютъ его. Въ прежнія времена, впрочемъ, давнія, Остяки приносили въ жертву идоламъ, кромѣ оленей, также серебряныя украшенія и монеты, по съ того времени, какъ иѣкоторые ссыльные въ Обдорскѣ сдѣлали въ отысканіи остяцкихъ жертвениковъ и въ обираніи съ нихъ серебра—очень выгодный для себя промыселъ, такія жертвоприношенія прекратились.

Противъ селенія Усть-Щугора, прорѣзавъ Ідажеди Парму, владаетъ въ Печору Щугоръ, вытекая изъ Уральскихъ горъ. Рѣка эта по своему чрезвычайно извилистому пути имѣеть протяженіе не болѣе 350 верстъ; она очень глубока и необыкновенно быстра, какъ вообще всѣ горныя рѣки, имѣющія крутое паденіе. Прозрачность воды въ Щугорѣ изумительная: маленькие камешки, песчинки крупнаго хряща можно разсмотрѣть въ ней на саженной глубинѣ. Вода въ Печорѣ довольно чиста, но когда вливается въ нее свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на иѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры, около праваго ея берега.

Въ концѣ іюля 186... года, въ легкой, но приспособленной для дальнихъ переѣздовъ лодочкѣ, спускаясь внизъ по теченію Печоры вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по путешествію П. Д. Волковымъ и промышленникомъ Зыряниномъ, за-

матерълымъ охотникомъ и рыболовомъ — Алексѣемъ Тентьюко-
вымъ, добрались мы до устья Щугора, изслѣдованіе кото-
рого входило въ планъ нашей поѣздки по Печорскому краю.
Погода стояла превосходная. Мучительное комариное время уже
прошло. Мы перенесли его на верховьяхъ Печоры. Комары на
Печорѣ, въ концѣ Мая, Іюня и началѣ Іюля, это одна изъ
невыносимыхъ казней египетскихъ. Мириады этихъ крово-
пийцъ, какихъ-то особенныхъ, необыкновенно крупныхъ, ры-
жеголовыхъ, нападаютъ на человѣка и на всякое живое
существо тучами, мѣшаютъ есть, нить, работать, думать;
отъ нихъ нѣтъ спасенія: накомарники *) не помогаютъ; они
какъ-то ухитряются залѣзть и подъ нихъ; да въ знойные
дни и дунно въ накомарникахъ; смазываніе открытыхъ мѣсть
тѣла пахучими веществами не служить ни къ чему. Одинъ
только вѣтеръ иѣсколько прогоняетъ неносимыхъ пискуновъ.

Къ Щугору мы прибыли на солнечномъ восходѣ. Надъ
водою колыхался туманъ. По лѣвой сторонѣ Печоры безко-
нечно широко разстилалась равнина съ поросшимъ на ней
темнымъ лѣсомъ, по правую, вдали отъ береговой полосы,
возвышались горы, изъ-за которыхъ солнечные лучи золо-
томъ обливали покойную поверхность водъ Щугорского устья;
доходящаго сажень до ста ширины. Берега Щугора при устьѣ
на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ состоять изъ нанос-
ной равнины, поросшей березами и ивами, и чѣмъ далѣе къ
Камню **), тѣмъ выше они поднимаются, переходятъ въ уго-
ры, дѣлаются каменистѣ и покрываются хвойнымъ лѣсомъ.
По прибрежной равнинѣ Щугора кое-гдѣ разбросаны поляны.
Дымавшійся паръ съ этихъ полянъ и крикъ чаекъ изобли-
чали присутствіе *курей* (луговыхъ озеръ).

Мы сдѣлали привалъ къ луговой части берега, заѣхавши

*) Сѣтки, надѣваемыя на голову и лицо въ родѣ пчелиныхъ, употреб-
ляемыхъ при выниманіи меда изъ ульевъ.

**) Горный кряжъ Урала.

въ заводъ, образовавшуюся подъ небольшою острою коскою. На красивой луговинкѣ, подъ раскидистой ивой, въ виду двухъ громадныхъ рѣкъ, устроилась наша временная стоянка.

— Какъ у насть запасъ провизіи, Павель Дмитріевичъ? на исходѣ надо полагать? обратился я къ своему товарищу, завѣдывавшему въ пути хозяйствомъ.

— Поиздержались таки; чаю и сахару еще много; а вотъ насчетъ хлѣба насущнаго — плоховато: одни только сухари и остались; соли довольно.

— Значитъ — жить еще можно; о приваркѣ только по-заботиться слѣдуетъ: экскурсію охотничью сочинить нужно.

— Вали на куры; всякой утки здѣсь, что мякины — не перестрѣлять; а мы съ Алексѣемъ въ прозрачныхъ чертогахъ справку наведемъ: рыбешки не поймаемъ-ли.

Съ собою взяты были разныя рыболовныя принадлежности: удильные крючки, животные крюки, жерлицы и даже небольшія ботальныя мережи. Въ длинномъ путешествіи по малонаселенному краю эти рыболовныя снасти оказывали намъ большую услугу въ продовольственномъ отношеніи.

Затянувъ патронташъ, перекинувъ сумку черезъ плечо и ружье за спину, я направился на крикъ чаекъ, разсчитывая попасть или на большое торфяное озеро, или на водомоину. Послѣднія часто встречаются въ луговыхъ пріечорскихъ низинахъ. Образованіемъ ихъ служатъ быстро стекающіе съ горъ потоки, во время весенняго таянія снѣговъ. Такія водомоины, или черторои, обростаютъ по берегамъ ракитникомъ, заглушаются болотными травами и служатъ превосходнѣйшимъ мѣстомъ для обитанія утокъ.

Сначала пришлось мнѣ пробираться сквозь чаѣтый кустарникъ; но я скоро вышелъ на луговину, которая извилистымъ долочкомъ тянулась около березовой рощи. Черезъ четверть часа ходьбы долина начала принимать все болѣе широкіе размѣры и наконецъ раскинулась обширнымъ сѣнокоснымъ

наволокомъ. На лѣво, къ угору, сверкнула вода; я поворотилъ къ ней. Подхожу, — логъ, сажень около двадцати ширины, съ сухими березами; по окраинамъ—осока, на водѣ широкіе листья лопуха покачиваются вѣтеркомъ, и мѣстами рѣзунъ плотно заткалъ воду, разбросавшись по ней своими колючими, мясистыми листьями. Изъ подъ ногъ, изъ осоки, сорвалась кряковая утка: ружье было на плечѣ, я сбросилъ его, взялъ на прицѣлъ, но было уже не въ мѣру, не успѣлъ выстрѣлить: утинала. Черезъ нѣсколько шаговъ еще поднимается пара; я ударилъ по правой: со всего размаха шлепнулся въ воду тяжелый кряковень, гулко раздался выстрѣлъ, какимъ-то перекатистымъ эхомъ застонала онъ по равнинѣ и вотъ громаднѣйшія стада утокъ различныхъ видовъ начали взлетать изъ осоки и изъ подъ нависѣли ракитника, и закружились въ воздухѣ. Шурканье крыльевъ, крякотня, свистъ раздавались со всѣхъ сторонъ. Выстрѣлъ мой надѣлалъ необычайный перенолохъ обитателямъ здѣшнихъ болотъ и озеръ: всюду залетали стада, то опускаясь далѣе вновь на воду, то забираясь высоко въ воздухѣ. Вотъ мчится прямо на меня нѣсколько десятковъ свѣзей: я далъ имъ сравняться, онѣ взмыли надъ мою головою, порвались вправо и сидотились въ клубокѣ. Я шарахнулся въ самую гущу: три штуки покатились въ середину лога. Въ горячности я и не замѣтилъ, что наглушилъ: утки упали далеко отъ берега, достать ихъ невозможно, значитъ не зачѣмъ было и стрѣлять по направленію къ водѣ. Сломилъ я хворостину аршина въ четыре, попыталъ глубину у берега: не хватаетъ до дна; плыть нельзя: водяная растительность, плотинымъ ковромъ засѣвшая около береговъ, не позволила бы двинуться. А убитая дичь покачивается на водѣ: одна свѣзь лежитъ кверху брюшкомъ; ярко блеститъ на солнцѣ ея блесковатая хлупь; три штуки вверхъ спинками, опустивши внизъ головки. Жаль утокъ, хочется ихъ добыть,

но я не могъ придумать средство — какъ-бы это сдѣлать: хоть-бы веревка была, навязать бы палку, забросить далѣе за утокъ и, такимъ способомъ, прилавить ихъ къ берегу. Это случалось практиковать съ успѣхомъ, но веревки не было.

Вѣтерокъ сталъ дуть посильнѣе, зарябилъ поверхность лога и погналъ мою дичь къ противоположной сторонѣ. Двѣ утки, занесенные въ рѣзунъ, засѣли въ немъ безнадежно, другія двѣ угодили въ небольшую чистенькую прогалинку и довольно близко подбились къ берегу; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось отсюда. Слѣдовало обойти логъ, чтобы достать утокъ съ той стороны. Зарядивъ ружье, я пошелъ по окраинѣ лога, по направлению къ лѣсу: Печора оставалась у меня назади, а Щугоръ съ лѣвой руки. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ услышалъ позади себя необыкновенный шумъ въ воздухѣ: я обернулся, вижу — летить какой-то большой ястребъ, сдѣлалъ кругъ надъ моими убитыми утками, легъ надъ водою, вытянулъ поджатыя ноги и подхвативъ крякушу, тяжело поднялся съ нею на противоположный берегъ, пролетѣлъ надъ ракитовою зарослью и спустился за кустомъ. Обидно, подумалъ я, досталась добыча чорту въ лапы, а подѣлать ничего нельзя: не перескочишь черезъ воду. Я прибавилъ шагу, изъ опасенія, чтобы и остальныхъ утокъ не постигла также участь.

Мѣстность начала попижаться, перейдя въ сырватую съ небольшими болотистыми впадинами. Наконецъ я уперся въ довольно большое кочковатое болото, сплошь заросшее густою осокою. Изъ лога вдавался въ это болото заливъ. По берегу лога пробираться далѣе не было возможности, я взялъ влѣво и пошелъ въ обходъ болота, держась его окраины. Изъ подъ ногъ вырвался бекасъ, потомъ другой, наконецъ вдругъ поднялось штукъ пять: я не выдержалъ и послалъ голенастикамъ два выстрѣла въ догонку: крупная дробь не

задѣла ни одного, но выстрѣлы подняли вновь безчисленное множество дичи: кромѣ утокъ, всюду залетали стада куликовъ, быстро промчалась возлѣ меня стапичка ржанокъ, закружились въ воздухѣ кронинены, зычно гдѣ-то крикнулъ гусь, и благимъ матомъ загалдѣли журавли. Во истину, величественное и обильное царство пернатыхъ! Отъ такого множества всевозможной болотной дичи рѣяному охотнику можно обезумѣть. Я и обезумѣлъ: съ изумлѣніемъ, какъ шальной, забывъ зарядить ружье, смотрѣлъ я на кружашіяся стада. Если сравнить ихъ со стаями летающихъ грачей надъ вершинами старыхъ березъ обширнаго заброшенного сада или съ сѣткою галокъ надъ городскими церквами, то это будетъ весьма слабое понятіе того, что совершилось надо мною... И все это пищало, кричало, крякало, все это производило какой-то невообразимый, смѣшанный гвалтъ. Черезъ четверть часа разсѣлась снова дичь по мѣстамъ, снова все затихло, лишь изрѣдка слышалась перекличка кряковыхъ утокъ и клыканье бѣлоголовика, на недосягаемой вышинѣ парившаго надъ озерами. Зарядивъ ружье, я двинулся по избранному пути. Болото становилось глушѣ, водянистѣе. Изъ травы грузно поднялась утка и повалилась съ выстрѣла; изъ налетѣвшаго на меня вслѣдъ за этимъ стада ржанокъ, я изъ лѣваго ствола вышибъ трехъ штукъ; потомъ еще убилъ вскорѣ пару утокъ. Черезъ четверть verstы берегъ болота сдѣлался сушѣ. Показались кустарники можжевельника и рѣдоно еловой подросли. Вдругъ изъ одного еловаго куста, мимо котораго я проходилъ, поднялась съ большимъ шумомъ какая-то крупная птица; на секунду она застряла въ вершинахъ дерева и потомъ вытянула предо мною на чистовину; вижу — глухарь; я хватилъ его виoperечь: свалился, какъ снопъ. Выстрѣль до того былъ удаченъ, что даже досадно сдѣлалось, что некому было полюбоваться на него со стороны; глухарь матерый, громадныхъ размѣровъ,

около 20 фунтовъ въсу. Зарядъ угодилъ ему въ бокъ и уложилъ наполовину.

Казалось бы и будетъ дичи, можно бы и назадъ возвратиться къ лодкѣ, но жаль было оставить убитыхъ утокъ, за которыми я пошелъ въ обходъ, да и мѣстность настолько меня заинтересовала, что мнѣ захотѣлось еще походить, поизслѣдовать ее. Двинулся далѣе. Кустарникъ дѣлался плотнѣе и наконецъ перешелъ въ еловую чащу, составляющую опушку сплошнаго лѣса, въ который съ правой стороны отъ болота вдавалось острымъ угломъ чистое озерко. Продираясь сквозь ельникъ, я началъ обходить это озерко. На срединѣ его, вѣнѣ выстрѣла, ныряли около десятка чернетей. Замѣтивъ меня, они сжались въ кучу и, покеркивая, изогнувшись головки нѣсколько въ сторону, вдавившись какъ-то въ воду по самую шею, бойко поплыли къ противоположному берегу. Обойдя озерко, я снова вышелъ на обширную луговую пажню и, все держась берега, началъ, какъ мнѣ показалось, возвращаться съ противоположной стороны назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ убитыхъ утокъ. Но вдругъ я уперся въ поперечную промоину, саженъ около семи ширины; она отрѣзала мнѣ возможность обхода. Слѣдовало бы воротиться назадъ, но продираться вновь сквозь лѣсную чащу, идти старымъ мѣстомъ, не достигнувъ цѣли, мнѣ не захотѣлось, и я пошелъ по берегу промоины, въ надеждѣ отыскать бродъ. Мѣстами промоина съуживалась до трехъ саженъ, мѣстами расширялась саженъ до двадцати и болѣе. Изъ-подъ нависѣли ракитника, кой-гдѣ раскидавшагося по окраинѣ промоины, поднимались довольно часто свѣзи и кряковья; но пыль во мнѣ уже поулегся: я не стрѣлялъ ихъ — не потому, впрочемъ, что находилъ мой ягдташъ достаточно наполненнымъ, но съ подъема утки направлялись на противоположную сторону, и я не былъ увѣренъ, что, убивши, воспользовуюсь ими.

Я шелъ по берегу промоины около версты: мѣсто было открытое, плоское. Вижу — впереди опять вода. Я натолкнулся на новое озеро, съ которымъ соединялась промоина, представлявшая такимъ образомъ проливъ между двумя небольшими водоемами. Почувствовавъ нѣкоторую усталость, я присѣлъ отдохнуть на берегу озера. Оно было круглой формы и имѣло въ понеречникѣ около 200 саженъ. Судя по наружному виду, глубина въ немъ вѣроятно весьма значительна, потому что, не смотря на прозрачность воды, дно не просвѣчивалось. Окраины озера сухія, мѣстами обросшія ракитникомъ. Берегъ съ моей стороны отлогій, луговой, а противоположный, прилегающій уже къ горнымъ склонамъ уральского кряжа, крутой и обрывистый, съ скалистыми осипями, по урѣзу которыхъ тянулся небольшой сосновый лѣсокъ. Озеро было красиво; гладкая поверхность воды лоснилась, какъ стекло. Множество чаекъ вились и орали надъ водою; кое-гдѣ плавали гагары, да громадное стадо чернетей то и дѣло перелетало съ мѣста на мѣсто. Изрѣдка всплескивалась рыба; расходящіеся широко круги на водѣ показывали, что экземпляры водяныхъ обитателей были изрядной величины.

Время близилось къ полудню. Солнце пригрѣвало такъ усердно своими горячими лучами, что мнѣ захотѣлось поосвѣжиться въ озерѣ, свѣтлая, прозрачная вода котораго такъ и тянула выкупаться. Раздѣвшись, я бросился въ воду; у самаго берега глубина озера оказалась чрезвычайная: опустившись, я не могъ достать дна; берега сходили въ воду не только отвесной стѣной, но еще имѣли подъ себѣ подмоины, или, какъ называютъ рыбаки, пазухи, куда удобно укрыться рыбѣ при ловлѣ ея неводомъ и вообще всякими сѣтями. Мнѣ не разъ случалось видѣть въ окрестностяхъ Шексны небольшія съ подобными свойствами озерини. Въ нихъ всегда было множество рыбы, которую изъ этихъ

бездонныхъ котловъ, съ глубокими рытвинами, далеко уходя-
щими подъ берега, невозможно добыть никакими снастями,
кромѣ единственной, самой ничтожной между рыболовными
при надлежностями, — это удочки. И здѣсь, купаясь въ во-
дахъ неизвѣстнаго мнѣ озера, пріютившагося въ пустынной
мѣстности на склонѣ уральскихъ отроговъ, я искренне по-
жалѣлъ, что въ моемъ ягдташѣ не было въ запасѣ этого
скромнаго рыболовнаго снаряда. Не взирая на мое булты-
ханье въ водѣ, рыба то и дѣло плавилась во всѣхъ мѣстахъ
озера, даже около самого меня. Часто, при сильномъ всипле-
сѣ, дробно разсыпалась мелкая рыбешка въ разныя сто-
роны, почему можно было безошибочно судить, что это щуки
или окунь гонялись за добычею. «Жерлицы бы пустить на
колодкахъ, животные крюки поставить бы, мелькало у меня
на мысляхъ, не остаться ли на устьѣ Щугора на суточки
для потѣхи, приди сюда съ Павломъ Дмитріевичемъ и по-
пытать счастія; ужо поговорю съ нимъ, размышлялъ я, мо-
жетъ и согласится».

Послѣ купанья, меня начало клонить ко сну. Наканунѣ,
плывя по Печорѣ, мы почти всю ночь не спали изъ желанія
поспѣть къ утру на устьѣ Щугора, да и побродилъ я,
должно быть, многонько; дѣля обходы полоевъ, болотъ и
озеринъ, я исколесилъ порядочное пространство, такъ что
чувствовалъ утомленіе. Я прилегъ на случившійся тутъ не-
большой холмикъ. Надо мною раскидалась безконечная,
недосягаемая высь блѣдно-голубаго неба; солнце сіяло ярко;
на западѣ громоздились отливавшіе жемчужнымъ блескомъ
комья небольшихъ облаковъ; на востокѣ обрисовались зуб-
чатыя вершины горнаго кряжа, вздымаясь въ высоту ка-
кими-то фіолетовыми буграми; ниже ихъ темною полосою
разстипался хвойный лѣсъ. Направо, верстахъ въ четырехъ,
виднѣлись береговыя очертанія Печоры, верхнія плеса которой
въ крутыхъ изворотахъ блестѣли широкими серебряными лен-

тами. Оглядѣвши мѣстность, я сообразилъ гдѣ находится устье Щугора и наша стоянка. Заблудиться было невозможно. Хотя я на этотъ счетъ и успокоился, но среди пустынной, безлюдной мѣстности чувствовалъ какъ-то совершенно себя одинокимъ: ничто здѣсь не изобличало присутствія человѣка, не было слышно ни говора, ни пѣсни людской, никакого отклика. Но въ тоже время иная жизнь, жизнь природы непрерывно обхватывала меня со всѣхъ сторонъ: безчисленные голоса чаекъ оглашали окрестность громкими, словно чего-то вымаливающими криками; стаи куликовъ сновали передо мною безпрестанно, перекличка кряковыхъ утокъ раздавалась со всѣхъ сторонъ. Плюханье рыбъ по озеру, стонъ крачекъ, перелетъ нырковъ, голоса на водѣ, голоса въ воздухѣ не прекращались ни на минуту. Вдругъ около самого меня шарахнулась какая-то разомъ обвѣявшая меня масса: это бѣлоголовикъ кубаремъ ударился въ воду, подхватилъ довольно большую рыбину, взмылъ вверхъ и, ровно махая крыльями, полетѣлъ за озеро, въ полосу чернѣющагося лѣса; его со страшнымъ гвалтомъ преслѣдовали чайки.

Солнце жгло меня на пригоркѣ невыносимо. Я перебрался въ тѣнь, подъ ракитовый кустъ, къ самому озеру, положилъ ружье около себя и скоро заснуль крѣпкимъ сномъ.

Проспалъ я около трехъ часовъ. Когда проснулся—погода поизмѣнилась: съ запада подувалъ довольно крѣпкій вѣтерокъ; кучевые облака похаживали по небу. Въ воздухѣ свѣжѣло. На озерѣ, шагахъ въ тридцати отъ меня, плавало стадо штукъ въ тридцать чернетей, безпрестанно нырявшихъ. Я заслоненъ былъ отъ нихъ кустикомъ ракитника, сквозь вѣви котораго и осмотрѣлъ утокъ. Осторожно поднявъ ружье, подползъ я еще ближе къ кусту, просунувъ сквозь вѣви стволы, и выждавъ тотъ моментъ, когда чер-

нети скучились, выстрѣлилъ въ средину стада; три остались на мѣстѣ, остальные, поднявшись, залепетали по водѣ. Изъ втораго ствола, въ угонку, еще вырвалъ одну штуку. Вѣтерокъ погналъ убитыхъ утокъ къ тому берегу. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что ихъ прибѣть къ нему прежде, нежели я успѣю обойти озеро; къ обходу же не представлялось по-видимому никакихъ препятствій. Берега сухіе и возвышенные. Обходъ не великъ, немного болѣе версты, времени до вечера еще много, силы подкѣпились сномъ. Я бодро пустился въ путь. На половинѣ обхода окраина озера понизилась, берега отлого сбѣжали къ водѣ и образовался узкій заливъ, вдавшійся въ видѣ языка сажень на сорокъ въ длину лугового пространства. Залива этого я прежде не замѣтилъ: его закрывалъ отъ меня ракитникъ и ольховые кусты. Сразу можно было видѣть, что эта часть озера была мелка: по берегамъ осока и кочкарникъ, по водѣ плавуны, ряска и травяная заросли; противоположная сторона залива состояла совсѣмъ изъ пересохшей отмели, переходящей въ тинистую грязь. Мириады мелкихъ куликовъ разныхъ видовъ бѣгали по болотинѣ, подбирая разную болотную шмару и насѣкомыхъ. Вдругъ я осмотрѣлъ въ концѣ залива, подъ берегомъ, весьма большую птицу, мѣрно шагающую по отмели. По сѣро-пепельному цвѣту и длинному носу я принялъ ее за журавля, но горбатая спина, опущенный кургузый хвостъ, петлей сложенная шея, прижатая къ плечамъ, длинныя косицы на головѣ—всѣ эти признаки изобличали, что это не журавль. Изъ за куста я подошелъ къ птицѣ шаговъ на двадцать; она меня замѣтила и молча поднялась, вытянувъ ноги назадъ, а шею загнувъ на спину: вижу—цапля. Что за чудо! Какою бурею занесло эту обитательницу умѣренныхъ странъ въ такие далекіе сѣверные предѣлы? Впрочемъ не разъ случалось мнѣ встрѣчать пернатыхъ подъ несоответствующими ихъ обитанію широтами: въ Костромскомъ

уѣздѣ, въ обширныхъ луговыхъ пространствахъ новолѣзья, въ 1854 году, я убилъ пару стрепетовъ; въ Яренскомъ уѣздѣ во ржи не разъ слышалъ крикъ переполовъ; въ Чевынскомъ болотѣ, въ окрестностяхъ Устьсысолъска—видѣлъ чернаго аиста.

При обходѣ залива я встрѣтилъ потокъ, узенькимъ ручейкомъ пробирающійся по луговой ложбинѣ. Свободно перешагнувъ его, я скоро достигъ вновь сухой мѣстности и огибая озеро уже съ противоположной стороны, поднимался постепенно все выше и выше. Вотъ и сосновый лѣсокъ, который я видѣлъ съ того берега. Почва сухая, песчаная, поросшая сѣро-пепельными лишаями. Сосны небольшія, приземистыя, съ кужлавыми раскидистыми верхушками. Мѣстами подъемъ былъ крутъ; я шелъ все къ верху, все въ гору. Сосновая группа деревъ раздалась; я вышелъ на не большую площадку и ахнулъ отъ изумленія: передо мною развернулся вдругъ великолѣпный, поражающій пейзажъ; подъ ногами, надъ крутымъ обрывомъ, круглое, чистое глубокое озеро. Кужлавыя сосны и густыя ивы, и береговая песчаная отсыпь опрокинулись черезъ отраженіе въ тихую гладь его водъ; далѣе—на западъ обширное луговое пространство, по которому точно сотни раскиданныхъ исполненныхъ стеколъ ярко блестѣли по всемъ направленіямъ кури и полои, озерины и протоки; еще далѣе—широкое плесо величественной Печоры, а за нею темное море безконечнаго лѣса, сливающагося непрерывною массою съ горизонтомъ. На востокѣ тоже темная полоса лѣснаго пространства, но ограниченная далѣе волнистою грядою уральскихъ предгорій, рѣзко обрисовывавшихся въ воздухѣ своими голыми вершинами. Солнце зашло за тучку: вся даль, вся эта обширная плоскость съ безчисленными озеринами потонула въ аломъ блескѣ, облившемъ багровымъ цвѣтомъ и широкое плесо Печоры. Какъ хорошо здѣсь: конца краю нѣть этому дикому

приволью, не налюбуешься имъ вдосталь. И невольно пришло на мысль: «чтобы здѣсь, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, на взлобкѣ, гдѣ стою, построить уютный домикъ, поселиться въ немъ съ самыми близкими людьми и въ этомъ уединенномъ углѣ, среди богато-населенной рыбой и дичью природы, среди немолчныхъ голосовъ обитателей лѣса и водъ, пожить на свободѣ и вдали отъ горя и поденныхъ заботъ, отдохнуть душою отъ нашей тяжелой исковерканной неправдой людской и общественными условіями—жизни!...»

Береговой обрывъ противъ меня возвышался сажень на сорокъ надъ водою, но сойти по немъ было возможно, что я и сдѣлалъ, спустившись къ самому заплеску воды, и пошелъ по песчаной отмели, тянувшейся узкою полосою подъ береговою кручею. Отсыпь въ разрѣзѣ состояла изъ слоистой глины, въ которой послѣдовательно залегали свѣтлосѣрый плотный известнякъ, глинистый черный сланецъ и зернистый кварцитъ. Скоро нашелъ я убитыхъ мною утокъ; ихъ поднесло всѣхъ четырехъ къ берегу почти въ одно мѣсто. Приторочивъ свою добычу къ ягташу, я снова началъ подниматься на береговую окраину, нѣсколько понизившуюся въ этомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ я попалъ на тропу, торно пробитую по береговому откосу. Всмогрѣвшись въ нее, я различилъ оттиски раздвоенныхъ копытъ, отчетливо отпечатанныхъ на глинистой почвѣ. Ясно—это тропа оленей; они ходятъ по ней къ озеру на водопой и купанье. На кустахъ ельника и вересняка, между которыми извивалась тропа, висѣли кое гдѣ клочки оленѣй шерсти.

Извѣстно, что въ знайные лѣтніе дни на олеснѣй кучами нападаютъ наськомыя, преимущественно овода и слѣпни, кусаютъ и кладутъ въ густую шерсть ихъ свои яйца. Въ эту пору олени—великие страдальцы, вода для нихъ спасеніе. Забравшись въ нее по шею, они простаиваютъ такимъ образомъ цѣлые дни, выставивши на поверхность одну

голову съ вѣтвистыми рогами. Именно на такое мѣсто попалъ я въ настоящую минуту. Спустившись по тропѣ къ самой водѣ, я вышелъ на песчаную отмель: весь песокъ около воды измѣтъ былъ копытами: именно тутъ, въ этомъ мѣстѣ купаются олени. Но время для этого уже прошло: въ концѣ юля овода отъ холодныхъ ночей пропадаютъ и олени перестаютъ принимать ванны; а то удобно было бы и постеречь ихъ здѣсь, конечно съ ранняго утра, запасшись для этой цѣли особыми охотничими снарядами.

Не отошелъ я и десяти сажень отъ оленьей тропы, какъ замѣтилъ на пескѣ другой слѣдъ, совершенно свѣжій, подѣйствовавшій на меня весьма впечатительно: широкая лапа и оттиски громадныхъ когтей несомнѣнно убѣждали меня, что сюда-же является Михайло Иванычъ, для освѣженія озерной водой своей клоакастой особы. Встрѣтиться съ нимъ, въ моемъ одиночномъ положеніи, при настоящихъ слабыхъ средствахъ для борьбы, т. е. съ простымъ дробовикомъ, съ запасомъ одной шестого номера дроби, было весьма непріятно. Признаюсь откровенно, мнѣ сдѣлалось жутко, какъ Робинзону, открывшему слѣды дикарей на своемъ необитаемомъ островѣ. Помнится у меня какъ будто шевельнулось что-то подъ картузомъ, мурашки какія-то пробѣжали по кожѣ. А слѣдъ былъ такъ свѣжъ, такъ отчетливъ, что, казалось, медвѣдь былъ здѣсь не только сегодня, но иѣсколько минутъ тому назадъ. Мнѣ даже послышался шелестъ въ ивовыхъ кустахъ, засѣвшихъ далѣе сплошною массою около самой воды озера. Первымъ моимъ послѣ такого открытия дѣломъ было подняться снова наверхъ, на ту площадку, съ которой я любовался величественнымъ видомъ. Затѣмъ предстояло рѣшить какимъ путемъ воротиться назадъ къ устью Щугора: идти тѣми-же мѣстами, какими шелъ сюда — надо проридаться сквозь лѣсную чащу, чего мнѣ, изъ опасенія встрѣчи съ медвѣдемъ, крайне не хотѣлось; взять направ-

ление влѣво, на берегъ Печоры и затѣмъ Печорою дойти до устья Щугора—было далеко. Но все-таки я остановился на послѣднемъ: этотъ путь предстоялъ по открытымъ мѣстамъ, гдѣ сбиться невозможно, да и Печора въ виду; значительная часть ея плеса видна отсюда, а если и скроется она отъ меня, когда спущусь въ низины, то береговые урѣзы этой громадной рѣки все-таки будутъ передъ моими глазами. Придется можетъ быть дѣлать обходы озеринъ и курей, но это ничего: лишнія двѣ — три версты не составить для такого ходока, какъ я, большой важности. Да кстати, возвращаясь этимъ направленіемъ, я могъ подобрать и уточъ, убитыхъ первыми выстрѣлами и оставленныхъ на логу. И такъ надумалъ я взять лѣвое направленіе и съ этимъ рѣшеніемъ обошелъ правую юго-восточную часть озера и спустился въ луговую плоскость.

Но недолго шелъ я по избранному пути; не болѣе какъ черезъ четверть часа, я уперся въ широкій проливъ: справа онъ соединился, по моему соображенію, съ тѣмъ логомъ, на которомъ остались утки, слѣва уходилъ въ луговое пространство, неизвѣстно на какое разстояніе. Я пошелъ въ обходъ. Къ счастію пролой съузился сажень до десяти. По растущей въ узкомъ мѣстѣ густой осокѣ и болотному хвощу можно было замѣтить, что тутъ неглубоко. Я раздѣлся съ намѣреніемъ перебрести на другую сторону. Спустившись въ воду, попробовалъ съ осторожностью дно, боясь попасть въ вязиль, изъ котораго пожалуй, ногъ не выташишь. Тинистыя, засасывающія озерину зачастую попадаются на сѣверѣ, да и вездѣ онѣ не рѣдки. Охотясь въ вычегодскихъ болотахъ, близъ Устьсысольска, я одинъ разъ забился въ такую зыбучую урему, что если-бъ не товарищи, такъ бы и покончилъ въ ней свое земное странствіе. Дно въ пролоѣ оказалось хотя и илистое, но довольно твердое, глубина немногого выше колѣна. Перебродя, я поднялъ трехъ кряко-

выхъ утокъ: онѣ съ шумомъ взвились въ воздухъ, сдѣлали небольшой кругъ и спустились въ этотъ же пролой, сажень пятьдесятъ отъ меня далѣе. Но мнѣ было не до утокъ: поспѣшио одѣвшись, я почти бѣгомъ пустился впередъ, по направлению къ Печорѣ. Торопиться слѣдовало: солнце склонялось къ западу и, кромѣ того, я съ утра ничего не ъѣлъ: меня довольно чувствительно началъ донекать голодъ. Все болѣе надвигался вечеръ. Вотъ золотистый дискъ солнца врѣзался въ темно-сѣрую полосу облака, растянувшагося на горизонтѣ надъ самыми верхушками лѣса; яркими, ослѣпительными цвѣтами заиграли края этого облака, принимая причудливыя формы. Лиловый блескъ вечера мягко ложился на широкій просторъ Припечорья. Но когда душа не покойна, голова полна тревожными мыслями и желудокъ пустъ, то не до красотъ природы. Я спѣшилъ изо всѣхъ силъ, а онѣ все болѣе и болѣе ослабѣвали: въ ягдташѣ моемъ было порядочно дичи, отъ которой онъ дѣлался часъ отъ часу тяжелѣе и страшно оттягивалъ влечо. Я отцѣпилъ уже глухаря отъ тюроковъ и несъ его въ правой рукѣ: такъ какъ-будто полегчало.

Долго бродилъ я между курьями и озеринами, то перебродя ихъ въ мелкихъ мѣстахъ, то дѣлая обходы. Все чаще и чаще встрѣчались на моемъ пути препятствія въ видѣ пролоевъ, промоинъ, горловинъ, проливовъ, логовъ и болотъ. Иногда подходилъ я къ Печорѣ весьма близко, казалось, былъ отъ нея не болѣе версты, по вдругъ встрѣтившейся какой-нибудь водоемъ уклонялъ меня въ противоположную сторону, и я снова шелъ прочь отъ Печоры, путаясь между озеринами. Усталость и голодъ мучили меня невыносимо, беспомощность положенія и приближающаяся ночь наводили страхъ. Я боялся запоздать; мнѣ жутко было ночевать въ этомъ лабиринтѣ водъ, въ которомъ я совершенно сбился съ пути и не зналъ, гдѣ отыскать выхода, попавъ въ безконечный переплетъ воды и земли между собою.

Давно закатилось солнце. Все гуще и темнѣе становились сумерки, все рѣже слышались голоса птицъ и ихъ перелеты. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснуль на небѣ золотымъ краемъ, звѣздочки всыпнули на востокъ, заря вечерняя поблѣдила, стихъ гомонъ чаекъ, не слышно переклички утокъ. Настала ночь. Гдѣ-то вдали, далеко ухнуль филинъ, гагайнула сова, потомъ простонало что-то, не то олень проревѣлъ, не то россомаха, а можетъ быть и медвѣдь. Я все шелъ, все блудился по суходоламъ между озеринами. Наконецъ попалъ я на чистое, длинное озеро и исплелся по его берегу, какъ-будто по направлению къ Печорѣ. Поги едва двигались, болѣе по инерціи. Я былъ чрезвычайно утомленъ. Черезъ четверть часа я наткнулся на новую воду: широкая курья соединялась подъ острымъ угломъ съ тѣмъ озеромъ, на берегу которого я стоялъ, и пресекла миѣ путь. Въ изнеможеніи я опустился на траву и рѣшительно растерялся: почевать, развести огня — спичекъ съ собою не было. А въ воздухѣ стало холодѣть, почь темнѣла, разстроенное воображеніе начало представлять крайніе случаи. Пропадешь, думалось, въ этихъ озерахъ, не выйдти изъ нихъ ни ночью, ни днемъ, съ голоду умрешь, или съ отчаянія пойдешь по прямой линіи и, перебираясь чрезъ курьи и полои то въ бродъ, то вилавъ, засядешь въ какой-нибудь тинѣ, гдѣ такъ и погибнешь; а можетъ быть и медвѣдь прикончить: по кустамъ все малинникъ тутъ, можетъ быть косолопая животина ходить по немъ: натолкнешься на него, изуродуешь, искалечишь, — такъ и Богу душу отдашь мучительной смертью.

Около часа пролежалъ я на луговинѣ безъ движенія. Сильно началъ прохватывать меня ночной холодъ, а подняться, походить, чтобы согрѣться, возможности нѣть: всѣ члены отяжелѣли и требовали отдыха. Ночь была тихая: ни звука жизни. Едругъ донеслись до меня какие то глухіе удары. Я началъ прислушиваться. Шлепанье по водѣ, бульканье все приближалось. Мѣсяцъ выкатился изъ-за тучи и обиль се-

ребромъ разстилавшееся передо мною озеро. Вижу — какая-то темная масса движется по направлению ко мнѣ. Чтобы это такое? Слѣжу внимательно, всматриваюсь: лодка. Сердце взыграло радостью: «Господи! неожиданная помощь. Но кто же здѣсь въ этомъ глухомъ углу и ночью, зачѣмъ, что дѣлать въ такую пору?»

— Коды таны (кто здѣсь)? закричалъ я позырянски.

— Кодэсъ енъ ваэ? (кого Богъ даетъ) отвѣчалъ мнѣ густой, крѣпкій голосъ человѣка съ лодки.

— Кывтъ тадче, буръ мортъ, отдавъ менымъ: мэвоши и кула чыгъ-понда! (подплывай сюда скорѣе, добрый человѣкъ, помоги мнѣ: я заблудился и умираю съ голоду) Лодка приблизилась. Едва коснулась она носомъ берега, какъ я поспѣшилъ въ нее ввалился: куда и усталость дѣвалась.

— Коды тѣ сѣчѣмъ? (кто ты такой) спросилъ меня зырянинъ, увидѣвъ вовсе не своего собрата, а какого-то чужака, нѣвѣдомо какъ сюда забравшагося. Я объяснилъ ему о себѣ подробно и просилъ доставить къ товарищамъ на устье Щугора, обѣщая за это вознаградить его деньгами или порохомъ.

— Ничего не нужно *), какія тутъ деньги; на соль развѣ что дашь, и спасибо. Да и самому мнѣ туда же надо: я изъ села Усть-Щугора, прѣѣзжалъ сюда рыбу ботать: виши какихъ карасей наловилъ. И зырянинъ показалъ мнѣ дѣйствительно большаго, фунта въ полтора, карася, доставъ его изъ-подъ доски со дна лодки.

— Какъ же мы отсюда выѣдемъ? спросилъ я.

— А вотъ все этой курьей; тамъ будетъ волока: лодку перетащимъ; вотъ виши какая у меня для этого колесница.

Въ лодкѣ лежали два колеса, выпиленныя изъ толстаго

*) Находя не совсѣмъ удобнымъ для чтенія приводить въ разговорѣ зырянскія фразы, я буду передавать ихъ на одномъ рускомъ языѣ, чего намѣренъ держаться и далѣе при моихъ послѣдующихъ встрѣчахъ съ зырянами въ этой поѣздкѣ.

кряжа и надѣтыя на деревянную грубо-обдѣланную ось, къ которой привязаны для тяги двѣ веревки въ родѣ постремокъ. Такіе скаты часто употребляютъ зыряне на волокахъ, когда приходится имъ перетаскивать лодки черезъ рѣчные перешейки или суходолы между озерами.

Перетащивъ лодку въ разныхъ мѣстахъ раза три, на конецъ мы добрались до Печоры. Славу Богу, сердце стало на мѣсто.

— Далеко-ли отсюда до Усть-Щугора?

— Да чекмоса два слишкомъ будетъ.

Въ чекмосѣ семь верстъ. Далеко же забрался я, путаясь въ луговой низинѣ Припечорья, въ лабиринтѣ озеръ и болотъ.

Около полуночи подъѣхали мы къ нашей стоянкѣ. На берегу у товарищей разведенъ былъ громадный пажокъ. Высокая, сутуловатая фигура Павла Дмитріевича ясно обрисовывалась противъ огня на темномъ фонѣ ночи.

— Ну, разодолжиль! протяжно воскликнулъ Павелъ Дмитріевичъ, когда я, выдвинувшись изъ темноты и вступивъ въ кругъ яркаго свѣта, разливаемаго огнемъ, вдругъ явился передъ нимъ, какъ листъ передъ травой.

— Куда это тебя нелегкая занесла? — Мы до страсти перетревожились, думали — случилось что нибудь. Алексѣй и до сихъ поръ тебя ищетъ: въ пятый разъ его послалъ!

— Да и то случилось: запутался въ озерахъ; и не выйтти-бы, если-бы здѣшній рыболовъ, изъ Усть-Щугора, не помогъ, — отвѣчалъ я на вопросы Павла Дмитріевича, поспѣшно сбросивъ съ себя ягдташъ и съ наслажденiemъ повалившись на разостланную около костра полстъ.

— Здѣсь это возможно; со мной въ этихъ же мѣстахъ года три тому назадъ такая оказія чуть не произошла, да я былъ съ промышленниками, такъ тѣ вывели. Изъ ума вонъ предупредить тѣбя обѣ этомъ. Какъ же это ты, съ кото-раго мѣста запутался-то?

— Во-первыхъ, ёсть давай что нибудь, я голоденъ, какъ акула!

— Гдѣ-же рыбакъ-то?

— Лодку привязываетъ. Дай-же Христа-ради чего нибудь перекусить!

— Угощу преотмѣнно: Алексѣй щуку фунтовъ въ десять вытащилъ на жерлицу, да я пару окуней выудилъ громаднѣйшихъ, что твои поросыта: ушицу сварили первый сортъ. Сейчасъ разогрѣю.

И Павель Дмитріевичъ повѣсили котелокъ съ остатками ухи на колышекъ, по зырянски воткнутый наискось, надѣгнемъ.

Зыряне весьма опытные въ приспособленіяхъ при нощегахъ подъ открытымъ небомъ, не дѣлаютъ козловъ для котелка, какъ это водится у русскихъ, а втыкаютъ въ землю колышекъ такимъ образомъ, чтобы верхний конецъ его приходился какъ разъ надъ угольями. Повѣшенный на колышекъ котелокъ удобнѣе тогда отводить отъ огня въ сторону, когда это бываетъ нужно.

Явился и проводникъ мой.

— Вотъ мой спаситель, рекомендую!

— Товарища моего отъ злой напасти спасъ!... спасибо дружище! Какъ тебя звать-то? обратился къ нему Павель Дмитріевичъ.

— Назаръ, изъ Усть-Щугора. Виши въ курьяхъ заплутался: мѣстовъ здѣшнихъ не знаетъ, а я на этотъ разъ рыбу ботать выѣхалъ.

— Возьми, братъ, вотъ тебѣ за твою услугу цѣлковый: мало, прибавлю, сказалъ я, подавая Назару рублевую бумагу.

— На что мнѣ цѣлковый; не надо мнѣ твоего цѣлковаго, не стоитъ: по пути ѿхалъ; гравенникъ дай на соль да порошку малость.

Я далъ ему гривенникъ и пороху цѣлый фунтъ, чѣмъ Назаръ чрезвычайно остался доволенъ, благодарилъ много и искренно, подариль намъ пару большихъ карасей и, простившись, уѣхалъ.

Удовлетворивъ свой голодъ вдосталь ухою и затѣмъ напившись чаю, я сообщилъ Павлу Дмитріевичу подробно о своихъ странствованіяхъ.

— Чего-жъ ты боялся безъ огня оставаться; огонь всегда достать можно, когда ружье да порохъ есть: надави пороховой пыли, обвалий въ ней кудельный пыжъ и выстрѣли легонькимъ холостымъ зарядомъ; пыжъ затѣбеть, а ты къ нему сухой травы подложи, раздуй—вотъ тебѣ и огонь.

— Знаю! Да въ тотъ разъ, когда отчаяніе меня пробирать начало, всякое соображеніе изъ головы вонъ повыскочило. Послѣ можетъ быть и обдумался бы. Но скажи пожалуйста — гдѣ же Алексѣй-то? какъ бы и онъ не заблудился?

— Не заблудится: не въ первые въ здѣшнихъ мѣстахъ да и *матка*^{*)} съ нимъ.

— И я въ сущности не заблудился: Печора у меня была постоянно передъ глазами, въ какомъ направленіи наша стоянка—я зналъ, но запутался въ неизчислимомъ множествѣ озеръ и курей и не могъ найти изъ нихъ выходу; тоже можетъ случиться и съ Алексѣемъ, возразилъ я.

— Въ курьяхъ онъ отыскивалъ тебя днемъ, а теперь пошелъ вверхъ по Щугору: нечего тревожится, придетъ — успокоивъ меня Павель Дмитріевичъ, подкидывая на пажокъ дрова.

Глухая, тихая, звѣздная ночь. Впечатлѣнія ночнаго мрака прокрадываются въ душу, словно въ ней самой сгущается этотъ мракъ. Ни малѣйшій шелестъ не нарушалъ тишины. Закатился мѣсяцъ. За кругомъ свѣта отъ огня темнота ка-

^{*)} Зырянскій карманный компасъ.

залась совершенно черною и непроницаемою; за то ближайшиe предметы къ огню освѣщались необыкновенно ярко, такъ что каждый листочекъ ветлы, подъ которою разложенъ былъ пажокъ, отчетливо обрисовывался въ воздухѣ. Вдругъ выстрѣль; эхо какъ-то глухо, отрывисто на него откликнулось и замерло,

— Это Алексѣй сигналъ подаетъ, замѣтилъ Павель Дмитріевичъ, взялъ мое ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Сирячъся!—скажу, что ты не пришелъ, напугаю его:— на поиски, моль, опять надо идти! то-то охать, да стонать будетъ.

— Притомился, братъ, я: не до того мнѣ, да и около огня такъ развалило, что и встать не хочется; какія тутъ прятки!

Черезъ четверть часа явился Алексѣй, увидѣлъ меня и обрадовался.

— Слава Богу, отыскался; гдѣ пропадали?

— Путался въ курьяхъ, кабы не зырянинъ здѣшній и не выпелъ бы.

Рассказалъ я и Алексѣю какъ было дѣло. Пожалѣль и поахалъ онъ обо мнѣ, не менѣе пожалѣль и обѣ уткахъ, оставшихся зря, занапрасно на курьѣ.

— Не благословясь пошли; поглумилися надъ вами *вэрса*, а можетъ и *куль-ва*^{*)} подшутили, добавилъ онъ въ заключеніе своихъ соболѣзнованій.

— Надо полагать, что они; а много ихъ здѣсь живеть?

— На каждомъ мѣстѣ ихъ тьма тьмущая, особливо въ здѣшнихъ трущобахъ имъ житье привольное, церквей мало, ну и варзаютъ.

— По этой части не знаешь ли ты чегонибудь такого? поразсказалъ-бы!

— Со мной не случалось, а съ иными промышленниками

^{*)} Вэрса—зѣшій, кужь-ва—водяной.

всего бывало: блудились и пропадали, въ домы свои не возвращались. Многимъ Мортъ-юръ казался.

— Кто такой Мортъ-юръ?

— А безголовый человѣкъ такой ходитъ по рѣченкѣ, что въ Ілыздѣ впадаетъ.

— Басня эта мнѣ знакома, заговорилъ Павелъ Дмитриевичъ, закуривши папироску и разлегшись рядомъ со мною на полстѣ; здѣсь Мортъ-юра мало знаютъ: преданіе обѣ немъ всесѣло хранится между жителями Печорскаго верховья. Тебѣ извѣстно, что Печора при выходѣ изъ Пермской губерніи въ Вологодскую, въ тридцати верстахъ отъ знаменитой въ томъ краѣ Якшинской пристани, называется *Малою* Печорою. Это название она удерживаетъ за собою до впаденія въ нее рѣки Ілыдзи, которая течетъ, какъ и Щугоръ же, отъ Уральскаго хребта и, не уступая по обилию воды самой Печорѣ, увеличиваетъ эту рѣку отъ сліянія съ нею болѣе нежели вдвое, такъ что послѣ впаденія Ілыдзи Печора называется уже *Большою*. Въ Ілыдзѣ, верстъ около полутораста вверхъ отъ ея устья вливается небольшая, извилистая и быстрая рѣка Мортъ-юръ.

— Постой, однако-жъ, какъ же это: то Мортъ-юръ — безголовый человѣкъ, то рѣка? не понимаю.

— А вотъ слушай! Мортъ-юръ въ прямомъ переводе значитъ *человѣкъ безъ головы*. Давно тому назадъ рѣчка эта была безъимянная. На берегахъ ея началъ появляться безголовый человѣкъ; съ тѣхъ поръ она и получила название Мортъ-юръ. Почему появлялся безголовый человѣкъ на берегахъ этой рѣчки разсказываютъ слѣдующее преданіе. Когда-то два товарища-промышленника охотились тутъ на птицу и разнаго звѣря. Одному изъ нихъ счастливило необыкновенно: много убилъ онъ рябчиковъ, куницъ, бѣлокъ, даже нѣсколько штукъ соболей хранилось у него при ночлежномъ пызваніи въ щамъ^{*)}.)

^{*)} Щамъя — амбарчикъ на столбѣ для склада дичи и провизіи.

за своими мѣтками. Другому вовсе несчастливило: измученный, усталый и постоянно съ пустыми руками возвращался онъ на мѣсто ночлега и, видя необыкновенную удачу своего товарища, началъ сильно завидовать ему. Кончилось тѣмъ, что неудачно охотившійся промышленникъ убилъ своего товарища въ то время, когда тотъ наклонился къ рѣчкѣ пить, отрубилъ ему голову, далеко забросилъ ее въ чащу лѣса, а трупъ столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ обезглавленный человѣкъ ищетъ въ темныя осенія ночи своей головы, пугая случайно заходящихъ на рѣчку Мортъ-юръ промышленниковъ.

— По поводу Мортъ-юра со мною въ тѣхъ мѣстахъ случилось небольшое приключение, продолжалъ Павель Дмитріевичъ; это было лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ самый разгаръ лѣсной дѣятельности Латкина и компаніи, сгубившей множество пѣчорскихъ лѣсовъ, заготовляемыхъ для заграничнаго отпуска почти что несостоявшагося. Въ то время работалъ здѣсь уполномоченный отъ компаніи нѣкто Газе, господинъ характера твердаго и воли несокрушимой, имѣвшій желѣзное терпѣніе прожить много лѣтъ безвыѣздно въ лѣсахъ припечорья. Лиственичный лѣсъ цѣнныхъ сортиментовъ въ среднемъ Печорскомъ бассейнѣ подобрался. Газе командировалъ меня на развѣдки въ верховья Печоры, поручивъ сколь возможно далѣе подняться по Ілыдзи и осмотрѣть рѣчки въ нее вливающіяся, въ особенности Мортъ-юръ, гдѣ, какъ намъ сказывали, сохранилось много хорошаго лиственичнаго лѣса. Въ здѣшнихъ широтахъ лѣтнія ночи почти непримѣтны: читать очень мелкую печать въ нихъ можно насквозь; но осеню ночи бываютъ до того темны, что не уступаютъ знаменитымъ воробьинымъ ночамъ Малороссіи. Можешь себѣ представить какой мракъ въ такія ночи покрываетъ воды маленькой рѣчки, излучисто текущей по дремучему лѣсу и надъ которой между деревьями

прорѣзывается лишь узенькая полоса небеснаго свода. Небесный же сводъ въ эту пору не теплится ни одной звѣздочкой, а бываетъ покрытъ густымъ слоемъ тучъ, изъ которыхъ сыпется не дождь, а какія - то мелкія - премелкія, частыя насквозь пронизывающія капли — *жмычка*, какъ называютъ промышленники.

— Была уже глубокая осень, когда я съ четырьмя рабочими отиравился вверхъ по Печорѣ, по которой предстояло проѣхать до устья Ілыдзя восемь зырянскихъ чемкосовъ или пятьдесятъ шесть верстъ съ небольшимъ хвостикомъ, при переложеніи чемкосовъ на версты. Изъ числа рабочихъ на моей лодкѣ одинъ по имени Пэдеръ (Федоръ) не былъ печорскій уроженецъ, но зашелъ сюда изъ любознательности съ Удоры, другой зырянскій стороны, лежащей въ съверовосточной части Яренскаго уѣзда по рѣкамъ Вашкѣ, Елвѣ и Ирвѣ. Удорскіе зыряне во многомъ отличаются отъ зырянъ обитателей Печоры, Вычегды, Сысолы и Лузы; даже языкъ ихъ имѣетъ много особеностей, не вполнѣ понятныхъ не туземцамъ. Пэдеръ отличался совершеннымъ отсутствіемъ суевѣрія, что великая рѣдкость между зырянами, и страстной охотой къ пѣнію. Это послѣднее достоинство онъ выказалъ ранѣе чѣмъ скрылись отъ насъ крайніе дома поселенія праваго берега Мылвы. Голосъ пѣвца былъ чрезвычайно чистый и пріятный теноръ. Сначала я не могъ разобрать длинной протяжной пѣсни, которую пѣлъ онъ, хотя напѣвъ напоминалъ извѣстную русскую пѣсню: «зеленая ивушка». Когда же вслушался хорошенько въ его тонкіе протяжные и какъ бы ласкающіе звуки, усвоилъ нѣсколько словъ изъ пѣсни, то понялъ, что это точно была «ивушка», буквально переведенная на зырянскій языкъ. Замѣчательно, что у зырянъ нѣть родныхъ пѣсень. Душевные восторги изліянія горя и радости не отразились у нихъ въ пѣснѣ, для которой оказался слишкомъ бѣднымъ ихъ языкъ. Вообще же

зыряне пѣть очень любятъ, но поютъ русскія пѣсни, часто не понимая ихъ словъ.

«Въ два дня мы проѣхали по Ілыдѣ пятиадцать зырянскихъ чѣмкосовъ, или сто русскихъ верстъ съ походцемъ, и достигли наконецъ устья таинственнаго Мортъ-юра, имѣющаго при впаденіи до пятнадцати сажень ширины. Въ продолженіи этихъ двухъ дней ничего особеннаго съ нами не случилось, только множились и плодились разсказы о похожденіяхъ безголоваго человѣка, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту его воображаемаго появленія, и часто слышались въ носу или кормѣ лодки, смотря по мѣсту, гдѣ собиралась компанія, извѣстныи восклицанія: «ну вотъ, ладно, хорошо»! непремѣнно сопровождающія каждый зырянскій разсказъ, да скептическія замѣчанія невозмутимаго Пэдера, оканчивавшаго всякое мудреное повѣствованіе словомъ; *пэръяланъ*—надуваешь, обманываешь. Напрасно мой краснорѣчивый лоцманъ—Иванъ Казаковъ, приводилъ множество примѣровъ и доказательствъ, напрасно говорилъ, что „*ачись синтэмъ старикъ вичкодорысъ адзилысъ*“ — самъ слѣпой старикъ изъ погоста видѣлъ“. Непремѣннымъ слѣдствіемъ разсказа изъ устья невѣрующаго и неумолимаго Пэдера было тоже: «нэръяланъ, вокъ, пэръяланъ» — надуваешь, братъ, надуваешь. Ужъ какъ онъ его не уговаривалъ, сколько ни называлъ Пэдера и «сѣ шайтъ Удоръысь»—сто рублей съ Удоры, и «зарни мортъ», — золотой человѣкъ, Пэдеръ не поддавался, а мы все ѿхали, да ѿхали вверхъ по Ілыдѣ».

«Въ устьѣ Мортъ-юра сдѣлали привалъ, зажарили на сковородѣ и съѣли нѣсколько шанегъ, лепешекъ изъ пшеничной муки на коровьемъ маслѣ (любимое кушанье зырянъ) и, отдохнувши хорошенъко, отправились по Мортъ-юру противъ извилистаго и довольно быстраго теченія».

«Въ концѣ первыхъ сутокъ плаванія по этой рѣчкѣ насть застала темная, непроглядная ночь. Ни одной звѣздочки на

облачномъ небѣ, а на водѣ мракъ и тьма такіе, что съ кормы не видно было мачты, стоявшей на концѣ берестяной палубы. Плыли молча; рассказы прекратились, даже Пэдеръ пересталъ мурлыкать свою любимую «ивушку», какъ вдругъ на лѣвомъ берегу посреди непроницаемаго мрака сверкнула огонекъ. Жилья не было на сотни верстъ кругомъ, зырянамъ-промышленникамъ было еще рано заходить въ глубь лѣсовъ, и у всѣхъ на языкѣ шевелилось слово Мортъ-юртъ а, лоцманъ Иванъ Казаковъ многозначительно толкнулъ Пэдера и благоразумно надвинулъ лузанъ (наплечникъ изъ домашняго сукна съ внутренними сумами—спереди и сзади—для склада дичи) себѣ на голову... Весла перестали дѣйствовать, руки гребцовъ невольно опустились и лодка остановилась...

— «Мыі оны зерны? Что теперь дѣлать? спрашивали шепотомъ другъ у друга испуганные зыряне.—«Омель дѣлѣ якшасьны Мортъ-юртъ кодъ — плохо имѣть дѣло съ Мортъ-юромъ. Пэдеръ схвативъ свою длинную винтовку-моржовку, выскочилъ на берегъ и исчезъ по направлению къ огню. Посреди мрака и тишины не было слышно ни малѣйшаго шелеста шаговъ удалого удорца; онъ ползъ какъ умѣютъ ползать только зыряне-промышленники, подбираясь къ доро-гой добычѣ. Вся компанія притаила дыханіе и съ нетерпѣніемъ ожидала,—что будетъ. Черезъ четверть часа самаго напряженаго ожиданія, посреди торжественной тишины, остав-шіеся на лодкѣ услышали глухой окликъ, обыкновенный между зырянами: «кодъ крещеный»? кто крещеный? сперва глухо, протяжно, потомъ съ угрожающимъ выраженіемъ, и на минуту все смолкли... Затѣмъ раздѣлился огонь на двѣ свѣтлые точки, которые быстро стали приближаться къ лодкѣ. Лоцманъ Иванъ не вытерпѣлъ и оттолкнулъ лодку отъ берега, осѣживъ себѣ крестнымъ знаменіемъ. Вскорѣ показались на берегу три темныя фигуры: двѣ большія съ

головнями въ рукахъ и третья поменьше. Въ одной компаніи узнала своего Пэдера, другая принадлежала неизвѣстному охотнику, а третья—собакѣ.

— Кодъ? (кто) спросилъ дрожащимъ голосомъ нашъ лоцманъ. И на этотъ спросъ спокойный голосъ Пэдера отвѣчалъ:

— Нинѣмъ! таэ Пилипъ Саваягъ-ысь»; — ничего это Филиппъ изъ савиноборской деревни.

Дѣйствительно это былъ промышленникъ Филиппъ, запутавшійся на лѣсовъѣ, потерявшій матку и на удачу шедшій къ Печорѣ.

— Убѣдились ли послѣ этого твои спутники, что Мортъ-юръ существуетъ только въ воображеніи.

— Нисколько: случай остался самъ по себѣ; а вѣра въ Мортъ-юръ сама по себѣ, тѣмъ болѣе, что и Филиппъ, присоединившійся къ нашему экипажу, поддержалъ эту басню своими убѣжденіями. Но подобныя разсказы,—продолжалъ Павелъ Дмитріевичъ, великолѣпно знавшій зырянскій край,—какъ исторія о Ягъ-мортѣ и Мортъ-юрѣ неудивительны между жителями пустынныхъ и обширныхъ лѣсовъ припечорья, гдѣ такой широкій просторъ для фантазіи. Но вотъ что изумительно, что между здѣшнимъ населеніемъ упорно держатся преданія о разбойникахъ и кладахъ. Основательно сомнѣваться, что въ такой странѣ, какъ печорскій край, дикой и лѣсистой, малонаселенной и бѣдной по торговымъ и промышленнымъ оборотамъ, существовали шайки разбойниковъ, отнимавшія плоды тяжелыхъ и дальнихъ странствованій бѣдного зырянина. Однакожъ, по преданіямъ, разбойники были, а это наводить на мысль, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся даромъ въ отдаленной глухой трущобѣ; имъ нечего тутъ дѣлать. Вѣроятно въ старину, во времена участія великаго Новгорода въ ганзейской торговлѣ, по р.р.

Сухонѣ и Вычегдѣ шли черезъ переволокъ между Мыловами на Печору и въ Сибирь европейскіе товары и по этому же пути вывозились произведения зауралья. Такимъ же образомъ двигалась торговля черезъ р.р. Собь, Усу — по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ черезъ переволокъ на р. Вымъ по Вычегдѣ и Сухонѣ къ великому Новгороду. Есть еще старинное преданіе о древнемъ торговомъ пути отъ Каспійскаго моря къ сѣверному океану; онъ будто бы тянулся по Волгѣ и Камѣ черезъ Чердынь на р. Вычегду и оттуда къ устью Двины и даже Печоры. Вѣроятность торговли въ прежнія времена въ Печорскомъ краѣ оправдывается еще тѣмъ, что находили здѣсь во многихъ мѣстахъ болгарскія серебряныя монеты; иначе какъ бы онѣ могли быть занесены на глубокій сѣверъ.

— Рассказываютъ, что главнымъ притономъ разбойниковъ были рѣки Йлыдѣ и малая Печора, гдѣ они безъ боязни совершали свои кровавыя дѣла. И до сихъ поръ двѣ или три крутоберегія рѣчки, впадающія въ Йлыдѣ и Печору, называются разбойничими. Зырянскія сказанія насчитываютъ довольно много разбойничихъ именъ; я скажу тѣлько обѣ изъ которыхъ:

«Сухановъ грабилъ сначала отдаленныя отъ Печоры страны и, говорятъ, доходилъ до Казани. Шайка его состояла изъ пятидесяти человѣкъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они кинулись въ сѣверные лѣса, гдѣ и заблудились. Сухановъ для спасенія своей шайки и себя, даль обѣть — въ первую рѣку, которая попадется, всыпать золото и въ первую церковь сдѣлать вкладъ, и потомъ жить смироно».

«Послѣ такого обѣщанія, первая попавшаяся рѣка была Йлыдѣ, въ которую разбойники высыпали мѣшокъ денегъ и положили подъ сосну кладъ. Затѣмъ пришли они въ Печорскій погостъ, гдѣ и жили сперва нѣсколько дней мирно; но потомъ двое эсаколовъ не выдержали и нанесли какое-то

оскорблениі жителямъ. Атаманъ, по рассказамъ однихъ, въ негодованіи на дурной поступокъ своихъ подчиненныхъ, убилъ эсауловъ, а шайка, возмутившись на это, убила своего атамана. По рассказамъ другихъ, одинъ изъ эсауловъ Суханова, лично недовольный имъ, подговорилъ шайку убить своего предводителя, выбралъ удобное время и напалъ на Суханова съ возмутившимися разбойниками, которые окружили его со всѣхъ сторонъ, но онъ перескочилъ черезъ всю шайку и кинулся къ водѣ. Атамана не допустили до воды, схвативъ огромнымъ багромъ. Его долго и варварски мучили, наконецъ закопали живого въ землю по шею и продержали такъ трое сутокъ. Выкопанный и истерзанный, онъ попросилъ, чтобы его застрѣлили въ щеку. Убитаго разбойника похоронили близъ Печорскаго погоста, въ урошищѣ Пэ-ла-му (Дѣдушкино поле); нынѣ оно снесено водою».

«Другой разбойникъ—Тыль-Пуръ-Якъ былъ крестьянинъ Устьсысольского уѣзда, Деревянского общества; онъ имѣлъ небольшую шайку и грабилъ суда, плававшія по малой Печорѣ и по Ылдызю. Въ шайкѣ его былъ эсауломъ какой-то Антонъ. Разорившись съ атаманомъ онъ отрубилъ ему голову и, принявъ начальство надъ шайкою, сталъ грабить по Печорѣ. Въ деревнѣ Подчерской онъ завелъ себѣ притонъ, въ который по временамъ приходилъ даже одинъ. Боясь грознаго разбойника, въ особенности ножа его, съ которымъ онъ никогда не разставался, крестьяне не смѣли взять Антона. Но однажды во время сна атамана пріятель его похитилъ изъ-подъ подушки ножъ и передалъ его крестьянамъ, которые утонили Антона въ четырехъ верстахъ отъ деревни Подчерской».

«Эти-то и другіе болѣе отдаленные разбойники, нѣкогда грабившіе по Печорѣ, зарывали въ землю свои сокровища, съ разными заклинаніями, и потому преданій о кладахъ здѣсь очень много. Особенно много говорять даже въ настоящемъ

время о кладѣ на горѣ Лазъ-чукъ, близъ Троицкаго погоста, подъ тремя березами, посаженными на курганѣ. На рѣчкѣ Дацъ, впадающей въ Ылыдзъ, говорятъ есть кладъ, который будто бы стережетъ медвѣдь, безпощадно разтерзывающій всякаго посягающаго овладѣть скрытымъ сокровищемъ. На рѣчкѣ Юкъ-со, впадающей тоже въ Ылыдзъ, подъ старымъ кедромъ зарытъ цѣлый сундукъ съ золотомъ. На кедрѣ сдѣланы зарубины: сверху одна большая, продольная, означающая атамана, съ обоихъ боковъ, внизу двѣ параллельныя—его эсауловъ и потомъ еще сорокъ продольныхъ, въ два ряда,—это число разбойниковъ составляющихъ шайку. Объ этомъ кладѣ ходить въ народѣ особенная запись».

Подъ разсказы Павла Дмитріевича, Алексѣй давнимъ давно уже всхрапывалъ, да и меня начала клонить дрема. Подложивъ дровъ на пажокъ, мы завернулись въ дорожные драповые плащи и спокойно улеглись на сонъ грядущій.

Когда проснулись, солнце стояло уже высоко; подувалъ довольно крѣпкій сѣверо-западный вѣтерокъ, Алексѣй кипятилъ воду въ котелкѣ на кашицу, для которой на доскѣ, принесенной изъ лодки, лежалъ совсѣмъ распластанный и вычищенный глухарь. Чайникъ, висѣвшій надъ огнемъ на другомъ колышкѣ, пофыркивалъ кипяточкомъ изъ рѣльца. Сейчасъ-же заварили чай и доставъ изъ погребца стеклянку сливокъ отъ бѣшеной коровы (коњяку), усидѣли съ ними всласть стаканчика по три. Затѣмъ приготовили кашицу, вродѣ супа, съ овсяною крупою и съ подправкою соленымъ свинымъ саломъ,—очень вкусное, никогда непрѣдающееся и скороспѣлое горячее въ пути, изжарили подаренныхъ Назаромъ карасей и плотно всѣмъ этимъ насытившись, уложились въ лодку и двинулись вверхъ по Щугору. Такъ какъ вѣтеръ стоялъ попутный, то мы распустили парусокъ. Небольшая, но все-таки помощь для гребли.

Версты три или четыре мы бѣжали Щугоромъ между

низменными берегами, состоящими изъ наносной равнины, покрытой то группами березъ, то кустами ракитника. Даље берега стали возвышаться, растительность перешла въ хвойную, въ береговыхъ отсыпяхъ и по заплеску рѣки часто начали встречаться камни и темносѣрый кристаллический известнякъ. Теченіе воды пока держалось еще весьма тихое. Скоро мы приплыли къ рыболовной *съжѣ*, или запрудѣ, устроенной поперегъ рѣки, вплоть отъ берега до берега. Мы нашли здѣсь двухъ рыбаковъ-зырянъ изъ Усть-Щугора, постоянно живущихъ на съжѣ въ своемъ промышленническомъ *пывзанѣ*^{*)}. Встрѣча намъ была самая дружеская, искренняя, привѣтливая. Мы не могли отදлаться отъ ухи изъ свѣжей лоховины. Зыряне въ промышленническомъ отшельничествѣ всегда отъ души рады стороннимъ людямъ, вносящимъ своимъ нечаяннымъ появленіемъ какую нибудь живую струйку въ ихъ одинокую однообразную жизнь. Разговорамъ и распросамъ при этомъ нѣть конца.

— Какъ въ нынѣшнемъ году удаченъ вашъ ловъ? спросилъ одного изъ рыбаковъ на съжѣ.

— Не конченъ еще: артели вверху, не знаемъ, что Богъ дастъ; а въ морды ничего себѣ идетъ изрядно, лучше ленишняго.

— Прибыленъ ли былъ весною семожный промыселъ? много ли добыли?

— Да пудовъ полтораста на двѣ артели добыли. Продали по четыре рубля за пудъ. Цѣна бы ничего, но рыбы куда меньше стало противъ прежнихъ годовъ, и сравнить нельзя, и рыба мельче: нынѣ пудовая-то семга на рѣдкость, а прежде зачастую попадались.

— Четыре рубля за пудъ семги — это дешево. Печорскую семгу продаютъ въ Вологдѣ отъ 12—16 руб.

^{*)} Пывзанъ — иначеизбушка.

— Да это не вешнюю; это осеннюю продаютъ по такой-то цѣнѣ. За вешнюю дорого взять нельзя: засоль не тотъ.

— Долго-ли сидите на затонѣ, или снимаете его, какъ кончать неводить?

— До заморозковъ сидимъ, пока не покажется шуга (ледъ). Рыба все идетъ понемногу.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались отъ затона выше по Щугору, теченіе становилось все быстрѣе и берега рѣки отвѣснѣе, принимая все болѣе скалистую форму. Кристаллическій известнякъ въ нихъ являлся въ значительномъ содержаніи и притомъ такой твердости, что при ударѣ давалъ искру. Выходя часто на берегъ для исльдованія наслоеній, я находилъ здѣсь чрезвычайно много различныхъ окаменѣлостей. Обрывистыя, очень высокія каменные скалы, посреди плоскихъ окрестностей, представляютъ изъ себя видъ разсѣлины, сквозь которую напоромъ горныхъ водъ прорвалась рѣка. Таковы почти всѣ притоки Печоры, берущіе начало съ Уральского кряжа. Нерѣдко возвышенные каменистые берега Щугора, переходя въ плоскіе наносы песка, и валуновъ известняка, кварцита и метаморфическихъ сланцевъ. Вѣроятно въ такихъ мѣстахъ въ древнія, доисторическія времена бушевали здѣсь громадной величины и неизмѣримой глубины озера, обставленныя, какъ фортами, каменистыми утесами.

Все труднѣе дѣлалась гребля. Лодка подвигалась медленно впередъ. Гдѣ было возможно—шли бечевой. Часу въ пятомъ пополудни мы достигли устья небольшой рѣчки, впадающей въ Щугоръ съ лѣвой стороны. Здѣсь мы рѣшили переночевать, благо мѣсто удобное и ютное. Правый берегъ рѣчки изображалъ довольно высокую скалу, съ глубокой впадиной, полого склоняющейся къ водѣ. Въ этой впадинѣ, подъ защитою скалы, мы и основали свою стоянку.

Приготовивъ все для ночлега, закусивъ и напившись

чаю, мы съ Алексѣемъ возымѣли намѣреніе сходить хоть недалеко вверхъ по рѣчкѣ. По правому ея берегу тянулась тропа, проложенная несомнѣнно промышленниками къ своимъ охотничимъ путикамъ. Мы отправились по этой тропѣ. Чѣмъ далѣе мы поднимались вверхъ, тѣмъ глушѣ и угрюмѣе становился лѣсъ. Наконецъ мы зашли въ совершенно глухой боръ, раскинувшійся по равнинѣ. Громадныя сосны, ели, лиственницы высоко поднимали свои вершины, сплетаясь ими въ едва проницаемый для свѣта зеленый сводъ. Этотъ исполинскій лѣсъ поразилъ насъ своею величавою растительностью, воистину достигшою своего апогея на дальнемъ сѣверѣ. Тихо въ немъ, мертвѣо, беззвучно, но несмотря на это онъ какъ-то давить массой жизни, неслышно, незамѣтно обступающей со всѣхъ сторонъ... Тропа уклонилась отъ рѣчки влѣво. Пройдя версты двѣ боромъ, мы натолкнулись на подошву горной вызышенности. Лѣсъ порѣдѣлъ и понизился. Встрѣчались кедры со множествомъ шишекъ. Орѣхи ихъ еще не вислнѣ налились ядромъ. Собираніе кедровыхъ орѣховъ (меледы) доставляетъ здѣшнему населенію немаловажный доходъ; лѣтъ тридцать тому назадъ, когда кедровыхъ лѣсовъ было больше, промыселъ кедровыми орѣхами былъ едва-ли не выгоднѣе всѣхъ другихъ промысловъ Припечорья. Теперь онъ уменьшился болѣе чѣмъ на половину, чѣму виною сами зыряне, весьма неэкономично обращающіеся съ плодоносными кедровыми деревьями. Отыскавъ кедръ съ орѣхами, они, вмѣсто того, чтобы взлѣзть на него и осторожно оборвать шишки, срубаютъ дерево, обламываютъ тѣ вѣтви, на которыхъ больше шишекъ и складываютъ ихъ въ большую кучу, которую старательно прикрываютъ хвоей — отъ кедровки, великой любительницы и похитительницы кедровыхъ орѣховъ. Стоитъ только кедровкѣ отыскать такой складъ, она непремѣнно перетаскаетъ всѣ шишки въ свою кладовую про запасъ на зимнее продовольствіе. Бѣлки тоже любятъ кедровые орѣхи

и также заготавлиаютъ ихъ для себя въ дуплахъ деревьевъ и гойнахъ. Замѣчательно, что какъ кедровка, такъ и бѣлка запасаютъ орѣхи самые лучшіе, крупные и непремѣнно съ полнымъ ядромъ. Зыряне старательно отыскиваютъ такие запасы и обращаютъ ихъ въ свою собственность, нерѣдко вынимая изъ дупла по четверику и болѣе превосходѣйшихъ орѣховъ. Обломавъ срубленный кедръ, промышленники отыскиваютъ слѣдующій кедръ, съ которымъ поступаютъ такимъ же образомъ. Потомъ на возвратномъ пути сгруживаютъ всѣ шишки въ общую массу и переправляютъ къ домамъ, гдѣ и выщелучиваютъ изъ шишекъ орѣхи. Ежегодно срубая въ громадномъ количествѣ кедры, крестьяне уничтожили ихъ въ настоящее время почти въ конецъ, такъ что теперь хорошее кедровое дерево встрѣчается весьма рѣдко. Попавшіеся намъ кедры были невелики — молоднякъ съ мелкой шишкой.

Поднявшись футовъ на триста на гору мы добрались до такой высоты, которая господствовала надъ окрестностями. Видъ открылся прелестный: темнымъ моремъ растялся передъ ногами лѣсъ; на востокѣ въ отдаленіи вырѣзывался Ураль — дикая каменная гряда, состоящая изъ беспорядочно перемѣшанныхъ между собою иниковъ, протянутыхъ длинными зубчатыми рядами и изъ шапокъ съ растрескавшимися вершинами. Зарево заката горѣло на верхушкахъ лѣса. Золотистые переливы солнечныхъ лучей причудливо играли на горныхъ вершинахъ. Гдѣ-то шумѣлъ водопадъ. Дерево треснуло: такъ, само по себѣ, или сломался сухой сукъ подъ ногами тяжелаго звѣря. Рѣзко, необычно раздался этотъ трескъ и снова глухая тишина, лишь нарушаемая издали доносящимися звукомъ журчащей воды...

На возвратномъ пути мы вышли на новую тропу. Она шла влѣво по направленію къ ручью. Мы пошли по ней и скоро попали въ гряду того-же дремучаго бора. Съ высокой ели слетѣло большое стадо красныхъ птицъ.

— Что это за птаха? спросилъ я Алексея...

— А клесты *). Здѣсь ихъ много. Дичина тоже: печорцы ихъ промышляютъ и доставляютъ въ Чердынь, Вятку и Усть-Сысольскъ. Въ пирогахъ куда хороши.

— На такую маленькую и выстрѣла то жаль. Стоить ли ихъ промышлять?

— Гдѣ-же стрѣлять! не стрѣляютъ; сильями ихъ ловятъ. Тыму налавливаютъ.

— Какъ же это: на деревьяхъ разставляютъ?

— Нѣть не на деревьяхъ; иначе ловятъ: зимой, какъ поуглубится снѣгъ, клестъ сдается къ жилью, по опушкѣ еловыхъ лѣсовъ держится, по тѣмъ деревьямъ, на которыхъ больше еловыхъ шишекъ. Для ловли выбираютъ рѣдколѣсье и нагребаютъ на немъ изъ снѣгу небольшіе холманчики. Потомъ холманчики эти обливаютъ краснымъ квасомъ. На вершину крестъ-на крестъ вдавливаютъ бруски съ сильями изъ волоса. Клесты, какъ увидятъ красное, такъ цѣлымъ стадомъ и спускатся на холманчикъ, начинаютъ на немъ бѣгать, рыться и попадаютъ въ силья. Больше за этой птицей не ходятъ; ребятишки балуются, — это ихнее руко-дѣлье. Дѣло-то не больно мудреное, а пріучаются черезъ него къ лѣсу, къ промыслу пріохачиваются.

Вышли на берегъ ручья. Сдавленный песчаными крутыми берегами, онъ бойко летѣлъ по переборамъ. Мѣстами появлялись омутки, въ которыхъ вода завиткомъ вертѣлась на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ омутѣ сильно взметнулась какая-то большая рыба.

— Щука, должно быть, замѣтилъ я, обративъ вниманіе Алексея на всплескъ рыбы.

— Кто ее знаетъ: можетъ быть щука, а не то и лохъ.

— Ну какой тамъ лохъ: зачѣмъ ему забираться такъ высоко въ мелкую рѣченку.

*¹) *Loxia*.

— Что вы, помилуйте: да вы не знаете, что это за рыба: въ такія-ли мѣста она забирается — повѣрить трудно; чуть протокъ маленькой, только бы вода сочилась, да изрѣдка котловинки были, — скажкомъ, въ прирыжку, а ужъ заберется въ самый верхъ и лежитъ себѣ, какъ боровъ.

— И большие?

— Больше, фунтовъ по пятнадцати, по двадцати. Рыбаки по маленькимъ потокамъ забиваютъ заяски и ставятъ верши. Когда начнутся осенюю паводки, лохъ двинется внизъ и попадаетъ. А то по котловинкамъ и острогою бываютъ: вода въ рѣченкахъ чистая, видно до послѣдняго камушка, большую рыбу осмотрѣть легко, сейчасъ ее и на острогу... Много лоховины такъ налавливаютъ — и самой лучшей, жировой. На вольныхъ водахъ она выгуливается, а въ тѣснотѣ то до того тучнѣеть, что какъ облитая саломъ. Изъ кишокъ жиру много наташиваютъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли къ пажку. Павель Дмитріевичъ возился съ ухомъ. Выглядѣвъ въ рѣчкѣ на нереборѣ много харьюзовъ, онъ ухитрился учинить великолѣпное уженье ихъ, на сваренный яичный бѣлокъ, насадивъ его маленькими кусочками на крючекъ.

— И хорошо брались? полюбопытствовалъ я.

— Удивительно! только усиѣвай закидывать. Одно бѣда: худо держится на крючкѣ бѣлокъ, часто насадку срывали.

— Сколько же выудилъ?

— Да штукъ около тридцати накидаль. Кромѣ ухи будеть еще на жаркое.

На другой день, часовъ въ семь утра, достигли мы чрезвычайно живописнаго мѣста на Щугорѣ, извѣстнаго подъ именемъ Ульдоръ-Кырта (желѣзныя ворота). Довольно широкая рѣка вдругъ сжимается съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами представляющими видъ настоящихъ воротъ. Стѣны эти тянутся саженъ на пятьдесятъ, поднимаясь отъ 100 до 150 фу-

товъ. Онъ состоять изъ бѣлаго, превосходно выѣтрившагося известияка. Теченіе въ проходѣ воротъ необыкновенно быстрое: громко ревѣла здѣсь рѣка, наполняя окрестность глахимъ одиообразнымъ шумомъ. По обѣимъ сторонамъ лодки, вода стрѣмилась неудержимо, неся мимо нась клочья пѣны. Мы гребли съ Алексѣемъ изо всѣхъ силъ. Лодка подавалась медленно, по куриному шагу. Въ самыхъ узкихъ мѣстахъ вода яро кружилась и разбиваясь и пѣняясь, массой кидалась по теченію и злобно шипя, клокотала въ подмоинахъ отвѣсныхъ стѣнъ. Когда мы, наконецъ, выбились изъ воротъ и выѣхавъ на болѣе покойное мѣсто, взглянули на Ульдоръ-Кырта, то поражены были слѣдующею картиною: начиная съ самаго узкаго мѣста каждый пластъ известняка въ воротахъ отходилъ въ сторону далѣе предшествующаго ему, отъ чего ворота кажутся устроеными какъ-бы изъ натуральныхъ кулисъ. Самые пласти обнажены, гладки и ослѣпительно бѣлы, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежуткахъ между ними по разсѣлинамъ и трещинамъ, сбѣгаютъ въ нихъ зеленые полоски дерна и кудреватаго кустарника, украшая, бѣлые стѣны натуральными гирляндами. Черезъ узкій просвѣтъ воротъ, какъ сквозь каменные рамы, видна по ту сторону широкая гладкая равнина рѣки; по ней, какъ бѣлые лебеди, плыли въ разныхъ мѣстахъ комья вздувшейся пѣны. Въ отдаленіи темный лѣсь замыкалъ ландшафтъ. Въ плесѣ передъ воротами, гдѣ мы находились теперь, рѣка раскинулась въ великолѣпнѣйшій, широкій, гладкій, какъ зеркало-бассейнъ, обрамленный громаднымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Цѣлый день мы плыли между береговъ, состоящихъ то изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, то изъ плоской лѣсистой равнины. Изрѣдка попадались намъ небольшія стада нырковъ, подпускали близко, но мы не стрѣляли ихъ: и безъ того было великъ запасъ дичи. За кормою лодки пускали мѣстами блесну: раза два садилась на нее щука, да какъ-то сры-

валась: плохо закрючивало. Разъ надъ головою перелетѣлъ громадный величины глухарь и скрылся въ зубчатыхъ вершинахъ лѣса.

— Вотъ глушь — то Павель Дмитріевичъ, живой души нѣть, а какія мѣста: не налюбуешься: съ каждымъ поворотомъ рѣки все новые виды — одинъ другого лучше.

— И ни одного жилья: вотъ это грустно. Не люблю я безлюдныхъ мѣстностей, съ признакомъ досады и скуки отвѣчалъ мій мой спутникъ.

— За то, по словамъ Алексея, другихъ жителей здѣсь пропасть: духовъ разныхъ — злыхъ и добрыхъ, въ водахъ и лѣсахъ и въ разсѣлинахъ скаль. Много, чай, разсказовъ объ нихъ ведется между мѣстными жителями.

— Небогата этимъ фантазія здѣшнихъ зырянъ, хоть поле, казалось бы, для всякой чертовщины, тутъ и широкое. Прожилъ я нѣсколько времени въ Олонецкой губерніи, тоже въ лѣсной сторонѣ, между промышленниками: тамъ, куда больше басенъ про разныя чудесныя приключенія; и изъ нихъ есть весьма интересныя легенды, хоть баллады пиши.

— Не припомнишь ли?

— Какъ не припомнить; вотъ, напримѣръ, слѣдующая: «Пошелъ одинъ охотникъ осенью въ лѣсъ за бѣлками *). Долго онъ ходилъ по лѣснымъ трущобамъ и уремамъ, но не только ничего не убилъ, но даже никакого звѣря, ни дичи не видалъ. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь. Задумалъ онъ вернуться домой и идетъ мимо небольшой полянки въ самомъ глухомъ лѣсу. Смотритъ, а на самой серединѣ полянки стоитъ лисица, хорошая-расхорошая и что-то роетъ лапой. Остановился мужикъ, осторожно приловчился винтовкой къ деревцу и выстрѣлилъ: лисица перекувырнулась — и духъ воинъ. Подѣжалъ охотникъ къ звѣрю,

*) Минорскій. Олонец. Сбор. 1875—1876 гг.

взялъ его, притащилъ подъ ель, разложилъ пажокъ и началъ сдирать шкуру. Выстрѣль быль чудесный: пуля пробила грудь и въ крестцѣ вышла воинъ: «Славно угодилъ!» подумалъ мужикъ и повѣсила шкуру на сучекъ надъ огнемъ, чтобы попроверяла, и самъ послѣ этого началъ закусывать. Поднялся вѣтеръ, сперва легонькой, а потомъ скоро перешелъ въ такую бурю, что сосны заскрипѣли. Шкура такъ и раскачивается, такъ и рвется съ сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лисье тѣльце. Вдругъ тѣльцо ожило, шкура вмигъ очутилась на немъ и лисица цѣла и невредима потихоньку черезъ полянку ушла въ лѣсъ. Сдѣлалось это такъ скоро, что охотникъ только успѣлъ ахнуть отъ страха и дива. Лисица ушла, а мужикъ стоитъ и дивится да хлопаетъ о полы шинуна. «Не дивись! слышитъ онъ изъ лѣсу голосъ, — «то ли еще бываетъ? Спроси-ка, что было съ Иваномъ Голымъ въ деревнѣ Зубарихѣ, на Шолѣ рѣкѣ». Голосъ замолкъ; мелкій осенний дождь усилился и охотникъ возвратился домой безъ всякой добычи.

Наступила весна. Мужикъ этотъ отиравился въ отхожій промысел—строить суда на рѣку Шолу, по найму отъ хозяина. Живеть онъ цѣлую весну. Разъ и вспомнилъ онъ про ту деревню, о которой ему сказано было въ лѣсу. Сталъ спрашивать—не знаетъ-ли кто и не слыхалъ-ли о деревнѣ Зубарихѣ. Рабочіе, его товарищи изъ тѣхъ мѣстъ, и говорятъ, что есть такая деревня, въ глухихъ лѣсахъ стоять и дорогу къ ней рассказали. Подошло два сряду праздничныхъ дня, мужикъ пошелъ въ Зубариху. Деревня эта стояла въ самомъ заглушьѣ, среди темнаго лѣса и была только изъ нѣсколькихъ дворовъ. Нашелъ онъ въ Зубарихѣ Ивана Голаго: это быль уже пожилой мужикъ, жившій съ сыномъ и невѣсткою. Разговорились. Охотникъ нашъ и спросилъ, какое на вѣку съ нимъ диво въ лѣсу случилось, и рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— «Да было, отвѣчалъ Голой, доподлинно диво, только не со мной, а съ покойнымъ моимъ отцомъ. Назадъ тому лѣтъ тридцать, говорить, пошелъ отецъ осенью на охоту за бѣлками. Я остался дома—недосужно было. Ходилъ онъ по лѣсу день и счастья такого никогда ему не выдавалось: убилъ до пяти десятковъ бѣлокъ, да паръ семь рябковъ, да еще сколько, не знаю, тетерь, такъ что цѣлая ноша къ вечеру накопилась, едва въ мочь носить; къ тому же еще за плечами былъ съ харчами кошель. Дошелъ онъ къ вечеру до лѣсной избушки и расположился въ ней переночевать. Освѣжевалъ, развѣсилъ шкурки, потомъ сварилъ ужинъ и началъ закусывать. А на улицѣ такая темь сдѣлалась той порой, что хоть глазъ выколи. Поднялся ветеръ, пошелъ дождь, лѣсъ зашумѣлъ, затрещалъ... ну, страсть, однимъ словомъ. Эка погода! думаетъ отецъ, можетъ—иной крещеный въ лѣсу плутаетъ въ это время»; только подумалъ онъ это, слышитъ къ избушкѣ кто-то бѣжитъ и охаетъ. Дверь отворилась и въ нее, смотрить, лѣзеть высокій рыжій мужикъ въ армякѣ и острой мѣховой шапкѣ. — Хлѣбъ да соль, сказалъ пришелецъ. — «Хлѣба кушать» отвѣтилъ отецъ.—Это хорошо, говорить, Ѳсть-то я давно хочу. Онъ сѣлъ на обрубокъ передъ столомъ и началъ убирать варево за обѣ щеки. Скоро онъ сѣлъ все, что было приготовлено отцемъ, но не насытился. «Ну, подчуй же, говорить, коли пригласилъ». Отецъ вытащилъ изъ кошеля коровай и положилъ на столъ. Коврига въ минуту исчезла и тутъ отецъ замѣтилъ, что у мужика былъ такой большой ротъ, что цѣлые ломти уходили въ него, не задѣвая за губы. — Ну, давай, что еще у тебя тамъ есть! говорить мужикъ. Отецъ вытащилъ все, что было съ собою запасу; тотъ и это все сѣлъ.—Ну, давай говорить еще! «Да больше нѣть ничего, сказалъ отецъ; вотъ буде хочешь—ѣши бѣлокъ»! Онъ и бѣлокъ сѣлъ.—«Ну давай еще!—да вотъ говорить отецъ,

если душа вынесеть, такъ собаку бѣшь. Мужикъ схватилъ собаку и ленонько проглотилъ и ее. Отецъ стоять ни живъ, ни мертвъ. Ну, думаетъ, съѣсть теперь и меня; началь про себя читать отходную. — «Давай, говорить, что у тебя есть еще! Больше, говорить, ничего нѣть. — «Ну коли ничего нѣть, такъ я тебя самого съѣмъ, только вотъ схожу недалеко.

«Ушелъ и унесъ порохъ и ружье. Остался отецъ безо всего: бѣжать, думаетъ, догонить... осовѣль, одно слово. Вдругъ слышить, просунулась кто-то голову въ окно и говорить: «Бѣги, добрый человѣкъ, какъ можно скорѣе; въ правой руцѣ, недалеко, есть дорога, по этой дорогѣ сейчасъ пройдеть тройка лошадей, ты и скочи на телѣгу, да крѣче держись и смотри — подѣешь ты къ тремъ соснамъ; у одной сосны сукъ самый толстый будетъ тянуться надъ дорогой, такъ ты обѣими руками захватись за него и повисни, а остальное тебѣ ужъ самому видно будетъ». Отецъ бросился изъ избушки и побѣжалъ въ правую руку. Началь выходитъ мѣсяцъ, вызвѣздило и видно стало все. Не успѣль отецъ отойти и полсотни шаговъ, смотрить — лежить прямая-препрямая дорога, а по дорогѣ во всю мочь скачеть тройка. Попропустилъ ее немного, отецъ приловчился, схватилъ за задокъ телѣги и вскочилъ въ кузовъ. Лошади пуще прежняго понеслись — летѣли что вѣтеръ, а около дороги все лѣсокъ тянется небольшой. Сидѣть отецъ, крѣпко держится въ телѣгѣ. Видитъ — сосна, тамъ другая, вотъ и третья, и отъ неи виситъ надъ дорогой толстый, претолстый сукъ. Поднялся отецъ, подскочилъ на телѣгу и повисъ на сукѣ. Сотворилъ молитву — смотрѣть: онъ въ своей избѣ виситъ, обнявши руками воронецъ. Мать еще не спала — прила ленъ, ужасъ ее взялъ, какъ увидѣла, что отецъ будто съ крыши въ избу ввалился. Едва розняли мы ему руки, ровно примерзли къ брусу-то. Ну, не долго-же онъ и жилъ послѣ того. А ружье, собака, бѣлки и птицы очутились на сараѣ.

«Вотъ, говоритьъ, какое дѣло было съ моимъ отцомъ. А спросись онъ у лѣсоваго ночевать, тотъ и не чудилъ бы: изба-то эта, надо полагать, была его».

Прибыли мы къ устью рѣки «Большой Патокъ». Широкимъ русломъ, разливающимся по плоской равнинѣ, соединяется онъ съ Щугоромъ съ правой стороны. Къ сѣверо-востоку, надъ лѣсистыми окрестностями Патока, возвышается гряда горъ, которая по своему голому, съ отсутствиемъ всякой растительности хребту, названа «Мертвою пармою». Изъ нея вытекаетъ необыкновенно быстрый, шумливый ручей — Мертвый-Ель, тоже впадающій въ Щугоръ. По берегамъ этого ручья встречаются большие валуны зеленаго сланца и появляются діориты и діоритовый порфиръ. Вотъ и другія каменные ворота — Шеръ-Кырта (средняя скала); они состоять тоже изъ бѣлыхъ отвѣсныхъ известковыхъ скаль, стѣсняющихъ съ обѣихъ сторонъ рѣку въ узкое русло, съ тою только разницею, что по чрезмѣрной глубинѣ Щугора, теченіе воды въ нихъ едва замѣтно. Скалы не ниже, какъ и въ Ульдоръ-Кыртѣ, но какъ вверху, такъ и внизу онѣ состоять изъ песчаныхъ отсыпей, то и не имѣютъ той красоты. Третіи каменные ворота Щугора — Вельдоръ-Кырта (верхняя скала). Мы прибыли къ нимъ около полудня, на третій день нашего плаванія по Щугору. Погода по прежнему стояла ведреная, солнце не заслонялось ни однимъ облачкомъ; тихо, ясно, тепло, будто и не на сѣверѣ. Щугоръ пробилъ эти ворота крутымъ изгибомъ. Вслѣдствіе такого положенія разѣлины или по другимъ акустическимъ причинамъ, но здѣсь поразило насъ необыкновенное эхо, повторяющее не только крикъ, но и слова въ разговорѣ, съ удивительной ясностью, раза по три и притомъ съ значительными промежутками.

Въ известковой стѣнѣ правой стороны воротъ открывается въ Щугорѣ трещина; изъ нея вырывается пѣнистый ручей — Вельдоръ-Кырта-Ель, текущій по каменистымъ мелкимъ пе-

реборамъ. При устьѣ ручья въ береговыхъ его наслоненіяхъ господствуетъ доломитъ. Мы остановились здѣсь. Намъ хотѣлось осмотрѣть на Кыртѣ-Ель водопадъ, посѣщенный въ 1847 году профессоромъ Гофманомъ, начальникомъ Уральской экспедиціи, которая снаряжена была нашимъ географическимъ обществомъ. Добраться до водопада берегомъ не представлялось возможности: стѣны разсѣлины, между которой бѣжалъ ручей, поднимались такъ wysoko и такими обрывами, что около воды не оставалось мѣста для прохода, наверху же, по береговому обрѣзу, не было тропинки. Мы пошли ручьемъ, въ бродъ, что было весьма удобно, такъ какъ глубина воды не превышала пяти вершковъ, и дно оказалось твердое. За устьемъ, не въ дальнемъ разстояніи, началъ попадать въ берегахъ зернистый кварцитъ, съ примѣсью листочковъ талька и хлорита, которые все болѣе и болѣе преобладаютъ, такъ что наконецъ кварцитъ переходитъ въ тальковый и хлоритовый сланецъ. Затѣмъ началъ попадаться гнейсъ, діоритъ и порфиръ. Это замѣчательно въ томъ отношеніи, что присутствіе упомянутыхъ горныхъ породъ служитъ признакомъ золотоносныхъ розсыпей.

Пройдя около трехъ верстъ ручьемъ, мы заслышали гулъ водопада. Съ какой стороны доносился этотъ гулъ — рѣшить было нельзя: не то онъ стоялъ въ воздухѣ, не то вырывался изъ-подъ земли; то слышался сзади, то далеко, далеко впереди, то справа, то слѣва. Я приписалъ это необыкновенной отзывчивости эхо, играющаго здѣсь звуками съ волшебною причудливостью. Еще прошли нѣсколько извилинъ, выбрались на песчаный заплескъ, круто повернули около скалы, выдавшейся острымъ угломъ въ ручей, и очутились передъ круглымъ, какъ чаша, котломъ, шаговъ 30 въ длину и ширину, заключеннымъ въ каменные стѣны, достигающимъ футовъ до ста высоты. Въ этотъ котель, съ высоты по крайней мѣрѣ пяти саженъ, съ ревомъ низвергался

прекраснейший водопадъ. Мы стояли какъ разъ передъ нимъ. Вода разбивалась о лежащіе внизу два громадной величины камня; брызги летѣли въ воздухъ и стояли въ немъ мелкой пылью. Выглянуло солнце изъ-за облачка и освѣтило своими лучами массу движущагося водного хрусталия, загорѣлась въ немъ разноцвѣтная радуга, а водяная пыль окрасилась ярко-лиловымъ цвѣтомъ. Ничего подобнаго въ природѣ я не видалъ во всю мою жизнь.

Долго мы стояли передъ водопадомъ, долго не могли отвести глазъ, очарованные его красотою. Вода крутилась въ котлѣ, какъ въ мельничной заборовѣ; особенно силенъ напоръ ея былъ на лѣвую стѣну, вслѣдствіе чего образовалась въ ней глубокая выбоина. Какая-то рыба безпрестанно всплескивалась около этой темной пазухи. Стада мелкой, пестренькой рыбешки, извѣстной подъ именемъ *молля*, тѣснились по заплеску, у самыхъ нашихъ ногъ. Вдругъ Алексѣй толкнулъ меня левоночко локтемъ.

— Смотрите! Видите подъ берегомъ-то на той сторонѣ?

— Что тамъ такое? не вижу.

— Выдра пробирается; видите около камня плыветь! Вотъ подъ берегъ направилась, въ подмоину.

По указанію Алексѣя, я оглядѣлъ звѣря: темной полосой, вся вытянувшись по водѣ, бойко плыла выдра, то скрываясь за клубами иѣны, то изрѣдка изъ-за нихъ вывертываясь. Скоро она скрылась въ береговую пазуху.

— Эхъ, ружья не взяли: убили бы! больше десяти саженъ не было, пожалѣлъ Павель Дмитріевичъ.

— Можетъ и убили бы, да звѣрь-то теперь плохъ, еще не выкунѣлъ: проку въ немъ мало, замѣтилъ Алексѣй.

На другой день мы достигнули устья рѣки Ичеть (малый) Патокъ. Этотъ притокъ Щугора особенно славится изобиліемъ

лоха и харьюза. Рыболовныя артели забираются въ его верховья за этою рыбой такъ далеко, какъ только можетъ пройдти лодка. Выше Ичеть-Патока Щугоръ значительно съуживается, извиваясь крутыми изгибами между каменистыми берегами, мѣстами торчащими въ рѣку острыми выступами. Теченіе здѣсь необыкновенно быстро: только благодаря заводямъ, образующимся подъ острыми кремнистыми косами, возможно подниматься вверхъ; выѣзжая изъ заводи на струю, мы едва справлялись съ быстриной. Часто лодку нашу бросало съ такою силою на берега, что казалось разобьетъ ее въ щепы; но ловкость Алексея и его смѣтливость избавляли насъ отъ опасности.

— Что это за крестъ на берегу, Павелъ Дмитріевичъ,— въ знаменіе какого события онъ тутъ воздвигнутъ? Можетъ быть промышленникъ похороненъ? спросилъ я Волкова, увидѣвъ на площадкѣ одной косы старый, покривившійся крестъ, сдѣланный изъ чрезвычайно толстаго дерева.

— А это мѣсто названо «Молебной Костью», въ память одного происшествія, но слушаю котораго и крестъ поставленъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: ты видишь до какой степени въ этихъ илесахъ быстръ Щугоръ, даже въ обыкновенное меженное время, какъ теперь. Въ наводки-же на Уралъ Щугоръ почти мгновенно вздувается на нѣсколько саженъ выше меженного уровня и превращается въ узкихъ тѣснинахъ въ страшный порогъ, въ которомъ вода съ бѣшеною силою громаднымъ валомъ мчится внизъ по крутыму паденію. Когда-то, въ очень давнєе время, чердынскіе рыбаки, промышлявшіе въ верховьяхъ Щугора харьюзовъ и возвращавшіеся назадъ, были застигнуты врасплохъ, около этихъ мѣстъ, подобнымъ валомъ. Съ бѣлою пѣнящейся гравою подхватилъ онъ маленькую лодочку на свои плечи и понесся съ нею внизъ. Челнокъ бросало изъ стороны въ сторону, какъ легкую чурку, ежеминутно угрожая въ дребезги разбить

о каменистые берега. Рыбаки ожидали вѣрной гибели. Надѣяться на помощь не-откуда. Наконецъ удачнымъ поворотомъ волны около мыса лодченку выбросило вотъ на тотъ пологій откосъ, не причинивъ ни малѣйшаго вреда чердынцамъ. Они, въ знаменіе счастливаго избавленія отъ смерти, отслужили здѣсь сами — какъ съумѣли, молебенъ, назвавъ мѣсто «Молебною Костью» и водрузили на немъ этотъ са-мый крестъ.

— Я и въ другихъ мѣстахъ зырянского края видаль кресты на пустоплесси: видно зыряне любятъ ихъ ставить, замѣтилъ я.

— То больше надъ покойниками. Мало-ли умираетъ на-роду во время лѣсовья: надъ каждымъ умершимъ врить крестъ зыряне считаютъ за святое дѣло. Ставить также кресты и на перекрестныхъ дорогахъ.

За «Молебною Костью» Шугоръ вновь расширяется. Берега значительно понижаются, переходя изъ скалистыхъ от-сыпей въ ровную плоскость, поросшую до самой воды густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Къ вечеру мы доѣхали до краси-ваго острова, извѣстнаго подъ именемъ Лиственничного Дискоса. Название это произошло отъ четырехъ громадныхъ лиственницъ, растущихъ на островѣ. Подъ одной изъ нихъ мы основали нашу ночевку.

Развели огонь и, въ ожиданіи чая и ужина, улеглись на полсть. Чудный вечеръ. Тишина невозмутимая. Западъ блѣднѣеть; блекнутъ яркіе отблески вечерней зари. Туск-нуть золотыя и багровыя глади щугорскихъ водъ. Сѣрый цвѣтъ ночи, мало-по-малу все расширяясь, надвигался съ востока, закрывая на немъ темнымъ мракомъ волнистые гряды уральскихъ предгорій.

— Видишь гору впереди, заговорилъ Павелъ Дмитріевичъ, когда мы на другой день, послѣ нашей ночевки на Лист-

венничномъ Дискосѣ, снова вѣхали въ область скалистыхъ береговъ Щугора, — это «Толпасъ-Изъ» — вѣтряное гнѣздо.

Высокая гора довольно длиннымъ хребтомъ тянулась отъ Урала и обрывомъ упиралась въ Щугоръ. Она увѣнчивалась зубчатымъ гребнемъ и двумя пиками, торчащими выше прочихъ, обнаженными и покрытыми каменными обломками.

— Почему такъ называется гора? спросилъ я Волкова.

— А существуетъ между здѣшними жителями такое повѣрье, что живеть на этой горѣ вѣтеръ, что здѣсь его корениное, постоянное обитаніе, его домъ, потому-то, разсказываютъ зыряне, самый слабый звукъ человѣческаго голоса, даже малѣйшій стукъ вызываетъ, будто-бы, около этихъ мѣстъ страшную бурю. Промышленники, проѣзжая мимо Толпасъ-Изъ, сохраняютъ глубокое молчаніе и даже обертываютъ тряпками уключины весель, чтобы они не скрипѣли. Я много разъ подымался на эту гору и странное дѣло: какъ бы тихо не было, ни малѣйшаго хилка, листочекъ не пошевелится на осинѣ, на Толпасъ-Изѣ все что-то гудить и завывать; раковины такія большія бываютъ, видаль, я думаю, приложишь ее къ уху и при полной тишинѣ и безмолвіи около тебя, слышишь въ раковинѣ рѣзкіе звуки, какъ будто поетъ въ ней кто; такъ и на Толпасъ-Изѣ.

— Странно это; чѣмъ нибудь можно же объяснить такое явленіе?

— Ничѣмъ другимъ, какъ особыеннымъ расположениемъ скалъ и пиковъ, съ особенною чувствительностю отражающихъ звуки. На этой горѣ есть озеро, изъ него текутъ въ Щугоръ два истока Пилипъ-Ель и Дуръ-Ель. Это чисто горные ручьи, низвергающіеся съ чрезвычайнымъ шумомъ съ крутизны. Можетъ быть этотъ шумъ чрезъ многочисленныя отраженія въ скалахъ и даетъ звуки, похожіе на звываніе бури.

Мы подѣхали къ южному обрыву Толпасъ-Изѣ весьма

близко. Гора показалась намъ на столько крутою, что взобраться на нее съ этой стороны мы не рѣшались. Даље Щугоръ поворачиваетъ на востокъ, лукой огибая Толпазъ-Изъ. Мы проѣхали версты три и привалили къ берегу, что бы взойти на гору съ восточнаго склона, болѣе пологаго и потому удобнаго для восхожденія. Минѣ хотѣлось посмотрѣть горное озеро, по словамъ Волкова, чрезвычайно характерное.

Отсюда до подошвы Толпазъ-Изъ версты полторы. Все это пространство и самый склонъ горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Мы взяли съ собою ружья, захватили, по настоянію Павла Дмитріевича, ботальную сѣть съ бечевкою, кое-что изъ съѣстнаго и пустились въ путь.

Шли мы сначала все ельникомъ. Черника и брусника густо заволокли лѣсную почву. Сиѣмъя, крупныя ягоды черники весьма привлекали къ себѣ вниманіе Павла Дмитріевича, и онъ вѣздавалъ имъ должную честь. Часто попадались груди, и какіе груди — ума помраченіе: бѣлые какъ снѣгъ, съ толстымъ слоемъ прозрачнаго желе на шляпкахъ гриба. Начались чащи. Держась по компасу принятаго направления, мы съ трудомъ сквозь нихъ пробирались. Поднялся глухарь, шумно захлопавъ крыльями; фыркнулъ выводокъ рябчиковъ; моло-денькіе тутъ же, передъ нами, разсѣлись въ поддерева. Я убилъ пару, Волковъ одного. Вотъ и подошва горы. Издали она казалась пологой, а пришлось лѣзть чуть не на стѣну. Ель смѣнялась соснами. Чѣмъ выше — тѣмъ рѣже лѣсъ. Соснякъ стоять уже въ разбродѣ, небольшими группами и въ одиночку. Нѣкоторыя изъ сосенъ, подмытыя въ корняхъ весенними потоками, накренились книзу, пошатнулись, красиво разметавъ свои кривыя, засохшія вѣтви. Все лѣземъ кверху, все выше, и, сквозь краснѣющіе стволы сосенъ, начали проворачиваться березы; мѣстами попадается и ель, но корявая, обтянутая мохомъ, который густою бородою свѣши-

вается съ вѣтвей. Наконецъ мы достигли плоской равнины. Взвизгиваніе гагаръ и пропзительные крики чаекъ неслись къ намъ навстрѣчу. Еще нѣсколько саженъ — и мы на берегу небольшаго круглого озера. Оно улеглось въ сѣдлѣ между двумя горными пиками. Берега пустынны: кое-гдѣ, какъ стражевые маяки, стоять на нихъ громадныя сосны. Вода чиста — какъ хрусталь, но отъ чрезмѣрной глубины этого горнаго водоема кажется черною. Множество гагаръ разныхъ породъ плавали по озеру. Онѣ не пугались наскъ. Видно было, что здѣсь не часто ихъ тревожатъ.

— Что-же мы будемъ дѣлать съ сѣтью, какая здѣсь рыба, какъ она на эту высь заберется? обратился я къ Волкову.

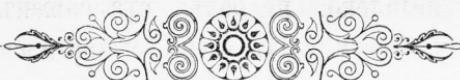
— Рыба есть; а какъ она сюда попала, ужъ этого я тебѣ объяснить не берусь! Пойдемъ къ истоку Дуръ-Ель.

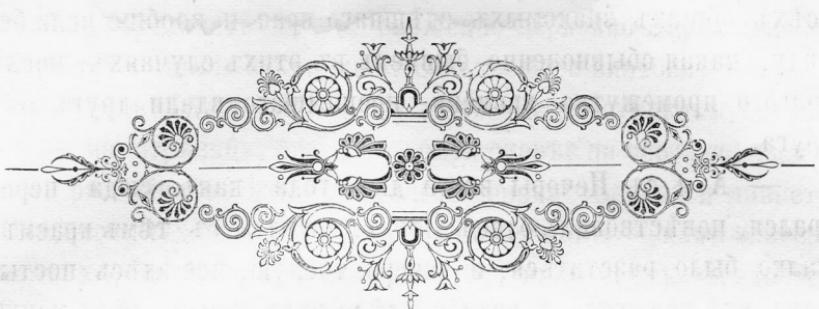
Идти было недалеко, не болѣе ста саженъ, по сухому, песчано-илистому берегу. Изъ озера выдигался узенький заливчикъ, въ остромъ концѣ котораго образовался прорывъ, саженъ въ пять шириною, служившій истокомъ Дуръ-Ель.

Тихо подойдя къ заливчику, мы замѣтили въ немъ всипески рыбы. Алексѣй перешелъ рѣчку нѣсколько ниже истока по перебору. Мы перебросили ему бечевку и, посредствомъ ея, перетянувъ ботальную мережу въ узкомъ мѣстѣ заливчика, заперли рыбу. Затѣмъ, вырубивъ шестики, начали ими ботать. Съ первыхъ же ударовъ по водѣ, поплавки сѣти порывисто заигралы, безпрестанно окунываясь. Мы вытянули мережу, биткомъ набитую карасями. Нѣкоторые изъ нихъ были болѣе фунта.

Поздно возвратились мы къ лодкѣ; еслибы не компасъ, вѣрный проводникъ зырянъ въ ихъ лѣсныхъ странствованіяхъ, то можетъ быть привелось-бы почевать на озерѣ. Погода измѣнилась: въ воздухѣ потянуло холодомъ и сыростью. На другой день свинцовыя облака обложили все небо, и зачастиль дождь мелкій, пронизывающій, обѣщая затяжное ненастье.

При такомъ состояніи погоды мы не рискнули щѣтъ далѣе въ верховья Щугора и вернулись назадъ. Обратное плаваніе внизъ по теченію быстраго Щугора совершилось вдвое скорѣе. Выѣхавъ на Печору, мы встрѣтили посыльныхъ къ себѣ съ пропизѣй и распоряженіемъ отправиться внизъ по Печорѣ вплоть до Гуляевскихъ Кошекъ.

VII.

Попадья-охотница.

Пріххалъ я въ Подъельскъ, селеніе на Вычегдѣ, въ 96 верстахъ отъ Устьсысольска. Покончивши дѣла въ пра- вленіи, пошелъ къ знакомому уряднику; навстрѣчу — священникъ.

— Голубчикъ вы мой, Ф. А., двадцать пять лѣтъ не видались, опять Господь Богъ привель!... состарѣлись же вы, состарѣлись!

— Здравствуйте, отецъ Петръ, сердечно радъ съ вами видѣться! Какъ не состарѣться: двадцать пять лѣтъ, не двадцать пять недѣль; да и васъ таки изрядно попригнуло.

Отца Петра я зналъ въ лучшую пору его жизни. Это былъ чернобородый, живой священникъ, съ энергичными, блестящими глазами, съ стремленіемъ къ неустанной дѣятельности на трудномъ подвигѣ. Онъ былъ пастыремъ подвижной церкви на Печорѣ, боролся съ расколомъ, мужественно претерпѣвалъ разныя оскорблѣнія отъ населенія, зараженного ересью, какой-то смѣшанной, неизвѣстной секты. Теперь это — стариkъ, съ посѣдѣвшими волосами, сгорбившійся и усталый. Отецъ Петръ затащилъ меня къ себѣ. По-

толковали о старинѣ, вспомнили прежніе годы, перебрали всѣхъ общихъ знакомыхъ здѣшняго края и вообще вели бесѣду, какая обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, послѣ долгаго промежутка времени, прошедшаго вдали другъ отъ друга.

— А я съ Печоры всего два года какъ сюда перебрался, повѣствовалъ отецъ Петръ, сжился съ тѣмъ краемъ, жалко было разстаться, и теперь тоскую, все здѣсь постылымъ мнѣ кажется; а родное, дѣла рукъ моихъ, дѣла моихъ неусыпныхъ трудовъ, исполненныхъ съ благословенія Божія, тамъ оставилъ и болитъ теперь по нихъ сердце. Тамъ я себѣ гнѣздо свилъ теплое, уютное, на широкомъ привольѣ, а здѣсь въ чужомъ домѣ живу: во всемъ неустройство и неудобства разныя. Съ 1862 года я службу при подвижной церкви оставилъ и поселился осѣдаю въ селѣ Щугорѣ священникомъ при мѣстномъ храмѣ. Домикъ себѣ выстроилъ на берегу Печоры, на возвышенномъ, красивомъ мѣстѣ, самъ бревна рубилъ, самъ возилъ ихъ, самъ топоромъ работалъ при постройкѣ. Огородъ за домомъ развелъ, пенья выкорчилъ, раздѣлъ, удобрилъ: картофель, брюква, рѣдкава родились превосходно. А на задахъ, сейчасъ за огородомъ, къ лѣсу, на моей же выгородѣ, ягоды самородныя прекраснѣйшія произрастали: земляника, поляника, клюква, морошка. Берега Печоры возвышенные, сухie, а двинься сажень сто отъ берега, въ глубь лѣса — сейчасъ тутъ же и моховое болото. Осушилъ я его на своей дѣлянкѣ, канавки провелъ, стоки сдѣлалъ; отъ того, надо полагать, и ягоды у меня крупнѣе родились. Поселился я немного на отставѣ отъ селенія. Передъ моимъ домомъ росли громаднѣйшія лиственницы; я ихъ разрѣдилъ, десятка полтора сеѣкъ, чтобы видѣть не заслоняли на Печору, а нѣкоторыя оставилъ для украшенія. Много разъ случалось осенью, въ тихія зори, утромъ, глянешь въ окошко, глухарь сидитъ или тетеря на

лиственницѣ. Конечно по сану моему стрѣльба недозволительна, проливать кровь священно-церковно-служителю не подобаетъ, вотъ и кричишь: Сенька! бери винтовку, — мальчикъ лѣтъ 15-ти служилъ у меня въ работникахъ, ловокъ былъ на стрѣльбу, бестія, — бѣги скорѣе на чердакъ, пальни его, разбойника, изъ слуховаго окошка! Сенька и щапнеть. Свалится глухарина съ высокой лиственницы — какъ пестерь, такъ хлоннется о мерзлую землю, нани гулъ раздастся. Близко вѣдь: всего какихъ-нибудь десять, двѣнадцать саженъ. Разъ сижу я у окна, книги церковныя провѣряю. Тоже осенью было, день тихій такой, сѣренѣкій, дождичекъ изрѣдка побрызгивалъ маленький, точно сквозь сито. Вдругъ съ великимъ шумомъ птицы какія-то прилетѣли и усѣлись на лиственницу. Смотрю — рябчики. И какъ бы вы думали, батюшка мой, вѣдь много, штуку пятнадцать; я экой стан никогда рябцовъ и не видывалъ. Въ углу — винтовка совсѣмъ налаженная, стрѣлять-бы, да по сану моему....

— Знаю, батюшка, недозволительно; ну, что-же вы?

— Опять за Сенькой. Бери, говорю, винтовку, дуй изъ слуховаго въ рябцовъ, да смотри, говорю, пострѣль, по нижнему сперва, по самому, говорю, нижнему. И я съ нимъ поднялся на чердакъ. Вали, вали по нижнему! Скатилъ одного, сидѣть рябцы, только стрекочутъ, да головками повертываются; потомъ зарядилъ — и другаго; до пяти штукъ уложилъ, тогда уже снялись остальные и улетѣли. Польниковъ тоже такимъ способомъ великое множество разъ стрѣлять приводилось.

— Все же, отецъ Петръ, — я думаю, скучненько вамъ было: безлюдье страшное, глушь!..

— Въ трудахъ праведныхъ, голубчикъ мой, время проводилъ, некогда о скучѣ-то было думать. А весной, Господи, какое раздолье то, какая ширь необъятная, безконечная! Выйдешь это на бережокъ, сядешь на скамеечку подъ лист-

венницу: тишина въ воздухѣ, тишина на водѣ, благораствореніе и благодать неописанная. Взглянешь на сѣверъ — черное море лѣсовъ стелется, уходитъ въ даль и конца краю ему нѣтъ. Печора, точно широкая серебряная лента, прорѣзываетъ эти темные, дремучіе лѣса. На востокѣ Уральскій хребетъ горбами да зубцами играетъ на небѣ; закучатся облачка по-занимъ, надвинутся на горы, и не различишь, гдѣ кончаются горы, гдѣ начинаются облака. Картина!.. да какъ ляпнетъ на эту картину свѣтъ солнечный и обольетъ ее золотомъ!.. Боже милостивый, какихъ чудесъ не совершилъ ты въ нерукотворенномъ созданіи своеемъ! а тамъ, вверху Печоры, смотришь, струйка дыму змѣйкой ввинчивается въ воздухъ: это пароходъ бѣжитъ, чердынцы всяющую провизію доставляютъ Печорскимъ жителямъ, каждую весну два-три раза, а отъ нихъ товаръ промысловый закупаютъ. Тутъ запасъ дѣлаешь на цѣлый годъ и живешь себѣ, — какъ у Христа за пазухой, — чудесно!

— Ну, а насчетъ рыбки какъ, отецъ Петръ, занимались конечно?

— Нѣтъ, къ этому я не былъ пристрастенъ, этимъ у меня матушка попадья орудовала, это ея была охотка.

А матушка попадья въ это время подаетъ стаканы съ чаемъ на подносѣ. Она еще видиная, крѣпкая, бодрая старуха; доброта, привѣтливость и въ лицѣ, и въ глазахъ такъ и свѣтятся.

— Какъ же, родной мой, охотница была, страшная охотница, поясняетъ матушка; умирала на рѣкѣ: и невѣдь сама таскала съ артельщиками по поясъ въ водѣ, и бреднемъ ловила, и сѣтями, и ветелями, и ботальной мережой. Рыбы насолимъ, навялимъ, икры наготовимъ. Круглый годъ не переводился у насть этотъ харчъ...

— Да вы говорите-ка съ ней хорошенько, перебиъ отецъ Петръ, потолкуйте-ка, какія дѣянія она совершила: охотой вѣдь занималась, по путикамъ ходила.

— Ходила родной, ходила, какъ же: путикъ мой начи-
нался на задахъ нашего дворища, обходъ былъ малый,
верстъ на восемь не больше. Сама и слопы настораживала,
петли и ловушки разныя налаживала. Въ первые годы одна
обходъ дѣлала, да по разъ медвѣдь, песь окаянный, напу-
галъ, опасно стало одной-то ходить; такъ Сеньку съ со-
бакой стала брать.

— Какъ это онъ васъ?

— Звѣря этого много на Печорѣ. Повадится онъ ходить
по путикамъ—бѣда, обереть всю дичь на чисто. Въ глухую
осень это было, но еще снѣгъ не напалъ; пошла я въ об-
ходъ. Подхожу къ глухарному слопу, смотрю, кто-то во-
рочается; а подъ вечерокъ, да и въ чащѣ, хорошо то раз-
глядѣть не могу; подумала—кто нибудь изъ промышленни-
ковъ не шалить-ли. Хоть не бывало этого у нась, да какъ
тутъ... на грѣхъ можетъ кто и соблазнился. Вотъ я это
тихохонько крадусь, въ оплотъ подошла къ слопу, а онъ,
чтобъ ему пусто, окаянному, слопъ то поднялъ, залѣзъ
туда до половины, да и тащить мошника. Вижу—медвѣдь,
да какъ взвизгну, онъ какъ рявкнетъ! и бѣжать, и бѣжать,
а я въ другую сторону, не помню какъ домой ввалилась!

— Прибѣжала, лица на ней нѣть, добавляетъ отецъ
Петръ; блѣдная, дрожить вся. Что, говорю, матка, аль
испужалась чего, попрічилось что ли тебѣ? Такъ и такъ,
говорить, медвѣдь.

— Будетъ по путикамъ ходить, говорю, оставь это ру-
комесло, работника посытай! Какое!.. на другой день опять
въ обходъ пошла.

— Не встрѣчали уже больше медвѣдя-то?

— Нѣть не встрѣчала, должно быть сильно, дурень,
испугался бабы, не приходилъ больше.

— Ну а какъ же въ зимнее время, матушка, по глу-
бокому снѣгу; по путикамъ-то ужъ и кончено.

— Э, что вы говорите, полноте, кто ее удержитъ. Надѣнетъ она мои суконные старые штаны...

— Ты, отецъ Петръ, поунылся бы немнога, все-то бы не болталъ, возразила матушка.

Правду говорю. Надѣнетъ это мои штаны, малицу на-
тянетъ, шапку ушанку, пимы на ноги, лыжи, да какъ нач-
нетъ уписывать, такъ что тебѣ промышленникъ добрый,
мигомъ облетитъ весь обходъ. Ружейцо иной разъ прихва-
тить, бѣлченку устрѣлить, какъ-то разъ лисицу ухайдачила,

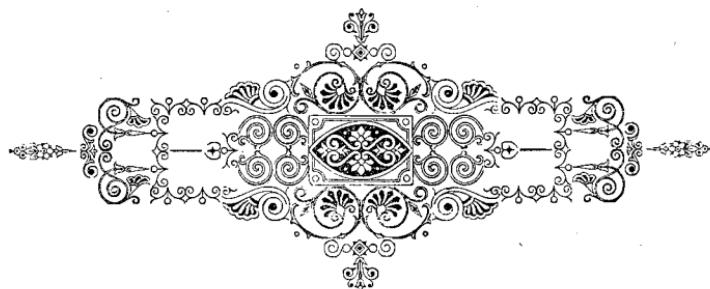
— Какъ, матушка, неужели и пострѣливали?

— Вреть онъ, родной мой; слушайте его, пустомелю
старого.

— Правду говорю, ей Богу правду!

— Эге, отецъ Петръ, теперь я догадываюсь, кто изъ
слуховаго-то окошка по дичинѣ стрѣлялъ!

Матушка, махнувши рукой, вышла изъ комнаты, а отецъ
Петръ, подмигнувши лѣвымъ глазомъ, лукаво улыбнулся
всльдъ матушкѣ.

VIII.

Рыбныя ловли зырянъ.

С биле водъ въ зырянскомъ краѣ, богато населенныхъ рыбою, создало изъ каждого зырянина отличного рыбака и потому-то рыбныя ловли производятся здѣсь повсюду: на Вычегдѣ, Вышерѣ, Немѣ, Сысолѣ, Лузѣ, Илыдзѣ, Мылахѣ, Подчерьѣ, Щугорѣ, Печорѣ, на маленькихъ омутистыхъ рѣчкахъ, выбѣгающихъ изъ лѣсныхъ трущобъ, на полояхъ во время весеннаго разлива и на тинистыхъ, затянутыхъ широко-лиственными лопухами озерахъ, въ безчисленномъ множествѣ разбросанныхъ по луговымъ и лѣснымъ пространствамъ зырянской стороны. Собственно-же промысловый уловъ, отъ которого идетъ сбыть рыбы въ восточные губерніи Россіи, а такъ-же въ Москву, Петербургъ и Архангельскъ, — производится преимущественно по Печорѣ и ея притокамъ, начиная со впаденія въ неѣ рѣчекъ Пижмы и Цыльмы, противъ селенія Усть-Цылемскаго. Рѣка имѣеть здѣсь ширину не менѣе полуторы версты, а двадцать верстъ ниже она начинаетъ уже метаться на рукава, вырѣзывая множество песчаныхъ острововъ. Чѣмъ ниже по Печорѣ, тѣмъ болѣе увеличивается число рукавовъ и это раздробленіе рѣки составляетъ весьма выгодное условіе для прохода рыбы вверхъ по рѣкѣ, куда она стремится метать икру.

Передъ впаденiemъ въ море, всѣ рукава Печоры сливаются въ одну огромную дельту, которая переходитъ уже въ заливъ океана, извѣстный подъ именемъ Печорской губы, гдѣ вода уже соленая. Изъ всѣхъ Печорскихъ рыбъ имѣть самое большое промысловое значеніе семга и затѣмъ нѣсколько сиgovыхъ породъ: чиръ, сигъ, нельма, пелядь, омуль и проч. Семга идетъ въ Печору изъ моря только однажды въ годъ, съ начала Іюля и до Сентября ^{*)}). Она, какъ и осенняя семга бѣломорскихъ рѣкъ, въ ту же осень икры не мечетъ, а поднимается за этимъ вверхъ чрезвычайно высоко, сворачивая на пути свое мѣсто въ разные притоки Печоры. Въ довольно значительномъ количествѣ она сваливается въ свѣтловодную рѣку Щугоръ, текущую съ Уральскаго хребта и впадающую въ Вологодской губерніи при селеніи Усть-Щугоръ. Замѣчательно, что зыряне, поднявшуюся въ Печорѣ для метанія икры семгу, называютъ лоховиной. По ихъ мнѣнію семгою она становится тогда, когда попадеть въ соленую воду. Семгу ловятъ въ Щугорѣ въ то время, когда она, выбросивши икру, обратно спускается въ Печору, чтобы идти въ море; тогда она валитъ большими скопами. Ловъ этотъ производится одинъ разъ въ годъ, въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа — неводами. Человѣкъ сорокъ или шестьдесятъ загораживаютъ рѣку въ узкомъ мѣстѣ стѣнками или заколомъ, въ который закладываютъ морды; выше начинаятъ неводить, постепенно спускаясь къ заколу. Что не попадаетъ въ неводъ, то попадеть въ заколъ. Промыселъ этотъ, впрочемъ, уменьшается съ каждымъ годомъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, уловъ бывалъ пудовъ по 30 на человѣка, а нынѣ едва достается по два. Пудъ этой семги стоитъ теперь на мѣстѣ отъ 10 до 12 руб. серебр.

Печорская семга самая вкусная и жирная изъ всѣхъ сортовъ, встрѣчающихся въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ. Она

^{*)} Иасльдов. Данилевскаго 1860 годъ.

замѣчательно велика: тридцати фунтовыя рыбины здѣсь очень обыкновенны, а менѣе десяти фунтовъ составляютъ уже рѣдкость. Но есть и такія, которыхъ вѣсъ въ полтора, два пуда. Въ 1852 году была поймана семга на Печорѣ въ сомъ въ 2 пуд. 15 фун. Невода для ловли семги бываютъ отъ 100 до 400 сажень, но не болѣе четырехъ сажень вышиною. Ихъ сшиваются изъ нѣсколькихъ сѣтей, каждое полотно которыхъ сажень по 10-ти длины, и съ ячейми въ $1\frac{1}{8}$ вершка. Невода—самые употребительныи способы въ ловлѣ семги въ Усть-Цылеской волости, за ними слѣдуютъ поплавни, особенного рода мережа, сажень въ 200 длины, захватывающія не болѣе одной трети рѣки. Поплавни сшиваются изъ сѣтей, имѣющихъ ячи около двухъ вершковъ въ квадратѣ. При ловлѣ одинъ конецъ пускаютъ вольно въ рѣку съ поплавкомъ, называемымъ *монофатономъ*, а другой конецъ сдерживаютъ на лодкѣ, и такъ спускаются внизъ по теченію. Правила ловли очень просты: желающіе ловить вмѣстѣ, на одной тонѣ, составляютъ артель и выбираютъ мѣсто для своего лова; при формированиі артели къ ней пристать можетъ всякий, и вообще это раздѣленіе на артели дѣлается по любовно, безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Осеню ловятъ одинъ артели неводами, другія поплавнями; послѣднія расчитываютъ преимущественно на ловъ семги, первыя же на ловъ бѣлой рыбы: сиговъ и омулей, для которыхъ, впрочемъ, не держится въ Усть-Цылескихъ дачахъ особливыхъ болѣе частыхъ поплавней. Часто случается, что неводная и поплавная артели ловятъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Какъ та, такъ и другая раздѣляются всегда на двѣ половины, опредѣляясь въ ловлѣ поденно: пока у одной артели ходить неводъ, другая просушиваетъ свои снасти. Уловъ дѣлится между участвующими въ артели свѣжею рыбою въ сомъ, сообразно количеству доставленныхъ каждымъ снастей. Потомъ каждый солить уже про себя доставшуюся на долю рыбу. Неводъ или

поплавень или принадлежить весь одному семейству, если оно многочисленно, или бываетъ составной, т. е. принадлежить нѣсколькимъ одинокимъ или малосемейнымъ хозяевамъ, соединившимся вмѣстѣ. На неводъ нужно отъ 8 до 9 работниковъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ, и его закидываютъ отъ 8 до 10-ти разъ въ сутки. Для дѣйствія поплавніями нужно три человѣка, изъ которыхъ одинъ гребеть, а двое выметываютъ; двое же и вытягиваютъ поплавень изъ воды въ лодку. Въ Усть-Цилемской волости ходить всего около 300 неводовъ и поплавней. Случается рыбакамъ отправляться на ловъ далеко отъ своихъ домовъ, въ которые они не возвращаются мѣсяца по два, а часто и въ продолженіи всего лѣта. Въ такомъ разѣ они устраиваютъ на топахъ по нѣскольку сплетенныхъ изъ прутьевъ сараевъ, покрывая ихъ толстымъ слоемъ свѣжей травы. Это семейные пріюты въ промысловой жизни зырянъ.

Печорская семга солится вообще очень дурно. Это не отъ того, впрочемъ, чтобы здѣшній народъ пребывалъ въ глубокомъ равнодушіи къ своему дѣлу и нользamъ. Напротивъ, тутъ зырянинъ, особенно—if онъ Ижемецъ, очень развитъ въ отношеніи пониманія своихъ выгодъ; по дѣло-то не стоитъ того, чтобы обѣ нѣмъ хлопотать много, такъ что лишніе труды и издержки на усовершенствованіе продукта не вознаградились-бы соотвѣтственно большими выгодами. Пойманную семгу передъ соленіемъ обмываютъ, разрѣзываютъ, и вынимаютъ у нея внутренности; но вмѣсто того, чтобы внутреннюю полость наполнить солью, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, рыбу только пересыпаютъ солью внутри и снаружи, даже не втирая въ кlesкъ, и кладутъ въ широкія бочки, вышина которыхъ почти равняется ихъ діаметру. На одну бочку приходится не болѣе 1—2 пудовъ соли. Бочки наполняются медленно, и пока не наполняются, не заколачиваются, а только покрываются рогожами. Печорская семга изъ всѣхъ

сортовъ ея есть самая крупная и самая жирная и потому, требуя много соли для своего усола, скоро портится. Но отъ этого промышленники теряютъ мало: какъ только установится цѣна, зависящая отъ количества улова, закупщики платить имъ одинаково какъ за хорошую, такъ и за худую рыбу. Зачѣмъ же, послѣ этого, стараться хорошо солить ее. Къ тому-же закупщики семги вѣсятъ ее не вмѣстѣ съ солью, а одну рыбу, вынувъ ее изъ разсола; слѣдовательно тотъ, кто больше положитъ соли, больше сдѣлаетъ совершенно бесполезнаго для себя расхода; а соль на Печорѣ чрезвычайно дорога. Вотъ почему засолъ печорской рыбы дуренъ.

По вскрытию рѣки въ прежнія времена сейчасъ-же являлись по Печорѣ каюки, принадлежащіе чердынскимъ купцамъ. Они привозили хлѣбъ и вообще все нужное для печорскихъ жителей и въ обмѣнъ на это брали рыбу. Одни, нагрузившись рыбой весеннаго улова, возвращались назадъ, другіе-же оставались на осень. Эти послѣдніе и составляли главныхъ покупщиковъ печорской семги, которая потомъ развозилась ими въ Казань, Пермь, Ирбитъ, Тобольскъ — однимъ словомъ, по пріуральскому краю. Нынѣ порядокъ закупки этой рыбы измѣнился, сдѣлавшись достояніемъ двухъ, трехъ крупныхъ чердынскихъ коммерсантовъ, захватившихъ въ свои руки на Печорѣ по всѣмъ торговымъ операциямъ монопольное право. Вмѣсто каюковъ — теперь ходятъ по Печорѣ нарочоды, съ хозяевами которыхъ рыболовныя артели взошли въ обязательныя и отвѣтственныя соглашенія — не продавать помимо ихъ на сторону ни одной рыбы. Главнымъ воротиломъ въ торговлѣ Печорскаго края является богатый чердынскій купецъ — Алинъ, который скупленную семгу направляетъ по своему усмотрѣнію то въ Москву, то въ Петербургъ, то въ нѣкоторые приволжскіе губернскіе города. Вслѣдствіе монопольнаго давленія, семгу въ настоящее время не всегда возможно достать, даже за дорогую цѣну, и мѣстнымъ Усть-Сысольскимъ жителямъ.

Во время зимы зыряне не любят заниматься рыбными ловлями. Они все тогдя бросаются въ лѣсовые за рябчикомъ и бѣлкой; этотъ послѣдній промыселъ составляетъ ихъ специальность. Но лишь только вскроются рѣки, какъ сей-часъ-же и старый и малый начинаютъ рыбачить. Первая, послѣ зимы, самая ранняя ловля рыбы, бываетъ наметомъ по небольшимъ крутоберегимъ рѣчкамъ. Мутная, весенняя вода, ополаскивая грязные берега, подмываетъ ихъ склоны большими рѣтвинами и обрывами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ струя наваливается на берегъ, она высоврливаетъ въ берегахъ глубокія котловины. Въ этихъ-то котловинахъ, подъ береговыми обрывами, стѣною спускающимися въ глубину, любить толпиться крупные сиги, харюзы, сороги-красноглазки, ерши, окуни, подъязки и хищница щука, добычливо охотящаяся тутъ за мелкою рыбью. Причинъ скопленія рыбы въ такихъ мѣстахъ надо доискиваться въ ея инстинктивномъ стремлѣніи направляться въ весеннее время противъ теченія, для удобнаго выбрасыванія икры, которую она вытираетъ о неровности обрывистыхъ береговъ. Тутъ-то ее и ловятъ наметами. Наметъ — это большой сакъ, устройство его весьма просто: длинная, тонкая рукоятка вдолблена въ средину по-перечника, къ которому наплотно прикреплена сѣть, вродѣ мѣшка, вытянутая по рукояткѣ трехъугольникомъ. Сѣтка сака вяжется изъ крѣпкихъ, но до того тонкихъ льняныхъ нитокъ, что при мутности весенней воды рыба ея совершенно не замѣчаетъ. Вообще зыряне чрезвычайные мастера вязать всякаго рода мережи. Наметъ забрасывается рыбакомъ въ воду съ берега, погружается до дна и потомъ тихо ведется къ берегу подъ самый его урѣзъ, загребая стоящую подъ нимъ рыбу. Случается наметомъ вылавливать зырянамъ рыбы очень много, но крупныхъ рыбинъ въ него не попадаетъ; всего болѣе добываются этою счастью ершей, уродливо раздутыхъ въ эту пору икрою. Ловля произ-

водится по ночамъ; — въ тихія и теплія ночи особенно хорошо попадаетъ рыба въ паметъ.

Но вотъ вода выкатилась изъ береговъ и засыпала всѣ окрестности съ пожнями, курьями, большими и маленькими логами, ручьями и рѣчками. Въ зырянскій сторонѣ весенне разливы воды бывають замѣчательно велики. Вычегда и Сысала передъ Устьсысольскомъ представляютъ въ весеннюю пору огромное сплошное водное пространство, синѣющее во всѣ стороны, куда ни посмотришь. Мелкіе кустарники по луговымъ мѣстностямъ, большие еловые лѣса, растущіе по подоламъ и низямъ — все заполняется разливомъ. Быстрина въ рѣкахъ, скрывающихъ подъ водою свои берега, бываетъ въ это время чрезвычайно сильна; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговая окраина возвышается надъ поверхностью воды, происходятъ безпрестанные обвалы: быстрымъ теченіемъ подмоетъ берегъ, страшная масса, въ нѣсколько тысячъ пудовъ, рушится съ ужаснымъ шумомъ въ глубину, вода закипитъ, и огромный валъ мчится отъ берега до самой средины рѣки. Глухіе удары, точно подводные пушечные выстрѣлы, то и дѣло раздаются здѣсь въ весенніе разливы по всѣмъ направленіямъ; это — береговые обвалы.

Изъ большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ рыба стремится въ разливную воду для метанія икры. Сейчасъ же начинается у Зырянъ весьма добычливая ловля рыбы вершами въ заплеты. Еще съ осени приготовляются по склонамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ лугахъ и полояхъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долюкахъ и перевалахъ, во всѣхъ извѣстныхъ ходовыхъ мѣстахъ, особаго рода огороды изъ тонкихъ прутьевъ въ переплеть. Это и есть заплеты. Они располагаются въ формѣ ломаной линіи, въ каждомъ изломѣ которой остается опредѣленной величины окошко или ворота. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ ставятся кужи, особеннаго рода мережка, съ гор-

ломъ, натянутая на вѣтвистый остовъ, имѣющій форму кувшина. Ломаная линія заплета позволяетъ разставлять кужи въ ту и другую сторону отверстіями, такъ что съ которой бы стороны ни пошла рыба, она непремѣнно должна попасть въ кужу. Уловъ рыбы въ эти снасти годами бываетъ очень большой; попадаютъ крупные лещи, чиры, сиги, нельма, язи, щуки и окуні. Мелкая рыба въ кужахъ, употребляемыхъ въ заплеты, не удерживается, вслѣдствіе рѣдкой вязи мережки, имѣющей ячей по вершку въ квадратѣ.

Рыба, разгуливая по заливной водѣ, любить въ ясные, тихіе дни заходить въ заливы, которые называются въ зырянскомъ краѣ курьями. По этимъ курьямъ ставятъ крылена, или крылачи, тоже мережки, съ двумя горлами, имѣющія при входѣ растопыренныя приполки, вродѣ крыльевъ. На текущей водѣ крылена опускается на дно на поводокъ съ камнемъ. Течениемъ воды вытягивается и выправляется крылена, какъ ей слѣдуетъ быть, такъ что крылья, натянутыя на большую дугу, будутъ находиться въ стоячемъ положеніи. На тихой водѣ, при слабомъ теченіи, или гдѣ нѣть вовсе теченія, какъ, напримѣръ, въ курьяхъ, поводокъ не годится, а употребляются въ дѣло шестики, которыми и притыкается крылена съ хвоста и съ отверстія.

Когда вода пойдетъ на убыль, обрѣжутся берега рѣкъ, зазеленѣютъ свѣжей травкой бугорки поженъ, и еще не отойдетъ время метанія икры, рыба заходитъ въ большія курьи для нереста. Собственно для выпусканія икры и оплодотворенія ея молоками, рыбы вообще любятъ затащить, въ которыхъ бы ихъ мало пугали. Для развитія икры необходимо вода, содержащая въ себѣ много воздуха, не слишкомъ глубокая для того, чтобы воздухъ, потребный при развитіи яичекъ, могъ быстро возобновляться, и присутствіе растеній, къ которымъ зерна икры могли бы прилипать. Курьи для этой цѣли оказываются для рыбы самыми при-

вольными мѣстами и она сваливается въ нихъ иногда въ огромномъ количествѣ. Зыряне пользуются этимъ и запираютъ ее довольно оригинальнымъ способомъ. Для этого выбираются такія куры, которыя къ рѣкѣ имѣютъ узкія горловины или отверстія въ пять, десять, много пятнадцать саженъ. Для запиранія выбирается ведреный день. Въ такие дни особенно любить гулять рыба и заходить въ тихія воды. Въ нѣсколькихъ лодкахъ направляются Зыряне къ известнымъ курьямъ и везутъ съ собою огромные снопы дранокъ — тоненькихъ, узкихъ дощечекъ, перевитыхъ мочальными веревками на подобіе постельниковъ, какіе приготавляются изъ болотнаго тростника. Верхніе концы дранокъ срѣзаны прямо, а нижніе заострены. Подъѣхавши потихоньку къ курью, Зыряне бросаютъ въ средину русла ея снопъ дранокъ, быстро развертываютъ его на обѣ стороны, и курья на нѣсколько минутъ заперта, выходъ рыбъ изъ нея прегражденъ. Потомъ дранки укрѣпляютъ: сверху поколачиваютъ ихъ обухомъ, и заостренные концы глубоко входятъ въ землю, затѣмъ по ту и другую сторону дранокъ перебрасываютъ съ берега на берегъ слеги черезъ козлы. Какъ только мелкая рыба: окунь, ершъ, плотва и сорожнякъ почувствуетъ, что она заперта, сейчасъ же привалитъ большими стадами къ выходу и начинаетъ тереться около дранокъ. Тутъ ловятъ ее кужами въ огромномъ количествѣ, вялять, и изъ этого получается сушь, хорошее подспорье въ продовольствіи Зырянина. Большая рыба ведетъ себя благоразумно: она отходитъ въ хвостъ кури, разбродится по кустамъ и вообще держится поодаль, пока вода не станетъ сильно сбывать и не подгонить ее противъ воли ближе къ запору. Зыряне съ того дня, какъ запрутъ рыбу, учреждаютъ около кури постоянный карауль, который и продолжается до окончанія ловли, завершающей обыкновенно въ одинъ день. Рыбу вылавливаютъ неводами на-

чисто; когда воды останется въ курьѣ немнога, это очень легко и удобно сдѣлать. Замѣчательно, что щуки пытаются перескочить черезъ запоръ и иногда имъ это удается. Зыряне рассказываютъ о необыкновенной смѣтливости леща въ попыткахъ освободиться изъ запертої курьи. Онъ подрываются подъ дранки и уходитъ, а если въ самомъ фарватерѣ курьи запоръ сдѣланъ мерёжкою, что иногда бываетъ, то лещъ, подбившись плашмя подъ мережку, становится потомъ на ребро, поднимая сѣть на столько, что дѣлается свободный выходъ рыбѣ, которая пользуется этою услужливостію леща и стремительно выходитъ изъ курьи.

Зыряне устраиваютъ иногда запоры и на текучей водѣ; это въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разливъ при убыли скатывается съ широкихъ луговъ русломъ одной какой-нибудь рѣчки или крутоберегаго ручья. Устройство запора въ этихъ мѣстахъ бываетъ совершенно особенное: вколачивается попереckъ рѣчки изъ длинныхъ сосновыхъ слегъ рядъ тычекъ. Чтобы не сваливало запора быстриною, наклонно противъ теченія ставятся къ тычкамъ упоры. На тычки, снабженныя изрѣдка обѣшетникомъ, распяливается рѣдкая сѣть съ тяжелыми грузилами на нижней тетивѣ, ложащимися на самое дно. Такого рода запоръ несравненно лучше еловыхъ дранокъ, связанныхъ въ ширмы. Сѣть съ крутыми ячейми позволяетъ свободно стекать водѣ, и тычки, при значительной быстринѣ, не претерпѣвая сильнаго напора отъ воды, легко выдерживаютъ ея стремленіе, тогда какъ сплошная ширина, съ узкими, самыми незначительными просвѣтами, имѣя болѣе точекъ соприкосновенія съ текучею водою, рѣдко выдерживаетъ ея напоръ, отчего часто разрываются запоры и много уходитъ рыбы. За то мережка представляетъ неудобство въ случаяхъ смѣлой предпріимчивости леща-освободителя.

Годами вылавливаются на хорошихъ мѣстахъ запертої рыбы

до 150 пудовъ изъ одной кури. Попадается крупная щука, язь, лещъ, сиги, чиры, окуни и изрѣдка нельма. Въ продажу эта рыба идетъ мало; развѣ только ловъ производится въ мѣстностяхъ, лежащихъ неподалеку отъ городовъ, то рыбаки имѣютъ сбыть ея по розницѣ, копѣйки 2—4 сер. за фунтъ, въ противныхъ обстоятельствахъ — весь уловъ потребляется въ своемъ быту.

При всѣхъ способахъ рыбной ловли: при закидываніи невода, запираны кури, при постановкѣ крылачей и кужъ — Зыряне необыкновенно старательны; они работаютъ здѣсь съ чрезвычайною энергию, не щадя живота своего. Подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, промокши до костей, иззябшій и полуголодный Зырянинъ не отойдетъ отъ невода, пока не окончится ловъ. Женщины переносятъ необыкновенно стойко такія-же трудности. Перебраниваясь съ молодыми парнями, окачивая другъ друга водою, перекидываясь различного рода шуточками и остротами, всегда циничнаго содержанія, молодыя бабы и дѣвки смѣло идутъ съ неводомъ въ забродъ, обнажаясь при этомъ довольно безцеремонно.

Когда Зыряне на рыбной ловлѣ сильно проголодаются, они дѣлаютъ перехваточку (закусываютъ) сырою рыбью, выдавивши изъ нея кишкы и соскобливши ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбёжка бьется и корчится въ зубахъ Зырянина, упивающаго ее съ великимъ наслажденіемъ.

Кури, принадлежащія обществу города Усть-Сысольска и Яренска, отдаются для рыбныхъ ловлей съ торговъ на три года въ арендное содержаніе. Часто арендуютъ ихъ не рыбаки-специалисты, а приватные любители рыбныхъ ловлей, которые послѣ отдаютъ кури изъ половины улова настоящимъ рыбакамъ, имѣющимъ всѣ снасти для запора рыбы и невода, и мережи для ловли. При этихъ сдѣлкахъ половинщики-рыбаки нерѣдко надуваютъ арендаторовъ; или

тайкомъ вылавливаютъ рыбу изъ кури, или устраиваютъ слѣдующее оригинальное приспособленіе: на дно кури втыкаютъ дугою и крестообразно два толстыхъ ивовыхъ прута. Подъ водою ихъ не видно. При вылавливаніи рыбы неводъ обыкновенно протягиваютъ по курѣ изъ конца въ конецъ. Какъ, только нижняя тетива невода накатится на днѣ на крестообразныя дуги, то сейчасъ-же поднимется по нимъ кверху, и вся крупная рыба останется въ курѣ; только ту и вытащать, которая застрянетъ въ чучѣ, т. е. въ хвостѣ невода. Ловъ незадачливъ, между тѣмъ всѣ пріемы и способы лова выполнены передъ лицомъ арендатора, который уѣзжаетъ съ кури съ большимъ сокрушеніемъ о своей неудачѣ, объясняя ее плохими годами. Послѣ него рыбаки, оставшіеся въ курѣ, будто-бы для уборки неводовъ и прочихъ рыболовныхъ снастей, сейчасъ-же вновь принимаются неводить, вытащивши конечно ивовые дуги, и тогда вся крупная рыба достается имъ въ добычу.

Еще не уберется совсѣмъ весенняя вода въ берега, еще по низямъ держится заливная, и мелкіе ивовые кустарники, растущіе по окраинамъ большихъ рѣкъ, только выставлять изъ-подъ воды свои тоненькия вершинки, опущенные вербушкою, какъ Зыряне начинаютъ ловить рыбу подольниками. Это самая простая рыболовная снасть, состоящая изъ длинной, тонкой бечевки, на которую навязаны, на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга, двѣнадцати-вершковые поводки, плиски, ссученные изъ волосъ. На плискахъ находятся небольшіе, остро наточенные крючки. Самые лучшіе крючки Зыряне приготовляютъ сами изъ обыкновенныхъ пивальныхъ иголъ. Продажные они не уважаютъ, такъ какъ они не выдерживаютъ большой рыбы и разгибаются. На каждомъ подольнику — отъ 50—70 крючковъ; бываютъ подольники и въ 100 крючковъ, по съ такими хлопотливо возиться, т. е. по чрезвычайной длинѣ ихъ утомительно выкидывать и вы-

бирать. Къ одному концу подольника привязываютъ камень, къ другому — поплавъ. Снасть эта бросается съ лодки вдоль рѣки, по течению; на крючки насаживается красный земляной червь. На подольники хорошо ловится: лещъ, язъ, чирь, изрѣдка сигъ и даже нельма. Лещи попадаются фунтовъ по семи и даже болѣе. Кромѣ этихъ простыхъ подольниковъ, исключительно назначенныхъ для бѣлевой рыбы, зырянскіе рыбаки одновременно кидаютъ еще *щучки* подольники, устроенные иѣсколько иначе. Щучій подольникъ имѣть не болѣе 15 крюковъ, навязанныхъ на толстые, плетеные изъ нитокъ, поводки или на тонкую мѣдную проволоку, скрученную вдвое. Крюки щучьяго подольника крѣпкіе, упругіе и весьма большие, равняющіеся англійскимъ 0. 0.; ихъ обыкновенно дѣлаютъ изъ старыхъ самоловныхъ крюковъ. Для наживки такихъ подольниковъ употребляютъ всякую мелкую рыбёжку, задѣвая ее осторожно крюкомъ за спинку. Лучшими живцами считаются маленькие карасики, которые всегда очень бойко ходятъ на крюкъ и долго не засыпаютъ; да и блестящій, золотистый цвѣтъ карася издалека видитъ щука, всегда съ особеною жадностію на него бросающаяся. Щучій подольникъ бросаютъ тоже вдоль рѣки, тоже ближе къ берегу и на тихихъ плѣсахъ. Особенно хорошо садится на нихъ щука въ заводяхъ, подъ мысами на спокойномъ течениі. Нерѣдко случается, что на такой подольникъ врѣжется хищница, около семи четвертей величиною, фунтовъ 30—35 вѣсомъ, и пойдетъ потѣха! Рыбакъ медленно подводить ее къ своему маленькому членоку, а она бѣется, мечется то въ ту сторону, то въ другую съ такою силою, что тащить нѣкоторое время за собою лодочку, какъ легкій поплавокъ; но, набонецъ, утомляется, тихо подходитъ къ борту, и рыбакъ, приподнимая за поводокъ лѣвою рукою голову щуки, изо всѣхъ силъ вонзаетъ въ нее правою рукою щучій топоръ, состоящій изъ трехъ или четырехъ толстыхъ желѣзныхъ зубцовъ, вколо-

ченныхъ въ увѣистую березовую рукоятку. Острые зубцы, снабженные зазубринками, глубоко входятъ въ тѣло щуки, и какъ бы рыба ни была велика, она не сорвется съ топора и становится добычею Зырянина. Ловля на подольники продолжается до Августа мѣсяца, а потомъ коренные рыбаки, живущіе по Вычегдѣ, исключительно начинаютъ заниматься ловлею на самоловы, которая и продолжается до глубокой осени.—Прежде Зыряне не имѣли понятія объ этой ловлѣ, исключительно назначенной для стерлядей, потому что не было въ рѣкахъ сѣверо-двинского бассейна этой бла-городной рыбы. Въ 1845 году, вслѣдствіе уничтоженія шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала, для стерляди открылся свободный путь изъ Камы въ Вычегду, и она вздумала заглянуть на сѣверъ этими путемъ и чудесно оклиматизировалась въ здѣшнихъ рѣкахъ, сдѣлавшись несравненно вкуснѣе волжской и камской стерляди. Изъ Вычегды стерлядь быстро пошла въ Двину и поднялась въ Югъ и Сухону. Уже въ 1846-мъ году тотемскіе рыболовы выручили отъ стерлядей въ Тотьмѣ и Вологдѣ до 600 руб. сер., продавая отъ 3—7 коп. за фунтъ. На Вычегдѣ у Зырянъ, при появленіи стерлядей, сперва не знали какими счастя-ми ловить эту рыбу, и когда какой-то пришлый солдатъ, рыбакъ съ Волги, показалъ устройство самолововъ и примѣнилъ ихъ къ дѣлу, то стерлядь пошла на нихъ въ та-комъ громадномъ количествѣ, что ее продавали въ Усть-сыольскѣ по 2 коп. серебромъ за фунтъ. Можно себѣ вообразить, что стерлядь въ 20 фунтовъ, это будетъ въ аршинъ мѣрою, можно было купить за 40 коп. сер., тогда какъ на Шекснѣ она стоила до 25 руб. сер. и даже болѣе, а въ Петербургѣ — еще дороже. На такую громадную разность въ цѣнности стерлядей первый обратилъ вниманіе Усть-сыольскій купецъ Н. А. Поповъ и задумалъ заняться торговлею ими, посредствомъ доставки ихъ въ живомъ видѣ

въ Петербургъ. Для этого онъ устроилъ съ двойнымъ дномъ прорѣзную лодку изъ обыкновенного шитика и первую партию стерлядей свезъ въ Петербургъ такъ удачно, что уснуло только нѣсколько штукъ. За первую партию послѣдовала на другой годъ вторая, затѣмъ третья, и такъ каждый годъ, до настоящаго времени, Поповъ продолжаетъ сбывать выгодно стерлядей въ Петербургъ, покупая ихъ у вычегодскихъ рыбаковъ на вѣсъ и продавая на мѣру. Только цѣнность на стерлядей на мѣстахъ закупокъ значительно измѣнилась съ 1847 года: черезъ десять лѣтъ, въ 1857 году, Зыряне продавали ее по 15 — 20 коп. сер. за фунтъ, нынѣ дошла она до 75 коп.

Интересенъ способъ ловли у Зырянъ сырпомъ или плавательною мережею. Этю счастью начинается ловля съ самой ранней весны и продолжается до поздней осени. Сырпъ — сажень тридцать длины и отъ трехъ до четырехъ саженъ ширины; онъ вяжется съ ряжемъ, т. е. съ другою счастью, такъ что вся мережа выходитъ двойною: одна затыловная часть ея частая, а другая, передняя, рѣдкая. Сырпомъ ловить очень крупную рыбу и не иначе, какъ въ двухъ лодкахъ, на которыхъ рыбаки держать концы мережи. Плаваніе совершается почти такъ-же, какъ и поплавками на Печорѣ: сырпъ опускается въ воду, нижняя тетева его, снабженная грузилами, идетъ ко дну, верхняя остается близко къ поверхности воды, потому что лодки, разъѣзжаясь другъ отъ друга на всю длину сырна, натягиваютъ его и затѣмъ ихъ сносить течениемъ внизъ. По движенію мережки въ рукахъ узнается, когда рыба запутается въ сырпѣ и тогда его сейчасъ-же выбираютъ, поднимая за верхнюю и нижнюю тетиву вдругъ, причемъ лодки сталкиваются бортами вмѣстѣ. — Сырпъ послѣ невода почти единственная счастье, въ которую попадается вкусная крупная нельма. Особенно добычливъ бываетъ ловъ этою счастью по веснѣ, въ тихія утреннія

зори, когда потонуть въ туманѣ окрестности и паръ дымится отъ воды. Въ такія утра Зыряне множество налавливаютъ рыбы сырпомъ, наблюдая при этомъ глубокую тишину, какъ необходимое условіе при ловлѣ всякими плавательными мережами.

Кромѣ описанныхъ способовъ рыбной ловли, существуетъ въ Зырянскомъ краѣ еще множество другихъ, но ограничивающихся незначительною добычею, поэтому и незаслуживающихъ подробнаго описанія. По озерамъ ловятъ щукъ, подростковъ и карасей вершами въ засыпи и ботальными мережами; въ осенія темныя и тихія ночи ѳздятъ съ лу-чемъ и бьютъ рыбу острогою; въ Августѣ мѣсяцѣ, когда щука особенно бываетъ прожорлива, удачно плаваютъ съ дорожкою; по истокамъ и ручьямъ ставятъ хвостуши для мелкаго налима и молей; въ свѣтловидныхъ песчаныхъ рѣчкахъ, выбѣгающихъ изъ глубины темныхъ лѣсовъ припечорья и сѣверодвинскаго бассейна, много ловятъ харьюзовъ въ ботальныя мережи и на удочку. Всѣ эти послѣдніе способы рыбной ловли повсемѣстны: они употребляются въ Россіи съ сѣверныхъ точекъ Архангельской губерніи до южныхъ предѣловъ Оренбургской, и потому мы вдаваться въ описание ихъ не станемъ, но скажемъ нѣсколько словъ объ уженыи рыбы въ зырянскомъ краѣ, о такомъ уженыи, которое构成ляетъ не стяженіе промысловаго человѣка, не добычу рыбака по ремеслу, но удовольствіе страстнаго любителя — охотника, а ихъ не мало въ зырянскомъ краѣ, особенно между городскимъ населеніемъ.

Выше мы упоминали о курьяхъ или заливахъ, въ кото-рые во время весеннаго разлива заходитъ рыба изъ рѣкъ для метанія икры. Такихъ заливовъ по низменнымъ берегамъ Вычегды и Сысолы очень много. Теченіе въ рѣкахъ во время весны, когда вода вровень съ окраинами береговъ, бываетъ очень быстро. Подчасъ на широкомъ водномъ про-

странствъ разшумится погода, заиграетъ рѣка бѣлыми баранами, которые бѣются съ глухимъ шумомъ въ береговые обрывы; между тѣмъ какъ въ заливахъ, между холмистыми ихъ берегами, иногда обставленными высокими пихтами и елями, тихо и покойно бываетъ въ это время; поверхность воды невозмутима, она лоснится какъ пролитое масло, отражая въ себѣ опрокинувшіяся деревья и глубокій куполъ неба съ быстро несущимися облаками. Въ такомъ заливѣ привольно для рыбы. Лещи, язи, сиги, головли, чирь, сорога всѣхъ сортовъ, елецъ и даже окунь — заходятъ большими стадами на спокойную воду курьи и тихо въ ней разгуливаютъ. Подойдите осторожно къ такой курьѣ, подкрадьтесь изъ-за кустовъ и наблюдайте: вы увидите, какъ прутья ракитника, залитаго водою, пошевеливаются, перебираются: это трется обѣихъ рыбъ, выбивая изъ себя икру. Вогъ упалъ на поверхность залива сухой листочекъ, вода раздалась въ этомъ мѣстѣ, листочекъ исчезъ: его схватилъ какой нибудь лещъ или язъ, но почувствовавъ несъѣдобное, выбросилъ; листочекъ опять всплылъ на томъ-же мѣстѣ. По временамъ вырѣзываются на поверхности воды круги, кое-гдѣ слышенъ всплескъ, по тихій, сдержанній. Въ заливѣ рыба ведетъ себя скромно и осторожно; она, какъ будто, оберегаетъ мѣсто своего размноженія, не то что на вольной водѣ, гдѣ часто случается видѣть тумные всилески, а подчасъ и скачки рѣзвящейся рыбы.

Первое съ весны, самое веселое и добычливое уженье бываетъ въ зырянскомъ краѣ, именно въ такихъ заливахъ. Обыкновенно для этого выбирается хорошая погода, ясный, теплый и тихій день, какіе часто случаются въ сѣверномъ краѣ въ началѣ и около половины Мая. Мѣсто выбирается на курьѣ уютное и непремѣнно потайное, и притомъ противъ солнца, чтобы рыба не только не видала сидящаго на берегу человѣка, но чтобы даже тѣнь отъ него не ложилась на воду.

Лучше всего сесть за какой нибудь густой кустъ, а если не случится въ удобномъ мѣстѣ природнаго куста, то заранѣе пыткать погуще еловыхъ и пихтовыхъ вѣтокъ такъ, чтобы рыбакъ совсѣмъ за ними скрывался. Удочки для ловли на курѣй должны быть средней длины, легкія, съ крючками № 2-го или 3-го, съ небольшими поплавками, которые-бы ложились на воду безъ шума и всплеска, а свободно и легко. Наживаются крючки въ это время обыкновеннымъ навознымъ червемъ. Рыбакъ, тихо подойдя къ курѣю и усѣвшись на заранѣе приготовленное мѣсто, осторожно закидываетъ удочки къ кусту ракитника, недалеко отъ берега, подъ нависѣль распушившейся вербы, между вѣтвями которой особено любить гулять рыба во время нереста. Поплавокъ пускается мелко, вершковъ на десять отъ крючка. Спокойно лягутъ поплавки; они неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ, теченія въ курѣй нѣтъ, вѣтеръ ихъ не тревожитъ. Рыбакъ зорко наблюдаетъ за ними изъ своей засады. Вотъ поплавокъ пошевелился и тихо, тихо пошелъ въ сторону; пора! подсѣкайте! смѣло, рѣшительно подсѣкайте: это большая рыба, она всегда такъ береть въ курѣй, гдѣ обыкновенного клёва не бываетъ, а бываетъ просто *борг*, т. е. рыба сразу схватываетъ наживку и тихо идетъ съ нею въ сторону. Послѣ подсѣчки, когда уже добыча на крючкѣ, слышно ея величину и ея породу. Если язь или голавль, то движенія порывисты, бойки. Страйтесь тогда направить рыбу на чистое мѣсто, отвести отъ куста, куда обыкновенно она стремится броситься и гдѣ легко можно потерять и добычу и удочку; если — лещъ, то его сопротивленія плавны и какъ то лѣнивы: послѣ двухъ, трехъ всплесковъ онъ ложится на бокъ и идетъ какъ доска. Настоящій охотникъ, опытный рыбакъ, вытаскиваетъ рыбу изъ курѣя такимъ образомъ, что и всплесковъ не бываетъ. Онъ не дозволитъ ей и вырваться на поверхность, и тихо, осторожно подведетъ къ берегу, и чтобы углубить ее, погружаетъ для

этого конецъ удочки въ воду. Такъ дѣйствовать слѣдуетъ для того, чтобы не набулькать въ курьѣ, не надѣлать напраснаго шума: его страшно боится въ это время рыба и уходить изъ залива въ рѣку. Выудивши на одномъ мѣстѣ большую рыбу, слѣдуетъ перейти на другое въ той же курьѣ и удить съ такою же осторожностию; потомъ опять на первое мѣсто, и такъ при хорошемъ уженьи ловъ можетъ продолжаться съ 10 часовъ утра до 4-хъ пополудни. Затѣмъ рыба перестаетъ брать въ курьѣ. Сознаемся, что для нетерпѣливаго охотника такое уженье мало имѣть прелести. Соблюденіе чрезмѣрной осторожности и довольно длинные промежутки между боромъ рыбы могутъ не понравиться, но зато какіе великолѣпнѣйшіе экземпляры попадаютъ на удочку въ это время! Язи и головли въ 6—19 фунтовъ, лещи въ 8—12 фунтовъ не рѣдкость, а случается подхватить и сига, сядеть иногда лохъ или чирь (*Coregonus nasutus Pabb*) фунтовъ 15-ти. Ужъ потѣшить же онъ, взволнуетъ сердце рыбака своими смѣлыми бѣщенными скачками. Сколько усилий, терпѣнія, ловкости требуется для того, чтобы вытащить на средней толщинѣ лесъ такую большую рыбу; а вытащили, сколько наслажденія, сколько торжества... Это можетъ постигнуть душа только истиннаго рыбака. Оборвала рыба удочку, идите съ этой курьи на другую: сколько-бы вы ни сидѣли, не выудите болѣе въ этомъ заливѣ ни одной рыбы въ тотъ день.

Случалось, сидишь тихо надъ удочкою въ своемъ тайникѣ, сидишь и ждешь, притаивъ дыханіе, съ замираніемъ сердца, той секунды, когда рыба поволочетъ наплавокъ. Испугавшись появленія человѣка, она притихла въ заливѣ. Но вотъ начинаютъ показываться круги на поверхности курьи, у противоположнаго берега шевельнулись прутья вербы, вотъ выставилось сперва широкое перо, а за нимъ горбатая спина леща около самой удочки, вотъ сейчасъ схватить... но что-то съ шумомъ шлепнулось въ воду

сь высокой ели, растрепавшей свои сучья надъ курьемъ: это бѣлка спустила еловую шишку. Рѣзвый звѣрекъ съ конца вѣтки весело смотритъ на зеркальную поверхность воды и, увидѣвъ на берегу человѣка, быстро скрывается, а рыба, испуганная нечаяннымъ всплескомъ отъ унавшей шиншики опять запала, пританялась; снова нужно ожидать, пока она успокоится и начнетъ гулять. Только пришло все въ порядокъ, только начинаешь выслѣживать снова загулявшую рыбу, вдругъ въ воздухѣ слышенъ рѣзкій свистъ крыльевъ, и пара кряковыхъ утокъ со всего размаха хлестонулась на заливъ, широко раздалась вода, всполыхнула поверхность курьи. Селезень, ярко блестая весеннимъ своимъ опереніемъ, охорашивается, кружится около самки, а та оципывается, купается, встряхиваетъ своими крыльями, бѣть ими объ воду: ши-ши-ши! озорники, рыбу напугали! Улетѣли утки, и рыба снова затихла и опять нужно дожидаться, пока она успокоится. И такія сцены зачастую случаются при уженьи на курьяхъ. Они досадуютъ рыбака, беспокоятъ, волнуютъ его, сильно разжигая его страсть, и этимъ-то именно придаютъ тѣтъ заманчивый, увлекательный, незамѣнимый интересъ, который имѣть для истиннаго охотника уженье на курьяхъ.

Когда вода пойдетъ быстро на убыль, рыба уже перестаетъ заходить въ заливъ, и уженье на курьяхъ кончается. Въ запертыхъ курьяхъ рыба не клюетъ; чувствуя себя арестованной, она тревожно ходитъ около затона и ни за что не возьметъ на удочку.

Съ начала Июня возстановляется хороший клёвъ рыбы въ рѣкахъ и большихъ озерахъ зырянского края. Уженье производится въ рѣкахъ преимущественно на рака, въ озерахъ — на червя. Какъ рѣчное уженье такъ и озерное совершаются обыкновенными способами и пріемами, много разъ описанными и съ величайшою подробностію объясненными даровитѣйшимъ патріархомъ нашихъ рыболововъ и охотниковъ — Серг. Тим. Аксаковымъ, въ его безсметныхъ «За-

пинкахъ объ уженъи». Хотя зырянскій край лежитъ совер-
шенно на противоположной точкѣ Россіи — относительно Оренбургскаго, въ которомъ удиль Сергѣй Тимоѳѣевичъ, но нравы рыбъ этихъ двухъ, далеко другъ отъ друга отстоя-
щихъ, мѣстностей не отличаются рѣзко выдающимися осо-
бенностями, и потому устройство удочекъ, наживка на нихъ,
время для уженъи совершенно сходны съ указанными Аксак-
овыми. Но чего иѣть въ Оренбургскомъ краѣ, то это —
уженъи *харьюзовъ* (*lumolis rexleifer*, Agass.).

Въ большія рѣки съверо-двинскаго и Печорскаго бас-
сейна вливается безчисленное множество маленькихъ свѣтло-
водныхъ рѣчекъ. Они вытекаютъ изъ глубины громадныхъ
льсовъ, мѣстами перекатываясь по переборамъ, мѣстами
образуя глубокіе омута. Рѣчки эти въ свободныхъ плѣсахъ
имѣютъ теченіе большою частію быстрое; дно ихъ соста-
вляеть хрищеватый песокъ, усѣянный мелкими камешками. По
самымъ краямъ рѣчекъ растетъ густой лѣсъ. Громад-
ныя столѣтнія сосны и ели, подрытыя береговыми отсыпя-
ми, склоняются съ обоихъ береговъ надъ ложемъ рѣчки,
переплетаются своими вершинами и образуютъ надъ нею,
иногда на иѣсколько десятковъ саженъ, непроницаемый зе-
леный сводъ. Въ такихъ то рѣкахъ водится въ несмѣтномъ
количество харьюзъ, чрезвычайно миловидная и вкусная
рыба изъ сиговой породы. Харьюзъ достигаетъ до 3 фун.
вѣсомъ. Добыть его изъ глубокихъ омутовъ, заваленныхъ
отъ окружающаго лѣса хламомъ и колодинами, невозможно
никакими спастями кромѣ удочки. Ловъ харьюза начинается
съ половины Іюня и продолжается до Августа. Удѣть эту
рыбу на мелкія наплавныя удочки, наживляемыя навознымъ
червемъ. Для того, чтобы ловъ былъ добычливъ, рыбаки
поднимаются на легкихъ своихъ лодочкахъ какъ можно вы-
ше по рѣчкѣ, въ лѣсную глушь, на мѣста, рѣдко посѣща-
мые человѣкомъ. Тамъ харьюза больше и онъ крупнѣе.

Черезъ переборы, преграждающіе плаваніе, черезъ лѣсные заломы, запружающіе мѣстами рѣку до того, что едва видно сочащуюся подъ ними воду, легкую лодочку перетаскиваютъ до свободного плѣса или омута и затѣмъ опять поднимаются на веслахъ до слѣдующей преграды. Такъ случается забираться рыбаку верстъ за тридцать и болѣе въ глубину лѣса. Прибывъ на мѣсто, гдѣ предполагается учинить уженье харьюзовъ, рыбаки занимаются устройствомъ ночлега: выдергиваются лодку изъ воды, оборачиваются ею къ верху дномъ, дѣлаютъ шалашъ изъ вѣтвей хвои, разводятъ на берегу огонь и на притыкѣ вѣшаются надъ нимъ свой походный котелокъ, въ которомъ готовятъ себѣ кашницу, а если есть съ собою рыба — то уху. Мѣсто для своей стоянки выбираютъ рыбаки непремѣнно сухое, на лужайкѣ, какія часто встречаются по берегамъ лѣсныхъ потоковъ и рѣчекъ. На другой день, едва солнце освѣтить верхушки лѣса, рыбаки уже при дѣлѣ. Они размѣстились по берегамъ, гдѣ вода, выходя изъ глубокихъ омутовъ, журчитъ по мелкимъ камешкамъ. Харьюзъ плавится, т. е. подымается изъ омутовъ на переборъ и играетъ на мелкой водѣ; тутъ онъ ищетъ себѣ пищи: ловить мошку, овода, комара, червячка или жужжелку, упавшую съ лѣса. Красивая рыбка вся на виду: она какъ серебромъ сверкаетъ свою блестящею чешуею. Рыбакъ бросаетъ свою удочку такъ, чтобы крючекъ съ червякомъ прямо упалъ къ самому харьюзу, который съ жадностю хватаетъ наживку и попадаетъ на удочку. Если харьюзъ плавится далеко отъ берега и удочку нельзя добротить до него, рыбакъ безъ церемоніи забродитъ въ воду, приближается къ харьюзу на такое разстояніе, какое нужно и павѣрняка выуживаетъ рыбу. Харьюзъ рыба смѣлая и жадная. При уженьи ея не соблюдается никакой осторожности, не то что въ курьяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, рыба боится всякаго шороха. Чѣмъ болѣе солнце

обогреваетъ природу, тѣмъ въ большемъ количествѣ появляется харьюзовъ на переборахъ и, наконецъ, они начинаютъ плавиться цѣлыми стадами: тогда успѣвай только закидывать удочку, да таскать рыбу; наконецъ клѣвъ харьюзовъ доходитъ до такой смѣлости, что они хватаютъ насадку положительно на лету и если на удочкѣ два крючка, то рыбакъ начинаетъ таскать безпрестанно по двѣ рыбы вдругъ. Такъ продолжаетъ клевать рыба часовъ до одиннадцати утра. Затѣмъ клѣвъ прекращается, и пора: рука устала, таскавши харьюзовъ, да и выуженную рыбу нужно обдѣлать. Съ собою взяты кадочки и соль: харьюзовъ потрошатъ, чистятъ, пластаютъ и присаливаютъ. Часовъ около пяти снова начинается уженье, но уже не такое добычливое какъ утромъ. Замѣчательно, что харьюзы на одномъ переборѣ бываютъ всеъ одной величины. Если рыбаку показались харьюзы малы, онъ отыскиваетъ другой переборъ съ крупными харьюзами. Въ омутѣ харьюзы не берутъ: свѣтлая вода лѣсныхъ рѣчекъ прозрачна на нѣсколько аршинъ глубины; вы можете видѣть отчетливо разгуливающихъ въ омутѣ харьюзовъ, но сколько бы ни старались ихъ удить, какъ бы не подставляли имъ подъ самый носъ лакомую насадку на вашемъ крючкѣ, ни одинъ харьюзъ до нея не дотронется. Сначала уженье харьюзовъ покажется весьма занимательнымъ, но затѣмъ слишкомъ безцеремонный клѣвъ, однообразіе добычи, ея необычайное обилие дѣйствуютъ утомительно на истиннаго охотника, и рыбаки-аматеры недолюбливаютъ такое уженье. Къ тому же во время самого лучшаго клѣва харьюзовъ, въ концѣ Июня, въ лѣсныхъ трущобахъ зырянскаго края водится великое множество комаровъ, отъ назойливости которыхъ не хватаетъ терпѣнія даже у мѣстныхъ, привычныхъ къnimъ промышленниковъ.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

На Шекснѣ.

	СТРАН.
I. Охота пуще неволи	7.
II. Уженье рыбы на Шекснѣ	57.
III. Шуйга	79
IV. Весна и весенняя охота на Шекснѣ	104.

II.

Въ зырянскомъ краѣ.

I. Переселенцы	123.
II. Бѣлый боръ	144.
III. Черныя утки	175.
IV. Ляйкоджъ.	194.
V. Лёмъ-ю	259.
VI. Щугоръ	304.
VII. Попадья-охотница	357.
VIII. Рыбныя ловли зырянъ	363.

